И. ТИПНЕР

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

1 XIII
A-5922 II

И. ТИПНЕР

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

[illegible]

ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТАЛЛИН 1964

9(Э)
Т 43

Художественное оформление
П. Рээвээра

Tartu Riikl... Ülikooli
Raama...ogu
178299

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из наиболее ярких этапов в общей борьбе народов России за свое социальное и национальное освобождение несомненно является этап борьбы за победу пролетарской революции в России и за создание первого в мире Советского государства.

Октябрьская победа в России и первые успехи Советской власти вызвали неукротимую ненависть иностранных империалистов и контрреволюционных сил внутри России. Объединившись, они вскоре навязали молодой и неокрепшей еще Советской республике длительную и жестокую гражданскую войну.

В монографии освещается участие эстонских трудящихся в самоотверженной борьбе всех народов России за победу Советской власти и в защите ее от многочисленных внешних и внутренних врагов.

К сожалению, этому периоду в истории эстонского пролетариата до сих пор уделялось очень мало внимания. Правда, в начале 1953 года была издана книга «Вооруженная борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть в годы гражданской войны», но эта книга писалась в период культа личности Сталина, что не могло не повлиять на изложение материала. Например, не было возможности назвать имена многих видных организаторов и участников этой борьбы. Умолчания и искажения встречаются и в некоторых других вышедших из печати воспоминаниях отдельных участников революционных событий.

Теперь, когда все ограничения, обусловленные периодом культа личности, отпали, открылась возможность более полно

и достоверно рассказать как о событиях, так и о людях, которые в них участвовали.

С учетом этого обстоятельства и составлена настоящая монография. В ней использовано множество новых материалов, преимущественно из фондов Центрального государственного архива Советской Армии, Института истории партии при ЦК КП Эстонии и других архивов и проверенных источников.

Фотоматериалы получены главным образом из фототеки Института истории партии при ЦК КП Эстонии.

В первой главе описываются события, происходившие в Эстонии (Эстляндии) в период от Февральской буржуазно-демократической революции до победы Октябрьской революции и затем оккупации немцами Прибалтики. Приведены также некоторые общие данные об экономическом и политическом положении в Эстонии до Февральской революции. В этой главе книги данные изложены весьма кратко, учитывая обстоятельство, что этот период уже достаточно полно освещен в ряде других печатных изданий. Поэтому первая глава книги является в известном смысле вводной.

Остальные три главы книги посвящены периоду формирования и боевых действий эстонских частей Красной Армии на фронтах гражданской войны и содержат уже более подробные сведения о боевой жизни этих частей и о ходе операций по разгрому врага на Восточном (Уральском), Северном, Западном, Южном и Юго-Западном фронтах, на которых в 1918—1920 гг. сражались эстонские части Красной Армии.

К книге прилагаются схемы наиболее важных боевых операций, в которых вместе с другими частями Красной Армии участвовала и Эстонская стрелковая дивизия.

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ЭСТОНИИ. ОКТЯБРЬСКАЯ ПОБЕДА. ЭСТОНСКАЯ КРАСНАЯ ГВАРДИЯ И НАЧАЛО ОРГАНИЗАЦИИ ЭСТОНСКИХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

К началу XX столетия Прибалтика стала одним из экономически наиболее развитых районов царской России. В Эстонии*, например, промышленной продукции на одного жителя выпускалось в 2,7 раза больше, чем в среднем в России, а прослойка промышленных рабочих была соответственно в 2 раза больше.

Росту промышленности в Прибалтике способствовали ее расположение на морских торговых путях, соединяющих Россию с более развитым капиталистическим Западом, удобные гавани, относительно густая сеть железных дорог и близость к Петербургу (Петрограду), как крупнейшему промышленному центру и торговому порту России. В 1913 году 21,4 процента из общего ввоза товаров в Россию шло через эстонские гавани.

Наиболее сильные экономические позиции в Эстонии удалось захватить германским, а позднее французским и некоторым другим иноземным капиталистам. Проникновению германского капитала способствовало то обстоятельство, что в Эстляндии и Лифляндии в течение нескольких столетий господствовали немецкие помещики-феодалы, содействовавшие переселению немецких ремесленников и купцов в эстонские и латышские города. Привилегии прибалтийского дворянства из немцев охранялись царским правительством России.

Накануне первой мировой войны иностранные капиталисты были в Эстонии владельцами или влиятельными акционерами многих промышленных предприятий. Им принадлежало до 50 процентов капитала в промышленности Эстонии.

Что касается эстонской национальной буржуазии, то ее возникновение было связано с зарождением и ростом капитализма главным образом в сельском хозяйстве. В крупной про-

* Имеется в виду бывшая Эстляндская губерния и присоединенные к ней 30 марта 1917 г. Выруский, Тартуский, Пярнуский, Вильяндиский и Сааремааский уезды бывшей Лифляндской губернии, населенные эстонцами.

мышленности эстонской буржуазии укрепиться не удалось, в ней прочно обосновались русские и иностранные капиталисты и акционеры. Зато в мелкой промышленности, торговле и в различных кооперативных обществах, таких, как общества взаимного кредита, общества землевладельцев, машинные и молочные товарищества и др., эстонская буржуазия стала главенствующей.

Крупная промышленность развивалась в Эстонии быстрыми темпами. Центрами ее стали города Таллин (Ревель) и Нарва. В 1913 году на промышленных предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек было занято 75 процентов рабочих. Основную массу рабочих составляли текстильщики (40 проц.) и металлисты (26 проц.). В Таллине были крупные металлообрабатывающие, вагоно- и машиностроительные заводы («Двигатель», «Вольта», «Фр. Крулль»), текстильные и деревообделочные предприятия (Балтийская мануфактура, фабрика Лютера) и т. д. Судостроительные заводы (например, Русско-Балтийский, Беккера, Ноблесснера) строились преимущественно в 1912—1913 годах и в спешном порядке вводились в эксплуатацию уже накануне мировой войны. В Нарве была сосредоточена текстильная промышленность. Кренгольмская мануфактура, на которой в 1913 году было занято свыше 10 000 рабочих, относилась к числу крупнейших текстильных предприятий в Европе. Значительное количество рабочих было на Нарвской суконной фабрике, на Иоальской фабрике и на некоторых других.

Промышленные предприятия имелись также в ряде других городов и районов. Наиболее крупными среди них были целлюлозная фабрика Вальдгофа в Пярну (Пернов), которая была взорвана в 1915 году в связи с появлением в Пярнуском заливе немецких военных кораблей и с угрозой высадки десанта, Кярдлаская суконная фабрика на острове Хийумаа (Даго), цементные заводы в Порт-Кунда и Азери, льнопрядильная фабрика в Вильянди (Феллин), телефонный завод и кожевенная фабрика в Тарту (Юрьев). На каждом из этих предприятий было занято по несколько сот рабочих.

По мере роста и концентрации промышленности рос и объединялся рабочий класс Эстонии, развивалось его политическое самосознание.

Необходимо отметить, что в Прибалтике, где большинство земель принадлежало немецким помещикам и где быстро росли кулацкие хозяйства, значительные массы сельского населения были лишены земли и вынуждены были идти батрачить или же уходить в города. Поэтому рабочие кадры пополнялись не крестьянами, как это происходило в центральных губерниях царской России, а преимущественно сельскими пролетариями — батраками из помещичьих и кулацких хозяйств.

В Таллине в 1915 году насчитывалось более 30 тысяч промышленных рабочих и количество их продолжало неуклонно расти в связи с увеличением военных заказов на оборонных предприятиях, к числу которых относилось большинство таллинских заводов. На Русско-Балтийском судостроительном заводе, например, в 1914 году было занято около 5 тысяч рабочих, а к 1917 году их стало более 8 тысяч. По несколько тысяч рабочих было на заводах Беккера, на предприятиях порта и морской крепости. В Нарве в годы первой империалистической войны насчитывалось около 15 тысяч рабочих, основную массу которых составляли текстильщики.

Рабочее движение, принимавшее в ряде мест формы стачечной борьбы, в Эстонии возникло в 80-е годы XIX столетия. А с распространением учения Маркса-Энгельса, с появлением первых марксистских организаций в России и особенно после завершения В. И. Лениным идейного разгрома народничества рабочее движение в Эстонии также приняло более острые, революционные формы.

Борьба эстонского рабочего класса и полупролетарских слоев деревни против царизма и эксплуататорских классов всегда была связана с общей борьбой пролетариата России и русских марксистов во главе с Лениным.

Возникновение первых социал-демократических кружков в Эстонии относится к началу XX столетия. В Таллине их появление было тесно связано с пребыванием здесь в 1901—1904 годах одного из ближайших соратников Ленина — М. И. Калинина, который много и неустанно работал над политическим воспитанием рабочих, над созданием революционных социал-демократических групп и организаций. Уже в 1904 году образовался первый Таллинский (Ревельский) комитет РСДРП. Социал-демократические группы были созданы также среди рабочих Нарвы и среди революционно настроенных студентов в Тарту (Юрьеве).

Благодаря постоянной связи и общению с русскими большевиками в дальнейшем в Эстонии выросла крепкая когорта выдающихся деятелей рабочего движения, таких, как Яан Анвельт, Виктор Кингисепп, Ханс Пегельман, Яан Сихвер, Николай Янсон, Отто Рястас, Рудольф Вакман, Йоханнес Кясперт, Хейнрих Суудер и многие другие, посвятившие свою жизнь борьбе за пролетарскую революцию, за социализм.

Еще во время первой русской революции 1905—1907 годов эстонский пролетариат проявил твердую революционную волю, упорство и высокую классовую сознательность. В январе 1905 года в Таллине под руководством городского комитета РСДРП произошла двухдневная стачка двенадцати тысяч рабочих в знак протеста против кровавого злодеяния, совершенного царизмом 9 января в Петербурге. В октябре 1905 года Эстония

была охвачена всеобщей стачкой. 16 октября таллинские рабочие под руководством большевиков предъявили царским властям требование об освобождении политических заключенных и удалении войск с улиц города. На требование рабочих власти ответили ружейными залпами. Было убито 90 и ранено около 200 человек.

В годы первой русской революции революционный подъем отмечался и в эстонской деревне. Он был вызван жгучей ненавистью крестьян к своим извечным и заклятым врагам — прибалтийским баронам-помещикам. К концу 1905 года крестьянским движением в той или иной мере были охвачены все уезды Эстляндской губернии и населенные эстонцами уезды Лифляндской губернии. Во многих местах запылали подожженные крестьянами поместья. Было сожжено и частично разрушено около 160 поместий. В ряде мест, особенно в Харьюском, Пярнуском, Ляэнеском и Ярваском уездах, где к крестьянам присоединялись и рабочие, революционные массы сметали ставленников царской власти и власть переходила в руки восставших.

Ленин назвал Прибалтийский край в числе тех, «где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен» [1].

Революция 1905—1907 годов послужила всему российскому пролетариату первым уроком борьбы за победу своего дела. Как указывал В. И. Ленин, это была «генеральная репетиция», без которой в столь короткий исторический срок невозможна была бы вторая русская революция и пролетарская революция в октябре 1917 года.

Последовавшие после поражения первой русской революции годы реакции принесли рабочему классу и партии много тяжелых испытаний. В стране свирепствовал террор и полицейский произвол. Так было и в Эстонии, где также отмечался временный спад революционного движения.

Начавшийся в 1910 году в России промышленный подъем и усиление притока иностранного капитала привели к дальнейшему росту и концентрации рабочего класса. В новой экономической и политической обстановке вскоре значительно усилилась революционная активность народных масс. Она выражалась в многочисленных массовых стачках и политических демонстрациях рабочих, в борьбе крестьян против помещиков и кулаков. Все более отчетливо проявлялся процесс объединения сил пролетариата и беднейшего крестьянства.

В этом сплочении всех революционных сил неоценимую роль сыграла большевистская печать, особенно общероссийская газета «Правда». В ней вождь большевистской партии В. И. Ле-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 10, стр. 99—100.

нин и его ближайшие соратники разъясняли большевистским организациям и рабочим их конкретные цели и задачи, подготавливая рабочий класс и беднейшее крестьянство к новой революции. На страницах «Правды» регулярно освещалось и рабочее движение в Прибалтике.

Я. Анвельт

В Эстонии большевики проводили большую агитационно-пропагандистскую работу через газету «Кийр» («Луч»), которая в 1912—1914 годах издавалась в Нарве на средства рабочих. В организации газеты «Кийр» и в ее работе принимали активное участие виднейшие эстонские большевики Я. Анвельт (фактический редактор), В. Кингисепп, В. Бук, Х. Суудер, М. Кясперт, Х. Пегельман и О. Рястас.

К 1914 году рабочее движение в России вновь получило широкий размах. Стачки и демонстрации рабочих все чаще принимали политический характер. В Петербурге, Баку и Лодзи появились баррикады.

Высокий революционный подъем отмечался и в Эстонии. Массовые забастовки начались здесь в 1912 году. Во многих случаях они также носили политический характер. 16 октября

1912 года в Таллине политической стачкой была отмечена седьмая годовщина расстрела царскими властями рабочей демонстрации. В октябре же началась всеобщая забастовка типографских рабочих, которая продолжалась в Таллине 43 дня, в Тарту — 78 дней. В 1913—1914 годах в Таллине, Нарве и Тарту были мощные первомайские демонстрации и стачки. За первые семь месяцев 1914 года в Эстляндской губернии произошло 79 забастовок и стачек, в которых участвовало 27 726 человек, т. е. на 3500 человек больше, чем в революционном 1906 году [2].

Росту классового самосознания, революционизированию пролетариата в Эстонии, как и повсеместно в царской России, способствовало его бесправное положение, жестокая эксплуатация рабочих капиталистами. Продолжительность рабочего дня на заводах и фабриках доходила до 11—13 часов. Рабочие подвергались штрафам, обсчетам, издевательствам. За малейшее проявление протеста их выбрасывали на улицу, а политически наиболее активных жестоко преследовала царская полиция. Особое усердие в преследовании рабочих проявляли мастера и управляющие из иностранцев, преимущественно немцев, которые имели постоянную связь с полицией.

Тяжелым было положение и в деревне, где, несмотря на быстрое развитие капиталистических отношений, в большой мере сохранились пережитки феодализма. Эстонское крестьянство, состоявшее в основном из мелких арендаторов, бедняков и батраков, веками угнетали немецкие бароны-помещики. К 1905 году помещикам в Эстонии принадлежало 2,5 миллиона гектаров, или более 60 процентов земли (в Лифляндии — 55 процентов, в Эстляндии — 74 процента) и более 90 процентов лесов. Кулацкие и зажиточные хозяйства составляли немногим более 15 процентов из общего числа хозяйств, но владели они $^3/_4$ всей земли, находившейся в пользовании крестьян. В немецких поместьях и в кулацких хозяйствах было занято значительное количество батраков, которые вместе с деревенской беднотой (бобылями) составляли примерно 70 процентов сельского населения. По сравнению с положением в других 50 губерниях европейской части России, где помещикам по данным 1905 года принадлежало только 25,8 процента земельных фондов, земельная монополия помещиков в Прибалтике была значительно сильнее. Эта монополия и рост кулацких хозяйств привели к тому, что в Эстонии не менее $^2/_3$ сельского населения находилось под сильнейшим социально-экономическим гнетом и испытывало земельный голод: это был сельскохозяйственный пролетариат и полупролетарские слои крестьян. На них ложились двойным бременем как сохранившиеся феодально-крепо-

[2] История Эстонской ССР, Таллин, 1958, стр. 350—353.

стнические пережитки, так и тяготы, которые несло с собой развитие капиталистических отношений в деревне. Немногим изменилось это положение и ко времени Февральской революции. Помещикам принадлежало тогда 2,4 миллиона гектаров, или 58 процентов обрабатываемой земли.

Двойным был в Эстонии и национальный гнет: эстонские трудящиеся подвергались насильственной русификации, проводимой царскими властями, и произволу со стороны прибалтийско-немецкого дворянства, унижавшего национальное достоинство коренного населения.

В годы революционного подъема эти факторы в большой степени способствовали укреплению союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, их сплочению в общей борьбе против царизма, помещиков и капиталистов.

Развязанная в 1914 году империалистическая война, в которую была вовлечена и царская Россия, принесла новые страдания рабочему классу, всем трудящимся. Миллионы крестьян и рабочих, а с ними и многие тысячи революционных борцов были мобилизованы и отправлены на фронт. Это обстоятельство и начавшиеся еще до войны массовые аресты большевиков неминуемо привели к временному спаду революционной борьбы, к ослаблению большевистских организаций. Но спад продолжался недолго.

Империалистическая война с ее глубокими противоречиями рассматривалась большевиками как начало общего кризиса капитализма, как канун нового и более мощного подъема революции.

Война была проверкой для всех партий II Интернационала. Одурманенные угаром войны и проповедью империалистической буржуазии об «обороне отечества», социалистические партии Запада и мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров в России встали на поддержку своих правительств. Только одна партия II Интернационала — партия большевиков во главе с В. И. Лениным — с первых же дней войны призывала к борьбе против нее, к организации народных масс для свержения царизма — прямого виновника народных бедствий. Проповеди классового сотрудничества и «гражданского мира», проводимой меньшевиками и другими социал-шовинистами, большевики противопоставили лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, в революцию против господствующих классов. Лозунг этот имел интернациональное значение. Он означал, что партии рабочего класса всех воюющих стран должны добиваться поражения своих правительств в империалистической войне. Партия большевиков неустанно разъясняла массам, что только превращение империалистической войны в войну гражданскую может дать народам демократический мир.

Первые успехи царской армии на фронте вскоре сменились серьезными поражениями. Немцы заняли Польшу, часть Белоруссии и Прибалтики. В глубь России двинулись миллионы разоренных и голодных беженцев, которые с горечью рассказывали о перенесенных ими ужасах войны. В солдатских массах, уставших от бессмысленной бойни, все более отчетливо проявлялись антивоенные настроения. Резкое сокращение производства сельскохозяйственных продуктов, застой в мирных отраслях промышленности, расстройство транспорта вызывали дороговизну жизни, спекуляцию. Все это приводило к росту недовольства царизмом и правящими классами как в тылу, так и на фронте. Империалистическая война, названная В. И. Лениным всесильным «режиссером» революции, явилась началом общего кризиса капитализма и создала революционную ситуацию не только в России, но и во многих других капиталистических странах.

В новых условиях партия большевиков уделяла огромное внимание армии и флоту, где находились массы вооруженных крестьян и рабочих, среди них и десятки тысяч участников революционной борьбы. В армейских частях и на кораблях создавались партийные ячейки, распространялись листовки, призывающие к свержению царского правительства.

Особенно широким был масштаб деятельности большевиков в армиях Северного фронта и в Балтийском флоте, наиболее близко расположенных к Петрограду. Учитывалось и то важное обстоятельство, что Балтийский флот был укомплектован главным образом квалифицированными и революционно наиболее сознательными рабочими. Петербургский комитет большевиков поддерживал постоянную связь с партийной организацией Балтийского флота. Тесную связь с партийными группами кораблей и береговых частей Таллинской военно-морской базы имели и таллинские большевики.

Прибалтика и Балтийский флот сыграли в дальнейшем роль надежного форпоста революционного Петрограда.

Февральская революция в Эстонии

В 1916 году и в начале 1917 года в Эстонии, особенно в городах Таллине и Нарве, отмечалось резкое усиление рабочего движения. В Таллине неоднократно бастовали рабочие судостроительных заводов Беккера, Нобле сснера, вагоностроительного завода «Двигатель», заводов «Вольта», «Фр. Крулль», фабрики Лютера и других. Большим упорством отличались забастовки рабочих Кренгольмской мануфактуры в Нарве. Забастовки эти, обусловленные возрастающими тяготами военного времени, принимали явно политический характер. Рабо-

чие требовали прекращения опустошительной империалистической войны. В первой половине 1916 года в Эстляндской губернии в забастовках участвовало свыше 24 тысяч человек.

На забастовки рабочих царские власти отвечали репрессиями. Арестовывались члены большевистской партии. В феврале 1917 года царское правительство перебросило в Таллин новые, более надежные воинские части. В военном порту и в морской крепости была усилена охрана, чтобы лишить войска возможности общения с рабочими. Солдат и матросов предупредили, что в случае малейших попыток сопротивления государственным, военным и полицейским властям виновные будут преданы военно-полевому суду.

27 февраля 1917 года петроградский пролетариат и революционные солдаты по призыву большевиков в едином порыве смели царское самодержавие. В столице победила вторая русская буржуазно-демократическая революция. Весть о ее победе быстро распространилась в других городах и районах России, а также на фронте.

Сведения о свержении царя и победе революции в Петрограде проникли в Таллин 28 февраля. Стало известно, что поезда из Петрограда задерживались в пути и обыскивались жандармерией. Это известие и приказ царских властей и военного командования не выпускать солдат из казарм и матросов с кораблей усилили напряженность. На ряде предприятий рабочие прекратили работу. 2 марта остановились все фабрики и заводы, повсюду возникали митинги, начались демонстрации. Несмотря на запрет офицеров, матросы принимали решения выступить вместе с рабочими. На Рыночной площади состоялся массовый митинг. Оттуда часть рабочих направилась в порт, где стояли военные корабли «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Олег», «Андрей Первозванный» и др. Рабочие открыли в порту митинг. Попытки офицеров удержать команды на кораблях не удались, и через несколько часов почти все матросы были на берегу. При этом несколько реакционных и наиболее ненавистных матросам офицеров было убито. Вооруженные столкновения произошли 2 марта и в некоторых сухопутных воинских частях. Наиболее серьезным из них было столкновение в 4-м крепостном артиллерийском полку, где солдаты убили нескольких реакционных офицеров.

2 марта были освобождены политические заключенные, разгромлены канцелярии губернатора, полицейских участков, окружного и военного судов. Все документы этих ненавистных народу царских учреждений были выброшены на улицу и сожжены. Подожжены были и губернские тюрьмы, а начальник тюрьмы № 2, один из приставов и один охранник,

оказавшие сопротивление, были убиты. Власть в городе захватил революционный народ.

Вечером 2 марта в Таллине, в здании рабочего общества трезвости «Валвая», состоялось первое легальное собрание таллинских большевиков совместно с беспартийными рабочими активистами. На собрании обсуждались вопросы о немедленном проведении выборов в Советы на заводах, фабриках и в воинских частях гарнизона, об издании рабочего печатного органа и некоторые другие вопросы, связанные с создавшейся обстановкой. Было также одобрено воззвание к населению и войскам о необходимости соблюдения в городе строгого революционного порядка и о подготовке действенных мер для борьбы с реакцией, для дальнейшего развития революции в интересах пролетариата и всех трудящихся. «Товарищи, не забывайте: враг еще не сломлен, борьба еще впереди»[3], — говорилось в воззвании.

Утром 3 марта на предприятиях города, на кораблях и в воинских частях были проведены выборы, а вечером того же дня состоялось первое заседание Таллинского Совета рабочих и воинских * депутатов. Совет установил 8-часовой рабочий день и обратился к населению с призывом поддержать новую власть и создать повсюду Советы.

С большим воодушевлением и решительностью действовали в февральские дни нарвские рабочие. В ночь на 2 марта нарвские большевики во главе с Я. Анвельтом заняли типографию. В ту же ночь там были отпечатаны первый номер «Известий Временного комитета нарвских революционных рабочих» на эстонском и русском языках и листовки, призывавшие рабочих, солдат, всех трудящихся к активным действиям против царских властей, к борьбе за дело пролетариата. Рабочие и присоединившиеся к ним солдаты местного гарнизона арестовали полицмейстера, пристава и жандармов. Находившиеся в городе полицейские скрылись. 2 марта в Нарве с царской властью было покончено, а 3 марта, после митинга и демонстрации рабочих и солдат, начались выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов. Преобладающим оказалось влияние большевиков. Председателем Исполнительного комитета Нарвского Совета был избран Я. Анвельт.

В Тарту сведения о победе революции в Петрограде поступили 1 марта, но реакционные чиновники тартуского телеграфа задержали их до 3 марта. Днем 3 марта, когда из Петрограда прибыли газеты и воззвания, под руководством тартуских большевиков был проведен общегородской митинг, на

[3] ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, ед. хр. 321, л. 2.

* Таллинский (Ревельский) Совет, в отличие от Советов в других городах Эстонии, назывался Советом рабочих и воинских депутатов, так как гарнизон города состоял из солдат и матросов.

котором с речью выступил только что освобожденный из городской тюрьмы активный деятель тартуской большевистской организации К. Римша. Вечером 3 марта в зале театра «Ванемуйне» состоялось многолюдное собрание с участием представителей солдат расквартированных в городе воинских частей. Они заверили собрание в полной поддержке революции. На следующий день был создан Революционный комитет, по распоряжению которого была разоружена и распущена царская полиция, а несколько наиболее реакционных ставленников царской власти было арестовано. 5 марта в Тарту был создан Совет рабочих, солдатских и студенческих депутатов [4].

В течение нескольких дней с царской властью было покончено во всех других городах и районах Эстонии.

Но плодами победы воспользовались не те, кто ее завоевал. В Эстонии тоже образовалось двоевластие: власть Советов, в которых везде за исключением Нарвы преобладали эсеры и меньшевики, и власть комиссаров Временного правительства.

В Таллине во время Февральской революции и в первые месяцы после нее большое влияние имели эсеры. Сильнее всего это сказывалось среди моряков береговых частей флота, солдат сухопутных частей гарнизона, а также в некоторой степени среди рабочих-кораблестроителей военного порта. Меньшевики не играли тогда еще сколько-нибудь влиятельной роли. Большевистская же организация в Таллине к моменту Февральской революции была ослаблена и насчитывала всего несколько десятков членов. Общеэстонского партийного центра не существовало. Часть членов Таллинского комитета партии была арестована накануне Февральской революции.

Но после февраля, когда открылись возможности легальной работы и когда из тюрем, ссылки и эмиграции начали возвращаться старые партийные работники, эстонская большевистская организация стала быстро расти. В ее ряды вступают сотни передовых рабочих. В Таллине к середине марта 1917 года было 300, а к середине апреля — уже около 1300 членов партии. 19 марта был избран новый Таллинский комитет партии в составе 15 человек. В нем было три секции: эстонская, русская и латышская. Активными членами комитета были Я. Анвельт, Дора Хазан, М. Петеркоп, И. Егоров, С. Арро, И. Чадарайн и другие.

Начиная с 1914 года и до середины марта 1917 года нарвскими большевиками руководил Я. Анвельт. В дни февральской революции и позднее в Нарве действовали также активные партийные работники В. Анни, А. Вилькес, А. Рандмер, Х. Вильбах, А. Тийман, А. Мезилане, А. Дауман, Л. Ваарман.

[4] История Эстонской ССР. Таллин, 1958, стр. 360—361; И. Саат. Большевики Эстонии в период Октябрьской революции. Эстгосиздат, 1956, стр. 26—28.

Нарвская партийная организация, которая в меньшей степени подверглась полицейским репрессиям, была ко времени Февральской революции в числе самых монолитных отрядов эстонских большевиков. Этим, а также слабостью буржуазных партий, объяснялось то, что в Нарве двоевластия почти не чувствовалось. Влияние большевиков было там преобладающим в течение всего периода от февраля до октябрьских дней. В Нарвский Совет были избраны преимущественно большевики или их сторонники.

В Эстонии большевистская организация существовала до Февральской революции, кроме Таллина и Нарвы, еще в Тарту, где с конца 1916 года действовал подпольный комитет под руководством К. Римши, К. Еремеева, В. Рекашюса, А. Блаufельдта, А. Сизаска и некоторых других. Накануне Февральской революции, когда Римша был арестован, а Еремеев и Рекашюс скрывались от преследований царской полиции, тартуская организация была ослаблена. Но уже в первые дни Февральской революции, когда Римшу освободили из тюрьмы и открылись возможности для легальной работы, тартуская партийная организация вновь возглавила революционные выступления рабочих и студентов.

В других городах Эстонии большевистских партийных организаций ко времени Февральской революции не было. Значительные по численности партийные организации после февраля образовались на цементных заводах Порт-Кунда и Азери в Вируском уезде, на Синдиской текстильной фабрике в Пярнуском уезде, а также в городах Раквере (Везенберг), Пярну, Выру (Верро) и некоторых других.

Ко времени I Северо-Балтийской (Эстляндской) конференции РСДРП(б), которая происходила в Таллине 16—17 апреля 1917 года, в партийных организациях Эстонии было более 2000 членов партии.

В укреплении партийных организаций и в большевизации трудящихся масс в Эстонии огромную роль сыграла большевистская газета «Кийр», которая после почти трехлетнего перерыва стала с 18 марта 1917 года вновь издаваться в Таллине (в 1912—1914 годах выходила в Нарве). Газета «Кийр» пользовалась огромной популярностью не только среди рабочих, но и среди пролетарских и полупролетарских слоев эстонской деревни. Редактором ее в 1917 году был Я. Анвельт.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года, покончившая с царизмом в России, всколыхнула и привела в движение миллионные массы трудящихся внутри страны и усилила антивоенное движение рабочих в других странах, особенно в воюющих государствах. Но она не разрешила ни одного из коренных вопросов в интересах трудящихся. Буржуазное Временное правительство было на стороне

капиталистов и помещиков, оберегало их интересы от покушений со стороны рабочих и крестьян. Все еще шла империалистическая война. Буржуазия надеялась, что путем продолжения войны ей удастся ликвидировать двоевластие и стать хозяином положения.

В стране усиливалась хозяйственная разруха, нарастал голод. Фронт разваливался. Фабрики и заводы останавливались.

На этом этапе развития революции, когда Советы, в которых соглашатели составляли большинство, поддались влиянию буржуазии и распространяли ее влияние и на пролетариат, Владимир Ильич Ленин считал крайне важным и необходимым систематически и терпеливо разъяснять массам ошибочность тактики Советов, вырвать их из-под влияния буржуазии и соглашателей.

«Своеобразие текущего момента в России, — писал Ленин, — состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства... Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики...»[5]

Исходя из конкретных условий того периода, Ленин считал, что переход от первого этапа революции ко второму ее этапу возможен мирным путем.

Огромное значение для развития революции в России имели знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина, опубликованные 7 апреля, а также приезд Ленина в Петроград 2 апреля 1917 года. Апрельские тезисы определили курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

На основе ленинских тезисов и решений VII (Апрельской) Всероссийской конференции эстонские большевики развернули энергичную агитационную работу. На страницах газет «Кийр» и «Утро Правды» (русская рабочая газета, начала издаваться с 17 мая 1917 года в Таллине) выступали Я. Анвельт (редактор газеты «Кийр»), И. Рабчинский (редактор газеты «Утро Правды»), Я. Сихвер, Р. Вакман, В. Кингисепп (прибывший в Таллин в начале июня 1917 года), Х. Пегельман, Н. Янсон (вернулись из эмиграции в июне 1917 года) и другие руководящие партийные работники. Они разоблачали сидев-

[5] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 24, стр. 4—5.

ших в Советах соглашателей — эсеров и меньшевиков, раскрывали антинародные махинации и ухищрения буржуазных националистов, добивались привлечения широких масс трудящихся, солдат, матросов на сторону большевиков, завоевания большинства в Советах. Эта работа дала ощутимые результаты. Когда в конце мая и в начале июня 1917 года в Таллине проводились перевыборы в Совет рабочих и воинских депутатов, рабочие заводов и фабрик направляли в Совет большевиков или их сторонников.

Возрастающее влияние большевиков особенно наглядно подтвердила проведенная в Таллине 18 июня 1917 года демонстрация трудящихся, солдат и матросов, большая часть которых шла за большевиками. Народные демонстрации и собрания под большевистскими лозунгами происходили и в других городах, а также в деревне. Это было крупной победой [6].

Особенно упорную борьбу эстонским большевикам приходилось вести против различных маневров буржуазии и буржуазных националистов. Сразу же после февральского переворота эстонские буржуазные националисты начали кампанию за предоставление Эстонии «культурно-национальной автономии». Этим они преследовали цель затормозить дальнейшее развитие революции, отвлечь трудящихся от борьбы за свои классовые интересы. Этот маневр эстонской буржуазии нашел отклик у Временного правительства, которое 30 марта 1917 года утвердило «Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». По этому закону верховная власть в Эстонии оставалась в руках комиссара Временного правительства, при котором в качестве совещательного органа был создан губернский Земский совет. Эстонской буржуазии удалось при помощи двухстепенных и явно антидемократических выборов создать земские советы и в уездах, где они прямо противопоставлялись Советам рабочих и солдатских депутатов.

С целью удержать власть эстонская буржуазия приступила к созданию своей вооруженной силы — эстонских национальных полков. Распоряжением высшего командования армии и с санкции Временного правительства находившиеся в частях старой армии эстонцы с апреля 1917 года стали направляться в Таллин, где был сформирован 1-й эстонский полк. Вслед за этим началось формирование ряда других эстонских национальных полков в разных городах Эстонии.

Эта буржуазная затея представляла опасность для дальнейшего развития революции главным образом потому, что полки на фронт не направлялись, а оставались на месте и

---

[6] Газ. «Kiir» № 69, 19 июня 1917; газ. «Утро Правды» № 10, 20 июня 1917.

агенты буржуазии открыто проводили в них националистическую пропаганду. Во главе полков, батальонов и рот были поставлены наиболее реакционные офицеры.

Эстонские большевики были против создания буржуазией национальных полков. Недопустимость их формирования подтвердила и I Северо-Балтийская конференция эстонских организаций РСДРП(б), в решениях которой сказано, что создание в данных условиях национальных полков явилось бы основой для провокационных выступлений и разжигания национальной вражды в армии. Против национальных полков протестовали также солдаты частей таллинского гарнизона и рабочие таллинских предприятий [7].

29 апреля 1917 года Таллинский Совет под влиянием настойчивых требований депутатов-большевиков принял следующее решение:

«Имея в виду, 1) что разъединение армии на национальные части неизбежно вызовет, отчасти уже и вызвало рознь среди солдат разных национальностей, т. к. комплектование эстонских батальонов в тылу правильно принимается за привилегию эстонским солдатам, 2) что формирование эстонских батальонов следует рассматривать как контрреволюционную попытку буржуазии, во главе которой стоит Временное правительство, внести в революционную армию раскол, Таллинский Совет рабочих и воинских депутатов считает необходимым немедленное расформирование эстонского полка...»

Еще более решительный протест против формирования национальных частей был по настоянию большевиков высказан Таллинским Советом 1 и 4 мая 1917 года. В своих решениях Таллинский Совет постановил даже произвести расследование дела об организации эстонских полков и арестовать виновных [8].

Кроме того, Исполнительный комитет Таллинского Совета направил запрос Исполнительному комитету Петроградского Совета и просил принять меры для роспуска эстонского полка и прекращения дальнейшего формирования эстонских национальных частей. Однако исполком Петроградского Совета, в котором эсеры и меньшевики составляли большинство, 6 мая 1917 года сообщил телеграммой, что организация национальных полков является «общегосударственным» мероприятием, и поэтому Таллинскому Совету незачем в это дело вмешиваться [9].

После такого ответа эсеры и меньшевики добились в Таллинском Совете отмены ранее принятых ими же решений о

---

[7] Газ. «Правда» № 39, 23 апреля 1917; «Kiir» № 21, 22, 28 — 1917.

[8] ЦГАОР ЭССР, ф. 1637, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 49—50, 54—55; «Известия Петроградского Совета Р. и С. Д.» № 57, 4 мая 1917.

[9] Журнал «Красная Летопись» № 5—6 (56—57), Ленинград, 1933, стр. 119.

роспуске эстонского полка. Тем самым соглашатели, окопавшиеся в Петроградском и в Таллинском Советах, оказали большую услугу эстонской буржуазии в создании ею своей вооруженной опоры.

Однако таллинские большевики добились того, что 1-й эстонский полк, офицеры которого выделялись особой реакционностью, в начале июня 1917 года был выведен из Таллина и размещен в Раквере и его окрестностях. Осенью 1917 года этот полк был направлен против немецких войск, оккупировавших Моонзундские острова, но сопротивления немцам почти не оказал, часть людей сдалась в плен. Остатки полка были отведены на материк и размещены в Хаапсалу (Гапсаль).

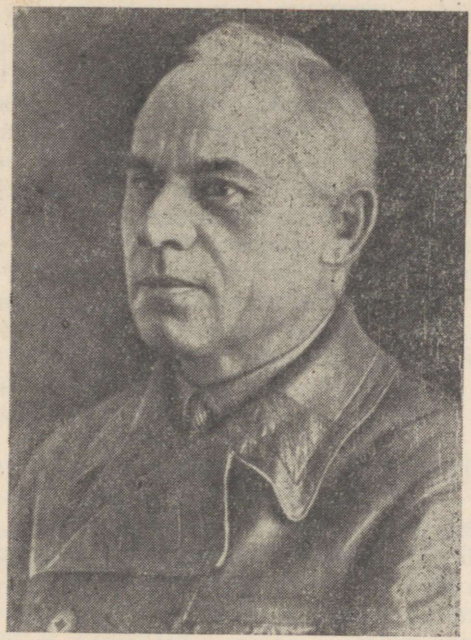
Эстонские большевики уделяли много внимания агитационной работе в частях армии и флота. С этой целью 23 июня 1917 года при Таллинском комитете, а затем и при партийных комитетах в других городах были созданы военные секции. Военная секция при Таллинском комитете партии поддерживала тесную связь с партийными организациями Балтийского флота в Таллине, Кронштадте и Хельсинки (Гельсингфорсе) и с партийной организацией 12-й армии. С ней сотрудничал и Тартуский комитет РСДРП(б).

Июльские события в Петрограде, ознаменовавшие конец двоевластия и переход империалистической буржуазии в открытый поход против революции, сказались и в Эстонии. 13 июля реакционной буржуазией были закрыты большевистские газеты «Кийр» и «Утро Правды», разгромлены их конторы, арестован редактор газеты «Кийр» Я. Анвельт. Наступление реакции таллинские рабочие встретили дружными забастовками протеста. Они добились освобождения Анвельта и издания с 15 июля газеты «Тёэлине» («Рабочий») вместо закрытой газеты «Кийр», а газету «Утро Правды» с 1 августа заменила газета «Звезда».

Этап мирного развития революции окончился июльскими событиями. После предательства эсеров и меньшевиков и перехода всей власти в руки контрреволюции перед партией большевиков и рабочим классом встал вопрос о взятии власти вооруженным путем. Обстановка в стране резко изменилась, должны были измениться и тактика, и лозунги партии. Лозунг «Вся власть Советам!» по предложению В. И. Ленина был временно снят, так как Советы, руководимые эсерами и меньшевиками, перешедшими в лагерь контрреволюционной буржуазии, не могли быть органами народной власти.

С 26 июля по 3 августа 1917 года в Петрограде состоялся VI съезд РСДРП(б), который нацелил партию на вооруженное восстание против Временного правительства, на захват власти силой оружия. В работе съезда принимали участие и делегаты большевиков Эстонии — И. Рабчинский, Р. Вакман и О. Пальги.

После июльских дней большевизация масс значительно усилилась во всей России. Влияние же эсеров и меньшевиков быстро ослабевало. Так было и в Эстонии, особенно в Таллине и Нарве.



И. Рабчинский

Проведенные в конце июля 1917 года перевыборы Советов рабочих и солдатских депутатов закончились во многих местах победой большевиков. Выдвинутые ими депутаты были избраны в Таллине на целлюлозной фабрике, на фабрике Лютера, на заводах Крулля, Виганда и в порту. Характерно, что в таллинском военном порту, где влияние эсеров ранее было значительным и где они на предыдущих выборах получили половину мест, теперь все 8 выдвинутых депутатов были большевиками.

Во время выборов Таллинской городской думы в августе 1917 года большевики получили треть всех голосов в центре и около 50 процентов голосов в рабочих районах города. Председателем городской думы был избран Я. Анвельт. Большевистская фракция стала в ней самой многочисленной.

В Нарве большевики при выборах в городскую думу получили 17 мест, эсеры только 4, а за меньшевиков было подано так мало голосов, что они не получили ни одного места [10].

Большую работу эстонские большевики проводили среди пролетарских и полупролетарских масс в деревне. Для тружеников села с 1 июля 1917 года стала издаваться газета «Маатамээс» («Безземельный»). Дважды — в мае и августе 1917 года — собирались представители батраков и деревенской бедноты. На обоих этих совещаниях делегаты безземельных и малоземельных крестьян высказывались в поддержку большевиков и требовали в своих решениях прекращения империалистической войны и конфискации помещичьих земель.

Все это свидетельствовало о переходе широких масс эстонских трудящихся на сторону большевиков.

Ряды эстонских большевиков быстро пополнялись. Особенно интенсивно росла Таллинская партийная организация. В апреле 1917 года она насчитывала 1300, в мае — 1600, в июне 2123, в августе — 3182 члена. В апреле 1917 года нарвская большевистская организация состояла из 400, в мае — 560, в августе — более чем из 700 членов партии. Нарвскими большевиками с июля по сентябрь 1917 года руководил В. Кингисепп.

В августе 1917 года в Тарту было около 140, в Пярну — 134, в Раквере — 177 членов партии. Новые партийные организации возникали не только в городах, но и в деревне. Если на I Северо-Балтийской партийной конференции в апреле 1917 года было представлено всего 8 партийных организаций, то на II партийной конференции в августе их было уже 23.

Значительную помощь своим эстонским товарищам оказывали большевики-эстонцы из Петрограда. В июне 1917 года в эстонской партийной организации в Петрограде было 250, а в августе уже 423 члена. Они посылали делегатов на конференции большевиков Эстонии, делились с ними опытом революционной борьбы [11].

Таким образом, большевистские организации Эстонии шли к социалистической революции выросшими и окрепшими. В их рядах преобладали рабочие, особенно в городах Таллине и Нарве, имевших большое значение для революции. В Таллине из 3182 членов партии (в середине августа 1917 года) 2926 были рабочие, 209 — военнослужащие, 47 — служащие [12].

---

[10] «Tööline» № 23, 10 авг., № 28, 16 авг. 1917; газ. «Пролетарий» № 5, 31 авг. 1917.

[11] «Kiir» № 3 и 4, 23 и 24 марта, № 19, 17 апреля, № 21, 20 апреля, № 43, 17 мая, № 82, 5 июня 1917; «Tööline» № 25, 12 августа, № 40, 30 августа, № 43, 2 сентября, № 44, 4 сентября, № 61, 23 сентября 1917; газ. «Правда» № 39, 23 апреля 1917.

[12] «Tööline» № 40, 30 августа 1917.

Создание первых эстонских отрядов Красной гвардии

Временное правительство в Петрограде не могло восстановить старую полицию, но попыталось тотчас же создать новую полицейскую силу. Оно учредило «народную» милицию с выборными должностями, подчиненную старой городской думе.

Этому маневру буржуазии большевистская партия противопоставила лозунг пролетарской милиции, лозунг всеобщего вооружения пролетариата.

«. . . Единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*», — писал В. И. Ленин в своем первом письме по поводу Февральской революции [13].

В Петрограде с первых же дней революции начался бурный процесс самовооружения пролетариата. Население города, преимущественно рабочие, разобрали из арсенала более 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов.

Несмотря на сопротивление со стороны исполкома эсеро-меньшевистского Петроградского Совета, большевики начали создавать и вооружать пролетарскую милицию. На заводах и фабриках создавалась Красная гвардия. К этому периоду относится организация Красной гвардии в Москве и в ряде других промышленных центров России.

В Эстонии к созданию милиции приступили в первые же дни после февральского переворота. В Таллине уже 2 марта на первом легальном собрании организации РСДРП(б) было принято решение немедленно организовать добровольные рабочие бригады для охраны общественного порядка в городе. В тот же день вечером был образован комитет народной милиции и для несения милицейской службы созданы бригады из рабочих, солдат и матросов.

3 марта Таллинский Совет рабочих и воинских депутатов на своем первом (организационном) заседании подтвердил это решение, но сделал оговорку, что право посылать своих людей в милицию, кроме рабочих, отдельных частей армии и флота, имеют также «различные общества». Эта оговорка по существу означала уступку буржуазии. Уже 4 марта на совместном совещании представителей городского Совета и депутатов городской думы был избран новый комитет по организации милиции, в состав которого вошли и представители городской управы, т. е. ставленники буржуазии [14].

Такое положение, несмотря на протесты большевиков и рабочих, привело к тому, что созданная во второй половине марта 1917 года постоянная городская милиция, начальником

---

[13] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 23, стр. 299.

[14] «Klassivõitlus» № 81, 1927; ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, ед. хр. 321, л. 2; «Красная Летопись» № 5—6 (56—57), 1933, стр. 107—108; «Tallinna Teataja» №№ 51, 52, 3 и 6 марта 1917.

которой вскоре был избран меньшевик и явный сторонник буржуазии Хеллат, фактически находилась в ведении двух хозяев: буржуазной городской управы и городского Совета рабочих и воинских депутатов [15].

К концу апреля 1917 года таллинские большевики добились реорганизации городской милиции и усиления контроля над ней со стороны Совета, но тем не менее буржуазия по-прежнему продолжала вмешиваться в ее деятельность, направляя в ряды милиции нежелательных лиц.

Вследствие этого городская милиция оказалась ненадежной и по инициативе таллинских большевиков и самих рабочих на многих предприятиях начала создаваться фабрично-заводская милиция. Она состояла из рабочих, была тесно связана с комитетами рабочих старост, следила за порядком на своих предприятиях, а во время забастовок не допускала вмешательства штрейкбрехеров.

Таким образом, в Таллине существовало два вида милиции — городская «народная» милиция, которая находилась в распоряжении соглашательского Совета и под значительным влиянием буржуазии, и фабрично-заводская милиция, на которую опирались большевики. В первых числах сентября 1917 года в таллинской городской милиции насчитывалось около 200, а в фабрично-заводской милиции — 275 человек [16]. Накануне Октябрьской революции и особенно после нее фабрично-заводская милиция почти полностью перешла в Красную гвардию.

В Нарве в февральские дни милиция была организована при активном участии большевиков. Она состояла преимущественно из рабочих и во весь период от февраля до Октябрьской революции находилась в распоряжении Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором также преобладало влияние большевиков.

В Тарту в первые дни после Февральской революции охрану порядка несла студенческая милиция из добровольцев. Она активно участвовала в разоружении полиции и жандармерии и передала часть изъятого оружия на вооружение членов большевистской организации. Но студенческая милиция не могла быть постоянной. В середине марта она была заменена милицией из городских обывателей. В комиссию по ее организации попали исключительно представители буржуазии. Начальником милиции был избран провизор Лухт, начальниками

---

[15] ЦГАОР ЭССР, ф. 1687, оп. 1, ед. хр. 4, л. 39, ед. хр. 3, л. 5; ф. Р-4, оп. 1, ед. хр. 206, лл. 52, 55; «Известия Ревельского Совета Р. и В. Д.» № 1, 10 марта 1917.

[16] ЦГАОР ЭССР, ф. 1687, оп. 1, ед. хр. 3, лл. 22—23; ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, ед. хр. 345, л. 27; «Maatamees» № 16, 24 авг. 1917; «Tööline» №№ 28, 45, 51, 16 авг., 5 и 12 сентября 1917.

милицейских участков — торговец Раудсепп, адвокат Острат и другие буржуазные деятели. В ней нашлось место и для некоторых бывших чинов полиции [17].

В других городах Эстонии милиция с самого начала была детищем буржуазии и до октябрьских дней находилась в распоряжении буржуазных городских управ. Это объяснялось отсутствием или слабостью большевистских организаций в большинстве городов Эстонии, незначительностью пролетарской прослойки и ее недостаточной классовой сознательностью.

Инициаторами вооружения рабочих для защиты революции были таллинские большевики, 26 марта и 10 апреля 1917 года они на своих общегородских собраниях признали необходимым вооружить в первую очередь членов большевистской партии, которые образовали бы ядро будущей Красной гвардии [18].

Правоту таллинских большевиков подтвердила I Северо-Балтийская конференция большевиков Эстонии. В решении конференции сказано: «В противовес контрреволюционным и провокационным попыткам конференция считает безусловно необходимым создать Красную гвардию и призывает все комитеты партийных организаций предпринимать шаги для вооружения членов партии» [19].

На основе этих решений еще в апреле 1917 года на таллинских предприятиях началась организация боевых групп из рабочих — членов большевистской партии. Такие же мероприятия проводились нарвскими и тартускими большевиками.

Необходимость создания Красной гвардии признал 22 апреля и Таллинский Совет рабочих и воинских депутатов. Это произошло под влиянием настойчивых требований депутатов-большевиков. Но когда в печати появилось сообщение, что соглашательский Петроградский Совет занял отрицательную позицию в вопросе организации Красной гвардии, Таллинский Совет отменил свое первоначальное решение [20].

Но эстонские большевики не отказались от выполнения поставленной перед собой задачи. Создание боевых групп из рабочих и вооружение членов партии продолжалось. Во время первомайской демонстрации 1917 года таллинские большевики располагали вооруженной группой, включающей около 50 человек.

---

[17] «Postimees» №№ 53, 57, 61, 6, 7 и 15 марта 1917; Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik), 1957, стр. 39, 42—43.

[18] «Известия Ревельского Совета Р. и В. Д.» № 15, 29 марта 1917; «Kiir» № 15, 12 апр. 1917.

[19] «Kiir» № 22, 21 апр. 1917.

[20] ЦГАОР ЭССР, ф. 1687, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 44, 47—48; «Известия Ревельского Совета Р. и В. Д.» № 41, 3 мая 1917.

Однако, несмотря на усилия большевиков, организация Красной гвардии на первых порах шла медленно. Положение изменилось лишь после июльских событий и особенно в дни корниловского мятежа, когда по призыву большевиков в Таллине и Нарве в Красную гвардию записались сотни рабочих. В Таллине была создана комиссия по организации Красной гвар-

Г. Соммер (Тедеров)

дии, которой руководили тт. Г. Соммер (Тедеров), О. Рястас, Р. Вакман и некоторые другие. Принятым в Красную гвардию выдавались членские билеты. В Нарве организацией Красной гвардии занимался городской комитет РСДРП(б) совместно с исполкомом городского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Тарту к этому времени были вооружены все члены большевистской партии.

При помощи этих первых красногвардейских отрядов и верных революции воинских частей эстонским большевикам удалось ликвидировать попытки Корнилова и других контрреволюционных генералов направить через Нарву против революционного Петрограда специально отобранные казачьи части. В Нарве скопилось несколько эшелонов 14-й Уссурийской казачьей дивизии и некоторые другие части, готовые выступить на Петроград. Усилиями нарвских большевиков были задержаны 1-й Нерчинский полк, Амурский полк, 10-й и 15-й Дон-

ские казачьи полки, отдельный Уссурийский казачий дивизион, команда штаба Уссурийской дивизии [22].

28 августа рабочие Кренгольмской мануфактуры на своем митинге потребовали от исполнительного комитета Нарвского Совета создания более сильных отрядов Красной гвардии и вооружения их за счет находившихся на военных складах излишков оружия, с тем чтобы в случае необходимости можно было выступить против Корнилова [23].

1 сентября Исполнительный комитет Таллинского Совета постановил: для вооружения Красной гвардии добиться от командования гарнизона получения 1500 боевых винтовок, 100 учебных винтовок, одного пулемета и патронов к ним [24]. Но эти требования не были удовлетворены. Начальники гарнизонов в городах под разными предлогами отказывались выдавать рабочим оружие.

Нехватка оружия и отсутствие подготовленных в военном отношении инструкторских кадров были основными препятствиями, затрудняющими рост рядов эстонских красногвардейцев.

На таллинских предприятиях в августе 1917 года числилось около 300 членов Красной гвардии, но они были в сущности безоружны, так как располагали только несколькими винтовками для целей обучения и охраны Дома рабочих. Некоторые красногвардейцы были вооружены револьверами, которые добывались случайными путями. Обучение Красной гвардии носило тоже случайный характер, им занимались главным образом приглашенные для этой цели инструктора из военнослужащих гарнизона.

Вследствие сопротивления буржуазии и недостаточной настойчивости Советов рабочих и солдатских депутатов, недостатка оружия и трудностей в деле военного обучения организация Красной гвардии в Эстонии до Октябрьской революции не имела массового характера.

Подготовка к социалистической революции в Эстонии

Разгром корниловского мятежа, открытой и прямой попытки контрреволюции раздавить революцию, коренным образом изменил обстановку во всей стране. Массы ясно увидели не только контрреволюционную сущность Временного правительства, но и нежелание соглашательских Советов взять власть в свои руки. При таком положении не могло быть и речи о прекращении империалистической войны, о заключении мира,

[22] «Известия Нарвского Совета Р. и С. Д.» № 29, 15 сент. 1917.
[23] Газ. «Rahvaleht» № 6, 2 сент. 1917.
[24] ЦГАОР ЭССР, ф. 1687, оп. 1, дело № 3, л. 63.

о передаче земли крестьянам и ликвидации национального гнета. Только Советы, руководимые большевиками, могли решить эти и другие вопросы в интересах трудящихся.

Это убеждение масс проявилось и на деле. Трудящиеся отзывали из Советов эсеро-меньшевистских депутатов, заменяя их большевистскими. Беспартийные депутаты переходили на сторону большевиков.

31 августа 1917 года Петроградский Совет впервые после своего образования принял большевистскую резолюцию о переходе власти к Советам. Такие же большевистские резолюции были в начале сентября приняты Советами в Москве (5 сентября) и во многих других городах России. Лозунг «Вся власть Советам!», временно снятый после июльских событий, вновь стал боевым лозунгом большевиков. Теперь этот лозунг означал призыв к вооруженному восстанию против контрреволюционного Временного правительства, к установлению диктатуры пролетариата.

В Таллине вопрос о центральной власти обсуждался 4 сентября 1917 года на совместном заседании Исполнительного комитета Советов Эстонского края* и исполнительного комитета Таллинского городского Совета, в котором участвовали представители рабочих, солдат и матросов. Большинством голосов (при 12 воздержавшихся) была одобрена резолюция, принятая 31 августа Петроградским Советом. В резолюции Петроградского Совета было внесено лишь одно дополнение: требование о выборности командного состава армии и флота [25].

В Тарту большевизация Совета произошла в конце сентября 1917 года. 26 сентября в исполком Тартуского Совета рабочих, солдатских и батрацких депутатов было избрано 23 большевика, 10 эсеров и 2 меньшевика, а 5 октября исполком Совета принял резолюцию о переходе всей власти в руки Советов [26].

В Нарвском Совете влияние большевиков было преобладающим с первых же дней Февральской революции. Несмотря на то, что в ряде других городов Эстонии Советы до Октябрьской революции находились под эсеро-меньшевистским влиянием, массы уже не верили пустым обещаниям соглашателей и переходили на сторону большевиков.

Высокий революционный подъем отмечался и в армиях Западного и Северного фронтов, а также в Балтийском флоте. На территории Эстонии осенью 1917 года были расположены мно-

---

* Исполком Советов Р. и С. Д. Эстонского края был избран 27 июня 1917 г., и соглашатели были в нем тогда еще в большинстве (большевиков 7, эсеров и меньшевиков — 12).

[25] «Tööline» № 47, 7 сент. 1917; «Известия Ревельского Совета Р. и В. Д.», 7 сент. 1917.

[26] «Proletaarne revolutsioon Eestis» № 6, 1928; № 8, 1929, стр. 28.

гие части XII армии (штаб армии с конца августа 1917 г. находился в Валга). Почти во всех частях армии и флота в дни корниловщины и после разгрома этого опасного для революции мятежа принимались большевистские резолюции. Активное участие в защите революции в те дни и позднее приняли входившие в состав XII армии латышские стрелковые полки, которые шли за большевиками. Исполнительный комитет Объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрел) решительно выступал против исполкома Совета солдатских депутатов XII армии (Искосол XII), который до самой Октябрьской революции был под влиянием эсеров и меньшевиков.

В XII армии к тому времени уже существовали и сильные большевистские организации. В июне 1917 года партийная организация XII армии насчитывала более 1500 членов и продолжала быстро расти [27].

Такой же резкий перелом в пользу большевиков произошел после разгрома Корнилова среди матросов Балтийского флота, в том числе на кораблях и в частях Таллинской базы флота, где влияние эсеров в первые месяцы после Февральской революции было значительным.

Ускорению этого перелома оказали немалое содействие и эстонские большевики. В воинские части систематически посылались агитаторы, которые разъясняли солдатам и матросам, что только власть Советов может покончить с империалистической войной, обеспечить мир, дать подлинную свободу всем трудящимся.

Так, например, состоявшееся 11 сентября 1917 года общее собрание солдат 1-го и 2-го пехотных полков таллинской крепости вынесло решение, в котором потребовало немедленного вооружения организованных рабочих, передачи земли крестьянам, скорейшего заключения мира [28].

13 сентября в Нарве на многолюдном митинге рабочих и солдат была единогласно принята резолюция о переходе всей власти в стране к Советам [29].

15 сентября состоялись массовые митинги матросов военных кораблей Таллинской военно-морской базы. На этих митингах, организованных большевиками, были приняты резолюции, требовавшие перехода власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, суда над всеми контрреволюционными генералами, ареста руководителей контрреволюции, роспуска Государственной думы и Государственного совета, закрытия контрреволюционных газет, освобождения всех арестованных Временным правительством революционеров и передачи земли

[27] «Красная Летопись» № 5 (38), 1930, стр. 115—116.
[28] Газ. «Звезда» № 17, 26 сент. 1917.
[29] «Известия Нарвского Совета Р. и С. Д.» № 30, 23 сент. 1917.

крестьянским земельным комитетам до созыва Учредительного собрания. Такие же резолюции были приняты на собраниях солдат сухопутных частей таллинского гарнизона [30].

19 сентября 1917 года Революционный комитет Балтийского флота (Центробалт) принял совместно с 80-ю судовыми комитетами постановление, в котором заявил, что «флот больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает». Такие же решения были приняты на Таллинской и Кронштадтской базах флота и на кораблях первой линии на позициях. Балтийский флот становился важнейшей боевой силой революции [31].

27 сентября в Таллине состоялось объединенное собрание Исполкома Советов Эстонского края, Таллинского Совета, Центрального бюро профсоюзов, фабрично-заводских, армейских и флотских комитетов, на котором присутствовало около 700 человек. Собрание было созвано после переговоров между руководителями большевистских организаций Эстонии, Финляндии и Балтийского флота для обсуждения вопроса о конкретных совместных действиях. Единогласно была принята предложенная большевиками резолюция с требованием немедленного разгона предпарламента и передачи всей власти в стране Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Собрание заявило о полной готовности поддержать переход власти в руки Советов и в Таллине всеми силами, которыми располагал гарнизон Таллинской морской крепости. 28 сентября на совместном заседании Исполкома Советов Эстонского края и Таллинского Совета были избраны делегаты для поездки в Петроград, Москву, Кронштадт, Псков, Хельсинки, Тарту и Валга с тем, чтобы сообщить о резолюции объединенного собрания демократических организаций и обсудить дальнейшие совместные действия [32].

О значении этих решений газета «Звезда» писала: «Весь Северный фронт с Балтийским флотом, включая Финляндию, составляет революционное кольцо около Петрограда... Это кольцо не только защищает Петроград от корниловщины, но если понадобится, может выделить подмогу Петрограду, имея в своих руках боевые и транспортные средства...» [33]

Революционный подъем продолжался и в октябре. Повсеместно принимались решения о немедленном и полном переходе власти в руки Советов.

Исключительно мощная демонстрация войск совместно с рабочими состоялась 15 октября в Тарту, гарнизон которого в 10

---

[30] «Tööline» № 59, 21 сент. 1917.

[31] А. Сивков. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. Воениздат, 1946, стр. 181—182.

[32] ЦГАОР ЭССР, ф. 1687, оп. 1, ед. хр. 3, лл. 73—74.

[33] «Звезда» № 18, 29 сент. 1917.

время был вторым по численности в Эстонии. Газета «Тёэлине» писала: «...Это была великолепная демонстрация, в которой приняли участие более 8 тысяч солдат Латышского полка, Эстонского запасного батальона и русских полков... К 12 часам дня демонстранты начали собираться у пожарного депо. Вскоре площадь представляла собой редчайшее зрелище — серьезные, одетые в серые шинели крестьяне и рабочие и развевающиеся над их головами красные знамена с лозунгами: «Вся власть Советам!», «Требуем немедленного демократического мира!», «Мир хижинам, война дворцам!»... Выступавшие ораторы — представители большевистской партии тт. Сихвер, Суудер и др., а также некоторые военнослужащие показали, к какому положению привели страну социалисты-революционеры и меньшевики своей политикой соглашательства с капиталистами. Они доказывали, что есть только один выход: вся государственная власть в центре и на местах должна перейти к Советам рабочих и солдатских депутатов. После выступлений военнослужащие в стройных рядах прошли по улицам. Их сопровождали большие массы народа, звучала мелодия песни «Смело, товарищи, в ногу...» Буржуазия, боязливо наблюдавшая за демонстрацией, увидела, что и эстонские полки ускользают из-под ее влияния. Эстонские воины начинают также понимать, что победа русской революции является и их победой и что ее можно добиться при условии, если все солдаты, невзирая на национальные различия, объединят свои революционные усилия...»[34]

Все эти события подтверждали переход большинства расположенных в Эстонии войск и особенно флота на сторону большевиков и революционных Советов.

Большое значение в подготовке вооруженного восстания имел состоявшийся 11—13 октября 1917 года в Петрограде съезд Советов Северной области. На этом съезде были и делегаты Эстонии. Делегат Таллина И. Рабчинский сообщил съезду о боевом настроении рабочих, солдат и матросов и поддержал решение о немедленном взятии власти Советами. Делегаты съезда ознакомились с письмом В. И. Ленина, в котором вождь большевистской партии давал прямые указания не медлить с восстанием. Ленин назвал в числе решающих центров восстания и Ревель (Таллин). Прибалтика должна была обеспечить защиту тыла революционного Петрограда от сил контрреволюции и от непосредственной угрозы со стороны германского империализма.

12—14 октября 1917 года состоялся II съезд Советов Эстонского края (I съезд состоялся 23—27 июля 1917 г.), который проходил под большевистскими лозунгами, провозглашавшими

[34] «Tööline» № 80, 17 окт. 1917.

немедленное взятие власти Советами, предложение демократического мира народам воюющих стран, проведение революционных преобразований в интересах трудящихся. На съезде с докладом о политическом моменте выступил В. Кингисепп. Съезд принял предложенную большевиками резолюцию. В ней был намечен развернутый план действий, план создания повсюду революционных Советов.

После съезда Советов Северной области и II съезда Советов Эстонского края подготовка к вооруженному захвату власти в Таллине, Нарве, Тарту и в других городах Эстонии стала самой неотложной боевой задачей эстонских большевиков.

Победа Октябрьской революции в Эстонии

В начале октября 1917 года контрреволюционное правительство Керенского снова собрало корниловские войска под Петроградом. Усилилась опасность сговора Керенского и Корнилова, могущих сдать Петроград немцам.

Эту смертельную для революции опасность ясно предвидел гениальный стратег пролетарской революции Владимир Ильич Ленин.

В своем «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», Ленин писал:

«Дело не в голосованиях, не в привлечении «левых эсеров», не в добавлении провинциальных Советов, не в съезде их. Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее.

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть. Промедление смерти подобно» [35].

25 октября (7 ноября) 1917 года вооруженное восстание, которым непосредственно руководили В. И. Ленин и его ближайшие соратники, свергло контрреволюционное Временное правительство. Власть в стране перешла в руки II съезда Советов, который собрался вечером 25 октября.

26 октября съезд Советов принял важнейшие декреты: декрет о мире и декрет о земле — и образовал первое в мире Советское правительство во главе с В. И. Ульяновым-Лениным.

---

[35] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 26, стр. 159.

Успешное и быстрое завершение вооруженного восстания в Петрограде имело решающее влияние на дальнейшие события и на благоприятный исход борьбы за социалистическую революцию повсеместно в России. Петроград был главным центром и штабом революции, откуда в этот решающий для судеб народов России момент исходили четкие указания всем организациям большевистской партии.

В Эстонии события развивались следующим образом. 22 октября 1917 года, согласно указаниям, полученным И. Рабчинским от члена Военно-революционного центра по руководству восстанием в Петрограде Я. М. Свердлова, в Таллине состоялось объединенное заседание Таллинского Совета и исполкома Советов Эстонского края. На этом заседании был избран Военно-революционный комитет, в который вошли И. Рабчинский (председатель), В. Кингисепп (заместитель председателя), Я. Анвельт, И. Кясперт, Эльза Лелль, Э. Штраух, В. Миланов, П. Девишин, К. Круштейн, М. Фрунтов, представители Центробалта и местного флотского комитета. По плану, разработанному Военно-революционным комитетом и одобренному Таллинским комитетом РСДРП(б), вечером 23 октября силами красногвардейцев, революционных матросов и солдат были заняты все наиболее важные объекты и учреждения города: телеграф, телефонная станция, вокзалы, станции службы связи морской крепости и другие. Никаких вооруженных столкновений при этом не было. На корабли Таллинской военно-морской базы, в пехотные и артиллерийские части гарнизона, к командующему сухопутными войсками гарнизона, к коменданту гарнизона и в штаб морской крепости были назначены комиссары, которые поддерживали постоянную связь с Таллинским комитетом партии и исполкомом Таллинского Совета. 24 октября Военно-революционный комитет разослал своих членов и уполномоченных для установления контроля на важнейшие железнодорожные узлы Эстонии[36].

Были приняты и другие меры для предотвращения возможных враждебных действий. Особое беспокойство в этом отношении вызывали только что прибывшие в Таллин 13-й и 15-й Донские казачьи полки и бронечасти, предназначенные Керенским и Корниловым для выступления против революционного Петрограда. Но эти враждебно настроенные части могли выступить и в самом Таллине, тем более, что таллинские большевики не знали об их намерениях. Чтобы парализовать возможные действия этих частей, попытки двинуться по железной дороге к Петрограду, на казармы казачьих полков были наведены тяжелые орудия 4-го крепостного артиллерийского полка. В боевую готовность были приведены военные корабли

[36] ЦГАОР ЭССР, ф. 1088, ед. хр. 1, лл. 1—2.

на таллинском рейде и некоторые другие надежные морские и сухопутные части в городе [37].

Вызванный Военно-революционным комитетом руководящий командный состав Таллинского гарнизона — начальник сухопутных войск Генрихсон, комендант крепости Изместьев,

И. Кясперт

начальник обороны Приморского фронта Жерве, командир военного порта, инспектор артиллерии и крепостной интендант — выразили свою готовность не только подчиняться, но и служить новой революционной власти [38].

26 октября Военно-революционный комитет Эстонии постановил считать распущенными все созданные Временным правительством органы государственной власти и отстранил от должности всех комиссаров и уполномоченных Временного правительства. В тот же день, т. е. 26 октября (8 ноября) Военно-революционный комитет выпустил обращение к рабочим,

[37] «Красная Летопись» № 5—6 (56—57), 1933, стр. 131; «Tööline» № 86, 25 окт. (7 ноября) 1917.

[38] Газ. «Известия» № 209, 28 окт. (9 ноября) 1917.

солдатам, матросам, ко всему населению, которое извещало о совершившейся социалистической революции и о переходе власти в Эстонии в руки Советов[39].

К новой революционной власти присоединились солдаты большинства расположенных в Таллине воинских частей, в том числе и 3-го эстонского полка*. На состоявшемся 27 октября митинге солдат эстонского полка была принята следующая резолюция: «Мы, солдаты Таллинского эстонского полка, выражаем свою радость по поводу того, что во главе народа стали революционные Советы рабочих, солдат и крестьян. Мы поддерживаем новое революционное народное правительство и будем помогать в осуществлении требований народа»[40].

В Тарту большевики провели большую разъяснительную работу в воинских частях, которые представляли там решающую силу. Особое внимание было уделено расположенным в городе Латышскому запасному полку и Эстонскому запасному батальону, общей численностью свыше 8 тысяч солдат и офицеров (из них в Латышском полку 5 тысяч и в Эстонском запасном батальоне свыше 3 тысяч человек). Еще в середине октября 1917 года основная масса солдат этих частей заявила о своей готовности всеми мерами поддержать Советы. Это была большая победа. Но среди офицерского состава Эстонского запасного батальона было немало людей, замышлявших активные действия против революции, которые впоследствии и были предприняты. Однако в решающие дни тартуским большевикам удалось повести за собой большинство солдат и тем самым не только предотвратить враждебные действия в городе, но и ликвидировать попытки Керенского и контрреволюционного командования Северного фронта направить через Тарту войска против революционного Петрограда.

В Тарту Военно-революционный комитет был создан в ночь на 25 октября. В него входили В. Лигер-Свирский (председатель), К. Римша, Х. Суудер, А. Винк, Д. Блау, К. Кантовский, Э. Оттер, А. Йеа, Брунениек, Руде и др. 25 октября были заняты все важнейшие учреждения и в них был установлен контроль уполномоченных Военно-революционного комитета. Беспрекословно подчинялись распоряжениям Ревкома и командиры воинских частей. На митинге солдат Эстонского запасного батальона была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы, солдаты Эстонского запасного батальона, видим единственный выход в немедленном переходе власти

---

[39] «Tööline» № 88, 27 октября (9 ноября) 1917.

* 3-й эстонский национальный полк был сформирован в Таллине осенью 1917 г. после перемещения 1-го эстонского полка в Раквере.

[40] «Tööline» № 89, 28 окт. (10 ноября) 1917.

к Советам рабочих и солдатских депутатов. Мы будем выполнять только приказы Советов и выступим на защиту Советов»[41].

В Нарве власть Советов была установлена 26 октября В Нарве и Нарва-Йыэсуу (Гунгенбург) части местного гарнизона — 285-й пехотный запасный полк и 17-й Черниговский гусарский полк — полностью перешли на сторону Советской власти.

Больших усилий стоило эстонским большевикам предотвращение попыток контрреволюционного командования Северного фронта послать через города Валга и Тарту из Эстонии и с фронта против Петрограда войска, которых непрерывно и настойчиво требовали Керенский и Краснов. Например, когда командиры расквартированных в Таллине двух казачьих полков (13-й и 15-й Донские полки) начали добиваться подвижного состава для отправки их под Петроград, Военно-революционный комитет заявил им, что даже если они добьются получения вагонов и паровозов, то при выезде из Таллина будут разгромлены артиллерией кораблей Балтийского флота. Это предупреждение подействовало отрезвляюще, и повторных попыток отправления этих полков не последовало. Так как казачьи части из Таллина не выступили, Керенский и Краснов направили сюда специальную «делегацию» в составе нескольких офицеров и казаков охраны. Но «делегация» была арестована революционными властями тотчас же после прибытия. До казачьих полков ей добраться не удалось.

29 октября генерал Духонин отправил Керенскому телеграмму, в которой было сказано, что не следует надеяться на получение подкреплений из Эстонии. Телеграмма гласила: «...В Ревеле хотя выступлений не было, но 13 и 15 Донские полки не могли быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава. Полки же эти по неизвестным мне причинам не проявили решимости добиться выхода хотя бы до ближайших станций для погрузки вне района Ревеля»[42].

Успеху тартуских большевиков в октябрьские дни способствовала тесная связь с Военно-революционным комитетом XII армии. 26 октября Военно-революционный комитет XII армии выпустил воззвание, в котором говорилось, что ни один солдат XII армии не должен быть направлен на позорное «усмирение». Расквартированному в Тарту Латышскому запас-

---

[41] «Известия Юрьевского Совета Р. и С. Д.» № 14, 1 ноября 1917; «Красная летопись» № 5—6 (56—57), 1933, стр. 134—135; «Tööline» № 88, 27 окт. 1917; «Klassivõitlus» № 67—68, 1925.

[42] «Красный Архив», т. 24, 1927, стр. 83—84.

ному полку был отдан приказ перейти в распоряжение Тартуского военно-революционного комитета и занять железнодорожную станцию, чтобы предупредить возможность передвижения войск в сторону Петрограда [43].

Попытку оказать помощь Керенскому и Краснову предприняли и контрреволюционно настроенные офицеры 49-го армейского корпуса, части которого были расположены в Раквере и его окрестностях. Они намеревались отправить некоторые части корпуса к Петрограду и с этой целью захватили станцию Раквере. Но в результате предпринятых большевиками шагов и проведенной среди солдат разъяснительной работы враждебные действия реакционных офицеров были парализованы и революционный порядок восстановлен. Раквереской большевистской организации оказал активное содействие один из младших офицеров 49-го корпуса, большевик Г. Андреев.

Организация Советов в Эстонии была закончена к концу декабря 1917 года. На заводах и фабриках был установлен рабочий контроль. В отобранных у помещиков имениях создавались батрацкие комитеты. Вместо прежних судов во всех уездах на выборных началах были созданы народные суды, а в Таллине, кроме них, был учрежден революционный трибунал для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Судопроизводство велось на родном языке.

Массовая организация Красной гвардии

Как указывалось выше, создание Красной гвардии в Эстонии до Октябрьской революции не получило широкого размаха. Быстрый рост ее рядов начался после победы Октября, в условиях диктатуры пролетариата.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин писал, что только Советы и новый государственный аппарат могут создать такую вооруженную силу, которая тесно связана с народом и может сломить сопротивление помещиков и капиталистов.

В середине ноября 1917 года в Таллине был избран Центральный комитет Красной гвардии, в который вошли Г. Соммер (председатель), О. Рястас, Ф. Вайкюлль, К. Майер, К. Росберг и другие. 28 ноября на общем собрании красногвардейцев был принят выработанный комитетом Устав Красной гвардии, в первом пункте которого было сказано, что Красная гвардия рабочих является вооруженной организацией пролетариата для борьбы с контрреволюцией и для защиты революции. Устав

[43] История гражданской войны в СССР. Госполитиздат, 1947, стр. 442.

требовал от каждого красногвардейца соблюдения строгой дисциплины, регулярного участия в учебе по овладению оружием и применения его только с разрешения организации [44].

В течение ноября—декабря 1917 года отряды Красной гвардии были организованы во всех шести городских участках (районах) Таллина. В рабочих районах они создавались на базе крупных промышленных предприятий, и к ним присоединялись красногвардейские группы с менее крупных и мелких предприятий.

Значительные по численности отряды Красной гвардии были сформированы на вагоностроительном заводе «Двигатель», на судостроительном заводе Беккера, на фабрике Лютера и некоторых других крупных предприятиях. Все отряды получали оружие главным образом из запасов воинских частей. Первая крупная партия оружия — 1000 винтовок с патронами — была выдана из склада морской крепости для вооружения таллинских красногвардейцев в начале декабря 1917 года. В январе 1918 года было получено еще около 2000 винтовок [45]. На вооружении таллинских красногвардейцев было и несколько пулеметов. Значительное количество оружия было получено от народной милиции, которая после Октябрьской революции по мере организации Красной гвардии почти всюду распускалась.

В Таллине и Нарве в дни корниловского мятежа запись рабочих в Красную гвардию носила массовый характер. Однако нехватка оружия и отсутствие занятий по военной подготовке привели к значительному отсеву записавшихся. В Нарве к тому же охрану порядка все время несла рабочая милиция. Ее начали распускать только с середины декабря 1917 года. Функции милиции были тогда переданы Красной гвардии. К этому времени в Нарве был создан штаб Красной гвардии во главе с присланным из Петрограда в конце ноября 1917 года К. Жарновецким и нарвским рабочим-большевиком Я. Тыниссоном. Активными организаторами Красной гвардии в Нарве были еще А. Пейс, возглавивший многочисленный отряд красногвардейцев Кренгольмской мануфактуры, И. Махмасталь, А. Дауман, И. Каазик, В. Анни, А. Мезилане и некоторые другие.

В Тарту до победы Октябрьской революции оружие выдавалось только членам большевистской партии. После октябрьских дней организацией Красной гвардии занялась созданная в начале ноября 1917 года комиссия в составе А. Лукина,

---

[44] Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik). 1957, стр. 131—133.

[45] ЦГАОР ЭССР, ф. 1687, оп. 1, ед. хр. 2, стр. 12; «Tööline» № 119 2 дек. 1917; Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik). 1957, стр. 138.

П. Пихо и В. Лемматса [46]. При активной помощи военно-революционного комитета в ряды Красной гвардии в течение месяца было вовлечено около 200 человек. 8 декабря состоялось первое собрание тартуских красногвардейцев. Они избрали но-

И. Махмасталь

вую комиссию, в которую вошли Э. Оттер, В. Лемматс, Лилло, Йорье и Киртас. Начальником Красной гвардии был избран Э. Оттер [47].

20 декабря вопрос о Красной гвардии обсуждался на общем собрании эстонской секции Тартуской организации РСДРП(б). Собрание констатировало, что в красногвардейских группах не было еще надлежащей дисциплины и порядка. Прием в них проводился без должного отбора, не была налажена учеба, имелись и другие недостатки. После этого собрания начальником Красной гвардии был назначен член исполкома Тартуского Совета Сээдер. Тогда по существу и началась целеустремленная и планомерная организация Красной гвардии в Тарту.

[46] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Москва, 1934, стр. 47.
[47] «Tööline» № 130, 15 дек. 1917; «Maatamees» № 64, 16 дек. 1917; Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Москва, 1934, стр. 53—54.

Кроме перечисленных выше товарищей, этим делом активно занимались председатель военно-революционного комитета В. Лигер-Свирский, его заместитель А. Йеа, К. Рийпус, Р. Кипасто, К. Сыкутая [48]. Но ввиду малочисленности рабочих (в Тарту отсутствовали крупные промышленные предприятия) Красная гвардия насчитывала там не более 250 человек.

В Вируском уезде значительные по численности красногвардейские отряды были созданы на цементных заводах в Кунда и Азери. С помощью этих отрядов и под руководством товарищей Л. Линдера и В. Баутса в сущности и была установлена Советская власть в городе Раквере, после того как там в конце декабря 1917 года разогнали буржуазную земскую управу, распустили соглашательский исполком и провели новые выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов. Вслед за этим в Раквере оживилась и работа по организации Красной гвардии.

В Выру и в Выруском уезде организацией Красной гвардии занимались Вольдемар Лээген, его братья Эрнст и Оскар Лээгены, Х. Оя, И. Циммерман, В. Шевырталов.

В Вильянди установлением Советской власти и созданием Красной гвардии руководили Я. Сихвер, В. Ломбак, М. Кивистик, А. Портной (Николаев), Я. Ванакамар.

Создание вооруженных отрядов и групп Красной гвардии шло успешно и в некоторых других городах Эстонии, а также в сельской местности. К началу января 1918 года они в той или иной мере были организованы во всех уездах. Однако кое-где, особенно в сельских районах, наряду с Красной гвардией продолжала существовать и милиция, которая после победы Октябрьской революции находилась в полном ведении Советов рабочих и солдатских депутатов.

В волости Куйметса Харьюского уезда 4 января 1918 года был организован красногвардейский отряд из 26 человек, в том числе 6 человек с винтовками, перешедшие из милиции [49]. В январе же на общем собрании союза сельскохозяйственных рабочих в Вихула (Вируский уезд) было принято решение организовать красногвардейский отряд, в который вошло 30 человек [50].

9 декабря Синдиская организация РСДРП(б) на своем собрании постановила создать на фабрике красногвардейский отряд. Уже на самом собрании в отряд записалось 30 человек. Было решено обратиться к таллинским товарищам с просьбой

---

[48] «Edasi» № 30, 23 дек. 1917; Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik) 1957, стр. 144.

[49] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-4, оп. 1, ед. хр. 206, л. 67.

[50] «Maatamees» № 68, 17 дек. 1917.

прислать винтовки[51]. В имении Козе-Ууэмыйза (Харьюский уезд) отряд Красной гвардии был создан Х. Тедером (впоследствии начальник артиллерии красной Эстонской дивизии) еще в начале октября 1917 года. В имении Хеймтали Вильяндиского уезда 3 января 1918 года было 20 красногвардейцев из батраков. В Тарвасту (Вильяндиский уезд) 17 декабря 1917 года был избран Совет и тотчас же был организован красногвардейский отряд, в который вступило 40 человек[52]. В Пыльтсамаа отряд красногвардейцев организовал А. Хейнтс (впоследствии красный командир в частях Эстонской дивизии). В марте 1918 года этот отряд присоединился в городе Ямбурге к Ракверескому красногвардейскому отряду[53].

Такие отряды, в которые вступали сельскохозяйственные рабочие и деревенская беднота, сыграли после Октябрьской революции весьма важную роль, особенно в сельской местности. На них, как на единственную вооруженную силу, опирались местные Советы при аресте помещиков и конфискации их земель и имущества, при проведении других мероприятий, необходимых в интересах революции и Советской власти.

Охрана революционного порядка как в городах, так и в деревне была тоже возложена на Красную гвардию. В тех случаях, когда для быстрой ликвидации активных враждебных действий со стороны буржуазии, помещиков, кулаков и прочих контрреволюционно настроенных элементов не хватало сил на месте, помощь высылалась из Таллина и других городов. В декабре 1917 года, когда началась массовая конфискация поместий баронов и отчуждение их имущества, из Таллина в уезды было направлено до 100 красногвардейских групп[54].

Из-за отсутствия документальных данных нет возможности показать более точно численный состав Красной гвардии по Эстонии в целом и по отдельным городам в тот или иной период 1917—1918 годов. По сведениям, опубликованным в газете «Тёэлине», в Таллине в начале декабря 1917 года насчитывалось свыше 1300, в начале января 1918 года — около 1500, в начале февраля 1918 года — около 1700 красногвардейцев. В Нарве в начале декабря 1917 года было около 300, в Тарту — около 200 красногвардейцев[55]. К началу февраля 1918 года по всей Эстонии в Красную гвардию было объединено около 5000 рабочих[56].

---

[51] «Tööline» № 135, 21 дек. 1917.
[52] ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, д. 347, лл. 1—2.
[53] Воспоминания А. Г. Хейнтса.
[54] Газ. «Утро Правды» № 53, 19 дек. 1917.
[55] Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik). 1957, стр. 137; «Rahvaleht» №№ 32, 36, 2 и 12 дек. 1917; «Известия Нарвского Совета Р. и С. Д.» № 49, 16 дек. 1917.
[56] «Proletaarne revolutsioon Eestis» I, 1927.

Борьба с реакцией в Эстонии в послеоктябрьский период

Октябрьская победа в Эстонии была достигнута без кровопролития, так как буржуазия не смогла оказать новой власти организованного сопротивления. Но послеоктябрьский период характеризовался уже значительным усилением враждебной деятельности буржуазии, помещиков, кулаков и реакционного офицерства эстонских национальных полков. В ряде мест были сделаны попытки организовать мятежные действия против Советской власти.

В Таллине еще до середины ноября 1917 года продолжали существовать Земский совет и Земская управа. Эстонская буржуазия пыталась не только противопоставить их Советам рабочих и солдатских депутатов, но и объявить Земский совет единственным высшим органом власти в Эстонии.

После того, как эти буржуазные учреждения отказались прекратить свою «деятельность» и по существу превратились в центры контрреволюции, они были распущены при поддержке рабочих и Красной гвардии. Земский совет был распущен 15 ноября, Земская управа — 19 ноября 1917 года.

Лишившись этой опоры, эстонская буржуазия попыталась переместить поле своей деятельности в Тарту. 18 ноября Тартуский уездный земский совет объявил уже разогнанный губернский Земский совет высшим органом власти в Эстонии и по сговору с вожаками буржуазии из Таллина наметил провести 21 ноября в Тарту антисоветскую демонстрацию. Из Таллина туда прибыли агенты буржуазии и группа контрреволюционно настроенных офицеров 1-го эстонского полка во главе с полковником А. Тыниссоном, которые намеревались поднять против Советов расположенный в Тарту Эстонский запасный батальон.

Заговор буржуазии и белых был своевременно раскрыт тартускими большевиками. Исполнительный комитет Тартуского Совета установил в городе чрезвычайное положение, мобилизовал красногвардейцев и революционные войска для отпора мятежникам. Не оправдались и расчеты буржуазии привлечь на свою сторону Эстонский запасный батальон. Уже 20 ноября вечером красногвардейцы и революционные солдаты Латышского запасного полка ликвидировали попытку реакционных офицеров захватить здание городской ратуши. 21 ноября большинство солдат Эстонского запасного батальона под влиянием агитации большевиков отказалось участвовать в антисоветской демонстрации. Офицерам удалось вывести из казарм только около двух рот из тринадцати и учебную команду. Но и они не оправдали надежд вожаков этого антисоветского выступления. Уже при подходе к Ратушной площади (место намеченной демонстрации) большинство эстонских солдат,

встретившись с вооруженными красногвардейцами и революционными солдатами Латышского полка, рассеялось. На месте осталась лишь учебная команда, но и она не решилась вступить на площадь и была отведена перепуганными офицерами обратно в казармы.

Положение в городе оставалось все же напряженным, можно было ожидать дальнейших враждебных действий. Поэтому для окончательной ликвидации мятежа из Таллина экстренным поездом был выслан красногвардейский отряд численностью около 250 человек. С этим отрядом выехал в Тарту и В. Кингисепп [57]. С помощью таллинских красногвардейцев революционный порядок в Тарту был восстановлен. Вожаки антисоветского заговора были арестованы и предстали перед организованным на месте революционным судом. Суду было предано 40 активных участников заговора, в том числе его главари полковники А. Тыниссон и Розенбаум и один из лидеров буржуазии Яан Тыниссон [58].

Однако суд отнесся к контрреволюционерам слишком снисходительно. Все арестованные офицеры были освобождены после того, как дали обещание не оказывать в дальнейшем сопротивления Советской власти. Полковник Тыниссон был доставлен арестованным в Таллин и отправлен затем под конвоем в Петроград, но сумел там освободиться под «честное слово». В марте 1918 года, когда Эстония была оккупирована немцами, он вернулся в Таллин. Впоследствии тот же Тыниссон был одним из наиболее свирепых палачей эстонских революционеров и рабочих.

Действия враждебных элементов заметно активизировались во время экспроприации баронов-помещиков. В этот период (декабрь 1917 — январь 1918 гг.) помещики, кулаки и прочие контрреволюционеры не раз пытались выступить против Советской власти.

Одна из таких попыток оказать вооруженное сопротивление Советской власти была предпринята в имении Пюсси Вируского уезда. 10 декабря 1917 года туда прибыла высланная из Таллина комиссия Совета рабочих и солдатских депутатов Эстонского края в сопровождении группы красногвардейцев. Комиссия должна была разобрать конфликт, возникший в связи с передачей имения Пюсси в ведение волостного Совета и арестовать лиц, принимавших в 1905—1906 годах активное участие в карательных действиях. Арестовав карателей — бывшего полицейского пристава Карла Вальдена, барона Эриха Курселя и кулака Яана Нормака, — члены комиссии и

[57] «Правда» № 200, 9 дек. 1917; Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Москва, 1934, стр. 13—14, 31.

[58] Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik). 1957, стр. 151—152.

красногвардейцы расположились вместе с арестованными в квартире Вальдена. Вечером 11 декабря местные помещики и их подручные совершили вооруженное нападение на эту квартиру. Красногвардейцы, не подозревавшие опасности и застигнутые врасплох, потеряли трех человек убитыми. В имении

М. Айтсам

Пюсси погибли Михкель Айтсам, активный участник революции 1905 года и обеих революций 1917 года, член Таллинского Совета рабочих и воинских депутатов, Юрий Кальмус с таллинского завода «Двигатель» и Рудольф Имберг, рабочий таллинского порта. Тяжело был ранен красногвардеец Георг Сооварес. На место происшествия из Таллина прибыл более сильный красногвардейский отряд, но захватить зачинщиков бандитского нападения не удалось. Задержано и обезоружено было только 9 солдат из состава 10-й роты 4-го эстонского полка. Все они признались, что участвовали в нападении на красногвардейцев по уговору местных баронов-помещиков, которые напоили их и обещали затем выдать денежное вознаграждение. Однако денег они не получили, так как бароны скрылись после совершения террористического акта. Расследованием

было установлено, что нападение организовали бароны Александер и Оскар Курсель, фон Ден и сыновья владельца имения Майдла Карл и Херман Менары [59].

В начале января 1918 года в Тартуском уезде были убиты председатель исполкома Тяхтвереского сельского Совета Яан Лаанеман, рабочий имения Юленурме Куду, батрак Ланг. Одной из вооруженных банд, которая скрывалась в усадьбе барона Бока, было убито 4 и ранено 5 красногвардейцев. Эта террористическая банда состояла из местных помещиков, кулаков и нескольких переодетых эстонских офицеров. После разгона банды в усадьбе было обнаружено оружие и боеприпасы [60].

В конце декабря 1917 года буржуазия и реакционные офицеры намеревались поднять против Советской власти формировавшийся в городе Вильянди эстонский кавалерийский полк. Заговорщики рассчитывали захватить железнодорожный путь от Вильянди до Мыйзакюла, закрыть на этом участке передвижение русских войск из Валга и учинить затем расправу над немногочисленным отрядом вильяндиских красногвардейцев и над советским и партийным активом города. Враждебные действия продолжались около двух недель. Мятежники захватили вокзал, освободили арестованных деятелей бывшей Земской управы, создавали запасы оружия. Однако поднять солдат эстонского кавалерийского полка на какие-либо более активные действия офицерам и реакционной буржуазии не удалось.

Чтобы избежать кровопролития и не обострять создавшуюся обстановку, вильяндиские большевики во главе с Я. Сихвером, В. Ломбаком и другими приняли меры с целью вырвать солдат кавалерийского полка из-под влияния контрреволюционно настроенных офицеров. 3 января 1918 года исполком Вильяндиского Совета организовал собрание солдат кавалерийского полка, на котором было сделано предложение выдать находившиеся в полку контрреволюционные элементы. Но несмотря на согласие большинства солдат, реакционные офицеры и их сторонники выданы не были. Тогда решили применить силу. Эстонский кавалерийский полк был окружен и обезоружен присланным из Валга на помощь отрядом революционных солдат XII армии, солдатами расположенного в Вильянди батальона 2-го эстонского пехотного полка и местными красногвардейцами. После ареста наиболее реакционных офицеров и некоторых местных контрреволюционе-

---

[59] «Известия Ревельского Совета Р. и В. Д.» № 228, 16 дек. 1917; ПА ЦК КП Эстонии — «Протоколы Революционного трибунала Совета Р. и С. Д.», декабрь 1917; «Tööline» №№ 130, 131, 134, 135, дек. 1917.

[60] «Proletaarne Revolutsioon Eestis» № 6, 1928.

ров революционный порядок в Вильянди был восстановлен [61].

В ряде мест помещики и кулаки создавали белогвардейские группы, которые при помощи контрреволюционно настроенных офицеров эстонских национальных полков снабжались винтовками, боеприпасами и в отдельных случаях даже пулеметами. В имении Вайвара, например, нарвские красногвардейцы обнаружили склад оружия — 250 винтовок, 2 пулемета, большое количество боеприпасов. В волости Хольстре Вильяндиского уезда местные красногвардейцы нашли 7 винтовок и 6 охотничьих ружей, захороненных кулаками. В деревне Сака Вируского уезда красногвардейцами волости Ярве была ликвидирована белогвардейская группа. Такую же кулацко-белогвардейскую группу ликвидировали таллинские красногвардейцы в районе Сауэ [62].

События подобного рода показывали, что враг не сдается и тайно собирает силы для борьбы с Советами. Однако реальных сил для открытой вооруженной борьбы против революционной власти эстонская буржуазия все же не имела. Созданные ею эстонские национальные полки в результате большевистской агитации и под влиянием революционных преобразований, отвечающих интересам трудящихся, уже не были пригодны для использования против народа, против Советской власти. Это подтвердили события в Тарту и Вильянди, где буржуазии и реакционным офицерам не удалось поднять против Советов Эстонский запасный батальон и кавалерийский полк, хотя последний и относился к числу тех эстонских национальных частей, в которых они были более всего уверены. Силы же революции были значительными. Поэтому эстонская буржуазия в союзе с прибалтийскими помещиками перешла к заговорщическим действиям, рассчитанным на вооруженную помощь извне. Основная надежда возлагалась на кайзеровскую Германию, войска которой к октябрю 1917 года оккупировали часть Латвии и Моонзундские острова Эстонии. При помощи немецких войск эстонская буржуазия и прибалтийско-немецкое дворянство рассчитывали покончить в Эстонии с Советами. Тайно составлялись петиции к кайзеру Вильгельму и германскому военному командованию об ускорении оккупации и подавлении в Эстонии Советской власти. Эстонская буржуазия и немецкие бароны-помещики использовали и лютеранскую церковь. Пасторы собирали у верующих подписи под прошения о присоединении Эстонии к Германии. Но заговорщики были разоблачены. В конце января 1918 года одна из групп связи,

[61] ЦГАОР ЭССР, ф. 814, оп. 3, ед. хр. 1, стр. 43; Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eest's (artiklite kogumik), 1957, стр. 97—101.

[62] Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik), 1957, стр. 161.

которая пыталась пройти по льду на оккупированный немцами остров Сааремаа (Эзель), была задержана. В группе было трое прибалтийских немцев, которые признались в существовании антисоветского заговора [63].

Исполнительный комитет Советов Эстонского края был вынужден предпринять репрессивные меры. 28 января 1918 года было объявлено осадное положение, и в ночь на 29 января по всей Эстонии начались аресты прибалтийских баронов-помещиков. Помещики были отправлены в отдаленные районы Советской России, а имущество их конфисковывалось и передавалось местным Советам и батрацким комитетам. Для осуществления этого мероприятия была мобилизована вся эстонская Красная гвардия [64].

Начало создания первых эстонских подразделений Красной Армии

При формировании национальных полков эстонская буржуазия старалась вовлекать в них в первую очередь классово надежный для нее состав. Но если этот принцип мог быть соблюден в отношении офицерского состава, то в отношении солдат, его было труднее применить. В национальные полки неизбежно попадал и пролетарский элемент — рабочие, беднейшие крестьяне.

Поскольку эстонским большевикам не удалось приостановить формирование национальных полков, они начали вести в них агитацию с целью привлечения на свою сторону солдатских масс. Положительные результаты в этом деле были достигнуты в Таллине и Тарту. К осени 1917 года большинство солдат 3-го эстонского полка в Таллине и Эстонского запасного батальона в Тарту шло за большевиками и поддерживало все мероприятия Советской власти. Этот успех был достигнут проводимой большевиками систематической и настойчивой разъяснительной работой. Кроме того, в ряде частей, особенно в 3-м полку в Таллине, было много солдат из рабочих. Но в городах, где большевистские организации были слабее, агитационная работа не дала желаемых результатов. Полки и батальоны в Раквере, Хаапсалу, Пайде, Пярну и Вильянди продолжали оставаться под значительным влиянием реакционных офицеров, эсеров и меньшевиков.

В Таллине отношения между солдатами 3-го эстонского

---

[63] История Эстонской ССР. Таллин, 1958, стр. 423; Ü. Taigro, Eesti töörahva võitlus nõukogude võimu ja rahu eest kodusõja aastail. Таллин, 1957, стр. 9, 11.

[64] Suur Sotsialistlik Oktoobrirevolutsioon Eestis (artiklite kogumik), 1957, стр. 162.

полка, с одной стороны, и офицерами и Главным комитетом эстонских национальных частей, с другой, к ноябрю 1917 года сильно обострились. Были случаи, когда солдаты, вооруженные винтовками, являлись в Главный комитет и предъявляли свои требования. Видя, что солдаты ускользают из-под влияния офицеров, Главный комитет, в котором также преобладали реакционные силы, 27 ноября 1917 года созвал объединенное совещание Главного комитета и ротных комитетов 3-го эстонского полка. Этим совещанием Главный комитет во главе с К. Пятсом преследовал цель взять под свое влияние ротные комитеты. с тем, чтобы воздействовать через них на солдатские массы в своих интересах. Главный комитет не нашел поддержки со стороны ротных комитетов. Совещание абсолютным большинством голосов потребовало созыва II съезда эстонских воинов (I съезд состоялся летом 1917 г.) для переизбрания Главного комитета, как не отвечающего требованиям большинства военнослужащих. До созыва съезда совещание постановило пополнить Главный комитет представителями полков и батальонов.

15 декабря 1917 года в Таллине, в помещении музыкального общества «Лоотус», состоялась конференция представителей всех эстонских частей. В конференции участвовали и представители политических партий. Конференция, как и ноябрьское совещание, осудила политику и деятельность Главного комитета. Однако конкретных решений конференция не приняла. Она только подтвердила решение объединенного совещания о созыве 7 января 1918 года II съезда эстонских воинов для обсуждения действий Главного комитета и различных других вопросов.

*

Одной из чрезвычайно сложных и трудных задач Советской власти после Октябрьской победы была задача создания новых вооруженных сил революции. Старая армия, несмотря на переход ее солдат на сторону Советской власти, была утомлена длительной войной и не могла обеспечить защиту социалистического государства. Она уже давно потеряла свою боеспособность и стихийно самораспускалась. Между тем война продолжалась, росла угроза со стороны германского империализма. Контрреволюционная Ставка не была заинтересована в защите России и в переговорах с Германией о заключении мира, она предпринимала все новые попытки свергнуть Советскую власть. Чтобы не оголить окончательно фронт и получить передышку, Советское правительство приняло ряд мер.

10 (23) ноября 1917 года был издан декрет «О постепенном переходе к демобилизации старой армии». Этот декрет и ряд распоряжений Народного Комиссариата по военным делам в

значительной мере приостановили самовольную утечку солдат с фронта. Во второй половине ноября 1917 года были упразднены все военные училища и школы прапорщиков, а юнкера откомандированы в запасные полки. 20 ноября силы революционных солдат и матросов ликвидировали контрреволюционную Ставку главнокомандующего Духонина в Могилеве. В тот же день Советское правительство во главе с В. И. Лениным приступило к переговорам с Германией о временном прекращении (на 10 дней) военных действий, а 2 декабря перемирие было продлено до 1 января 1918 года.

Коммунистическая партия и Советское правительство призывали революционных солдат удерживать фронт до завершения переговоров о заключении мира с Германией.

Исключительно большое значение имели принятые 16 (29) декабря 1917 года декреты «О выборном начале и об организации власти в армии» и «Об уравнении в правах всех военнослужащих»[65]. Эти декреты передали всю полноту власти в армии солдатским комитетам и Советам. Была установлена выборность командного состава вплоть до командующих фронтами. Все старые чины, звания и титулы упразднялись. Проведение в жизнь этих декретов завершило демократизацию армии, означавшую ломку старой армии и начало перехода к новой, социалистической армии.

19 декабря 1917 года Совнарком образовал Всероссийскую Коллегию по организации и формированию этой новой армии. Коллегия, возглавляемая Н. В. Крыленко и Н. И. Подвойским, под руководством В. И. Ленина разработала проект декрета об организации Красной Армии.

Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии был принят Советом Народных Комиссаров 15 января 1918 года и в тот же день утвержден III съездом Советов[66].

На этом начальном этапе Красная Армия была добровольческой. В нее вовлекались наиболее сознательные элементы трудящихся масс — рабочие, беднейшие крестьяне, готовые беззаветно защищать молодое Советское государство. Контрреволюционный командный состав старой армии был распущен. Революционные солдаты выбирали своими командирами тех из бывших офицеров и унтер-офицеров, кого они считали наиболее достойными доверия.

Уже к концу декабря 1917 года в Петрограде были сформированы первые части новой армии, а в январе—феврале 1918 года красноармейские полки стали создавать и на фронте, а также в городах, где были расположены запасные полки и прочие воинские части.

---

[65] История СССР. Госполитиздат, 1957, стр. 102.
[66] Там же, стр. 102—103.

TRÜ Raamatukogu

29 декабря 1917 года на совместном заседании Исполнительного комитета Таллинского Совета рабочих и воинских депутатов, армейского комитета Таллинского укрепленного района и Военно-революционного комитета было принято постановление об организации социалистических революционных частей. Это решение, положившее начало формированию первых эстонских подразделений Красной Армии, было принято в соответствии с приказом Верховного главнокомандующего и положением, выработанным 28 декабря 1917 года Управлением Северного фронта совместно с представителями армейских комитетов [67].

7 января 1918 года в Таллине, в помещении театра «Эстония», открылся II съезд эстонских воинов. На нем присутствовали также представители политических партий. В числе других вопросов на съезде обсуждалась и организация войск. Большевистская фракция внесла предложение создать из добровольцев эстонские социалистические войска. Высшей военной властью должен был стать Общеэстонский съезд воинов, а руководящим военным учреждением — избранный съездом Военный совет. Главный комитет и все другие комитеты по формированию воинских частей большевики предлагали немедленно упразднить, передав их функции краевому Военному совету и военным отделам при уездных Советах рабочих и солдатских депутатов. Эти предложения большевиков означали по существу роспуск созданных ранее эстонских национальных полков и формирование из числа добровольцев этих полков частей Красной Армии. Однако соглашение по вопросу организации войск на съезде достигнуто не было. Левые эсеры, которые обещали поддержать большевиков, изменили свою позицию.

Когда съезд принял меньшевистско-эсеровскую резолюцию о государственной форме правления в Эстонии, большевистская фракция по предложению В. Кингисеппа покинула съезд и, собравшись 13 января в белом зале дворца Тоомпеа, объявила себя правомочным съездом социалистических воинов Эстонии.

Съезд открыл председатель фракции РСДРП(б) эстонских военнослужащих Г. Кудеберг. С яркой речью выступил В. Кингисепп. Он сказал, что старая армия, служившая царизму и буржуазии орудием классового угнетения, не может быть пригодна для защиты социалистической революции. Столь же непригодны для защиты революции национальные полки, созданные эстонской буржуазией с весны 1917 года. Доказательством этому служат выступление против революции эстонского кавалерийского полка в городе Вильянди и дру-

[67] «Известия Ревельского Совета Р. и В. Д.» № 242, 10 янв. 1918.

гие факты. Впервые в истории, сказал В. Кингисепп, эстонские воины приступают к тому, чтобы создать из свободных людей совершенно новую армию, которая совершенно сознательно будет бороться за интересы рабочих и всех трудящихся [68].

Съезд рассмотрел вопросы: 1) политический момент, 2) Эстляндское Учредительное собрание, 3) манифест воинам и рабочим Эстонии, 4) организация социалистической армии.

После избрания президиума съезд заслушал информацию о политическом моменте и послал приветственные телеграммы III Всероссийскому съезду Советов и Совету Народных Комиссаров. Телеграммы эти гласят:

«Третьему (Всероссийскому) съезду Совдепов. Петроград.

Первый съезд эстонских социалистических воинов собрался, чтобы создать добровольческую социалистическую армию, готовую стать бесстрашно на защиту нашей революции. Съезд шлет Вам свой товарищеский привет. Пусть третий съезд Совдепов сокрушит вконец владычество буржуазии. Да здравствует власть Советов! Да здравствует пролетарская революция!»

«Петроград, Совету Народных Комиссаров.

Первый съезд эстонских социалистических воинов шлет горячий привет товарищам народным комиссарам. Мы заложим основание созданию эстонской социалистической армии, которая с энтузиазмом станет на защиту пролетарской революции от внешнего и внутреннего врага. Да здравствует всемирная революция!» [69]

По вопросу об отношении к Эстляндскому Учредительному собранию съезд принял следующее решение:

«I съезд социалистических воинов требует, чтобы вся власть в Эстляндии безусловно оставалась в руках трудящихся масс, поэтому съезд поддерживает Эстляндское Учредительное собрание постольку, поскольку оно признает и поддержит власть эстляндских рабочих Советов. Ни при каких условиях съезд не признает законным лозунг «Вся власть Учредительному собранию», являвшийся выражением политики буржуазии. Лозунг эстонских воинов и по отношению Учредительного собрания должен гласить: «Вся власть трудящимся» [70].

По третьему пункту повестки дня съезда — о манифесте воинам и рабочим Эстонии — В. Кингисепп изложил принципы, которые должны были лечь в основу манифеста, а именно: прежде всего необходимо разъяснить избирателям причины, побудившие большевиков отколоться от второго

[68] «Tööline» № 16 (155), 4 февр. 1918.

[69] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин, 1958, стр. 420.

[70] Там же, стр. 420.

В. Кингисепп

съезда эстонских воинов, а затем разъяснить цель, преследуемую большевиками, — создание социалистической армии для защиты Октябрьской социалистической революции.

Ниже приводится текст манифеста в несколько сокращенном виде:

«К ЭСТОНСКИМ ВОИНАМ!
К ЭСТОНСКИМ ТРУДЯЩИМСЯ!
ТОВАРИЩИ ВОИНЫ!

Противники революции, наиболее ярые враги социализма и правительства трудящихся должны приступить к созданию революционной армии трудящихся!

Нам стало ясно, что эта враждебная трудящимся группировка стала бы господствовать над большинством и в новом эстонском высшем военном учреждении, как это было и на съезде, где ее предупредительно поддерживали лжесоциалисты. Не говоря уже об «эстонских социал-демократах», которые на протяжении всего съезда, рука об руку с наиболее черносотенными корниловскими молодчиками, выступали против представителей трудящихся, постоянно чувствовалась духовная близость также между эстонскими социал-революционерами и правыми элементами. Социал-революционеры стара-

тельно помогали обелить штабного офицера Духонина — Соотса, когда мы потребовали признать этого господина контрреволюционером. Это они опять-таки взяли под свою защиту правых, когда мы потребовали поименного голосования за политические резолюции. Они вообще выступали против того, чтобы ставить эти резолюции на голосование, хотя до этого и сами выдвинули соответствующую резолюцию.

Это было наградой за то, что за несколько минут до этого черносотенное правое крыло единодушно поддержало резолюцию социал-революционеров, когда был поставлен на голосование вопрос об «Эстонском государстве».

Принимая все это во внимание, для нас, представителей трудящихся, остался лишь один путь.

Мы, 48 членов большевистской фракции, порвали всякие отношения с этим съездом и с выбранным им «Советом эстонских воинов», покинули съезд и снова собрались на первый съезд социалистических и революционных воинов.

От имени этого съезда сообщаем всем своим избирателям-воинам, всем эстонским солдатам, которые вышли из рядов эстонского трудового народа, и всем эстонским трудящимся города и деревни:

Первый съезд социалистических и революционных эстонских воинов заложил основу для создания революционного войска трудящихся на следующих принципах:

1. Революционное войско трудящихся может состоять только из добровольных бойцов.

2. В этих войсках, созданных на добровольных началах, действует принцип выборности всего командного состава, деятелей и представителей.

3. Войско трудового народа не является постоянным войском, но это обычное войско революционных рабочих, которое имеет оружие и готово немедленно выступить по первому зову.

Товарищи! Эстонские воины! Вас, выходцев из рабочей среды, горячо сочувствующих своему классу, воодушевленных высокими идеями народной революции, вас, кого не сломили трудности военного времени и кто духовно еще силен и не знает тоски по родине, — каждого из вас, кто желает вступить в ряды социалистического и революционного войска, призываем сплотиться под красным военным знаменем эстонского трудового народа.

И вы, товарищи рабочие, единой с нами плоти и крови, боль которых является нашей болью и борьба которых — нашей борьбой, поддержите нас на нашем новом пути. Только при общих усилиях всех трудящихся мы можем быть уверенными в том, что окончательно сломим сопротивление буржуазии.

Пусть революционное войско эстонского трудового народа общим трудом и при общей поддержке всех трудящихся станет тем оплотом, о который с грохотом разобьются волны эстонской буржуазной реакции.

Да здравствует революционное войско эстонского трудового народа!

Да здравствует правительство трудящихся!

Да здравствует социализм!

Совет эстонских социалистических воинов»[71].

Съезд решил немедленно приступить к организации добровольческих эстонских частей Красной Армии на базе прежних эстонских полков. Сформированные эстонской буржуазией национальные полки решено было распустить, а Главный комитет и штаб эстонской дивизии — упразднить.

Для практического осуществления решения об организации эстонских частей Красной Армии на съезде был избран Военный совет, в который вошли В. Кингисепп, А. Мюллерштейн, Г. Кудеберг, К. Кангер, О. Ламбакахар, А. Ломбак, О. Рюйтли, Р. Катальсепп, Э. Сырм, И. Йекс, П. Йыхвик, И. Кельберг, Кяэр, Эритс и Кокла. Председателем Военного совета был избран А. Мюллерштейн, заместителем председателя Г. Кудеберг, заведующим мобилизационным отделом О. Ламбакахар, секретарем — К. Кангер.

Съезд постановил именовать избранный им Военный совет Советом эстонских социалистических воинов[72].

20 января 1918 года Совет эстонских социалистических воинов заявил, что он является единственным учреждением в Эстонии, которое вправе формировать Красную Армию, и что ни Главный комитет эстонских национальных частей, ни какое-либо иное учреждение не имеют права создавать воинские части.

Практическое осуществление решения съезда о формировании эстонских красноармейских частей было возложено на Военный отдел Исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Эстонского края и на военные отделы исполкомов уездных Советов. 21 января 1918 года Военный отдел исполкома Советов Эстонского края постановил начать эту работу во всех городах, где были расположены эстонские национальные полки и батальоны старой армии. Военнослужащих, которые не желают добровольно служить в Красной Армии или непригодны для приема в ее ряды, было решено распустить на неопределенное время по домам. Было также

---

[71] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин, 1958, стр. 433—434.

[72] «Tööline» № 16 и 17 (155, 156), 4 и 5 февр. 1918.

объявлено, что в Таллине создается красный полк из военнослужащих-добровольцев.

Для приема добровольцев в эстонские части Красной Армии был установлен следующий порядок, изложенный 21 января 1918 года в инструкции для уездных военных отделов:

1. Солдаты, прибывшие с фронта, принимаются без особых удостоверений, на основании документов из частей, которые они имеют при себе.

2. В существующих частях необходимо в каждой роте создать комиссию из членов большевистской партии или из других лиц с левыми взглядами, которые могли бы дать рекомендации при приеме.

3. Право рекомендации имеют все члены большевистской партии и депутаты Советов.

29 января (11 февраля) 1918 года (в дальнейшем все даты приводятся по новому стилю) Военный отдел Исполнительного комитета Советов Эстонского края по телеграфу оповестил все эстонские полки, Народного Комиссара по военным делам РСФСР, Исполнительный комитет XII армии и Военную коллегию Северного фронта о том, что Главный комитет эстонских национальных частей ликвидирован и вместо него создан Военный отдел Исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Эстонского края. Был распущен и штаб эстонской дивизии в Таллине.

Вскоре после принятия этих решений избранный на съезде эстонских социалистических воинов Военный Совет и военные отделы краевого и уездных советов приступили к организации первых эстонских подразделений Красной Армии. Необходимые указания по их формированию были получены от председателя Всероссийской Коллегии по организации и формированию Красной Армии Н. И. Подвойского.

Успешнее всего проходила запись добровольцев в Таллине, где до вторжения немцев (оккупация материка Эстонии) успели сформировать три роты. Было положено начало 1-му Таллинскому красному полку. Предусматривалось, что в нем будет 12 стрелковых рот, пулеметная команда и легкая артиллерия.

Начало красному полку было положено и в Тарту. До немецкой оккупации в него удалось собрать около 200 человек из состава расположенного там Эстонского запасного батальона. Организаторами этого отряда Красной Армии в Тарту были А. Винк, Э. Оттер, А. Йеа и др.

Подразделения Красной Армии были созданы и нарвскими большевиками на базе расположенных в Нарве и Нарва-Йыэсуу русских частей старой армии. В редакцию газеты «Тёэлине» из Нарвы сообщили: «Запись в социалистическую армию солдат и рабочих идет успешно. В Нарва-Йыэсуу было общее соб-

рание полка (17-й Черниговский гусарский полк. — *Примечание автора.*), на котором было решено всем полком вступить в социалистическую армию»[73]. Из сводки со сведениями о формировании частей Красной Армии по состоянию на 26 февраля 1918 года видно, что в Нарве в ряды Красной Армии записалось около 1000 человек[74].

В других городах Эстонии, где были расположены эстонские национальные полки и батальоны старой армии, вербовка в ряды Красной Армии либо не проводилась вовсе, либо не давала положительных результатов. Кое-где эта работа была начата буквально накануне немецкой оккупации.

Таким образом, начало формированию эстонских частей Красной Армии было положено в феврале 1918 года на территории Эстонии. Продолжить это дело помешала оккупация Эстонии немецкими войсками.

Дальнейшая организация регулярных эстонских частей Красной Армии, начавшаяся в марте 1918 года, велась уже на территории Советской России в 1918 и в начале 1919 гг.

Германская оккупация. Борьба с оккупантами

Накануне немецкого наступления, которое началось 18 февраля 1918 года по всему русско-германскому фронту, на Прибалтийском участке Северного фронта были расположены войска I, V и XII русских армий. Из них на территории Эстонии находились соединения и части 13-го и 49-го армейских корпусов и 6-го Сибирского корпуса XII армии.

В первой половине февраля 1918 года в составе XII армии было начато формирование пяти красноармейских полков. 1-й, 2-й, 4-й и 5-й полки создавались в составе войск, расположенных в южной и центральной части Эстонии, а 3-й красноармейский полк формировался в городе Раквере на базе 22-го Финляндского пехотного полка 49-го армейского корпуса. Это происходило, однако, уже в условиях общего распада фронта и связанных с этим серьезных трудностей. Полки остались малочисленными и в дни общего наступления немецких войск не смогли оказать существенного влияния на ход событий.

На 13-й армейский корпус была возложена оборона района Вильянди (Феллина) и прикрытие правого фланга 6-го Сибирского корпуса, оборонявшего Валгаский железнодорожный узел. В случае невозможности удержать Валгаский узел 6-й Сибирский корпус должен был при отходе прикрыть своими

---

[73] «Tööline» № 15 (154), 2 февр. 1918.

[74] ЦГАСА, д. 785. Обзор документов на тему «Красная Армия рождалась в борьбе с немецкими оккупантами», стр. 147.

частями направление на Тарту и далее на Нарву. 49-й армейский корпус, войска которого находились в резерве фронта в районе Тапа (Тапс) и Раквере, до начала немецкого наступления никакой оперативной задачи не имел. Лишь 19 февраля командир 49-го корпуса получил от командования Северного фронта директиву, согласно которой правофланговые части XII армии и все отходившие от Таллина части по достижении линии Пайде (Вейсенштейн) — Вильянди — Тарту поступали в подчинение командира 49-го корпуса, которому было поручено организовать оборону на Вильяндиских, затем на Нарвских позициях с целью прикрытия направления на Петроград[75].

Однако события на фронте вскоре опрокинули эти планы. Командование 6-го Сибирского корпуса не организовало обороны Валгаского узла. Более того, командование корпуса само покинуло Валга, выехав через Тарту в Нарву, и оставило войска на попечение одного только начальника штаба. Вместо предусмотренной оперативным планом обороны Тарту и Нарвы начальник штаба направил остатки корпуса через пролив между Чудским и Псковским озерами на Гдов. Командиру 49-го корпуса он послал донесение, что «приказ об обороне района Юрьева, а затем линии Нарвы корпус выполнить не в состоянии».

Такое же положение сложилось на фронте 13-го армейского корпуса, где командир корпуса со штабом тоже покинул свои части, выехав из района станции Йыгева (Лайсгольм) в Муствээ (Посад Черный). Управление войсками было потеряно[76].

Оставленные без общего руководства, разрозненные и деморализованные части этих двух корпусов еще до соприкосновения с немецкими войсками отходили на Нарву и Гдов.

В составе 49-го армейского корпуса к тому времени осталось так мало боеспособных частей, что об организации сколько-нибудь серьезной обороны на таком обширном фронте не могло быть и речи. Правда, корпусу было приказано оборонять район Тапа и Раквере, но этот приказ не был выполнен. Остатки корпуса отошли к Нарве и далее на Ямбург (г. Кингисепп Ленинградской области).

В направлении Таллина совершенно не защищенным остался участок фронта севернее Пярну до устья реки Казари, хотя главный удар Северного корпуса немецкой армии с островов Сааремаа и Муху был направлен именно на этот участок. Командование XII армии передало участок Таллинскому укрепленному району вовсе без войск. Несмотря на протесты командующего сухопутными войсками укрепленного

---

[75] А. Черепанов. Под Псковом и Нарвой. Воениздат, 1957, стр. 66—88.

[76] Там же, стр. 107—108.

района Генрихсона, не располагавшего возможностями для охраны этого прибрежного района, распоряжение командующего XII армией отменено не было.

Такое же положение сложилось под Хаапсалу, на пути наступления немецких войск с острова Хийумаа (Даго). Расположенная в районе Хаапсалу 45-я пехотная дивизия, в личном составе которой насчитывалось не более одного полка, в начале февраля 1918 года была отведена в тыл, в район Нарвы. Комендант Таллинской морской крепости генерал Изместьев и Исполнительный комитет укрепленного района намеревались занять позиции дивизии батальонами 1-го эстонского полка, размещенного в Хаапсалу. Но дальнейший ход событий показал, что командир этого полка полковник Пыддер и другие реакционные офицеры не собирались оказывать немцам сопротивление, а замышляли измену.

Из регулярных частей в распоряжении командования Таллинского укрепленного района до января 1918 года были еще 44-я и 118-я пехотные дивизии, но личный состав их разбегался, и поэтому 44-я дивизия в январе была расформирована, а из 118-й дивизии сохранился лишь один Арзамасский полк, в котором было только 600—800 совершенно не обученных ополченцев.

На острове Вормси была одна рота морской десантной бригады, а севернее Хаапсалу, в прибрежном населенном пункте Дирхами — береговая батарея № 37 с небольшой командой обслуживания.

Других частей армии на всем этом обширном участке побережья не было.

Гарнизон Таллинской морской крепости, численностью около 10 000 человек, еще в конце ноября и начале декабря 1917 года был почти полностью распущен. На месте остались лишь небольшие команды. Но и они в военном отношении были неподготовленными и реальной силы из себя не представляли. Их можно было использовать только на работах по эвакуации имущества и материальной части крепости.

Морские подразделения, в виде береговых батарей с незначительными к тому времени командами, также реальной силы не представляли. Все эти батареи уже в начале немецкого наступления были взорваны, и личный состав их эвакуирован в тыл. При этом учитывалась маловероятность действий германского военно-морского флота, который не мог предпринимать операции с моря, так как Финский залив был покрыт льдом.

Таким образом, Таллинское направление и сам Таллин с запада защищены не были, а после отхода расстроенных частей 13-го армейского корпуса из района Вильянди направление к Таллину осталось открытым также с юга.

Не были настроены воевать против немцев и оставшиеся

на месте эстонские национальные части в городах Пярну (два батальона 2-го эстонского полка), Вильянди (эстонский кавалерийский полк малой численности и один батальон 2-го эстонского пехотного полка), Пайде (один батальон 4-го эстонского полка).

Небоеспособными оказались и стоявшие на таллинском рейде суда бригады крейсеров Балтийского флота. 13 февраля 1918 года на совещании представителей Советов Эстонского края и Таллинского Совета (Я. Анвельт и В. Кингисепп), Управления Северного фронта (Б. П. Позерн), морской крепости (генерал Изместьев) и Таллинской базы флота (капитаны 1-го ранга Новопашенный и Сполатбог) по вопросам обороны и эвакуации выяснилось, что число отпускных и самовольно ушедших с кораблей так велико, что обслуживать крейсера нет возможности. Кроме того, часть машин и артиллерии находилась в ремонте и поэтому бригада была способна только на переход в Хельсинки.

В связи с таким положением В. Кингисепп возлагал надежды по отпору немецким оккупантам только на Красную гвардию. На вопрос Позерна, как идет формирование Красной Армии, председатель военного отдела Совета Засульский ответил: «Пока туго».

19 февраля на заседании исполкома Советов Эстонского края и исполкома Таллинского Совета было принято решение создать из представителей Эстонского краевого комитета партии, Советов Эстонского края, военного отдела Штаба Красной гвардии и флотских частей Военную коллегию для управления Таллинским укрепленным районом. Коллегия, объединявшая всю военную и гражданскую власть в одних руках и ведавшая всеми вопросами обороны и эвакуации, была создана 20 февраля.

Такой была обстановка в Эстонии накануне вторжения германских оккупационных войск.

Продвижение частей Северного корпуса* немецких войск с островов Сааремаа и Муху в направлении материка Эстонии началось 19 февраля. Утром 20 февраля немцы заняли Виртсу и продвигались к Лихула (Леаль). Немецкое командование намеревалось после выхода войск в район Виртсу направить одну колонну на Таллин, другую на Пярну. Но этот план был изменен после того, как в ночь на 18 февраля в Куресссаре (ныне город Кингисепп на острове Сааремаа) прибыли два предателя из 1-го эстонского полка, которые от имени командова-

* Высадившиеся с Моонзундских островов на материк войска немецкого Северного корпуса имели в своем составе два пехотных полка, пять батальонов мотомеханизированных войск (мотоциклисты и самокатчики) два снайперских батальона, три дивизиона полевой артиллерии, два эскадрона кавалерии, три пулеметные роты, три саперные роты.

ния полка сообщили немецкому командованию, что если немецкие войска перейдут в наступление, то полк после ликвидации некоторых ненадежных элементов подчинится немецкому командованию. Они же посоветовали вести наступление только на Таллин как на центр, в котором сосредоточены революционные силы Эстонии. Контрреволюционные заговорщики из офицеров 1-го эстонского полка в Хаапсалу во главе с полковником Пыддером поддерживали связь с немецким командованием в Курессааре и ранее, совместно разрабатывая план оккупации Эстонии[77].

В ночь на 21 февраля началось продвижение немецких войск по льду с острова Хийумаа. Утром 22 февраля они заняли Хаапсалу и Линнамяэ. К этому времени офицеры 1-го эстонского полка произвели в Хаапсалу контрреволюционный переворот, обезоружили прибывшую с острова Вормси роту русской десантной бригады и команду береговой батареи № 37 и сдали полк немцам.

Силы, которыми располагали таллинские большевики и командование морской крепости, могли обеспечить только разведку и выставление небольших заслонов по пути продвижения немецких войск. Однако для Военной коллегии обстановка в течение продолжительного времени оставалась неясной. Не было проверенных данных не только о численности немцев, но и о самой их высадке на материке. Имелись лишь данные о мятежных действиях реакционных офицеров 1-го эстонского национальнсго полка в Хаапсалу. Даже 22 февраля еще полагали, что на Таллин идет белая гвардия.

Чтобы выяснить обстановку и оказать посильное сопротивление врагу, Военная коллегия выслала 21 февраля по железной дороге на Хаапсалу два небольших отряда красногвардейцев общей численностью около 90 человек и отряд матросов-добровольцев морской десантной бригады из 80 бойцов и трех офицеров.

Вслед за ними 22 февраля был отправлен уже более крупный отряд таллинских рабочих-красногвардейцев. В нем было около 400 человек, вооруженных, кроме винтовок, пятью пулеметами. Формирование этого отряда тоже было проведено в спешном порядке. На должную организацию его не хватило времени. Рот и взводов в отряде не было, отдельные группы разного состава сохранились в таком виде, в каком они прибыли с предприятий. Должного отбора командиров этих групп в зависимости от их военной подготовки также не было сделано. Несмотря на значительную численность отряда, боевой

---

[77] А. Черепанов. Под Псковом и Нарвой. Воениздат, 1957, стр. 86—87; Ü. Taigro. Eesti töörahva võitlus nõukogude võimu ja rahu eest kodusõja aastail. Таллин, 1957, стр. 11—13.

опыт и военную подготовку имели лишь немногие. Как известно, в Таллине большинство крупных предприятий относилось к числу оборонных и рабочих с них в армию не призывали. Тем не менее красногвардейцы были готовы сражаться с врагом до последней пули, до последнего патрона.

Отряд под общим командованием бывшего капитана старой армии А. Пыльда днем 22 февраля в железнодорожном эшелоне прибыл на станцию Кейла. После короткого совещания командиров боевых групп он двинулся дальше к станции Рийзипере. В районе станции Вазалемма эшелон отряда Пыльда встретился с эшелоном моряков, которые возвращались обратно в Таллин после боя с немцами на станции Рийзипере. Только теперь от матросов были получены сведения, что наступают не белогвардейцы, а немецкие войска, при столкновении с которыми отряд матросов, а также красногвардейские отряды понесли потери. Пропустив эшелон моряков, отряд Пыльда вечером 22 февраля вернулся в Кейла, где расположился на ночлег, выставив сторожевое охранение. Предполагалось, что немцы идут со стороны Вазалемма. Чтобы предупредить их приближение, на станцию Вазалемма рано утром была выслана сторожевая застава — около 40 человек, которая в случае появления немцев должна была сообщить об этом командованию отряда по линии железнодорожной связи. Однако немцы там не появлялись, все было спокойно. Оказалось, что немецкие войска продвигались только по главной шоссейной магистрали Хаапсалу—Таллин. После прибытия в район Кейла немецкое командование выделило из состава своих основных сил боковую колонну и направило ее по дороге, известной под названием Туула Тээ («Туулаская дорога») через Кейла. Подход немецкой колонны, в авангарде которой шли самокатчики, посты охранения отряда Пыльда заметили, когда немцы находились уже в 2—3-х километрах от Кейла. Это было около 14 часов 23 февраля. Неожиданное появление противника с направления, с которого его менее всего ожидали, и быстрое продвижение немецкого авангарда лишило красногвардейцев возможности должным образом подготовиться к бою. Даже пулеметы находились еще у эшелона на платформе станции. Только один из них был заранее установлен в районе железнодорожного моста для его защиты. Но и для немцев встреча с отрядом революционных бойцов явилась неожиданностью, и огонь, который первыми все же открыли красногвардейцы, вызвал среди немцев переполох. Отряд Пыльда отважно вступил в неравный бой, который был, однако, непродолжительным. Огонь красногвардейцев нанес урон главным образом немецкому авангарду. С подходом же основных сил немецкой колонны перевес противника стал абсолютным и красногвардейский отряд был вынужден отступить

после попытки оказать сопротивление. Под сильным огнем немцев он понес значительные потери. Часть людей попала в плен.

Документальных данных о ходе Кейлаского боя не имеется. Сохранились лишь воспоминания некоторых его участников, но они не дают сколько-нибудь ясной картины этого сражения, так как написаны в большинстве случаев многими годами позднее. Из описания самого А. Пыльда (январь 1919 года) видно, что после обнаружения приближавшегося к Кейла авангарда немецкой колонны он разделил свой отряд на три основные боевые группы с намерением окружить авангардную часть немцев. Сам Пыльд возглавил группу в центре, которая должна была атаковать немцев с фронта. Остальные две группы были выдвинуты вперед вправо и влево для охвата противника с флангов. Но этот план не удался. К месту боя подошли основные силы немецкой колонны, численностью, как полагал Пыльд, более полка. Атаковать такие крупные силы немцев с небольшой группой бойцов (около 80 человек) — значило бы напрасно погубить своих людей. Убедившись в бессмысленности штурма и оказавшись на совершенно открытой местности, Пыльд со своей группой начал постепенный отход, рассчитывая выбрать более удобные позиции и задержать немцев огнем. Но этого сделать не удалось. Когда группа попала под сильный обстрел немцев, в ней произошло замешательство и большинство людей в беспорядке отступило. На месте осталось лишь около 15 бойцов. Остальные, добравшись до станции Кейла, самовольно отправились с эшелоном в тыл к станции Сауэ. Оставшаяся группа под сильным огнем была также вынуждена отступить. В поселке Кейла она, в том числе и сам Пыльд, была захвачена в плен.

О судьбе боевых групп, выдвинутых для охвата немецкого авангарда с флангов, Пыльд не упоминает. Он и не мог ничего знать о них. По описанию некоторых других участников Кейлаского боя, одна группа красногвардейцев находилась во время боя в районе железнодорожного моста и вела оттуда огонь по немцам из винтовок и пулемета. В этой группе было около 70 бойцов. О действиях другой боевой группы, а также о высланной на станцию Вазалемма сторожевой заставе никаких сведений не сохранилось.

Подытоживая все имеющиеся данные, можно заключить, что уже вследствие слабой подготовленности этот красногвардейский отряд не был в состоянии сделать большее. На ходе боя несомненно сказался самовольный отход красногвардейского эшелона, на который, кроме большинства бойцов группы самого Пыльда, погрузились и все те красногвардейцы, которые находились ближе к эшелону. С этого момента дальнейшее организованное сопротивление оставшихся в районе боя красно-

гвардейцев прекратилось, и они небольшими группами, ведя редкий огонь, отошли вслед за эшелоном.

В Кейласком бою красногвардейский отряд потерял около 40 человек убитыми. Здесь, на заснеженных полях под Кейла,

Х. Теллискиви

защищая Советскую власть, отдали свою жизнь таллинские рабочие-красногвардейцы Иоханнес Мартинсон, Хиндрек Рауд, Яан Лаас, Виллем Рундстюк, Иохан Корби, Кристьян Нахкур, Яан Люки, Эдуард Суук, Юрий Ервин, Иохан Сизаск, Март Месснер, совсем молодые еще рабочие Эдуард Тийтсен, Харальд Теллискиви (обоим было по 19 лет) и многие другие. В Кейласком бою санитарами и бойцами участвовали также красногвардейцы-женщины Элла Вайкюлль-Покк, Агнес Йеа (Свигузова), Ксени Анни (Катальсепп-Максимова), Ольга Вахман и некоторые другие. Смертью героя пала боец Красной гвардии Алисе Тислер[78].

[78] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 1, д. 187, л. 26; воспоминания Э. Лахе, А. Тамма, Аугуста Ильвеса, Александра Ильвеса и др.; История Эстонской ССР. Таллин, 1958, стр. 427—428; Ü. Taigro. Eesti töörahva võitlus nõukogude võimu ja rahu eest kodusõja aastail. Таллин, 1957, стр. 15.

Бой под Кейла, несмотря на поражение революционных сил, имел большое значение. Эстонские рабочие-красногвардейцы дали здесь первый отпор немецким оккупантам.

23 февраля немецким войскам был дан контрудар также на подступах к Пскову. Мужественно сражались там с врагом бойцы и командиры 2-го Красноармейского полка под командованием его организатора и командира А. И. Черепанова (ныне генерал-лейтенант в отставке), латышские стрелки, псковские рабочие-красногвардейцы и некоторые другие отряды создаваемой Красной Армии.

Сопротивление, оказанное немцам в районе Ристи, Рийзипере и под Кейла, насторожило немецкое командование. Командир немецкого Северного корпуса начал продвигать свои войска более медленными темпами, подтягивая резервы, так как ожидал встретить под Таллином отпор революционных войск. 24 февраля немецкие части вышли на линию: среднее течение реки Вяэна—Аллику—Пяэскюла, откуда 25 февраля перешли в наступление, не встречая уже почти никакого сопротивления.

В Таллине шла лихорадочная работа по эвакуации города, главным образом имущества и материальной части морской крепости.

Вопрос эвакуации города стал активно обсуждаться еще с середины февраля. В Таллин для рассмотрения этого вопроса приезжал член Управления Северного фронта Позерн. Но отсутствие подвижного состава (для вывоза имущества одной только морской крепости потребовалось бы не менее 500 железнодорожных платформ и до 1000 вагонов) привело к тому, что эвакуировать удалось только небольшую часть наиболее ценного имущества — главным образом уже после вступления немецких войск на материк Эстонии.

Когда 24 февраля немецкие войска приближались к Таллину, в городе создалась весьма напряженная обстановка. Открыто поднимали голову буржуазия и различные контрреволюционные и белогвардейские элементы. Вооружившись при помощи реакционных эстонских офицеров и вожаков буржуазии, они осмелели и стали предпринимать попытки помешать эвакуации советских учреждений, рабочих и красногвардейцев, погрузке их на военные корабли в гавани. Активную помощь эстонским большевикам в этот тревожный день оказали революционные матросы, которые очистили район гавани от вторгнувшихся туда вооруженных белогвардейцев.

К утру 25 февраля находившиеся в Таллинской гавани корабли военно-морского флота вытянулись на рейде, готовые к отплытию. В гавани остался лишь крейсер «Адмирал Мака-

ров», который должен был в случае появления немцев возле гавани прикрыть уход судов из Таллина [79].

В городе началась дикая погоня белогвардейцев за советскими активистами, не успевшими попасть на корабли.

Небольшая часть красногвардейцев и отдельные бойцы Таллинского красноармейского полка отступили в направлении Тапа и далее к Нарве. Основные же силы красногвардейцев, а также личный состав советских и партийных органов и других советских учреждений эвакуировались на военных кораблях в Финляндию.

25 февраля немецкие войска вошли в Таллин и продолжали наступление в направлении Нарвы.

В южной части Эстонии 22 февраля немцы заняли Валга и 24 февраля — Выру. Части 2-го Сибирского и 43-го армейского корпусов русских войск не оказали им почти никакого сопротивления. 2-й и 4-й Красноармейские полки были к этому времени отведены с фронта: первый в Псков для его обороны, второй в глубь страны.

В этот период активизировались и враждебные действия контрреволюционных сил. Будучи уверенными в приближении немцев и в их помощи, они в ряде мест делали попытки захватить власть. Офицеры расположенного в Выру эстонского национального подразделения из состава Эстонского запасного батальона и вожаки буржуазии подняли мятеж за несколько дней до захвата города немецкими войсками. Они ворвались в здание исполкома Совета, арестовали нескольких членов исполкома, выпустили из тюрьмы немецких баронов и начали раздавать оружие местным белогвардейцам. Но действия мятежников удалось быстро пресечь. Оставшиеся на свободе члены исполкома Ф. Лээген, В. Лээген, П. Пыдер, Х. Оя и некоторые другие организовали из революционно настроенных солдат и красногвардейцев вооруженный отряд, при помощи которого бароны были задержаны и вновь водворены в тюрьму, а несколько офицеров было арестовано. Однако некоторые выруские большевики не дали должной оценки угрожавшей опасности. Они были против эвакуации и ухода из города, надеясь, что немцы и местные белогвардейцы пощадят их. Но пощады не было. Оставшиеся в городе братья Фридрих и Оскар Лээгены, Кристьян Кальмус, Арнольд Сээдер и Оскар Турб были казнены. Их палачами были немецкие помещики фон Самсон, фон Клазенапп, местный торговец Мыттус с сыновьями, пастор Хольман и другие [80].

В Тарту положение стало напряженным еще с середины

---

[79] ЦГАСА, ед. хр. 467. Сборник документов на тему «Крах немецких оккупантов», оп. 2, стр. 37, 50—52, 59, 61—64.

[80] История Эстонской ССР. Таллин, 1958, стр. 430—431.

февраля. Агенты буржуазии усиленно распространяли слухи о скором приходе немцев, открыто проводили агитацию среди солдат Эстонского запасного батальона. Город распался на два враждебных лагеря. Разделение было даже территориальное. По одну сторону реки Эмайыги (Эмбах) располагались силы буржуазии — реакционная часть Эстонского запасного батальона во главе с контрреволюционными офицерами, а другая часть города — Ратушная площадь и прилегающие к ней улицы — была во власти Красной гвардии и революционно настроенных солдат Латышского запасного полка и Эстонского запасного батальона. Между противниками не раз происходили вооруженные столкновения. С уходом из города Латышского запасного полка (он был передислоцирован в Петроград), положение стало еще более напряженным. Перевес в силах оказался на стороне враждебного Советской власти лагеря, более многочисленного и лучше вооруженного.

Следует сказать, что в Эстонском запасном батальоне было значительное количество солдат (возможно даже большинство), которые поддерживали советскую власть и все ее мероприятия. Но они не были организованы, а начатое тартускими большевиками формирование первых подразделений Красной Армии на базе запасного батальона было сорвано немецкой оккупацией.

Тем временем стало известно о вторжении немецких войск в пределы Эстонии с юга и о продвижении немцев с островов на Таллин. Русские войска в беспорядке отходили. Учитывая все это, тартуские большевики приступили к эвакуации советских учреждений, красногвардейцев и присоединившихся к ним революционных солдат. Отходили также красногвардейские отряды с территории Валгаского и Выруского уездов и многие сотни советских людей, которые не хотели оставаться под игом немецких оккупантов.

Советские учреждения удалось эвакуировать из Тарту через Тапа на Нарву и далее в Петроград. Как показал дальнейший ход событий, это было сделано своевременно. 24 февраля немцы вступили в Тарту. К их приходу эвакуация города была закончена и город находился уже во власти местной буржуазии и белогвардейцев.

Бои с немецкими оккупантами в северной Эстонии и под Нарвой

Быстрый, в ряде мест хаотический отход соединений и частей XII армии дал немецким войскам возможность продвигаться к Нарве без сопротивления со стороны русских частей. 26 февраля немцы, наступая двумя сильными колоннами (из

Таллина и Тарту, заняли узловую станцию Тапа и 27 февраля — город Раквере. Кое-где им было оказано сопротивление, но только со стороны эстонских красногвардейцев. 25—27 февраля вооруженные столкновения произошли в районе станций Йыгева и Кильтси, возле поселков Вяйке-Маарья и Амбла. Немецким оккупантам помогали эстонские белогвардейцы, которые вместе с немцами нападали на отходившие разрозненные группы красногвардейцев, арестовывали и убивали на месте попадавших им в руки советских активистов. Но и в такой чрезвычайно тяжелой и сложной обстановке бойцы эстонской Красной гвардии сражались мужественно и самоотверженно, до последней возможности преграждая путь врагу.

28 февраля в Ярва-Яани в имении Орина расположился боевой отряд, объединивший отдельные разрозненные группы красногвардейцев Таллина, Тарту, Амбла и некоторых других окрестных населенных пунктов. Ими руководили прибывшие сюда после падения Таллина и Тарту член исполкома Тартуского Совета А. Винк и инструктор красногвардейского отряда таллинской фабрики Лютера Йоханнес Урб. Находившийся к тому времени уже в глубоком тылу продвигавшихся к Нарве оккупантов (они подходили к Йыхви) отряд Винка был атакован с юга (со стороны Пайде) немецкими войсками, а с севера (со стороны Амбла) — группой немцев и эстонских белогвардейцев. Несмотря на большое превосходство сил врага, красногвардейцы ружейно-пулеметным огнем неоднократно отбивали его атаки. В этом бою, который длился несколько часов, врагу был нанесен урон. Только с наступлением темноты красногвардейцы были вынуждены прекратить сопротивление и отойти. Жертвы были и среди красногвардейцев, главным образом потому, что немцы и белогвардейцы жестоко расправлялись с теми, кто не смог покинуть поле боя и был захвачен в плен. Каратели убили Йоханнеса Урба (был захвачен раненым), председателя исполкома Ярваского уездного Совета Э. Ярвекюльга, члена того же исполкома Раудсеппа, председателя Выхмутаского волостного Совета Я. Паллока, рабочих имения Карину Альмана, Стейнбока, К. Пранта, Ноогу и многих других. Не пощадили палачи и пятнадцатилетнего сына кузнеца Суурквиви, которого они вместе с другими захваченными в плен красногвардейцами и рабочими расстреляли в Тапа [81].

25 февраля, когда немецкие войска захватили Таллин и продолжали быстро двигаться к востоку, на Нарвском направ-

---

[81] История Эстонской ССР. Таллин, 1958, стр. 428; Ü. Taigro. Eesti töörahva võitlus nõukogude võimu ja rahu eest kodusõja aastail. Таллин, 1957, стр. 22—25.

лении боеспособных частей старой армии уже не было. Расположенные до этого в районе Тапа и Раквере части 49-го армейского корпуса отошли за Нарву. В Раквере оставался 3-й Красноармейский полк малого состава, только что сформированный из солдат-добровольцев 22-го Финляндского пехотного полка и некоторых других частей 49-го корпуса. Кроме этого полка, можно было рассчитывать на красногвардейские отряды в Раквере и на цементных заводах Кунда и Азери, на небольшой отряд йыхвиских красногвардейцев и затем на более крупные силы Красной гвардии в Нарве.

Большую инициативу по организации сил для оказания сопротивления немцам и обороны Нарвы в эти тревожные дни проявили нарвские большевики. Еще 23 февраля, в день сражения таллинских красногвардейцев с немецкими войсками под Кейла, по распоряжению председателя Исполнительного комитета Нарвского Совета, старого латышского большевика А. Даумана и начальника обороны города Нарвы К. Жарновецкого в Раквере был выслан эшелоном отряд нарвских красногвардейцев численностью около 300 человек под командованием прапорщика старой армии Артамонова и унтер-офицера А. Пейса. 25 февраля из Нарвы был отправлен в Йыхви другой отряд в 75 человек под командованием одного из организаторов нарвских красногвардейцев Я. Тыниссона, члена большевистской партии с 1910 года.

Прибыв в Раквере, отряд Артамонова и местные красногвардейцы разоружили некоторые подразделения расположенного там 4-го эстонского национального полка, реакционные офицеры которого намеревались захватить власть в городе. Однако полностью разоружить эстонский полк не удалось. Совершенно нетронутым остался склад оружия, из которого офицеры этого полка начали раздавать оружие местным контрреволюционным элементам. Накануне вступления немецких войск в Раквере на улицах города, особенно в районе вокзала, уже происходили вооруженные столкновения красногвардейцев и революционных солдат с белогвардейцами, которыми руководили офицеры эстонского полка.

Раквереские большевики приступили к эвакуации из города советских учреждений и красногвардейских отрядов. Все они, а также личный состав 3-го Красноармейского полка, бойцы которого вместе с красногвардейцами прикрывали эвакуацию города, днем 26 февраля прибыли эшелонами в район Йыхви. К этому времени йыхвиские большевики и красногвардейцы, которыми руководили А. Кеслер и Р. Маяк (Анслауд), с помощью прибывшего туда нарвского отряда Тыниссона обезоружили расположенную в Йыхви полуроту 4-го эстонского полка, личный состав которой был антисоветски настроен и замышлял враждебные действия.

А. Кеслер

27 февраля в Йыхви прибыл из Петрограда Тартуско-Путиловский (Юрьево-Путиловский) отряд под командованием офицера старой армии А. Яновского и его помощника, питерского рабочего Путяева. Отряд этот — численностью около 700 человек — был сформирован за 2—3 дня из рабочих Путиловского завода, тартуских красногвардейцев и бойцов Эстонского запасного батальона, которые выехали из Тарту накануне захвата города немцами. В отряде было также много латышских товарищей.

Отряд прибыл на блиндированном поезде, вооруженном пулеметами и двумя орудиями [82].

О формировании Тартуско-Путиловского отряда один из его бойцов, рабочий Путиловского (Кировского) завода Франц Гяч в своих воспоминаниях писал:

«...За одну ночь на нашем Путиловском заводе и в Нарвско-Петергофском районе вступило в Красную Армию более тысячи человек... Нас, путиловцев, направили в Новочеркасские казармы. Здесь мы встретились с эстонскими рабочими, также откликнувшимися на призыв партии. Вместе с ними нас

[82] А. Черепанов. Под Псковом и Нарвой. Воениздат, 1957, стр. 133.

разбили по ротам, взводам, командам. Вместе получали мы обмундирование, гранатные сумки, патронташи, винтовки. Вместе учились обращению с винтовкой, гранатой, перебежкам... Я при разбивке попал в 1-ю роту и познакомился со своим командиром роты — эстонским товарищем Кипасто. Так родился наш отряд, на основе которого был создан вскоре один из славных советских регулярных полков — Юрьево-Ямбургский полк...»[83]

На совещании командиров всех сосредоточенных в районе Йыхви отрядов революционных войск единодушно было принято решение оказать немцам сопротивление, а в случае отступления отходить с боями, защищая до последней возможности подступы к Нарве.

Под утро 28 февраля к полустанку Сомпа в железнодорожном эшелоне подошел первый отряд немецких войск. В это время в Сомпа, в одной из станционных построек, находилась передовая застава бойцов Тартуско-Путиловского и Нарвского отрядов, высланная туда из Йыхви 27 февраля с задачей предупредить подход немецких войск. Бойцов было всего 18 человек, но они приняли бой. Открыв из пулемета и винтовок огонь по вражескому эшелону, они вынудили немцев выгрузиться и развернуться в боевой порядок. Несмотря на огромное превосходство сил врага (по позднейшим сведениям этот немецкий отряд состоял из батальона пехоты, кавалерийского эскадрона и мотоциклетной роты), горстка отважных бойцов революции почти 4 часа, до последней возможности, вела неравный бой.

28 февраля из Йыхви на помощь прибыли Тартуско-Путиловский и другие красногвардейские отряды, которые при поддержке поезда выбили немцев из района Сомпа, отбросив их к станции Кохтла. Немцы потеряли нескольких человек убитыми, оставили пулемет и много винтовок. Но за исключением двух человек, спасти героев, первыми принявших на себя удар, не удалось. Четверо пали в бою, а остальные двенадцать были ранены и попали в руки врага еще до прибытия помощи из Йыхви. Они были отправлены в Раквере и после жестоких пыток и издевательств казнены.

1 марта под нажимом подошедших главных сил немцев, располагавших большим количеством орудий и пулеметов, красногвардейские отряды оставили полустанок Сомпа и отошли к Йыхви. Во второй половине дня 1 марта немцы перешли в наступление. Два орудия, установленные красногвардейцами на железнодорожных платформах, уже после нескольких выстрелов были выведены из строя немецкой артиллерией. Но несмотря на большое превосходство сил противника, мужественные красные бойцы вступили в бой, который продолжался

[83] Газ. «Советская Эстония» № 44, 27 февр. 1958.

до вечера. Только после получения сведений об обходе противником флангов и о проникновении в тыл немецкой кавалерии революционные войска стали отходить к станции Вайвара, чтобы организовать сопротивление на Вайвараских высотах, где сохранились построенные еще в 1915—1916 гг. русские запасные позиции. Но окопы оказались занесенными снегом и частично разрушенными, а для восстановления их не было ни времени, ни саперных средств. Тем не менее Нарвский и Тартуско-Путиловский отряды и бойцы 3-го Красноармейского полка заняли оборону. Однако все эти части действовали без единого командования и без должной боевой связи между собой. К этому времени более мелкие красногвардейские отряды (Раквереский, Азериский, Кундаский и др.) были направлены в Нарву и объединены под общим командованием командира Раквереского отряда М. Лыбу.

Бой, который начался утром 2 марта в районе Вайвара, продолжался несколько часов. Немецким войскам удалось потеснить революционные части и овладеть Вайвараскими высотами. В тот же день к месту боев подошел прибывший 1 марта из Петрограда в Нарву крупный отряд балтийских моряков под командованием П. Е. Дыбенко. На Дыбенко было возложено общее руководство всеми революционными силами под Нарвой и организация обороны города. Одновременно с отрядом Дыбенко из Нарвы навстречу врагу выступили объединенный Раквереский красногвардейский отряд под командованием М. Лыбу, отряд И. Раудметса и конный отряд под командованием Петрова и Липняка, сформированный из добровольцев Черниговского гусарского полка и нарвских рабочих — бывших кавалеристов старой армии. Революционные силы теперь намного возросли. Однако вооружение их оставалось по-прежнему слабым. Моряки тоже не имели артиллерии. Свести все революционные части под общее командование не удалось из-за недостатка времени. Все они продолжали действовать самостоятельно и без технической связи между собой. В районе станции Аувере (Корф) отряд Дыбенко, передвигавшийся в вагонах, был днем 2 марта взят немцами под артиллерийский обстрел. Развертывание отряда происходило под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника. Но революционные матросы бросились в бой и вынудили наступавшую вдоль железной дороги колонну немецких войск к беспорядочному отходу. Преследование врага было невозможным из-за совершенно открытой местности и интенсивного огня немецкой артиллерии и пулеметов, расположенных на закрытых позициях по склонам возвышенности Синимяэд и наносивших морякам большие потери. Бой кончился, и отряд Дыбенко, не имевший связи с другими революционными частями, начал отход. С боями отходили также отряды красногвардейцев и рево-

люционных солдат, которые действовали против другой немецкой колонны севернее железной дороги, вдоль шоссе Таллин—Нарва.

3 марта произошел еще один короткий бой в районе полустанка Сольдина (4 км западнее Нарвы), но сил для оказания организованного сопротивления немцам уже не было. После боя в районе станции Аувере отряд моряков, изнуренный потерями, в полдень 3 марта отошел за Нарву. Расстроены были и другие отряды. Выдержав последний бой в районе Сольдина, они тоже начали отход и вскоре стали переправляться на восточный берег реки Нарвы (Наровы). На западной окраине Нарвы и в самом городе оставались еще небольшие красногвардейские группы. Правда, немцы после боя в районе Сольдина приостановили свое наступление, но это объяснялось тем, что немецкое командование готовило решительный бросок на Нарву, ожидая встретить на ее окраинах отпор со стороны революционных войск. Утром 4 марта немецкие войска вошли в Нарву, не встретив сопротивления. Только в самом городе были две небольшие стычки с уходившими красногвардейскими группами — в районе вокзала и около пожарного депо в Ивангороде.

Советская власть в Эстонии пала. Этому во многом способствовала предательская политика эстонской буржуазии. Сразу же после Октябрьской революции вожаки эстонской буржуазии в союзе с прибалтийско-немецким дворянством обратились к империалистической Германии за помощью, просили ускорить оккупацию Эстонии, а эстонским национальным полкам давали прямые указания не оказывать сопротивления немецким войскам. Только при помощи империалистов Запада эстонской буржуазии удалось прийти к власти.

Оккупация Эстонии и многих других областей Советской России немецкими войсками весной 1918 года происходила в условиях распада старой русской армии, потерявшей к тому времени боеспособность.

Вооруженное сопротивление немцам оказывали в Эстонии только эстонские красногвардейцы и присланные им на помощь из Петрограда отряды революционных матросов и рабочих. Но эти революционные силы были малоподготовленными, слабо вооруженными, и поэтому не могли отразить наступление крупных соединений германской регулярной армии. Тем не менее бои в Эстонии, особенно под Нарвой, подтвердили готовность вооруженных эстонских рабочих и беднейших крестьян до последних сил и возможностей бороться за свое правое дело, за родную Советскую власть. В этих боях они получили закалку, подготовившую их к испытаниям, которые принесла начавшаяся вскоре гражданская война.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГУЛЯРНЫХ ЭСТОНСКИХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОЧНОМ И СЕВЕРНОМ ФРОНТАХ. БОРЬБА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЭСТОНИИ

3 марта 1918 года в Брест-Литовске был подписан мирный договор между Советской Россией и Германией. К этому времени немецкие войска полностью оккупировали Прибалтику, часть Белоруссии, значительную часть Украины. Несмотря на тяжелые условия Брестского мира, он дал партии и Советскому государству передышку, необходимую для организации хозяйства, создания Красной Армии и накопления сил.

Передышка была недолгой. Заключение мирного договора с Германией и выход России из войны опрокинули расчеты империалистов Антанты задушить русскую революцию силами германской армии. Теперь бывшие союзники России — Англия и Франция — стали сами готовить военный поход против Советской России. Еще в декабре 1917 года правительства Англии и Франции с ведома США заключили между собой тайное соглашение о военной интервенции против России и отторжении у нее обширных промышленных и сельскохозяйственных районов. К плану уничтожения Советской власти и порабощения народов России вскоре присоединились также империалисты США, Японии, Германии и ряда других капиталистических государств.

К борьбе против Советской власти готовились и контрреволюционные силы внутри страны, главным образом на юге России и в Сибири.

Уже в начале марта 1918 года английские интервенты высадили свой первый отряд в Мурманске, а вскоре туда стали прибывать крупные силы английских, французских и американских войск, которые двинулись к Петрозаводску, угрожая Петрограду. В апреле японские, а вслед за ними американские войска высадились во Владивостоке и начали захват Приморья. На Дону мятеж против Советской власти поднял генерал Краснов.

В конце мая 1918 года империалистам Антанты удалось пу-

тем провокаций поднять против Советской власти расположенный в Сибири и на Средней Волге и подготовленный Советским правительством для отправки на родину Чехословацкий корпус, состоящий из военнопленных австро-венгерской армии. Корпус этот, численностью около 60 тысяч человек и вооруженный при помощи империалистов, представлял собой огромную опасность для молодой и еще не окрепшей Советской республики.

К лету 1918 года германские империалисты, кроме Прибалтики, полностью оккупировали Белоруссию, Украину, Крым и часть Закавказья. В ряде районов Сибири, Урала, Поволжья начались антисоветские кулацкие выступления.

Так закончился период мирного строительства. Начавшаяся гражданская война и иностранная интервенция вынудили Советскую страну перестроить свою экономику на военный лад и создать массовую регулярную армию.

Формирование Тартуского и Нарвского эстонских полков и Эстонского отдельного батальона

К периоду создания регулярной революционной армии относится и формирование первых эстонских частей Красной Армии. Оно происходило уже на территории Советской России. Образовавшиеся в феврале 1918 года в Таллине и Тарту малочисленные эстонские красноармейские подразделения, которые еще не успели организоваться, в дни немецкого наступления на Прибалтику по существу распались. Отдельные бойцы и командиры их отходили из Эстонии (из Таллина, Тарту) вместе с красногвардейцами.

После оккупации Эстонии немецкими войсками основная масса эстонских красногвардейцев, за исключением таллинских, сосредоточилась в Ямбурге (город Кингисепп Ленинградской области) и прилегающем к нему районе. Они несли там охрану установленной в мирном договоре с Германией демаркационной линии. Большинство же таллинских красногвардейцев, которые эвакуировались в конце февраля на кораблях Балтийского флота, сосредоточилось в Петрограде.

Весной 1918 года в Ямбурге и его окрестностях находились следующие эстонские отряды: Нарвский под командованием И. Раудметса; Тартуский (Юрьевский) под командованием А. Яновского; Раквереский под командованием М. Лыбу; Ямбургский, в котором также преобладали эстонцы, под командованием Быкова. В этом же районе располагались многие другие революционные отряды — Белгорайский под командованием Черняка-Поднека, 1-й добровольческий отряд Акулова, сводный отряд Наумова, артиллерийская батарея Шпаковского

и некоторые другие более мелкие отряды. Все они до мая 1918 года (до сведения их в полки) назывались революционными партизанскими отрядами, а более крупные из них, в том числе и Нарвский — партизанскими батальонами. Это были уже части Красной Армии. Они состояли на централизованном армейском снабжении и занимались боевой и политической подготовкой по соответствующим учебным программам Красной Армии.

Эти отряды и батальоны, а также формировавшиеся в районе станций Волосово и Веймарн 1-й и 2-й Красноармейские полки и некоторые другие части входили в состав Нарвско-Гдовского оборонительного района под общим командованием бывшего генерала старой армии Д. П. Парского (осенью 1918 г. командовал войсками Северного фронта). Войсками Ямбургского района, в состав которых входили и эстонские отряды, командовал бывший полковник старой армии А. Скоробогач.

Численность эстонских отрядов продолжала быстро расти вследствие непрерывного притока добровольцев из оккупированной Эстонии, особенно из Нарвы и Вируского уезда. Если в конце марта 1918 года в Нарвском партизанском батальоне было 720 человек, то к началу мая их было уже 1109. Численность Раквереского отряда за этот же период времени увеличилась со 156 до 275 человек, Тартуского отряда со 163 до 209 человек. В Ямбургском отряде в конце марта было 120 человек, в начале мая — 251 человек, из них около 200 человек эстонцев [84].

Существовавшие в начале 1918 года принцип выборности командного состава и добровольческий принцип комплектования армии были в то время оправданными. Они обеспечивали классовый отбор личного состава из рабочих и беднейших крестьян и выдвижение лучших из них (в том числе и бывших офицеров старой армии) на командные должности.

Однако весной и летом 1918 года, когда международная и внутренняя обстановка резко изменилась и возросла военная угроза, партия и Советское правительство приступили к созданию массовой регулярной армии Советского государства на основе обязательной воинской повинности. Эта работа начала широко развертываться уже в апреле, когда были утверждены первые штаты и структура частей Красной Армии, созданы военные комиссариаты для учета и призыва в армию военнообязанных. Был также учрежден институт военных комиссаров в армейских частях, а принцип выборности командного состава армии был заменен принципом назначения. Большую

---

[84] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 1, д. 529, л. 27; ЦГАСА. Сборник документов «Красная Армия рождалась в борьбе с немецкими оккупантами», ед. хр. 785, л. 220.

роль в подготовке пополнения для Красной Армии сыграл изданный 22 апреля 1918 года декрет о прохождении курса обязательного военного обучения всеми гражданами республики в возрасте от 18 до 40 лет.

В мае 1918 года в революционных отрядах Нарвско-Гдовского оборонительного района насчитывалось около 3800 человек, из них в эстонских отрядах более 1800 человек. В конце мая и в июне отряды и батальоны были сведены в полки и вошли в состав Гатчинской дивизии. Формирование полков (комплектование, снабжение) осуществляли местные военные комиссариаты Ямбургского, Гатчинского и Гдовского уездов под общим командованием командиров соответствующих бригад Гатчинской дивизии (в конце мая переименованной в 3-ю Петроградскую дивизию) или лиц, определенных на должности командиров формируемых полков.

В числе этих новых полков Красной Армии были также 4-й Нарвский и 5-й Тартуско-Ямбургский (Юрьево-Ямбургский) эстонские коммунистические полки. Общее руководство формированием 4-го Нарвского полка командование Гатчинской дивизии возложило на тт. Матера и Даумана, а общее руководство формированием 5-го Тартуско-Ямбургского полка — на А. Яновского [85].

В состав этих полков вошли бойцы Нарвского батальона, Тартуского, Раквереского и частично Ямбургского отрядов.

Уже в конце мая формирование Тартуского и Нарвского полков было закончено, и приказом Ямбургского уездного комиссариата по военным делам от 29 мая 1918 года они были переданы командованию 3-й Петроградской дивизии [86]. В них было по два батальона в каждом (в Нарвском полку второй батальон был неполного состава), пулеметные команды, команды пешей и конной разведки и другие технические и хозяйственные подразделения.

После переименования Гатчинской дивизии в 3-ю Петроградскую дивизию изменились номера и названия полков. 4-й Нарвский коммунистический полк был переименован в 14-й Нарвский, а 5-й Тартуско-Ямбургский коммунистический полк — в 15-й Тартуский (Юрьевский) пехотные полки.

Нарвским полком короткое время командовал т. Матер, а затем до октября 1918 года (до ухода первого батальона на Северный фронт) — т. Косьминский. Комиссаром полка был А. Мезилане, затем А. Котто. Командиром Тартуского полка был А. Яновский, комиссаром — старый латышский большевик А. Ансон.

Как в Нарвском, так и в Тартуском эстонских полках было

---

[85] ЦГАСА, ф. 1171, оп. 6, д. 3, л. 2.
[86] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 1, д. 529, л. 16.

значительное количество русских и латышей. В Тартуском полку было и некоторое количество рабочих Путиловского завода, которые еще в конце февраля и в первых числах марта 1918 года вместе с эстонскими красногвардейцами вели бои с немецкими войсками на подступах к Нарве. Многие из них остались добровольцами в рядах Красной Армии.

До отправки на фронт Нарвский и Тартуский эстонские полки располагались на западных подступах к Петрограду.

*

В первых числах марта 1918 года в Петрограде началось формирование Эстонского отдельного коммунистического батальона. Запись добровольцев началась еще в Хельсинки (Гельсингфорсе), куда в конце февраля вместе с эвакуированными эстонскими краевыми и таллинскими советскими учреждениями и партийным активом прибыло на кораблях Балтийского флота и значительное количество таллинских красногвардейцев и рабочих. Пролетариат Финляндии в то время еще продолжал вести вооруженную борьбу против своей буржуазии. Финские рабочие радушно приняли эстонских товарищей, предоставили им продовольствие и помещения для жилья.

2 марта в Хельсинки, в здании штаба Красной гвардии, состоялся организованный эстонскими большевиками многолюдный митинг эстонских красногвардейцев и советско-партийного актива, на котором обсуждалось создавшееся положение и был намечен план дальнейших действий. Собрание высказалось за то, чтобы продолжать вместе с другими братскими народами борьбу против врагов молодого Советского государства, в защиту завоеваний Октября. Была принята резолюция о немедленной организации вооруженного отряда, местом дальнейшего формирования которого был назначен Петроград. На этом же собрании в эстонский отряд записалось около 200 человек. Отряд этот, командиром которого был избран А. Янес, а командирами групп — А. Петров, Л. Корман, Ф. Пикман, М. Хаберман и Ф. Варе, 5 марта эшелоном прибыл в Петроград. Сюда же прибыли все остальные эвакуированные из Таллина эстонцы.

Большую работу проделали таллинские рабочие, которые вместе с революционными моряками подготовили к выходу в море стоящие на таллинском рейде корабли Балтийского флота. Экипажи их в большинстве случаев были малочисленными, особенно не хватало судовых специалистов. Уже в Таллине к морякам присоединилось около 200 таллинских рабочих-красногвардейцев. В Хельсинки на корабли поступило еще несколько сот человек. Среди них было немало квалифицированных рабочих: слесарей, электриков, токарей, ранее работавших

кораблестроителями в таллинском военном порту, а также некоторое количество машинистов и других судовых специалистов, крайне необходимых флоту. Все они вместе с русскими моряками участвовали в историческом «Ледовом походе» Таллин — Хельсинки — Кронштадт.

В Петрограде эстонский отряд был принят на учет и на войсковое снабжение штабом по формированию частей Красной Армии. Его разместили в казармах бывшего Преображенского полка, а 10 марта перевели в казармы бывшего Павловского полка на Марсовом поле.

13 марта отряд по распоряжению Н. И. Подвойского был зачислен в состав 1-го корпуса Красной Армии под наименованием Эстонского коммунистического отряда.

В десятых числах марта, когда латышские подразделения Красной Армии, охранявшие Смольный, были переведены в Москву (в связи с переездом 10—11 марта Совета Народных Комиссаров и В. И. Ленина в Москву), охрана Смольного, где остались Совет Петроградской Трудовой Коммуны и другие советские учреждения, была передана Эстонскому коммунистическому отряду, который также был размещен в Смольном.

Для руководства дальнейшим формированием отряда в середине марта был создан Эстонский военный совет. В него вошли А. Рейметс, А. Тур, Я. Каземетс, М. Ликеметс, Э. Рипс, Э. Оттер и некоторые другие.

26 марта отряд был реорганизован и назван Эстонским отдельным коммунистическим батальоном. В его составе к тому времени были две стрелковые роты и пулеметная команда — всего 281 человек, но только 97 из них — бывшие солдаты старой армии — были обучены военному делу. Командного состава было 8 человек, из них 5 бывших офицеров старой армии. Но ряды батальона росли быстро. В конце апреля в нем было уже около 800 человек. Поэтому большая часть людей была перемещена из Смольного в казармы в районе Царскосельского (Детскосельского) вокзала. Для охраны Смольного были оставлены 3-я и 4-я роты, в которых было около 350 человек [87].

В апреле из состава батальона был выделен боевой отряд и под командованием А. Мянникокса направлен в район Белоострова на помощь финским красногвардейцам, которые отходили с боями из Финляндии. Выполнив задание, отряд в конце апреля вернулся обратно в Петроград.

Большинство личного состава Эстонского отдельного коммунистического батальона составляли таллинские рабочие-красногвардейцы, поэтому батальон уже тогда неофициально называли Таллинским. В августе 1918 года он вошел в состав

[87] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 3, ед. хр. 11, лл. 1, 4, 6, 12.

Э. Пяртельс

1-го Таллинского эстонского коммунистического полка в качестве 1-го батальона.

Среди первых командиров и политработников Эстонского отдельного коммунистического батальона были: Я. Пальвадре — командир батальона (впоследствии начальник Эстонской стрелковой дивизии), К. Кангер, А. Мянникокс (в 1919 г. командовали полками в Эстонской дивизии), А. Рейметс (в 1919—1920 гг. комиссар Эстонской дивизии), Я. Леммик, Ю. Портсмут, Э. Нерьесон, Э. Пяртельс, А. Плук, А. Портной (Николаев), К. Преттер и многие другие.

Большую партийно-политическую работу в батальоне проводили Я. Каземетс, А. Рейметс, М. Ликеметс и один из старейших эстонских большевиков Х. Клаас.

К концу мая 1918 года Эстонский отдельный коммунистический батальон был полностью сформирован и в боевом отношении подготовлен для действий на фронте. В нем было четыре стрелковых роты, пулеметная команда, команды конных и пеших разведчиков, команда связи, саперная команда и хозяйственная часть, общей численностью около 1000 человек, из них более 900 человек строевого состава.

1 июня батальон был отправлен на Восточный фронт, где в

связи с мятежом Чехословацкого корпуса и кулацко-белогвардейскими выступлениями на Урале Советской республике угрожала наибольшая опасность.

После ухода батальона на фронт в Петрограде осталась эстонская запасная рота, которая продолжала принимать добровольцев для пополнения находящегося на фронте батальона. По мере возможности запасная рота снабжала батальон также оружием и боеприпасами. Так, 25 июня из состава запасной роты было отправлено на фронт 78 бойцов, 28 июня — 3 пулемета, 62 винтовки и 30 тысяч патронов [88].

Наряду с формированием эстонских частей Красной Армии шла и подготовка для них командных кадров. До организации командных курсов Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны (декабрь 1918 г.) эстонцы направлялись главным образом на Петроградские пехотные, артиллерийские и кавалерийские командные курсы. Начиная с апреля 1918 года на эти курсы было направлено около 200 эстонцев. Больше всего эстонцев в 1918 году обучалось на 1-х и 2-х Петроградских артиллерийских курсах (115 человек). Военную подготовку артиллерийских красных командиров получили там уже немолодые по возрасту руководящие эстонские партийные работники Я. Анвельт, Р. Вакман, Я. Сихвер и молодые товарищи Х. Туммельтау, П. Левальд, Ю. Пруун, А. Ломбак, И. Шульценберг, Р. Сейль, В. Прей, А. Крик, Р. Крик, Р. Давыдов, Я. Лейзик и многие другие. Когда в конце сентября 1918 года на артиллерийских курсах состоялся первый выпуск командиров, часть эстонцев (22 человека) ввиду невозможности размещения их в эстонских артиллерийских частях, которых тогда было еще мало, пришлось распределить по другим артиллерийским частям, главным образом в Московском военном округе. На 1-х пехотных и на 2-х кавалерийских курсах в Петрограде обучалось около 80 эстонцев. Осенью 1918 года их окончили такие видные впоследствии командиры частей Эстонской стрелковой дивизии, как А. Хейнтс, И. Эверт, Я. Юриссон, И. Роман, Э. Вийкберг, А. Каазик и некоторые другие. Окончивший 2-е Петроградские кавалерийские курсы А. Кеслер был назначен комиссаром этих же курсов [89].

19 человек окончили в 1918 году Петергофские пехотные командные курсы. Среди них были В. Пуссь, Х. Линде, Ф. Симсон, И. Онксион, Х. Лаур, С. Нийсмейстер, А. Оккер, Э. Салгуст и другие [90].

---

[88] ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 3, ед. хр. 13, лл. 39—40, 53, 79—80.
[89] Там же, ф. 27, оп. 3, ед. хр. 13, лл. 34, 54—59.
[90] Там же, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 527, л. 6.

8 июня 1918 года Эстонский отдельный коммунистический батальон прибыл в Екатеринбург (Свердловск) и вошел в состав Екатеринбурго-Челябинской группы войск, один из боевых участков которой находился в тот период на линии фронта Бердяуш—Челябинск.

До середины июня 1918 года войска Красной Армии, которые действовали на фронте Челябинск—Омск—Екатеринбург, не имели единого централизованного командования. С целью координации действий частей в этом районе был создан единый Северо-Урало-Сибирский фронт под командованием Р. Берзина. В июле 1918 года этот фронт был переименован в 3-ю армию Восточного фронта [91].

11 июня Эстонский отдельный батальон через Златоуст прибыл на станцию Тургояк и выгрузился. Сменив на этом участке фронта несколько мелких отрядов, он занял позиции на западных подступах к городу Миассу, вдоль железной дороги Златоуст—Челябинск. На этом, а также на других участках Северо-Урало-Сибирского фронта в те дни действовало множество мелких отрядов и дружин, численностью в отдельных случаях даже менее 100 штыков. На златоустовском участке фронта такими были, например, отряд Соколова — 66 штыков, Златоустовский железнодорожный отряд — 60 штыков, Сарапульский и Тобольский отряды — по 80 штыков в каждом, Белорецкий отряд Сергеева — 100 штыков, Алапаевская боевая дружина — около 100 штыков и некоторые другие отряды такой же или несколько большей численности.

Среди этих отрядов Эстонский отдельный батальон по своей численности и вооружению, а также достаточно подготовленному командному составу представлял одну из наиболее организованных и боеспособных войсковых единиц. Одних штыков в стрелковых ротах было примерно 600, при 17 пулеметах. Численно батальон был даже больше некоторых полков, расположенных на этом участке фронта. Например, во 2-м и 7-м Уральских полках и в 1-м Костромском полку насчитывалось от 300 до 500 штыков в каждом.

Сведения о силах противника на участке фронта Эстонского батальона в момент его прибытия на позиции отсутствовали. Высланная разведка обнаружила два эшелона чехов и окопы севернее станции Миасс. Продолжая изучение обстановки, батальон начал готовиться к наступательным действиям. Было принято решение: демонстрацией наступления на правом фланге отвлечь внимание противника, а основными силами на левом фланге батальона прорвать фронт, уничтожить группи-

[91] ЦГАСА, ф. 423, оп. 1, д. 15, лл. 293—295.

ровку противника и занять город Миасс. Предварительно в тыл белых должна была проникнуть команда конных разведчиков, создать там панику и этим облегчить фронтальные действия батальона.

Но этот план осуществить не пришлось, так как от командующего группой войск был получен приказ оставить занимаемые позиции. Оказалось, что за левым флангом Эстонского отдельного батальона соседняя часть под нажимом белых оставила деревню Тургояк, а в тылу Эстонского батальона противник подходил к станции Тургояк. Батальон отошел в горы Среднего Урала в районе Александровской сопки.

В продолжение двух дней Эстонский батальон не знал обстановки на фронте и не получал никаких распоряжений от командования группы войск. Тогда было решено начать действия по своей инициативе. Выдвинув передовой отряд из стрелков, конных и пеших разведчиков, пулеметчиков и саперов, общей численностью около 140 человек, батальон начал продвижение к прежним позициям. Передовой отряд занял деревню Тургояк, только что оставленную противником, который, видя приближение отряда красных, ушел без боя. Затем отряд занял еще некоторые населенные пункты, уже вступая при этом в стычки с врагом.

Основные силы Эстонского отдельного батальона намеревались вновь начать наступление на Миасс, но в это время в тылу Златоустовской группы советских войск начался кулацко-белогвардейский мятеж. Мятежники захватили железнодорожные станции Бердяуш и Тундуш, Саткинский, Бакалинский и Кусинский заводы. Они готовили захват власти в городе Златоусте. Из-за этого потребовалось приостановить наступательные действия и перейти к обороне, а часть войск направить на ликвидацию мятежа.

Положение на этом участке фронта стало напряженным. Командующий Златоустовской группой войск, член Уральского комитета партии И. М. Малышев выступил против мятежников с одной ротой эстонцев, ротой Симско-Миньярского батальона и Тирлянским и Белорецким отрядами. Но этих войск было мало, большинство из них оказалось малобоеспособным, а рота Симско-Миньярского батальона самовольно оставила место боя. Только эстонской роте с боями удалось очистить от мятежников Кусинский завод и станцию Бердяуш.

Мятеж продолжал расширяться. Кулацко-белогвардейские банды убивали советских людей. Ночью в районе деревни Кураш они захватили санитарный поезд, в котором был и т. Малышев. Все находившиеся в поезде раненые красноармейцы, медицинский персонал, а также И. М. Малышев были зверски убиты бандитами.

После гибели т. Малышева командующим Златоустовской

группой войск стал Н. Г. Толмачев (до этого — заместитель Малышева, погиб в бою против Юденича в 1919 году), который 24 июня собрал на совещание всех командиров частей, чтобы обсудить создавшееся положение. Было решено продолжать боевые действия как на фронте, так и по ликвидации мятежа в тылу, и восстановить нарушенную мятежниками связь с Уфой и Екатеринбургом.

Часть войск под непосредственным командованием Н. Г. Толмачева была направлена с фронта в район мятежа, а командование войсками на линии фронта было возложено на командира Эстонского отдельного батальона Я. Пальвадре. В числе войск, направленных против мятежников, была значительная по численности боевая группа из состава Эстонского отдельного батальона, которая в течение нескольких дней вела боевые операции, очистив от мятежников станцию Тундуш и ряд других населенных пунктов.

Ликвидация мятежа, охватившего значительную территорию, потребовала времени и отрыва войск с фронта. Боевые действия на этом участке фронта могли иметь теперь только оборонительный характер. Но вскоре противник перешел в общее наступление, рассчитывая прорвать оборону советских войск и соединиться с мятежниками. Положение становилось все более тяжелым.

Белогвардейское командование поставило цель — овладеть магистралью Сызрань — Самара — Уфа — Златоуст — Челябинск — Омск. Овладев ею, белые намеревались выдвинуть свои отряды к северу для защиты магистрали от советских войск. Эти операции они провели успешно, особенно в районах Омска, Кургана, Челябинска и Златоуста. Поэтому железная дорога Екатеринбург—Пермь—Вятка имела для Красной Армии огромное значение. В случае потери ее части Красной Армии оказались бы в стратегическом окружении. Армия Северо-Урало-Сибирского фронта к началу июля 1918 года располагала на линии фронта только 7800 штыками, 183 пулеметами и 28 орудиями, а занимала фронт протяженностью около 900 километров. Кроме того, она должна была еще вести борьбу с мятежниками внутри своего района [92].

На Северо-Урало-Сибирском фронте в тот период, а также и значительно позднее (когда части этого фронта были уже сведены в 3-ю армию Восточного фронта) из-за недостатка людских сил не было сплошной линии фронта, а тем более каких-либо фортификационных сооружений. Части Красной Армии, выдвинутые на передовую линию, обычно располагались в районах населенных пунктов, отдаленных друг от друга

---

[92] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 52 (44719), лл. 85, 95—100 (материалы Полевого управления 3-й армии Восточного фронта).

на десятки километров. Разрывы между ними не подвергались постоянному наблюдению ни частями Красной Армии, ни противником, у которого также не хватало сил для прикрытия больших расстояний. Поэтому, как часто и происходило, небольшое войсковое подразделение могло совершенно свободно и в любое время проникнуть в тыл противника и, выполнив полученное задание, вернуться к своим.

Начавшееся в конце июня общее наступление белых на Златоустовском направлении вынудило части Красной Армии к отходу. Эстонский отдельный батальон вместе с другими частями этого боевого участка отошел в район Златоуста. Вскоре и этот район был оставлен, и войска отступили к городу Нязепетровску, где была организована уже более прочная оборона.

Передовой отряд Эстонского батальона, который попрежнему занимал район Тургояка и не сразу узнал об отходе батальона и других частей, очутился теперь в тылу противника. По мере отхода частей Красной Армии, продолжавшегося после захвата белыми Златоуста, эстонскому отряду пришлось пройти многие десятки километров в тылу противника, чтобы выйти к своим. Действовал он там очень умело, ведя бои с мелкими отрядами белых и избегая встреч с более крупными силами, с которыми он не смог бы справиться. Когда появилась возможность перейти линию фронта, эстонцы, выдав себя за мятежных чехов, связались с белобандитами из местных кулаков-башкир. Последние, не разобравшись, с кем они в действительности имеют дело, предоставили им свои услуги, выделив проводников для переправы мнимых чехов в «тыл красных». 2 июля эстонский отряд, который считался уже захваченным противником, благополучно присоединился к своему батальону, передав в руки советского командования своих проводников из белобандитов. В тылу врага отряд потерял четырех бойцов убитыми и двое были ранены.

После того как части Красной Армии оставили Златоуст и отошли дальше на север, войска этого направления были переименованы в группу войск Западно-Уральского направления. Командовавший до этого Златоустовской группой войск Н. Г. Толмачев был назначен помощником командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом, а командование войсками Западно-Уральского направления было возложено на Я. Пальвадре [93]. Командиром Эстонского отдельного батальона временно стал помощник командира батальона Э. Тиннь.

В районе Нязепетровска красным эстонским воинам пришлось выдержать ряд ожесточенных боев с противником, силы

---

[93] ЦГАСА, ф. 423, оп. 1, д. 7, лл. 20, 22, 73, 178; ф. 176, оп. 4, д. 52 (44719), лл. 58—61; д. 15, лл. 34—35, 112.

которого все возрастали. Силы же частей Красной Армии вследствие потерь и отсутствия свежих пополнений постепенно сокращались. Небольшое пополнение — 78 человек — получил только Эстонский батальон из запасной роты в Петрограде.

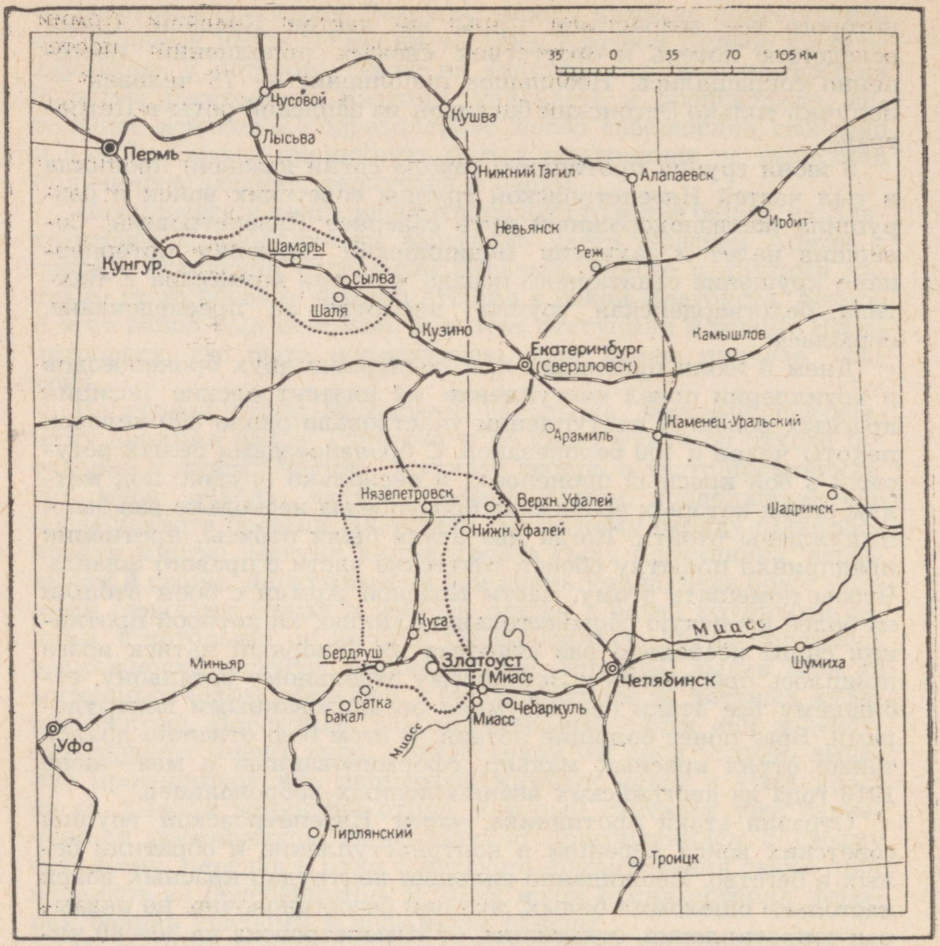
5 июня группа противника (около сотни казаков) проникла в тыл частей Нязепетровской группы советских войск и разрушила железнодорожный путь севернее Нязепетровска. Совершив налет и захватив медицинский персонал потерпевшего крушение санитарного поезда, а также комиссара т. Бахтина, белогвардейская группа, несмотря на преследование, скрылась.

Днем 5 июля противник при поддержке двух бронепоездов и артиллерии повел наступление на нязепетровские позиции красных войск. В наступлении участвовало около 800 человек пехоты чехов и 400 белоказаков. С бронепоездами белых вступили в бой красный бронепоезд и несколько орудий, под метким огнем которых вражеские бронепоезда несколько раз были вынуждены отойти. Когда две атаки были отбиты, противник предпринял попытку обойти советские части с правого фланга. Чтобы помешать этому, части Красной Армии с боем отошли на более короткую оборонительную линию, на которой противник снова несколько раз атаковал их. Упорный натиск врага пришлось преодолеть и Эстонскому отдельному батальону, отбившему все атаки белых умело организованными контрударами. Враг понес большие потери. В этом бою отважно дрался также отряд красных мадьяр, сформированный в мае—июне 1918 года из австрийских военнопленных-добровольцев.

Отразив атаки противника, части Нязепетровской группы советских войск перешли в контрнаступление и обратили белых в бегство. Неожиданно сильный контрудар красных войск настолько ошеломил белых, что они безостановочно, не оказывая сопротивления, откатились от Нязепетровска на 30—40 километров. Обстановка диктовала теперь необходимость быстрого и энергичного преследования противника. Для этого нужна была кавалерия, но ее на этом участке фронта не было. Пальвадре неоднократно обращался к командованию фронта с просьбой прислать хотя бы небольшое количество конницы, но эту просьбу не было возможности удовлетворить ввиду напряженного положения на других участках Северо-Урало-Сибирского фронта.

Противник, оправившись от полученного 5 июня удара и получив свежие резервы, уже 11 июля снова подошел к Нязепетровску. Вновь начались бои.

Сосредоточив на этом участке ударный кулак войск — около 1700—1800 штыков, кавалерию, два бронепоезда и около 10 орудий, — белые предприняли 14 июля общее наступление



Район боевых действий Эстонского отдельного батальона на Восточном фронте

и к вечеру того же дня с трех сторон окружили группировку советских войск. Части Красной Армии оказывали упорное сопротивление, но под напором крупных сил врага были вынуждены начать отход к северу и северо-востоку от Нязепетровска [94].

16 июля Эстонский отдельный батальон и некоторые другие части отступили в район Верхнего Уфалея. Другая часть

[94] ЦГАСА, ф. 423, оп. 1, д. 15, лл. 73, 124; воспоминания А. Плукка.

войск этого боевого участка отходила к Михайловскому заводу. Когда белые заняли 17 июля Верхний Уфалей, Эстонский отдельный батальон с боями отошел на линию населенных пунктов Арсланово и Шемаха, а затем дальше к Михайловскому заводу. Оттуда он был переброшен через Екатеринбург на другой участок фронта, в район станции Шаля. К этому времени батальон, более месяца участвовавший в непрерывных боях, крайне нуждался в отдыхе, который и был предоставлен ему в городе Перми.

В этот период противник имел успех почти на всех участках Северо-Урало-Сибирского фронта и угрожал захватом Екатеринбурга. Штаб фронта уже переехал оттуда на станцию Кушва, оставив в Екатеринбурге лишь оперативную группу[95].

Успеху белых способствовало то обстоятельство, что значительные слои местного населения находились еще под влиянием эсеров и разных контрреволюционных группировок. Чувствовалась также организационная слабость частей Красной Армии. Они часто действовали разрозненно, были крайне плохо снабжены военными материалами и продовольствием. Обозов, как таковых, почти не существовало, что сказывалось на подвозе тех небольших ресурсов боеприпасов и продовольствия, которыми молодая Советская республика тогда располагала. Поэтому части Красной Армии вынуждены были держаться в районах железных дорог. Все хозяйство частей перевозилось с места на место по железной дороге. Затруднительным было также почти полное отсутствие карт местности, что отрицательно влияло на разработку операций и ведение войсковой разведки.

*

13—15 июля 1918 года в Москве состоялась конференция эстонских секций РКП(б) с участием делегатов от эстонских коммунистических частей — А. Йеа, А. Рейметса, М. Ликеметса, Э. Оттера. На конференции в числе других вопросов обсуждалось и формирование эстонских частей Красной Армии.

По докладу Я. Сихвера, посвященному этому вопросу, конференция приняла решение шире развернуть создание эстонских национальных частей Красной Армии, вовлекать в них всех проживающих в Советской России эстонцев, в том числе и пришедших из оккупированной Эстонии. К этому времени созданный в марте 1918 года Эстонский военный совет, занимавшийся формированием только Эстонского отдельного коммунистического батальона, по существу, исчерпал свои функции, так как батальон был отправлен на фронт.

В августе 1918 года в Петрограде был создан новый орган

---

[95] ЦГАСА, ф. 423, оп. 1, д. 14, лл. 34—36.

по формированию эстонских частей Красной Армии и координации всей военной работы среди эстонцев — Военный Совет эстонских стрелковых частей. Его возглавил Я. Сихвер. Однако Совет почти два месяца существовал неофициально. Штаты и смета по содержанию его аппарата были утверждены Реввоенсоветом республики только с 1 октября, после ходатайства ЦК Эстонских секций РКП(б) и двух поездок Я. Сихвера в Москву. Штатами в Совете были предусмотрены председатель Совета и три члена (они же заведовали отделами формирования, мобилизации и культурно-просветительным), пять эмиссаров и 11 технических работников [96].

Сформированные в составе 3-й Петроградской дивизии Нарвский и Тартуский (Юрьевский) эстонские полки были тогда уже подготовлены для отправки на фронт. Но до этого им пришлось вести бои против кулацко-белогвардейских мятежников на внутреннем фронте.

Летом и осенью 1918 года эсеры и белогвардейцы по указке агентов иностранных империалистов начали мятежные действия против Советской власти. Особенно напряженным стало положение после того, как левые эсеры убили в июле в Москве германского посла Мирбаха и Германия предъявила ультиматум Советской России. Можно было ожидать, что немецкие войска в оккупированных ими областях России вновь откроют военные действия против Советов. В связи с этим Нарвский и Тартуский эстонские полки, охранявшие демаркационную линию западнее Ямбурга, были приведены в боевую готовность. Но военные действия не начались. Между Советской Россией и Германией было достигнуто соглашение о мирном урегулировании конфликта. Однако эсеры и белогвардейцы не унимались. После провала мятежа в Москве они организовали выступления в Ярославле, Муроме, Рыбинске, на Урале и в других местах.

В августе 1918 года мятеж был организован и на территории Ямбургского и Гатчинского уездов Петроградской губернии. В нем участвовали кулаки и зажиточные крестьяне.

Мятежники располагали значительными силами и вооружением, оставленным частями старой армии, отходившими с фронта через эти районы в феврале—марте 1918 года. Особую активность мятежники проявляли в районах железнодорожных станций Веймарн, Молосковицы, Тикопис, Вруда, где они захватили на значительном протяжении железную дорогу Ямбург—Гатчина. Они громили сельские советы, комитеты бедноты, убивали коммунистов и советских активистов. Создавшееся положение требовало немедленных энергичных дейст-

[96] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 1, д. 538, л. 3. О поименном составе Совета сведений не сохранилось.

вий. Это было тем более необходимо, что в случае распространения мятежа к западу главари его могли связаться с немцами в Нарве и получить от них помощь оружием.

На борьбу с белыми были направлены первый батальон 15-го Тартуского и два батальона 14-го Нарвского эстонских полков. За шесть дней боев (18—24 августа 1918 т.) мятеж был полностью ликвидирован.

Как вспоминает один из участников этих боев Р. Маяк (Анслауд), в районе станции Молосковицы мятежники упорно сопротивлялись. У них были пулеметы, и поэтому лобовая атака могла привести к ненужным потерям. Тогда командир батальона Тартуского полка Арцыбашев послал в тыл врага группу конных разведчиков. План удался блестяще. Очутившись меж двух огней, мятежники, которых было по крайней мере втрое больше, чем красноармейцев, в панике разбежались, бросая оружие. Район станции Молосковицы был очищен от мятежников.

В боях с врагом отдали свою жизнь десять бойцов революции. Останки их были с воинскими почестями преданы земле на центральной площади в Ямбурге.

Как особо отличившиеся в этих боях были отмечены командир 1-го батальона 15-го Тартуского полка Арцыбашев, командир 1-й роты Кипасто, командир 2-й роты Скудре, разведчик Оракули, помощник командира 14-го Нарвского полка Седлецкий, командиры рот Закревский и Добровольский, начальник команды конной разведки Скородумов, начальник пулеметной команды Кийдеман, помощник командира 2-й роты Пейс и многие другие. В приказах по 3-й Петроградской дивизии подчеркивалась «высокая бодрость духа и храбрость в боевой обстановке» всех красноармейцев и командного состава названных частей[97]. Эти столкновения с врагами Советской власти были боевым крещением Тартуского и Нарвского эстонских полков, которым вскоре пришлось сражаться уже с более сильным и организованным противником.

Формирование 1-го Таллинского (Ревельского) эстонского полка и первых эстонских артиллерийских подразделений

В соответствии с решением июльской конференции эстонских секций РКП(б) Совет эстонских стрелковых частей приступил к формированию 1-го Таллинского эстонского коммунистического стрелкового полка. Его 1-м батальоном стал находившийся на Восточном фронте Эстонский отдельный коммунистический батальон, а остальные два батальона, штаб полка и другие предусмотренные штатами стрелкового полка

[97] ЦГАСА, ф. 1171, оп. 6, д. 3, лл. 21—22.

подразделения было решено сформировать в Петрограде. Из отчета пехотного подотдела Штаба по формированию частей Красной Армии в Петрограде за период с 1 по 15 августа 1918 года видно, что формирование 1-го Таллинского полка на первое время и в связи с отсутствием кандидатуры на должность командира полка было возложено на членов Совета эстонских стрелков А. Йеа и Х. Тедера. Но вскоре командиром полка был назначен отозванный с Восточного фронта бывший офицер старой армии Л. Ритт (до этого начальник саперной команды Эстонского отдельного батальона), а Йеа был утвержден комиссаром полка. Формирование полка происходило в тех же казармах у Царскосельского вокзала, где ранее формировался Эстонский отдельный батальон. По состоянию на 30 августа 1918 года в 1-м Таллинском полку было 936 человек, а на 30 сентября — 1008 человек (вместе с первым батальоном, находившимся на фронте)[98].

Полк комплектовался как мобилизованными, так и добровольцами. Гатчинский военный комиссариат, например, в конце сентября прислал 172 человека мобилизованных, преимущественно финнов, Ямбургский военный комиссариат — 100 человек эстонцев. В состав Таллинского полка вошла и расположенная в Петрограде эстонская запасная рота, в которой к тому времени осталось только около 40 человек.

В этот же период в Петрограде формировался 1-й эстонский легкий артиллерийский дивизион в составе двух батарей. Уже в конце августа на Восточный фронт к первому батальону Таллинского полка была отправлена артиллерийская команда с двумя орудиями.

1-й батальон Таллинского полка (бывший Эстонский отдельный батальон) после непродолжительного отдыха в городе Перми был в первых числах августа послан на фронт на Кунгурское направление и в конце августа вошел в оперативное подчинение 1-й бригады 3-й Уральской дивизии *. Командование 1-й бригадой этой дивизии было временно возложено на Я. Пальвадре. Екатеринбург был уже в руках белых, и линия фронта Эстонского батальона проходила между станциями Вогулка и Шаля. Вступив в бой, Эстонский батальон и подоспевшие к нему на помощь только что прибывшие на фронт 4-й Петроградский (Василеостровский) полк и батальон 7-го Уральского полка выбили белых со станции Шаля, захватив при этом много различного военного имущества, брошенного бежавшим противником.

---

[98] ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 3, ед. хр. 11, л. 2; д. 13, лл. 77—78; ф. 28, оп. 1, д. 523, л. 92.

* 3-я Уральская дивизия в октябре 1918 г. была включена в состав 4-й Уральской дивизии, которая в ноябре 1918 г. была переименована в 30-ю стрелковую дивизию.

На Кунгурском направлении красные эстонские воины участвовали во многих сражениях. 21 августа произошел ожесточенный бой в районе рабочего поселка Сылва (ныне поселок городского типа в Верхне-Городокском районе Пермской области), окончившийся разгромом противника и освобождением поселка.

4—5 сентября в районе железнодорожных разъездов 64 и 65 и станции Шаля Эстонский батальон вновь выдержал тяжелый бой. 3 сентября 7-й Уральский полк на левом фланге 3-й Уральской дивизии под сильным нажимом противника оставил деревню Пермяки, а занимавший позиции у разъезда 65 отряд моряков отступил на станцию Сарга. Это привело к обнажению левого фланга 1-й бригады 3-й Уральской дивизии, на котором занимал позиции и Эстонский батальон. 4 сентября на этом же участке фронта оставил позиции Кунгурский батальон, отступивший в Саргу, а оттуда эшелоном на станцию Шаля. Теперь на этом участке большой протяженности остался лишь Эстонский батальон, который в продолжение нескольких часов отбивал атаки крупных сил противника. Наконец и он был вынужден отойти к разъезду 64. Затем прибывшие к эстонцам на помощь две роты 7-го Уральского полка и батальон 4-го Петроградского полка приостановили дальнейшее продвижение врага. Отведенный в ближайший тыл на станцию Шаля Эстонский батальон получил задачу выступить в обход фланга противника. 5 сентября, когда батальон перед выходом на задание был выстроен для проверки, по нему внезапно был открыт огонь. Оказалось, что к станции, пользуясь прикрытием опушки леса, незамеченной подошла значительная группа белых. Батальон вступил в бой, который продолжался до 12 часов ночи, после чего противник отступил, оставив на месте 6 пулеметов «Кольт».

Последующие боевые действия Эстонского батальона (до прибытия в конце октября на фронт 2-го батальона и других подразделений Таллинского полка) развертывались на этом же участке фронта в районе станций Вогулка, Сарга и некоторых других населенных пунктов.

В октябре на Восточный фронт после окончания 2-х Петроградских артиллерийских командных курсов прибыл Я. Анвельт, по инициативе которого там началось формирование Эстонской тяжелой артиллерийской батареи. В Перми батарея получила 4 42-линейных орудия, а из Петрограда была прислана небольшая команда артиллеристов. Командиром батареи был назначен И. Турья. Полностью укомплектовать батарею людьми не удалось, и в ноябре ее отправили в Петроград, где она продолжала формирование [99].

[99] ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 1, д. 528, лл. 5—6, оп. 3, д. 21, л. 43; ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 35, л. 90.

18 октября штаб, 2-й батальон (в составе трех стрелковых рот), пулеметная команда, саперная команда, команда связи, команда пеших разведчиков и кавалерийский взвод 1-го Таллинского эстонского коммунистического полка отбыли из Петрограда к 1-му батальону на Восточный фронт. Все названные подразделения полка были неполного численного состава, так как часть людей из полка накануне отправки на фронт была передана в формировавшиеся в Петрограде 2-й Вильяндиский (Феллинский) эстонский полк и в 1-й эстонский артиллерийский дивизион. В эти части было передано 363 человека, в том числе 15 человек командного состава[100]. Из-за недостатка людей в Таллинском полку не был сформирован третий батальон. Из полка ушел комиссар полка А. Йеа, занявший ту же должность во 2-м Вильяндиском эстонском полку. Новым комиссаром 1-го Таллинского полка был назначен А. Рейметс.

По случаю отправки на фронт 2-го батальона и других подразделений Таллинского полка, а также команды артиллеристов Совет эстонских стрелковых частей выпустил воззвание-приветствие, в котором было сказано:

«1-му Таллинскому полку.

Сегодня, 18 октября 1918 г., на фронт отправляются второй батальон 1-го Таллинского эстонского коммунистического стрелкового полка и команда 1-го эстонского артиллерийского дивизиона. Они отправляются туда, где первый батальон полка уже несколько месяцев мужественно борется, грудью защищая землю Социалистического Отечества. ...Эстонские коммунистические войны — рабочие и бедняки — борются единым фронтом за уничтожение капиталистического строя. Они помогают российскому пролетариату сметать с лица земли его врагов... Мы уверены, что скоро вся территория Социалистического Отечества будет очищена от врагов трудового народа... Заслуженное возмездие получат и враги эстонских трудящихся.

Вперед, отважные эстонские коммунистические воины!

Знайте, что те товарищи, которые еще не вступили в ваши ряды, скоро это сделают.

Ряды эстонских стрелковых войск должны расти изо дня в день.

Коммунистические товарищи! Передайте лучшие пожелания товарищам, твердо стоящим на рубежах Урала...

Я. Сихвер»[101].

---

[100] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 44, лл. 13—16.

[101] «Tööline» № 68, 18 окт. 1918, Петроград.

1-й Таллинский эстонский коммунистический полк прибыл на фронт в конце октября. После слияния батальонов и команд в Кунгуре он вошел в состав 4-й Уральской дивизии (переименованной вскоре в 30-ю стрелковую дивизию) и принял уча-

Г. Уйбо

стие в боях, которые на Кунгурском направлении все еще носили ожесточенный характер. Здесь Таллинский полк вместе с полками 30-й дивизии, которой командовал В. К. Блюхер, участвовал в операциях по освобождению от белых станции Туллумбасы и разъезда 59 (8 ноября), станции Кордон (10 ноября) и ряда других пунктов [102].

На Восточном фронте красные эстонские бойцы и командиры проявили высокие боевые качества, самоотверженность и воинскую отвагу, приобрели значительный опыт. Немалое количество участников этих боев впоследствии было выдвинуто на руководящие командные посты в Эстонской стрелковой дивизии.

Энергично и самоотверженно действовали также медико-санитарные работники этого первого эстонского боевого отряда Красной Армии — старший врач И. Акимихин, военфельд-

[102] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1534, оп. 1, ед. хр. 19, лл. 81—83.

шеры Г. Уйбо, Эйсман и другие. Несмотря на частые перемещения во время боев и трудности в снабжении медикаментами и перевязочными материалами, они всегда оказывали необходимую помощь раненым бойцам и командирам, быстро принимали меры к эвакуации тяжело раненных в тыловые военные госпитали.

17 ноября 1918 года Реввоенсовет Восточного фронта на основании телеграфного распоряжения Главкома дал указание командующему III армией направить эстонские части в Ямбург для сосредоточения их по усмотрению командующего войсками Северного фронта и командующего VII армией. Однако отправка 1-го Таллинского полка была задержана командованием 30-й стрелковой дивизии по той причине, что взамен эстонцев в дивизию новой части не прибыло. Против перемещения эстонцев на другой фронт протестовал перед Военным Советом Восточного фронта и Военный Совет III армии. И только после повторного приказа Реввоенсовета фронта 1-й Таллинский эстонский полк был выведен из состава 30-й стрелковой дивизии и отправлен из Кунгура в Пермь, чтобы следовать дальше к новому месту назначения [103].

Мужество и воинская доблесть таллинцев на Восточном фронте засвидетельствованы рядом похвал высшего командования и Уральской партийной организации.

В конце августа 1918 года Военный Совет III армии обратился к Петроградскому Совету с просьбой ускорить присылку на фронт пулеметов, полевых телефонных аппаратов и другого военного снаряжения. В этом письме упомянут и Эстонский коммунистический батальон, про который сказано: «Между прочим, здесь дерутся смольнинские* эстонцы. Подчеркните на заседании Совета их доблесть и стойкость. Они потеряли половину своего состава, но дерутся как львы» [104].

25 ноября, когда 1-й Таллинский эстонский полк грузился в эшелоны для переброски под Нарву, чтобы участвовать в боевых операциях по освобождению Эстонии, был объявлен приказ войскам III армии Восточного фронта № 451, в котором говорится:

«Распоряжением Главнокомандующего фронтами Эстонский батальон, получая новое назначение, выходит из состава III армии. Батальон эстонцев** прибыл на фронт в июне ме-

[103] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 14, лл. 53, 57—59, д. 44, л. 110; ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 3, д. 21, л. 4.

* «Смольнинскими» эстонцы названы потому, что в марте—мае 1918 г. Эстонский отдельный батальон нес охрану Смольного в Петрограде.

[104] ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 3, д. 21, лл. 1—2.

** В приказе III армии сказано только об Эстонском батальоне. Это объясняется тем, что 2-й батальон Таллинского полка прибыл на фронт только в конце октября и в боях участвовал мало.

сяце и с места вступил в бой. С тех пор до настоящего дня батальон принимал деятельное участие во всех боевых операциях. Много славных боев вынесли на своих плечах эстонцы, много крови своей они отдали на защиту Социалистической Революции.

Работа батальона будет записана на многих и многих страницах истории выдающихся подвигов Красной Армии. Расставаясь с вами, герои-эстонцы, Военный Совет III армии счастлив вручить вам в воздаяние боевых заслуг, проявленных вами на многочисленных полях сражения Седого Урала, Красное Знамя, даренное Уральским Областным Комитетом партии коммунистов-большевиков — как символ и эмблему заслуг перед Революцией.

Военный Совет: *Берзин, Лашевич.*

Начальник Штаба *Алафузо*»[105].

При вручении Красного Знамени был также передан полученный от Уральского комитета партии адрес следующего содержания:

«Товарищи, Ваш Эстонский коммунистический батальон удостоен величайшей для солдата Революции чести: в награду за доблесть и мужество, проявленные в битвах с врагами Советской Республики, Штаб III армии Восточного фронта вручает вам Красное Знамя — символ пролетарской революции, символ коммунизма.

Это знамя вручается в мужественные руки эстонских пролетариев, показавших так много примеров пролетарского героизма. И, вручая вам это знамя, областной комитет коммунистов Урала от имени всего революционного уральского пролетариата выражает чувство восхищения вашими подвигами и приносит вам дань братской солидарности тех, чьи заводы, шахты и земли вы прикрывали грудью, борясь на наших горах за торжество коммунизма.

В самые тяжелые дни пришли вы к нам из далекой Эстляндии с братской бескорыстной помощью. Полгода вы сражались вместе с нами плечо к плечу. Здесь на горах и в лесах Урала смешалась кровь пролетариев красного Урала и Эстляндии. Крепок союз, спаянный кровью ваших и наших лучших братьев.

Шесть месяцев в битвах, шесть долгих месяцев вы были нашей гордостью, нашей гвардией, шесть месяцев мы жили одними горестями и радостями, одними победами и поражениями.

Сейчас, когда уральский пролетариат вручает вам полковое знамя, вы, товарищи эстонцы, идете на новые поля битв. Мы

---

[105] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 19, л. 39.

уверены, что вы храбро будете биться под этим знаменем, что мы вручаем наше знамя в верные мозолистые руки.

И где бы вы ни были, где бы ни пришлось биться вам с врагами пролетариата под сенью этого знамени, помните, дорогие товарищи, уральских рабочих, сердца которых с вами, со всем рабочим классом. Помните, что в тяжелые дни мы будем счастливы доказать наши братские чувства эстонскому пролетариату.

Да здравствует международная армия трудящихся! Да здравствует Эстонский коммунистический полк!

Уральский Областной Комитет
Российской Коммунистической партии» [106].

В августе 1918 года Эстонскому отдельному коммунистическому батальону было передано также Красное Знамя от Совета рабочих и крестьянских депутатов 1-го городского района Петрограда.

Боевые действия Тартуского эстонского полка и батальона Нарвского эстонского полка на Северном фронте

После ликвидации в августе 1918 года кулацко-белогвардейского мятежа 15-й Тартуский эстонский полк также предполагалось отправить на Восточный фронт, где уже вел бои Эстонский отдельный батальон. Однако к тому времени, наряду с напряженным положением на Восточном фронте, усилилась угроза с севера. Захватив 2 августа Архангельск и высадив десант в устье реки Онеги, англо-американо-французские интервенты стали продвигать свои крупные силы к югу и юго-востоку. Они намеревались перерезать Северную железную дорогу и соединиться с контрреволюционерами Сибири. Интервенты наступали здесь в трех основных направлениях: вдоль тракта Архангельск — Котлас и отчасти по тракту Семеновское — Шенкурск — Вельск; вдоль железной дороги Архангельск — Вологда; по реке Онеге и тракту Онега — Малые Озерки.

К концу августа 1918 года войска интервентов, не встречая сколько-нибудь организованного сопротивления, захватили город Шенкурск, заняли станцию Обозерскую на железной дороге Архангельск — Вологда и продолжали продвигаться к Вологде.

С целью объединения разрозненных частей Красной Армии на этих, а также на Петрозаводском направлении (где интер-

[106] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1534, оп. 1, ед. хр. 20, л. 177.

венты действовали еще с марта 1918 года) было создано Управление Северного фронта. В этот фронт были включены войска Северного участка, Петроградского района и Северо-восточного участка завесы. Они образовали VI и VII армии.

А. Винк

На Северный фронт стали прибывать новые части Красной Армии. На Архангельское направление в конце августа 1918 года прибыл и 15-й Тартуский эстонский полк под командованием А. Яновского. В полку было 1130 человек, в нем имелось два батальона по три стрелковых роты в каждом, полковые и батальонные пулеметные команды, команды конных разведчиков и связи, хозяйственная команда, полковой перевязочный отряд [107].

Полк вошел в состав войск Архангельского боевого района и занял позиции несколько севернее станции Емца, в 140 км южнее Архангельска. Здесь, в районе разъездов 445 (Кухоозерский), 455 (Великоозерский) и других пунктов, начались боевые действия Тартуского полка. Задача заключалась в том, чтобы приостановить дальнейшее продвижение противника.

[107] ЦГАСА, ф. 502, оп. 1, д. 19, л. 396-а; ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1534, оп. 1, ед. хр. 35, л. 29.

Тартуский полк и другие более мелкие части Красной Армии, находящиеся в этом районе, выполнили свою задачу. В первых ожесточенных боях тартусцы понесли значительные потери. Среди погибших был и помощник начальника пулеметной команды Андрес Винк, один из активных организаторов Красной гвардии в Тарту в 1917 году и в начале 1918 года. Но эти потери не были напрасными — продвижение интервентов было остановлено.

Боевые действия на Северном фронте, в том числе и на Архангельском направлении, приходилось вести в весьма сложных условиях, в лесисто-болотистой местности. В большинстве случаев отсутствовали необходимые для ведения операций разведывательные данные о силах противника. Бои велись главным образом вблизи железной дороги, а на других направлениях—вблизи больших трактов. Постоянно существовала угроза обхода противником флангов. Силы интервентов в тот период в несколько раз превосходили силы частей Красной Армии, расположенных на Северном фронте.

В составе войск Архангельского района в сентябре 1918 года насчитывалось 22 воинские части, но они были крайне малочисленными. На 19 сентября в них было всего 4142 человека. Среди этих частей самым многочисленным был Тартуский полк, но и его состав после ряда боев сократился с 1130 до 884 человек (на 14 сентября) [108].

1 октября, когда боевой состав частей еще более сократился, командующий войсками Архангельского района Ленговский просил командующего VI армией Гиттиса срочно прислать пополнение, из которого для 15-го Тартуского полка было предусмотрено 750 человек. Получив пополнение, командование намеревалось образовать в Тартуском полку третий батальон [109].

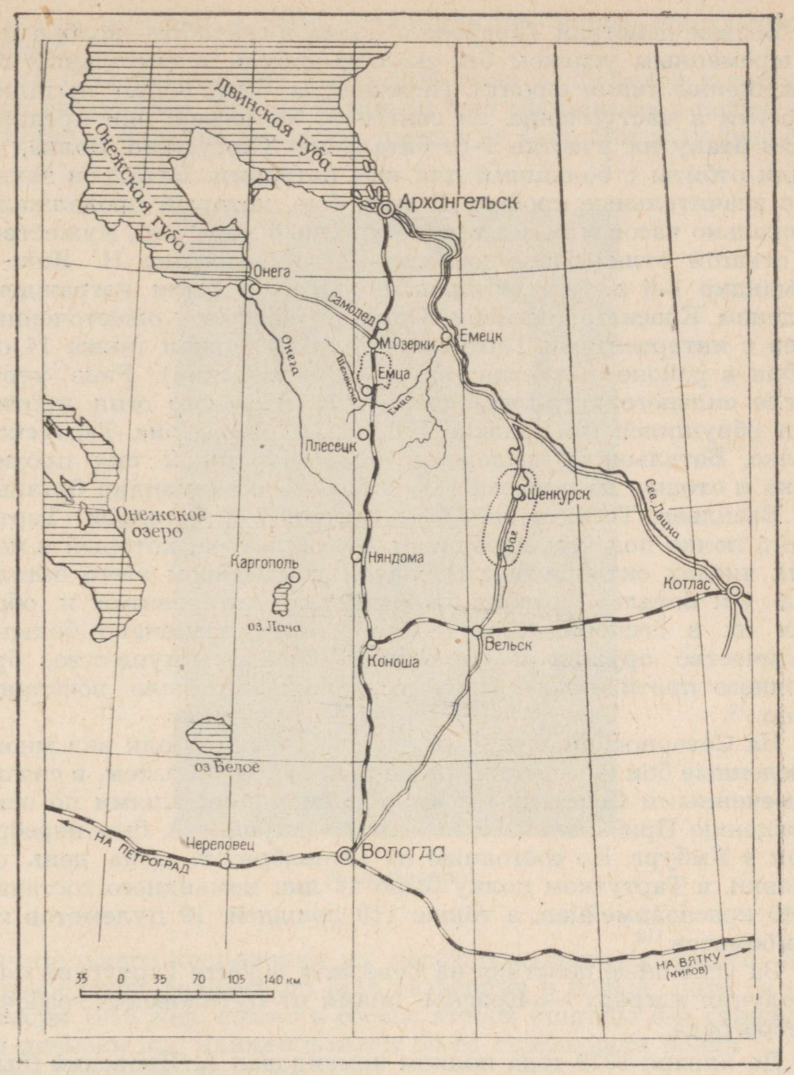
5 октября на Архангельское направление прибыл первый батальон 14-го Нарвского эстонского полка, численностью около 300 штыков, который был включен в состав 15-го Тартуского полка и до 26 октября числился его третьим батальоном. Затем батальон Нарвского полка был выведен из состава Тартуского полка и после получения пополнения (5 лиц командного состава и 236 красноармейцев) включен в состав Северо-Двинской боевой колонны Архангельского района, но уже в виде отдельного батальона. Им командовал И. Раудметс, его помощником был А. Пейс, а комиссаром батальона — И. Махмасталь [110].

---

[108] ЦГАСА, ф. 502, оп. 1, д. 27, л. 72.

[109] Там же, д. 19, лл. 23—24; д. 27, л. 141.

[110] Там же, ф. 635, оп. 1, д. 2, лл. 161, 169, 189; ПА ЦК КП Эстонии, ф. 27, оп. 1, д. 543, лл. 19, 20, 22.



Район боевых действий 15-го Тартуского полка на Северном фронте

В первых числах ноября 1918 года Тартуский полк получил также пополнение — одну маршевую роту, состоящую из 6 лиц командного состава, 280 красноармейцев из Ярославля, призванных в армию по мобилизации, и 400 красноармейцев из состава 1-го Вятского полка [111].

[111] ЦГАСА, ф. 502, оп. 1, д. 19, лл. 198, 246, 322.

Боевые действия Тартуского полка в сентябре—ноябре шли с переменным успехом без сколько-нибудь значительных перемещений линии фронта. Интервенты безуспешно пытались перейти в наступление. 29 сентября, например, они предприняли атаку на участке 1-го батальона Тартуского полка, но были отбиты с большими для них потерями. Батальон захватил значительные трофеи. В этом бою, который продолжался несколько часов и носил весьма упорный характер, мужеством и отвагой отличились командир 1-го батальона Н. Яцко и командир 1-й роты А. Лиллакас, которые были награждены орденом Красного Знамени. Один из наиболее ожесточенных боев с интервентами Тартуский полк выдержал также 14 октября в районе разъезда 455 (Великоозерский). Рано утром после сильного артиллерийского и пулеметного огня противник обрушился на правый фланг 2-го батальона Тартуского полка. Батальон не выдержал удара крупных сил противника и отошел на разъезд 451. В бою погиб командир батальона Васильев. Тогда в бой был введен 1-й батальон Тартуского полка под командованием А. Лиллакаса, который в первых числах октября был назначен командиром этого батальона. 1-й батальон разбил группировку интервентов и обратил их в беспорядочное бегство. Было захвачено большое количество оружия и различного боевого имущества, брошенного противником. Прежнее положение было восстановлено [112].

На Северном фронте Тартуский эстонский полк вел многочисленные бои до середины ноября 1918 года, а затем, в связи с намеченными Советским командованием операциями по освобождению Прибалтики от немецких оккупантов, был переброшен в Ямбург. По состоянию на 19 ноября, т. е. на день отправки, в Тартуском полку было 48 лиц командного состава и 1340 красноармейцев, а также 110 лошадей, 19 пулеметов и 6 бомбометов [113].

За успешные действия на Северном фронте Тартуский полк получил награду — Красное знамя от путиловских рабочих Петрограда.

До января 1919 года полком командовал А. Яновский (бывший штабс-капитан старой армии, в 1919 году командовал бригадой в 1-й латышской стрелковой дивизии). С декабря 1918 года его помощником был А. Лиллакас (бывший поручик старой армии), который после ухода Яновского в латышские части Красной Армии был назначен командиром Тартуского

---

[112] ЦГАСА, ф. 188, оп. 4, д. 12, лл. 253, 254, 271, 272; ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1534, оп. 1, д. 35, л. 1.

[113] ЦГАСА, ф. 685, оп. 1, д. 8, л. 17.

полка и остался в этой должности до конца гражданской войны *.

На Северный фронт Тартуский полк отправился в составе двух батальонов. Третий батальон был сформирован позднее в Гатчине и Луге, но на фронт послан не был. После получения

А. Лиллакас

значительного пополнения из расформированных частей 1-й Новгородской дивизии он был развернут в новый полк и 29 октября 1918 года вошел в состав второй бригады 6-й стрелковой дивизии под наименованием 50-го стрелкового полка [114]. В нем эстонцев почти не было.

Из состава 14-го Нарвского полка на Северный фронт был отправлен только один (1-й) батальон. 2-й батальон остался в Гатчине, где в октябре был сформирован еще один батальон. Из них был образован новый 14-й Нарвский полк. В нем

---

* Лиллакас Аугуст Иоозепович (Осипович) был в 1924 г. командиром одной из боевых групп декабрьского вооруженного восстания эстонского пролетариата в Таллине. После подавления восстания он был схвачен и убит белоэстонскими палачами.

[114] ЦГАСА, ф. 1171, оп. 1, д. 247, л. 1.

эстонцы были только в одном, ранее сформированном батальоне. Другие подразделения полка были укомплектованы людьми, прибывшими из 1-й Новгородской дивизии и некоторых других русских частей. 29 октября 1918 года этот новый 14-й Нарвский полк вошел в состав 1-й бригады 6-й стрелковой дивизии под наименованием 46-го стрелкового полка.

3 ноября 1918 года командование VI армии возбудило ходатайство о направлении на Северный фронт и остальных батальонов Нарвского полка, чтобы развернуть находившийся там первый батальон в самостоятельную часть. Однако Реввоенсовет Северного фронта 9 ноября отклонил это ходатайство [115]. После этого Нарвский батальон, получив значительное пополнение из мобилизованных в северных районах, был развернут в полк и вошел в состав вновь сформированной 18-й стрелковой дивизии под названием 156-го стрелкового полка [116].

14 декабря 1918 года командование 6-й стрелковой дивизии в свою очередь возбудило ходатайство о возвращении батальона Нарвского полка в состав 46-го стрелкового (бывшего 14-го Нарвского) полка. В телеграмме на имя командующего VII армией по этому вопросу сказано: «...Усиленно ходатайствуем о возвращении обратно батальона бывшего 14-го, ныне 46-го стрелкового полка, убывшего 24 сентября в Петроград и находящегося в настоящее время на Северном фронте, ввиду того, что батальон этот состоял из эстонцев и латышей, главным образом жителей Эстляндии, имея в своих рядах более 250 коммунистов. Здесь этот батальон помог бы сплотить вокруг себя красноармейцев из новых сформированных частей и принес бы здесь наивысшую пользу. Нарва 14 декабря 1918 года № 0736 Начдив Иванов, Комвоендив Дауман» [117].

Но и это ходатайство не было удовлетворено. Батальон оставался на Северном фронте до конца июня 1919 года, когда сохранившаяся к тому времени часть его была возвращена на нарвский участок Западного фронта и вошла в состав 46-го полка 6-й стрелковой дивизии.

На Северном фронте Нарвский коммунистический батальон участвовал во многих боях, в том числе в освобождении от интервентов Шенкурска.

Формирование 2-го Вильяндиского эстонского полка

Последним из эстонских стрелковых полков Красной Армии в 1918 году формировался 2-й Вильяндиский полк. Формирование его 1-го батальона под командованием К. Кангера началось

[115] ЦГАСА, ф. 502, оп. 1, д. 19, лл. 254, 256.
[116] Там же, ф. 685, оп. 1, д. 21, л. 62, д. 2, лл. 161, 169, 187, 189.
[117] Там же, ф. 190, оп. 3, д. 8, лл. 3, 4.

в первых числах октября в Ямбурге (г. Кингисепп Ленинградской области). Формирование 2-го батальона, штаба и других подразделений полка было начато во второй половине октября в Петрограде. 16 октября командиром Вильяндиского полка был назначен Л. Ритт. Но Таллинский полк, которым Ритт до этого командовал, был подготовлен к отправке на фронт, новой кандидатуры на должность командира этого полка не нашлось и поэтому Ритт вернулся к командованию Таллинским полком, с которым 18 октября отбыл на Восточный фронт. 19 октября командиром Вильяндиского полка был назначен Э. Тиннь, командовавший до этого 2-м батальоном 1-го Таллинского полка. Командиром 2-го батальона Вильяндиского полка был назначен А. Айнтс. Оба они были ранее офицерами старой армии.

До середины октября некоторое количество людей (около 60 человек) имелось только в 1-м батальоне. Из командного состава среди них, кроме командира батальона, были два командира взвода и четыре командира отделений. 18 октября в Вильяндиский полк из Таллинского полка было переведено 263 человека, из них более 20 человек командного состава. Началось формирование 2-го батальона в составе 4-й, 5-й и 6-й рот, а также пулеметной команды, команды конных разведчиков, санитарной и музыкантской команд. В числе первых командиров были Э. Оттер, Я. Юриссон, Э. Нерьесон, Э. Виггель, К. Богатинцев, Э. Гроссшмидт, Д. Адамсон, Л. Лаурсон, Л. Тыльдсепп и другие. Несколько позднее прибыли А. Эрберг, Э. Штейн (бывший офицер старой армии, поступил в полк добровольно), А. Самуэль, А. Штейнфельдт, А. Янес, И. Блатт и некоторые другие. По состоянию на 6 ноября 1918 года в полку было более 50 лиц командного, политического и административно-хозяйственного состава, из них в штабе полка, во 2-м батальоне и в других подразделениях полка, формировавшихся в Петрограде — 44 человека. Но 8 человек из этого числа оказались не соответствующими своему назначению и были удалены из полка. Это были командир полка Тиннь, командир 2-го батальона Айнтс, начальник хозяйственной части Эвель, инструкторы Бауман, Ярв и некоторые другие, поведение которых не внушало политического доверия. После удаления из полка все они выехали на Восточный фронт, где были приняты на службу в 1-й Таллинский полк, которым командовал Л. Ритт. 17 ноября командиром 2-го Вильяндиского полка был назначен Э. Тейтер, командиром 2-го батальона — Я. Юриссон.

Командным составом полк был обеспечен удовлетворительно. В отдельных случаях на должности средних командиров, главным образом командиров взводов, выдвигались лица из младших командиров (командиров отделений). Сложнее обстояло дело с рядовым составом. К этому времени бывшие

эстонские красногвардейцы уже находились в ранее сформированных трех эстонских полках. Несколько сот эстонцев было на кораблях Балтийского флота, откуда их из-за недостатка людей в сухопутные войска не отпускали. Немало эстонцев, ушедших в марте 1918 года из Эстонии, разъехалось по стране, главным образом в приволжские города и в Сибирь, где они также вступали в ряды Красной Армии и красных партизан. Эстонцы были и в советских пограничных отрядах, охранявших демаркационную линию на Ямбургском, Гдовском и Псковском участках.

Кроме переданных из 1-го Таллинского полка людей, в полк поступали и добровольцы. В 1-м батальоне, например, были почти исключительно добровольцы. Существенную помощь в комплектовании полка рядовым составом оказали Комиссариат по военным делам 1-го городского района Петрограда и командование Петроградского военного округа, которые по просьбе члена ЦК Эстонских секций РКП(б) Я. Сихвера дали указание направлять во 2-й Вильяндиский эстонский полк всех красноармейцев эстонской национальности из частей, расположенных в Петрограде и на территории Петроградского военного округа.

Но несмотря на все эти меры, к двадцатым числам ноября 1918 года, т. е. ко времени начала боевых действий по освобождению Эстонии от немецких оккупантов и белогвардейцев, в полку было сформировано только пять стрелковых рот и команды неполного состава. Три роты (3-я, 7-я и 8-я) были сформированы позднее, уже после освобождения Нарвы. В Нарве получила пополнение и 2-я рота полка [118].

Борьба за освобождение Эстонии от немецких оккупантов и белогвардейцев

Немецкая оккупация принесла эстонскому народу много горя. По всей Эстонии свирепствовал террор оккупантов, восстановленных ими в правах немецких помещиков и эстонской буржуазии. Тысячи лучших сынов пролетариата были заключены в тюрьмы, сотни из них были казнены без следствия и суда. Тюрьмы были настолько переполнены, что оккупанты устраивали концентрационные лагеря. Все ценное сырье и готовая продукция заводов и фабрик, а также реквизируемые в массовом порядке у крестьян продукты сельского хозяйства вывозились в Германию. Свободная торговля была запрещена, нарастал голод не только в городах, но и в деревне. В ряде мест реквизировалось даже семенное зерно. Промышленные пред-

[118] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 523, лл. 2, 3, 5—16, 23, 24, 29, 37—41, 82, 94, 95, 99—106; ф. 27, оп. 1, ед. хр. 533, лл. 5, 9—14, 17, 21, 27.

приятия останавливались из-за отсутствия сырья и материалов, число уволенных рабочих исчислялось десятками тысяч.

Виктор Кингисепп в своей книге «Под игом независимости» следующим образом охарактеризовал положение рабочего класса Эстонии к концу немецкой оккупации: «Немецкая оккупация распылила эстонский фабричный пролетариат и уничтожила все крупнейшие центры концентрации рабочих... Наиболее сильно эта катастрофа поразила крупные предприятия и именно те отрасли промышленности, рабочие которых всегда играли ведущую и решающую роль в классовой борьбе трудящихся Эстонии. Количество металлистов сократилось на 90,1 проц., деревообделочников — на 71,4 проц., текстильщиков хлопчатобумажной промышленности — на 70,8 проц., ... рабочих бумажной промышленности — на 63,9 проц.»[119].

Наиболее тяжелые удары немецкая оккупация нанесла промышленным предприятиям Таллина. Если до оккупации в Таллине было примерно 50 тысяч рабочих, то в ноябре 1918 года — едва 5 тысяч. «Февральская контрреволюция разогнала девять десятых рабочих Таллина и более трех четвертей всего фабричного пролетариата Эстонии, заложив тем самым прочный фундамент буржуазной диктатуры... С лица эстонской земли был сметен весь тот слой трудящихся, который в ходе двух революций выдвинулся в его авангард»[120].

Однако несмотря на свою распыленность, рабочий класс Эстонии не прекращал борьбы за восстановление Советской власти. В тяжелых условиях подполья и политического террора продолжали действовать и эстонские коммунисты. Восстанавливались прежние, создавались некоторые новые партийные организации и группы. Коммунисты печатали и распространяли воззвания рабочим и обращения к немецким солдатам. Центральный комитет эстонских секций РКП(б) оказывал систематическую помощь партийной организации Эстонии. Еще в апреле—мае 1918 года в Эстонию из Советской России нелегально прибыли и приступили к активной деятельности опытные партийные работники Р. Эйге, М. Петеркоп, И. Каазик, К. Тийтсен и некоторые другие. Между ЦК эстонских секций РКП(б) и партийными организациями городов Таллина, Нарвы, Тарту была установлена постоянная связь. Усилия эстонских большевиков оказались плодотворными. Борьба рабочего класса Эстонии против немецких оккупантов и действовавшей заодно с ними эстонской буржуазии принимала все более острые формы.

В июне 1918 года под руководством большевиков произошла

---

[119] В. Кингисепп. Под игом независимости. Таллин, 1955, стр. 7.
[120] Там же, стр. 8, 9.

политическая стачка рабочих-печатников в Таллине и забастовка рабочих Кренгольмской мануфактуры в Нарве. 12—14 сентября в Таллине была проведена всеобщая забастовка.

Новая и еще более мощная волна забастовок и политических протестов против оккупантов и их пособников охватила таллинский пролетариат в ноябре 1918 года. 8—12 ноября в городе вновь произошла всеобщая забастовка. Массы рабочих под красными знаменами дважды (9 и 14 ноября) устраивали уличные демонстрации. Рабочие требовали вывода немецких оккупационных войск, роспуска образовавшегося под защитой немецких штыков эстонского буржуазного правительства, восстановления в Эстонии власти Советов.

Рост влияния большевиков среди трудящихся наглядно подтвердили и проведенные под руководством Таллинского комитета партии 12—15 ноября выборы в Таллинский Совет рабочих депутатов. Из 58 избранных депутатов 37 были большевиками, а из 15 беспартийных депутатов большинство также было за большевиков. Меньшевиков было избрано 5, эсеров — только один [121].

16 ноября в Таллине стала выходить большевистская газета «Коммунист», которая в первые дни печаталась и распространялась легально.

С конца октября по 20 ноября 1918 года ЦК эстонских секций РКП(б) направил в Эстонию большую группу опытных партийных работников. Среди них были В. Кингисепп, Р. Вакман, Р. Венникас (Бергман), Ю. Рястас, А. Тийман, А. Рандмер, Р. Нилендер, А. Вегнер, А. Кони, Л. Линдер, Р. Анслауд (Маяк), А. Умблиа и некоторые другие. 16 ноября была проведена партийная конференция эстонских партийных организаций, на которой было представлено 17 организаций. Конференция избрала руководящий подпольный центр, в который вошли В. Кингисепп, Р. Вакман, М. Ликеметс, Ю. Рястас и Р. Венникас. Все усилия эстонских коммунистов были направлены на организацию рабочих масс, на подготовку их к вооруженному восстанию с целью свержения созданного оккупантами после революции в Германии эстонского буржуазного правительства и восстановления Советской власти в Эстонии.

19 ноября на первом заседании вновь образованного Таллинского Совета, провозгласившего себя высшим органом власти в Эстонии, было принято обращение к пролетариату России с призывом к совместной борьбе против общего врага трудящихся. В обращении говорится: «... После более чем восьмимесячного перерыва таллинские рабочие благодаря революции в Германии вновь получили возможность выступить на арену

---

[121] Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Таллин, 1961, стр. 354.

открытой политической борьбы... Таллинский Совет рабочих депутатов приветствует пролетариат России, как мощный авангард всемирной социалистической революции, который в тяжелой, длившейся более года борьбе против империалистов всего мира сумел сохранить свою свободу... Пролетариат Эстонии все еще находится в тяжелом положении, к которому его привело восьмимесячное неограниченное насилие контрреволюционной буржуазии. Теперь же пришедшее к власти по милости оккупационного генерала Зекендорфа и англо-американских империалистов так называемое «временное правительство Эстонской демократической республики» готовит нам новые цепи.

Оно официально сообщило, что германские оккупационные войска не покинут Эстонию до тех пор, пока англо-американские империалисты не сочтут это возможным по условиям внутреннего порядка в стране. Агитаторы и агенты буржуазного правительства возвещают о скором прибытии в Таллин из английских гаваней новых отрядов «усмирителей».

Эстонская буржуазия предала нас иностранным насильникам.

Эстонская буржуазия вступила в тесную связь с англо-американскими империалистами.

Эстонский трудовой народ протягивает свою братскую руку трудящимся России для борьбы против общего врага за Эстонскую Советскую республику...»[122]

В ответ на призыв трудящихся Эстонии о совместной борьбе против иностранных империалистов — общего врага всех трудящихся — Советское правительство выделило вооруженные силы. В результате военного поражения Германии и разразившейся в Германии революции Советская Россия получила возможность аннулировать грабительский Брестский мир и открыто повести борьбу за освобождение от гнета германского империализма всех оккупированных областей Советской России.

В этот период и началось сосредоточение войск, главным образом эстонских и латышских частей Красной Армии, на Нарвском и Псковском направлениях для освобождения Эстонии и Латвии от немецких оккупантов.

11 ноября 1918 года состоялось совещание членов ЦК Эстонских секций РКП(б) совместно с представителями партколлективов 1-го Таллинского и 2-го Вильяндиского эстонских коммунистических полков. Совещание еще раз подтвердило необходимость дальнейшей организации эстонских частей Красной Армии и постановило объявить мобилизацию всех проживаю-

---

[122] Eesti Töörahva Kommuun. Dokumentide ja materjalide kogumik. Таллин, 1958, стр. 29.

щих в Советской России эстонцев-коммунистов и сочувствующих им для направления их по усмотрению ЦК в те или иные эстонские полки. Такая мобилизация и была объявлена 19 ноября 1918 года. Совещание возбудило ходатайство перед командованием Красной Армии об организации матросских команд из находившихся в частях Балтийского флота эстонцев с тем, чтобы временно присоединить эти команды к эстонским стрелковым частям для совместных действий в боях по освобождению Эстонии, а также о срочной переброске эстонских частей с Уральского фронта на Северо-Западный фронт. Советское командование удовлетворило эти ходатайства.

В целях проведения необходимых организационных мероприятий по подготовке войск для освобождения Эстонии и по созданию Советского правительства Эстонии, 15 ноября 1918 года на заседании ЦК эстонских секций РКП(б) был образован Временный Эстляндский Революционный комитет. В состав комитета вошли: Я. Анвельт, Х. Пегельман, Я. Сихвер, М. Тракман, Я. Каземетс, Г. Вайно, Я. Икмельт, И. Кясперт (секретарь комитета) и другие. 17 ноября часть членов Революционного комитета выехала из Петрограда в Ямбург — к месту сосредоточения эстонских и других частей Красной Армии[123].

16 ноября 1918 года Главнокомандующий всеми вооруженными силами Советской республики И. И. Вацетис дал следующие указания командующему войсками Северного фронта Д. П. Парскому:

«... Политическая обстановка требует немедленного занятия нашими войсками Пскова и Нарвы, а поэтому предложите командарму 7 составить боевой приказ о немедленном наступлении с имеющимися в его распоряжении силами, одной колонной от Ямбурга на Нарву и другой колонной от станции Дно на Псков для захвата Нарвы и Пскова... Время наступления по усмотрению командарма 7. На всех участках Северного фронта от Финского залива до Котласа примите самые действенные меры для упорной обороны подступов к Петрограду. Все наши морские силы, не получившие определенной задачи от начальника морских сил, подчиняются командарму 7 для совместного решения оперативной задачи... Для развития же успеха 7-й армии на Нарвском и Псковском направлениях сосредоточьте все имеющиеся в Вашем распоряжении резервы. В частности Юрьевский полк из состава 6-й армии должен быть экстренно направлен в Ямбург. От Симбирска в направлении Старой Руссы, Дна, Порхова будут переброшены срочным порядком первый и шестой латышские полки, а из Москвы несколько эскадронов конницы и несколько батарей Латышской

[123] Eesti Töörahva Kommuun. Dokumentide ja materjalide kogumik. Таллин, 1958, стр. 8, 24—30.

дивизии... В западном направлении в связи с нашей операцией будет предпринята глубокая разведка в направлении на Режицу, Полоцк, Борисов, Бобруйск и Гомель, причем в случае возможности эти пункты должны быть заняты нашими войсками...»[124]

18 ноября Главком поставил перед частями, которые сосредоточивались на Нарвском и Псковском направлениях, следующую общую задачу: продвижение со стороны Ямбурга и Нарвы на Таллин, со стороны Пскова — на Валга, и занятие Таллина и Валга[125].

Во второй половине ноября 1918 года на Нарвском направлении находились следующие части Красной Армии:

46-й стрелковый полк (бывший 14-й Нарвский полк) 6-й стрелковой дивизии под командованием Косьминского. В полку было 9 рот (три батальона), 6 команд и 14 пулеметов;

15-й Тартуский эстонский коммунистический стрелковый полк двухбатальонного состава под командованием А. Яновского и его помощника А. Лиллакаса, общей численностью в 1388 человек (48 человек командного состава, 1340 красноармейцев и младших командиров). В полку имелось 19 пулеметов и 6 бомбометов. Полк прибыл с Северного фронта и сосредоточился в Ямбурге 23—24 ноября;

2-й Вильяндиский эстонский коммунистический стрелковый полк под командованием Э. Тейтера. Полк находился в стадии формирования, в нем было только пять стрелковых рот и команды неполной численности. На вооружении, кроме винтовок, было 9 пулеметов. Первый батальон находился в Ямбурге, второй батальон, штаб полка и другие подразделения полка прибыли в Ямбург из Петрограда вечером 22 ноября. Всего в полку было немногим более 700 человек;

маршевый батальон (отряд) балтийских моряков под командованием Ф. Трофимова. В нем было две роты общей численностью около 400 человек, при пяти пулеметах. Батальон прибыл в Ямбург 19 ноября;

десантный отряд балтийцев под командованием В. Пусся и комиссара П. Волина. В отряде было 750 человек, 15 станковых и 24 легких пулемета. Отряд прибыл на транспортных судах в Нарвский залив 28 ноября;

1-я и 2-я пограничные роты общей численностью в 250 штыков. Роты эти были сформированы из пограничников, ранее охранявших демаркационную линию на Псковском и Нарвском участках. В них было значительное количество эстонцев из бывших красногвардейцев.

---

[124] ЦГАСА. Сборник документов на тему «Крах немецких оккупантов в 1918 году», ед. хр. 478, л. 169.

[125] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 8, л. 24.

В резерве в Гатчине и Новом Петергофе находились еще 47-й и 50-й полки 6-й стрелковой дивизии.

Кавалерийские части:

4-й эскадрон 2-го Петроградского конного полка — 145 сабель, 2 легких пулемета. Эскадрон прибыл в Ямбург 20 ноября;

Царскосельский эскадрон, прибывший в Ямбург 20 ноября, — 80 сабель, 4 пулемета;

3-й эскадрон 6-го конного полка — 40 сабель.

Артиллерия и бронесилы:

2-я батарея 1-го легкого эстонского артиллерийского дивизиона под командованием П. Левальда — 150 красноармейцев и 4 трехдюймовых орудия. Прибыла в Ямбург 21 ноября;

Эстонская тяжелая полубатарея — 2 42-линейных орудия;*

5-я батарея 6-й артиллерийской бригады — 4 легких орудия;

3-й Кронштадтский бронепоезд — 4 орудия, 5 пулеметов;

6-й автоброневой отряд — две бронемашины «Рено» с двумя пулеметами на каждой;

2-я и 3-я автопушечные батареи — по одному зенитному орудию в каждой.

Во вспомогательные войска входили: 1-я саперная рота, 2-й воздухоплавательный отряд 3-й Петроградской авиационной группы с двумя самолетами; 1-й миноподрывной отряд с 12 пудами взрывчатых веществ; 1-й Петроградский инженерный батальон [126].

Перечисленные части и подразделения составляли правую колонну правого боевого участка VII армии, или Ямбургский отряд, под общим командованием командира 1-й бригады 6-й стрелковой дивизии А. Кеппена.

Общая численность войск правой колонны доходила до 5 тысяч человек. В ротах и командах было около 3000 штыков, 265 сабель, 71 станковый пулемет (из них 9 на бронепоезде и бронемашинах), 30 легких пулеметов, 12 легких орудий (из них четыре на бронепоезде), 2 тяжелых орудия, 2 зенитных орудия, 6 бомбометов, один бронепоезд, две бронемашины, два аэроплана.

Левую колонну правого боевого участка VII армии составляли части Гдовского отряда: красный Финский батальон под командованием Вишнякова, а с 22 декабря — Благовещенского (прибыл с Восточного фронта 28 ноября 1918 г.) — 598 штыков и 10 пулеметов; 4-я и 5-я роты 49-го полка и 2-я рота

* Остальные два орудия Эстонской тяжелой батареи прибыли на фронт 21 декабря 1918 г. после укомплектования батареи людским составом. Батареей командовал И. Турья.

[126] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 8, лл. 4-а, 14, 231; д. 35, лл. 19—24; д. 38, л. 5; д. 44, лл. 114—119; ф. 589, оп. 1, д. 14, л. 32.

47-го полка 6-й стрелковой дивизии — 450 штыков; рота Гдовского военного комиссариата — 150 штыков; рота пограничной охраны — 120 штыков.

Левой колонной частей 6-й дивизии (Гдовский отряд), командовал М. Тюрин, бывший штабс-капитан старой армии [127].

Общее командование войсками правого боевого участка VII армии было возложено на начальника 6-й стрелковой дивизии Н. Иванова, бывшего генерал-майора старой армии (командовал 4-й Финляндской дивизией). Под его общим командованием во время немецкого наступления в феврале 1918 года из северной Эстонии выводились части 49-го армейского корпуса.

В 6-ю стрелковую дивизию, в оперативном подчинении (а позднее в составе) которой тогда действовали эстонские части Красной Армии, накануне боевых операций по освобождению Эстонии входили: 46-й, 47-й, 48-й (1-я бригада), 49-й, 50-й, 51-й (2-я бригада) и 52-й, 53-й, 54-й (3-я бригада) полки. Из этих полков наиболее многочисленными были только 46-й, 47-й, 49-й и 50-й. В остальных полках было крайне мало людей, фактически они в декабре еще формировались. Из них 52-й и 53-й полки были переданы в распоряжение начальника 19-й стрелковой дивизии на Олонецкий участок фронта и в конце декабря 1918 года были включены в состав этой дивизии, а 54-й полк (бывший Железный полк) был 18 декабря 1918 года на Псковском участке фронта расформирован, как небоеспособный. В связи с этим в начале января 1919 года по ходатайству командования 6-й дивизии эстонские части вошли в состав этой дивизии, образовав в ней новую 3-ю бригаду.

Для освобождения от немецких оккупантов Латвии и южной и центральной части Эстонии на Псковском и Пыталовском направлениях сосредоточивались части 2-й Новгородской дивизии, Латышской дивизии* и некоторые полки 6-й стрелковой дивизии. Ожидалось прибытие двух бригад (1-й и 2-й) 10-й стрелковой дивизии. Но до освобождения городов Пскова и Острова там находились только части 2-й Новгородской дивизии, 48-й стрелковый полк (бывший 1-й Московский революционный полк) и 54-й стрелковый полк (бывший Железный полк Петроградского гарнизона) 6-й дивизии и некоторые мелкие местные подразделения.

---

[127] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 35, лл. 19—24; д. 38, лл. 5—10.

* Латышская советская стрелковая дивизия была образована из всех латышских полков, сформированных еще в составе старой армии и переформированных в период с апреля по сентябрь 1918 года в латышские полки Красной Армии. Летом и осенью 1918 года латышские части вели многочисленные бои с белыми на Восточном, Южном и Северном фронтах, а в декабре 1918 года и в январе 1919 года были отозваны с этих фронтов для освобождения Латвии от немецких оккупантов и белогвардейцев.

Войска, находящиеся на этих направлениях, составляли левый боевой участок VII армии.

2-я Новгородская дивизия к тому времени была сформирована далеко не полностью. В ней числилось шесть полков (7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й), но состав большинства из них был весьма малочисленным. В связи с началом военных действий комплектование 2-й Новгородской дивизии было приостановлено, так как предполагалось слить ее с 10-й стрелковой дивизией, что и произошло в феврале 1919 года.

*

Разведывательные данные о силах немецких войск в Нарве и вдоль западной линии демаркационной полосы вначале были разноречивыми. Предпринимались меры для их уточнения. Было установлено, что восточнее Нарвы возведены проволочные заграждения протяженностью около 8 километров, начинавшиеся у деревни Поповка (севернее Нарвы) и кончавшиеся в районе населенного пункта Кульгу (южнее Нарвы), где они упирались в реку Нарву. Проволочные заграждения шли в три ряда, в них был пропущен ток высокого напряжения. Было установлено также расположение некоторых артиллерийских батарей и пулеметных точек противника. Всю эту линию обороняли главным образом немецкие войска. Немецкие части располагались также вдоль реки Нарвы севернее города Нарвы и до Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарва). По первоначальным разведывательным данным силы немцев в Нарве составляли около 1000 человек (из 329-го и 405-го полков), а в Нарва-Йыэсуу — около 400 человек. Немцы по этим данным имели 15—18 орудий и более 30 пулеметов. Были также получены сведения о намерении немецких войск эвакуироваться из Нарвы и о формировании в городе белоэстонских частей [128].

Однако информация оказалось неточной. Это подтвердилось во время первой попытки частей Ямбургского отряда овладеть Нарвой незначительными силами. Как было установлено в период с 22 по 26 ноября, немецкие части в городе Нарве и его районе насчитывали до 5000 человек, из них на передовой линии восточнее и юго-восточнее Нарвы было 600 человек, в самом городе столько же, по реке Нарве к северу до Нарва-Йыэсуу — 650—700 человек, в резерве в районе Йыхви, Вайвара и других пунктов — около 3000 человек. Артиллерии у немцев было около полка, располагали они и бронепоездом.

Из белоэстонских частей в Нарве находились формировавшийся там 4-й пехотный полк численностью примерно в 450 человек, из них более 100 офицеров, отряды «кайтселийт» и на-

[128] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 5, л. 124.

спех сколоченный из сыновей буржуазии «ученический отряд» — общей численностью более 500 человек. Таким образом, только в Нарве и по линии реки Нарвы противник располагал весьма значительными силами (2800—2900 человек). Собственной артиллерии белоэстонцы еще не имели, их поддерживала немецкая артиллерия.

Освобождение Нарвы. Образование Эстляндской Трудовой Коммуны.

Первое наступление на Нарву было предпринято 22 ноября 1918 года, но не увенчалось успехом. В распоряжении командования 6-й стрелковой дивизии не имелось еще сил, необходимых для такой серьезной операции. Войска только стягивались к нарвским позициям. Не прибыли предусмотренные для наступления 15-й Тартуский полк, 2-й батальон Вильяндиского полка и десантный отряд моряков, который при поддержке артиллерии военных кораблей Балтийского флота должен был начать действия в тылу противника. Не были достаточно выявлены и силы противника, которые, как оказалось, к моменту этого первого наступления значительно превосходили силы частей Красной Армии. Операция носила характер разведки боем, и в этом смысле она себя оправдала. Операцией 22 ноября, в которой участвовали два батальона 46-го полка, маршевый батальон Трофимова, 1-й батальон Вильяндиского полка, две легких артиллерийских батареи и один эскадрон конницы, была более точно выявлена система обороны противника восточнее Нарвы.

По приказу начальника правого боевого участка VII армии Иванова части боевой группы Ямбургского отряда под командованием командира 1-й бригады 6-й дивизии Кеппена должны были в 5 часов утра 22 ноября перейти восточную линию демаркационной полосы, занять Нарву и выдвинуть передовые части на линию: устье реки Нарвы — деревня Утриа — станция Аувере (Корф) — деревня Аувере — река Кульгу. Гдовский отряд, т. е. части левой колонны, должны были начать боевые действия только после занятия частями Ямбургского отряда города Нарвы [129].

Передвижение боевых частей Ямбургского отряда для перехода восточной линии демаркационной полосы и занятия исходных рубежей началось 21 ноября. Первым восточную демаркационную линию перешел в 4 часа утра 21 ноября 4-й эскадрон 2-го Петроградского конного полка, который вошел в деревню Кобыляки. В 20 часов из Ямбурга выступили основные силы отряда — два батальона 46-го полка, батальон Вильянди-

[129] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 8, л. 231.

ского полка и маршевый батальон Трофимова, которые, передвигаясь в темноте, под утро 22 ноября приблизились к нарвским укрепленным позициям противника. Артиллерийские батареи были выдвинуты на позиции западнее деревни Комаровки.

22 ноября, в 5 часов утра, все части Ямбургского отряда, не открывая огня, начали сближение с противником. Штаб отряда перешел в деревню Дубровку. Предполагалось, что немецкие войска, которые в связи с революцией в Германии должны были уйти из Прибалтики, либо вовсе не окажут красным войскам сопротивления, либо оно будет незначительным. Однако советские войска были встречены сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем немцев. На всем участке фронта завязался бой. Открыла огонь и советская артиллерия. В 8 часов утра подразделения 46-го полка заняли мызу Ново-Ивановскую, деревню Пяхклимяэ (Орешняк) и атаковали нарвские позиции немцев, но были вынуждены отойти вследствие сильного огня немецких батарей. Несколько позже маршевый батальон Трофимова атаковал деревню Поповку, а 1-й батальон 2-го Вильяндиского полка — железнодорожный мост через Нарву. Эти атаки были также отбиты. Артиллерию — 2-ю эстонскую батарею и 5-ю батарею 6-й артиллерийской бригады, которые занимали весьма невыгодные позиции, обстреливаемые противником — удалось отвести на тыловые позиции в район деревни Комаровки только с наступлением темноты.

В боевом донесении начальника 6-й дивизии Иванова и военного комиссара дивизии Даумана от 22 ноября 1918 года говорится: «... Части Ямбургского отряда 22 ноября после сильного обстрела их из Нарвы немецкой артиллерией около трех-четырех батарей и пулеметным огнем принуждены были отойти своими передовыми частями с линии Выдерки—Карлова на линию Комаровка—Пулково. Части Ямбургского отряда приводятся в порядок, до выполнения этого активных действий не предполагается. Частями Гдовского отряда занята деревня Скамья...» [130]

После этого неудавшегося наступления немцы прислали командованию Ямбургской группировки Красной Армии предупреждение, в котором сообщалось, что немецкие войска будут защищать Нарву и не пустят в нее советские войска в течение двух недель, после чего эвакуируются из Нарвы и со всей территории Эстонии. Письмо было подписано Советом немецких солдатских депутатов.

По сведениям, полученным от нарвских партийных работников, Совет солдатских депутатов немецких войск в Нарве, в который попали реакционные немецкие офицеры, находился

---

[130] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 8, л. 242.

под их влиянием. Как потом стало известно, немцы, которые остались защищать Нарву от Красной Армии, получали от эстонского буржуазного правительства денежное вознаграждение от 10 до 50 марок в день и бесплатное питание. Эстонская буржуазия и ее временное правительство вновь, как и в феврале 1918 года, пытались опереться на немецкие штыки.

В ответ на письмо немцев Военный Совет Ямбургской группировки советских войск совместно с Эстляндским Ревкомом опубликовали следующее обращение, адресованное представителям эстонского буржуазного правительства в Нарве, Совету депутатов немецких солдат, германскому командованию в Нарве и всем жителям города Нарвы:

«22 ноября, когда отряд возвращающихся в Эстонию эстонских эмигрантов — рабочих, крестьян, приближался к Нарве, он был встречен огнем артиллерии, пулеметов и винтовок. В тот же день от Совета депутатов немецких солдат было получено письмо, в котором сообщалось, что в ближайшие дни немецкие солдаты покинут Нарву и что охрана города будет передана в руки местного населения. На помощь эстонским эмигрантам пришел и отряд регулярных красных войск Российской Советской Республики. Наша цель должна быть известна всем: это восстановление в Эстонии правительства трудящихся города и деревни. Мы получили сведения, что правители Нарвы намерены взорвать мосты и уничтожить другие сооружения, если мы вступим в город. По этому поводу Военный Совет, который взял на себя руководство войсками, разъясняет: никто не имеет права оказывать нам вооруженное сопротивление и уничтожать сооружения, построенные титаническим трудом рабочих. Уничтожение мостов на реке Нарве — это гибель Нарвы. Вооруженные силы Нарвского исполнительного комитета и советские учреждения в ночь с 3 на 4 марта ушли из Нарвы, — хотя днем раньше и отбили противника, — чтобы тем самым уберечь город от разрушения его противником. Мосты, все здания и сооружения в городе были оставлены в целости и сохранности.

Империалистическая война окончена, но гражданская война между рабочим классом и его эксплуататорами продолжается.

Мы заявляем, что Советское правительство в Эстонии будет восстановлено, если даже для этого и потребуется кровопролитие. Поэтому мы говорим: будьте благоразумны, дайте нам возможность обойтись без кровопролития и вступить в город, не разрушая его. Мы не требуем, чтобы вы встретили нас с цветами и музыкой, как вы встречали 4 марта отряды поработителей эстонских трудящихся, — нас с ликованием встретит весь трудовой народ. Но мы требуем свободного допуска нас в город и сохранения в целости мостов и зданий.

Мы не хотим проливать кровь немецких солдат и гаранти-

руем им свободное возвращение на свою родину. Мы полагаем, что немецкие солдаты и Совет депутатов немецких солдат примут это во внимание и, выполняя решение Совета рабочих и солдатских депутатов Берлина от 22 ноября, воздержатся от кровопролития.

Члены Военного Совета: А. Дауман, Х. Жданко, И. Петерсон, В. Анни.

Представитель Эстляндского Ревкома Х. Пегельман» [131].

Второе наступление на Нарву было намечено на утро 27 ноября, но его пришлось отложить и перенести на утро 28 ноября. Это было связано с тем, что 2-й Вильяндиский эстонский полк, который по плану командования должен был утром 27 ноября начать действия в тылу противника, из-за больших трудностей марша и переправы через реку Нарву не смог вовремя прибыть к месту штурма. Не прибыл также десантный отряд моряков, который только выходил из Кронштадта. В Нарвский залив он прибыл лишь около полудня 28 ноября.

Ко времени второго наступления силы Ямбургского отряда значительно увеличились. Прибавились 15-й Тартуский эстонский полк, 2-й батальон и другие подразделения 2-го Вильяндиского эстонского полка, 3-й батальон 46-го стрелкового полка, 1-я и 2-я пограничные роты и десантный отряд моряков. Несколько была усилена и артиллерия.

25—26 ноября части правого боевого участка (Ямбургский отряд) заняли исходные рубежи.

15-й Тартуский эстонский полк и две роты 1-го батальона 46-го стрелкового полка были расположены на линии деревень Захонье — Кирушкино — мыза Карлова, с задачей нанести фронтальный удар на Нарву, а сосредоточенные в деревне Извоз 2-й батальон 46-го стрелкового полка и маршевый батальон Трофимова должны были атаковать деревню Поповку, занять ее и проникнуть в тыл Нарвской группировки противника.

2-й Вильяндиский эстонский полк в составе двух батальонов (пять рот) был выдвинут к мызе Карлова, с задачей форсировать реку Нарву южнее Нарвы и атаковать город с юга. Полку предстоял трудный многокилометровый поход к месту форсирования реки, а затем к южным подступам к Нарве.

1-я и 2-я пограничные роты, расположившиеся в деревнях Фитинка и Коростель, должны были форсировать реку Нарву в районе Нарва-Йыэсуу и действовать затем совместно с десантным отрядом моряков на левом фланге и в тылу противника.

---

[131] Eesti Töörahva Kommuun. Dokumentide ja materjalide kogumik. Таллин, 1958, стр. 35—36.

На 4-й эскадрон 2-го Петроградского конного полка, который находился в деревне Комаровка, возлагалась задача прикрыть левый фланг фронтальной группы войск Ямбургского отряда.

В участковом резерве в деревне Кобыляки был оставлен 3-й батальон 46-го стрелкового полка.

Артиллерия была сосредоточена на позиции в районе деревень Новая и Заречье под прикрытием 2-й роты 46-го стрелкового полка [132].

Вечером 26 ноября 2-й Вильяндиский эстонский полк выступил в поход с задачей в ночь на 27 ноября форсировать реку Нарву в районе ее слияния с Плюссой (6 км южнее города Нарвы), незаметно проникнуть в тыл противнику и утром 27 ноября атаковать Нарву. Операция эта была рассчитана на внезапность удара. Она должна была расстроить силы белых, противостоявшие группировке войск Ямбургского отряда восточнее Нарвы.

Однако ночной 10-километровый поход Вильяндиского полка через болотистую местность оказался настолько тяжелым, что полк не был в состоянии начать в ту же ночь переправу. Люди, несшие на себе боеприпасы и разобранные пулеметы, сильно устали и промокли. Необходимо было предоставить бойцам время для отдыха, просушки одежды и обуви. На месте не оказалось и переправочных средств, которые еще нужно было найти. Таким образом, намеченная на утро 27 ноября атака оказалась невозможной. Об этом было срочно сообщено в штаб 6-й дивизии. Так как десантный отряд тоже не прибыл, то вся операция Ямбургского отряда была отложена на сутки и перенесена на утро 28 ноября.

В течение 27 ноября на Плюссе с большими трудностями удалось найти 5 небольших рыбацких лодок. Чтобы противник не обнаружил места сосредоточения полка, командование приняло меры предосторожности: были выставлены сторожевые посты и передвижение людей в дневное время было запрещено.

Высланная на левый берег реки Нарвы разведка установила, что в доме лесника, расположенном в 3-х километрах южнее населенного пункта Кульгу, находилась сторожевая застава противника с пулеметом.

С наступлением темноты началась переправа, которая шла медленно из-за недостаточного количества лодок. В числе первых переправился через реку и член Временного Эстляндского Революционного комитета Я. Сихвер, который шел с вильяндисцами в тыл противника. Задачу бесшумно обезвредить сторожевую заставу в доме лесника получил первый батальон полка под командованием К. Кангера. Задача была выполнена. Были

[132] ЦГАСА, ф. 1171, оп. 2, д. 3, лл. 1—2.

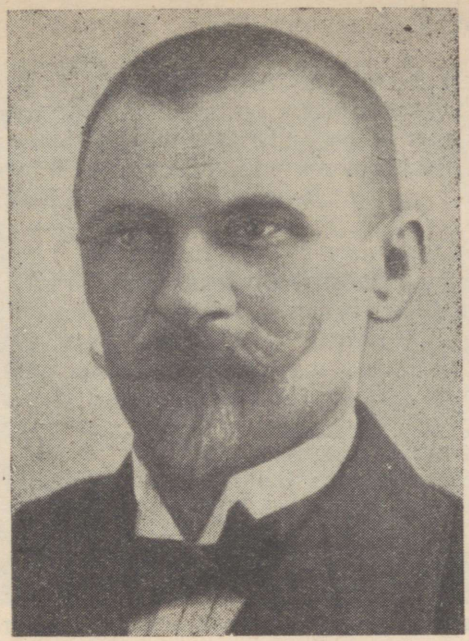
захвачены один пулемет, 10 винтовок, гранаты, боеприпасы. Затем из состава 1-й роты была выделена группа бойцов, которая во главе с командиром роты А. Янесом направилась в район полустанка Сольдина (4 км западнее Нарвы), чтобы разрушить железнодорожный путь и линию связи в тылу нарвской группировки противника.

После переправы началось продвижение полка к Нарве. Но и здесь встретились большие трудности. По пути попадались болотистые места и изрезанные мелкими речками участки, переход через которые в ночных условиях затруднял движение и вызывал растяжение колонны. Бойцы и командиры, шедшие впереди, боялись опоздать и спешили, а задние отставали и сбивались с пути. Все это сильно замедлило общий темп марша.

Имелись сведения, что на линии Кульгу — дом лесника расположены подразделения 2-го батальона 4-го белоэстонского полка и небольшое количество немецких солдат, общей численностью около 100 человек, а в районе Кренгольма — одна немецкая артиллерийская батарея.

Атака Вильяндиского полка должна была начаться рано утром, еще до рассвета, в момент, когда артиллерия Ямбургского отряда откроет огонь по позициям противника восточнее Нарвы и по его артиллерийским позициям, обнаруженным разведкой. Однако трудности ночной переправы и последующего продвижения к Нарве привели к тому, что атака началась с большим опозданием. Иоальское поле, к южной окраине которого вышел полк, было совершенно открытым и простреливалось противником. Хотя появление красных войск с этого направления было для противника неожиданным, развернувшиеся цепи вильяндисцев, которые двигались через Йоальское поле, были сразу же обнаружены и взяты под интенсивный ружейно-пулеметный обстрел. Вскоре по вильяндисцам открыли огонь и немецкие орудия, а также подошедший немецкий бронепоезд. Но несмотря на это, вильяндисцы пошли в атаку и в течение продолжительного времени вели бой. Бойцы продвигались вперед ползком, непрерывно продолжая вести огонь из винтовок и пулеметов. Отдельные группы бойцов на левом фланге полка почти вплотную подошли к зданиям на окраине города в районе Паэмурру, но вынуждены были отойти вследствие сильного огня. Было светло, и поэтому противник мог с укрытых позиций вести прицельный огонь. Дальнейшее продвижение стало невозможным, подходили к концу патроны, хотя каждый боец и брал их с собой возможно больше, и полк был вынужден начать общий отход. Отошла и боевая группа, высланная в район полустанка Сольдина для перехвата железной дороги.

Вильяндисцы понесли большие потери. Убитыми было



Я. Сихвер

потеряно 54 человека, без вести пропало 39 человек. 30 бойцов было ранено, в том числе и командир полка Э. Тейтер.

Смертью героев погиб Я. Сихвер — верный сын коммунистической партии и эстонского трудового народа. Когда началась атака, Я. Сихвер с винтовкой в руках шел вместе с бойцами в цепи. В числе павших была также одна из участвовавших в этом бою эстонских бойцов-женщин — Марие Керсман.

Из командного состава полка на Йоальском поле погибли командир 4-й роты Эрнст Грюнберг, помощник командира 5-й роты Эдуард Луйк, командиры взводов Хейнрих Ильбах, Эдуард Ломбак, Иоханнес Кельнер и Пауль Сандер [133].

Этот бой, окончившийся для вильяндисцев большими потерями, оказал все же деморализующее влияние на противника. Немецкое командование ускорило вывод своих войск из Нарвы, а вместе с ними из города бежали и эстонские белогвардейцы. Быстрый отход немецких и эстонских белогвардейских частей сыграл решающую роль в успехе всей Ямбургской группировки советских войск.

[133] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Москва, 1930, стр. 78; ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 3, д. 14, лл. 1—4.

В 8 часов утра 28 ноября, после получасовой артиллерийской подготовки, основные силы Ямбургского отряда перешли в наступление и заняли деревню Поповку. Туда в 12 часов дня был направлен участковый резерв, чтобы развить достигнутый успех, так как на участке 15-го Тартуского полка продвижение было затруднено непрерывным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника. Противник имел там сильно укрепленные позиции, особенно в районе деревни Кельдримяэ. Красным артиллеристам пришлось в течение нескольких часов держать под огнем эти позиции, а также батареи белых. В 16 часов 40 минут артиллерия противника замолчала, и подразделения Тартуского и 46-го полков заняли деревни Пяхклимяэ, Кельдримяэ и мызу Ново-Ивановскую. Вскоре они подошли вплотную к восточным окраинам Нарвы. В городе, в районе Ивангородской крепости, начался пожар, раздавались сильные взрывы. Немецкое командование было вынуждено прекратить сопротивление. Взорвав мосты, оно спешно приступило к отводу своих войск из Нарвы и с линии реки. В те дни немецкие войска уже готовились к уходу из Эстонии и основная масса немецких солдат не была заинтересована в том, чтобы вести здесь продолжительные военные действия. Силы белоэстонцев были еще незначительными, самостоятельно обороняться они не могли и уходили из Нарвы вместе с немцами.

В 22 часа разведчики 15-го Тартуского и 46-го стрелкового полков вошли в Ивангородскую часть Нарвы. Вслед за ними по остаткам взорванного противником железнодорожного моста в западную часть города начали переправляться боевые группы.

Большое моральное воздействие на немцев, наряду с атакой Вильяндиского полка, оказала смелая высадка красного морского десанта в Нарва-Йыэсуу. Этот большой и хорошо вооруженный отряд прибыл к устью Нарвы на двух транспортах в сопровождении крейсера «Олег» и миноносцев «Меткий», «Спартак» и «Автроил» в первой половине дня 28 ноября. В 13 часов 30 минут высадка на берег была закончена. Сопротивления немцы почти не оказывали и спешно уходили, бросая оружие и боеприпасы. Около 100 человек было взято в плен. Отряд захватил трофеи: 15 пулеметов, много автоматов, боеприпасы и прочее военное имущество. Собирать брошенное немцами оружие красным десантникам помогали местные жители, особенно молодежь.

После высадки к десанту моряков присоединились красные пограничные роты, которые 28 ноября форсировали реку Нарву и затем действовали совместно с моряками [134].

---

[134] ЦГАСА, ф. 1171, оп. 2, д. 3, л. 2; ф. 190, оп. 3, д. 25, л. 66.

Группа эстонцев — матросов крейсера «Олег»

Десантный отряд и пограничники должны были перерезать железную и шоссейную дороги западнее Нарвы. Они начали продвижение в заданном направлении, но полностью свою задачу не выполнили из-за недостаточно быстрого темпа наступления и незнания обстановки, обусловленного тем, что отсутствовала регулярная связь с командованием главных сил Ямбургского отряда. Дороги не были перерезаны, и противнику удалось вывести свои силы из Нарвы без особых потерь. Несмотря на это, действия десантного отряда и пограничников, их внезапное появление на фланге и создание угрозы неприятельскому тылу ускорили бегство немцев и эстонских белогвардейцев из Нарвы и с линии реки Нарвы севернее города. Моральное воздействие на противника оказал также произведенный крейсером «Олег» короткий обстрел западной окраины Нарвы и станции Вайвара.

К утру 29 ноября 1918 года Нарва была полностью очищена от немецких и белоэстонских войск. (Схема № 1.)

В донесении Штаба Северного фронта говорится:

«... Нарва оставлена противником и горит. Наши войска вступают в город» [135].

[135] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 3, лл. 153—154.

29 ноября на левый берег Нарвы были переправлены все пехотные части, конница, а вслед за ними и артиллерия. Специальные части приступили к восстановлению поврежденных немцами и белоэстонцами железнодорожного и деревянного мостов. Восстанавливалась телеграфная и телефонная связь. Вскоре в городе установился полный порядок. Население города, особенно рабочие, восторженно встречали красные войска. Бойцы и командиры повсюду находили радушный прием. На Кренгольме и на других нарвских фабриках были организованы митинги, на которых с речами и приветствиями выступали представители нарвской большевистской организации. Они призывали рабочих усилить помощь Красной Армии, чтобы добиться окончательного разгрома врага и полного освобождения своей родины.

Чувство глубокой скорби выразили нарвские трудящиеся в день похорон погибших бойцов Вильяндиского эстонского полка и одного из лучших сынов эстонского пролетариата и коммунистической партии Яана Сихвера. Павших героев провожал в последний путь весь нарвский пролетариат.

Освобождение Нарвы было радостным событием для всего эстонского пролетариата. Трудящиеся повсюду ждали часа своего избавления от произвола немецких оккупантов и действовавшей с ними заодно эстонской буржуазии.

Уже на другой день после освобождения Нарвы в эстонские части Красной Армии стали поступать добровольцы из нарвских рабочих. Было принято несколько сот добровольцев. Они шли на пополнение 2-го Вильяндиского полка, а затем на формирование Эстонского полка революционной охраны и Эстонского кавалерийского полка.

*

На Псковском и Пыталовском направлениях части левого боевого участка VII армии перешли в общее наступление в 13 часов 25 ноября и в 18 часов освободили от немцев и белогвардейских банд Булак-Балаховича город Псков. Большую помощь при взятии Пскова оказали присоединившиеся к красным войскам рабочие. Еще до вступления в Псков советских войск подпольная коммунистическая организация подняла в городе восстание рабочих. Восставшие разгромили белогвардейский штаб и заняли часть города [136].

*

[136] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 25, лл. 79—80; История гражданской войны в СССР. 1959, т. III, стр. 290.

В период наступления Красной Армии, освобождавшей Украину, Белоруссию и Прибалтику, партия и Советское правительство придавали огромное политическое значение образованию советских правительств в освобождаемых от немецких оккупантов областях.

В телеграмме, подписанной В. И. Лениным и направленной 29 ноября 1918 года Главнокомандующему вооруженными силами Республики, говорится:

«С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих частей указания о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства.

Ленин» [137].

Таким временным Советским правительством Эстонии стал Совет Эстляндской Трудовой Коммуны, который был образован 29 ноября 1918 года в Нарве. Тогда же прекратил свое существование созданный в ноябре в Петрограде Временный Эстляндский Революционный комитет, передавший свои функции Совету Эстляндской Трудовой Коммуны во главе с Я. Анвельтом.

Первым шагом нового Советского правительства Эстонии был выпущенный 29 ноября 1918 года Манифест, в котором от имени трудового народа и красных войск был провозглашен переход власти в Эстонии в руки Советского правительства.

Буржуазное Временное правительство, все его агенты и приверженцы, совершившие кровавые злодеяния против эстонских трудящихся, объявлялись вне закона. Все законы, постановления, договоры и распоряжения этого правительства были признаны недействительными. Декреты, изданные Советской властью до оккупации Эстонии немецкими войсками, объявлялись вновь вступившими в силу и подлежащими точному исполнению.

Земли, фабрики, заводы, железные дороги и все природные

---

[137] В. И. Ленин. Соч., издание 4-е, т. 28, стр. 205.

богатства Эстонии объявлялись достоянием и собственностью трудящихся.

Манифест призывал всех рабочих, безземельных и малоземельных крестьян, всех трудящихся городов, поселков, деревень решительно бороться за освобождение своей родины от немецких оккупантов и всех врагов трудящихся, за упрочение Эстонской Советской республики.

Манифест заканчивался призывом к восстанию против угнетателей — буржуазии и помещиков, к укреплению рядов Красной Армии для достижения окончательной победы над врагом.

Эстонские коммунисты и Советское правительство Эстонии разработали практические указания по восстановлению Советов рабочих и крестьянских депутатов в городах, уездах, волостях, крупных населенных пунктах и особенно в рабочих поселках. Командование, политические работники и партийные организации частей Красной Армии были обязаны оказывать всяческую помощь в деле организации и укрепления Советской власти в освобождаемых районах.

Боевые действия в Эстонии в декабре 1918 и в январе 1919 года

Освободив Нарву и Псков, войска советской VII армии продолжали выполнять свою общую задачу: полностью очистить территорию Эстонии и Латвии от немецких оккупантов и местных белогвардейцев.

На Таллинском направлении в северной Эстонии части Красной Армии, в основном эстонские коммунистические полки, были сосредоточены на южном побережье Финского залива (полоса от берега и на 5—8 километров южнее железной дороги Нарва — Таллин). Это было направление главного удара на Таллин. В первую очередь войска должны были овладеть городом и узлом шоссейных дорог Раквере и железнодорожным узлом Тапа. Особенно Тапа имел весьма большое значение, так как в случае потери этого пункта белоэстонское командование лишалось возможности пользоваться железнодорожной магистралью Таллин — Тапа — Тарту. Другое направление, которое считалось второстепенным, хотя также весьма важным, шло от Васькнарвы (Сыренец) на Муствээ. Войска этого направления должны были перерезать железную дорогу Тарту — Тапа на участке станций Йыгева, Вягева или Ракке и овладеть городом Пайде.

Накануне общего наступления частей Красной Армии на Прибалтийском фронте противник располагал там незначительными силами. Несмотря на то, что германские империа-

листы дали Антанте обязательство в целях борьбы с революционным движением не выводить свои войска из оккупированных областей России, немецкие войска не могли уже оказывать активную военную помощь буржуазии этих областей. В результате революции в Германии, которая охватила и солдатские массы, немецкое командование было вынуждено оставить оккупированные области. После освобождения Красной Армией Нарвы и Пскова немецкие войска быстрыми темпами выводились из Эстонии и не оказывали более сопротивления советским войскам.

Еще до ухода немецких оккупационных войск эстонская буржуазная клика — Пятс, Поска, Тыниссон и другие — начала менять ориентировку, чтобы вместо германских империалистов опереться на империалистов Англии, Франции и США. Это было вызвано вескими причинами. Если эстонская буржуазия весной и летом 1918 года возлагала надежды на германский генералитет, то к осени в результате быстрого роста антивоенных настроений и революционного брожения среди немецких солдат положение резко изменилось. Правда, при помощи немецкого генералитета эстонская буржуазия пришла к власти, но оставшись вскоре в одиночестве перед лицом революционных масс, начавших активную борьбу за восстановление Советской власти, она призвала на помощь империалистов Антанты, а также буржуазные правительства Финляндии, Швеции, Дании. Только при помощи иностранных империалистов эстонская буржуазия надеялась удержать свои позиции.

Уход немецких войск и незначительность белоэстонских сил создали благоприятную обстановку для дальнейших успешных действий частей Красной Армии. Это относится особенно к войскам 6-й стрелковой дивизии на Таллинском направлении в северной Эстонии, где сил Красной Армии хватило бы тогда для полного разгрома противника, отступившего из Нарвы в район Йыхви (40 км западнее Нарвы). Однако командование 6-й дивизии, выдвинув части на линию Аувере—Утриа (13 км западнее Нарвы), в течение четырех дней после освобождения Нарвы не предпринимало наступательных действий. До 2 декабря не произошло никакого соприкосновения с противником, а высылаемые разведывательные группы не смогли выяснить ни его сил, ни мест их расположения.

Медлительность командования 6-й стрелковой дивизии вызвала недоумение. 3 декабря председатель Совета Эстляндской Трудовой Коммуны Я. Анвельт был вынужден по телеграфу просить Петроградский Совет оказать воздействие на командование VII армии, чтобы оно приняло меры для ускорения начатой операции.

Некоторую активизацию действий командование 6-й дивизии начало только 3 декабря, когда противник при поддержке

бронепоезда подошел к станции Вайвара и занял ее, оттеснив слабый авангард советских войск (из состава батальона Трофимова). Белые были отброшены, но тем не менее советские войска до 5 декабря почти не продвинулись вперед. Пассивностью советского командования воспользовался противник, силы которого в первых числах декабря возросли до 2500 человек, так как сначала была объявлена частичная мобилизация (в Вирусском уезде), а затем и общая. Формировались новые полки, а в ряде городов и уездов создавались так называемые «батальоны защиты» (кайтсепатальон), которые комплектовались преимущественно выходцами из имущих классов.

Всем этим мероприятиям белоэстонских правителей могло бы сильно помешать быстрое и решительное наступление частей Красной Армии, тем более, что мобилизация в белоэстонскую армию первое время шла крайне плохо, призывники массами уклонялись от явки в пункты сбора.

Медленно действовали части Красной Армии также в южной и центральной Эстонии.

Общее наступление частей северной группировки 6-й стрелковой дивизии началось лишь 5—6 декабря. Наступление поддерживала артиллерия кораблей Балтийского флота с Финского залива. В течение трех дней боев противник был сбит с оборонительного рубежа Ору — Кюннапыхья. В этих и дальнейших боях успешно действовали Тартуский и Таллинский эстонские полки (Таллинский полк прибыл на этот участок фронта 8 декабря), имевшие боевой опыт борьбы с интервентами и белогвардейцами на Северном и Восточном фронтах. В Таллинском полку было около 750 штыков.

Вслед за Таллинским полком с Восточного фронта прибыла 1-я эстонская легкая артиллерийская батарея. В ней было только два орудия, и в целях более компактного действия она была присоединена ко 2-й эстонской батарее.

2-й Вильяндиский эстонский полк был временно оставлен в Нарве для восполнения потерь, понесенных в нарвском бою 28 ноября, для укомплектования и формирования недостающих рот. 3-я рота полка была в начале января 1919 года направлена в город Тарту, освобожденный советскими войсками, для усиления обороноспособности города.

В Петрограде формировались 3-я эстонская легкая батарея и тяжелая батарея, два орудия которой были уже на фронте.

Когда части правого боевого участка 6-й дивизии преодолели оборонительный рубеж белых на линии станции Ору—Кюннапыхья, начали действовать и части левого боевого участка дивизии (отряд Тюрина), которые овладели Васкнарвой и начали продвижение в направлении Тудулинна и Муствээ. Противник отходил без боя

Развивая наступление, Тартуский полк 9 декабря после

двух атак занял станцию и местечко Йыхви, а затем, почти не встречая сопротивления, достиг населенного пункта Кохтла. 1-й Таллинский полк и отряды тт. Пусся и Трофимова, также не встретив сколько-нибудь организованного сопротивления, в тот же день заняли населенные пункты Тойла (на берегу Финского залива) и Кукрузе, захватили пленных, пулемет и обоз противника. Затем они с боем взяли населенные пункты Онтика, Валасте, Ярве, Варья и некоторые другие.

Белоэстонское командование спешно отводило свои сильно расстроенные части на новый оборонительный рубеж: станция Люсси (Изенгоф) — Люганузе и далее к северу по реке Пуртсе. На этом естественном и довольно выгодном для обороны рубеже оно надеялось приостановить наступление красных войск. Но уже 10 декабря 15-й Тартуский полк взял станцию Кохтла (Кохтель) и начал продвигаться к реке Пуртсе в районе деревень Уникюла и Савала. Десантный отряд моряков находился в то время на линии мыза Кохтла — деревня Вырну. Он имел задачу выйти на линию Уникюла — Соонурме с целью обойти противника с юга. 1-й Таллинский полк 10 декабря занял населенные пункты Молдова, Мустмятта, мызу Пюсси. Затем он должен был овладеть рубежом на линии Лиймала — Пуртсе — Ууэмыйза и выйти в тыл противнику с севера. 46-й полк в этих последних боях не участвовал, он был оставлен в резерве в районе Йыхви с задачей прикрыть фронт с юга. Там, между северной и южной группировками частей 6-й стрелковой дивизии, образовался разрыв, который не было возможности заполнить из-за отсутствия сил. В резерве в районе Йыхви остался также маршевый батальон Трофимова.

Поставленную командованием задачу разгромить противника на рубеже реки Пуртсе красные войска выполнили 11 декабря и сразу же продвинулись значительно западнее.

К вечеру 11 декабря 1-й Таллинский полк занял цементный завод и местечко Азери, деревни Ранну и Кестла (6 км западнее реки Пуртсе), а 15-й Тартуский полк подошел к станции Сонда (12 км западнее станции Пюсси).

В этих боях активно участвовал и эстонский красный кавалерийский эскадрон, выделенный из состава 1-го Таллинского полка и прибывший одновременно с ним с Восточного фронта. Эскадрон занял мызу Сатсо, захватив пленных. Пленных захватили и другие участвовавшие в этих боях части.

12 декабря в Нарве состоялась 1-я конференция коммунистов эстонских частей Красной Армии. На ней было 68 делегатов, представлявших 482 члена партии. Конференция засвидетельствовала высокий боевой дух всего личного состава и образцовую дисциплину в красных эстонских частях, но отметила слабость партийно-политической работы, а также недостатки в снабжении частей обмундированием, боеприпасами,

продовольствием, вызванные главным образом плохо налаженной деятельностью органов снабжения. В целях улучшения партийной работы конференция создала Объединенное бюро партийных коллективов эстонских частей Красной Армии, а Совету Эстляндской Трудовой Коммуны рекомендовала направить в эстонские части своих уполномоченных, которые позаботились бы об улучшении снабжения и помогали бы восстанавливать Советы в освобождаемых советскими войсками районах.

Боевые действия эстонских частей Красной Армии продолжали успешно развиваться. Достигнув рубежа Азери — Кестла — станция Сонда, части готовились к операции по овладению городом Раквере и крупным рабочим поселком Порт-Кунда.

12 декабря 1-й Таллинский эстонский полк взял деревни Раннамыйза, Коогу, Хярьяпеа и некоторые другие населенные пункты в направлении Порт-Кунда, но дальнейшее продвижение полка было задержано упорным сопротивлением белых, укрепившихся в районе Койла и Пада (на реке Пада). 15-й Тартуский полк после двух атак занял станцию Сонда и, пресле-

Группа бойцов и политработников 1-го Таллинского эстонского коммунистического полка в 1918 году. Стоят (слева направо): Кийль, Т. Тамм, Ф. Вайкюллъ, А. Йеа. Сидят: С. Тийвас, Тамм-Ренке, Э. Вайкюллъ

дуя противника, вышел на линию населенных пунктов Ульясте и Мийла. Белые заняли оборонительный рубеж по реке Пада.

Для разгрома противника на этом рубеже 1-й Таллинский полк получил задачу выйти 13 декабря на линию Лахекюла — Койла — станция Кабала (Каппель) и выслать сильную колонну в направлении Порт-Кунда. 15-му Тартускому полку было приказано действовать совместно с 1-м Таллинским полком и овладеть станцией Кабала.

13 декабря Таллинский полк с боем занял деревни Адрику, Койла и Раудна, а 14 декабря — пасторат Виру-Нигула и мызу Пада. Тартуский полк совместно с десантным отрядом моряков взял станцию Кабала и продвинулся на 4 километра к западу от нее. Эстонский кавалерийский эскадрон занял деревню Метсавялья, а Царскосельский кавалерийский эскадрон — деревню Мянникувялья.

До Раквере бои еще не носили особо упорного характера и потери советских войск были невелики. Однако на подступах к Раквере сопротивление со стороны противника усилилось. К этому времени действовавшие против частей Красной Армии 4-й и 5-й белоэстонские пехотные полки получили значительное пополнение за счет мобилизованных. Формировались 1-й пехотный полк и «балтийский батальон» (из прибалтийских немцев). У белоэстонцев появился второй бронепоезд, который, как и первый, был оставлен им немецким командованием.

По мере продвижения частей Красной Армии ширина фронта в северной Эстонии продолжала расти, постепенно увеличивая разрыв между правой и левой группировками войск 6-й дивизии. Уже на линии Раквере разрыв достигал 30 километров, а при дальнейшем продвижении фронта к западу он становился все больше. Чтобы прикрыть это пустое пространство, командование 6-й дивизии просило командующего VII армией направить на фронт два батальона 47-го стрелкового полка 6-й дивизии, которые находились в армейском резерве. Однако этого сделать не удалось. В этот период противник начал высаживать с Финского залива десанты в тылу частей Красной Армии. Прибывшие два батальона 47-го полка пришлось использовать в тылу для охраны побережья от неприятельской угрозы с моря.

Недостаток сил для прикрытия разрыва между войсками двух группировок 6-й дивизии в северной Эстонии впоследствии открыл белоэстонцам возможности для обхода флангов этих группировок и проникновения в тыл советских войск.

15 декабря развернулись бои на линии мыза Рягавере — мыза Ухтна — Порт-Кунда. В бою под Рягавере 5-й белоэстонский полк был рассеян 15-м Тартуским полком. Овладев после упорного боя мызой Рягавере (6 км юго-восточнее Раквере),

Тартуский полк захватил пленных, много оружия и прочего военного имущества, брошенного противником.

Десантный отряд моряков атаковал станцию Ваэкюла (Вайкюль), но был встречен огнем неприятельского бронепоезда и отошел к станции Кабала. Тогда в район железной дороги были посланы некоторые подразделения Тартуского эстонского полка, которые и заняли станцию Ваэкюла.

Продвигаясь с боями, 1-й Таллинский полк к вечеру 15 декабря достиг линии населенных пунктов мыза Малла — Кангуристи — Варуди — Ванакюла — мыза Ухтна.

Ввиду усиливавшегося сопротивления неприятеля из Нарвы на фронт был вызван сводный батальон 2-го Вильяндиского эстонского полка. Так как железная дорога на участке Нарва—Йыхви была разрушена, вильяндисцы выступили походным порядком и прибыли на фронт уже после освобождения Раквере частями Красной Армии.

Бои по овладению Раквере и другим важным пунктом — Порт-Кунда, начатые 15 декабря, с еще большим ожесточением продолжались 16 декабря. К вечеру они окончились поражением врага. 16 декабря 15-й Тартуский полк освободил от белых город Раквере, а 1-й Таллинский полк после освобождения Порт-Кунда вышел на линию деревень Каликюла — Андья — Нурме.

При взятии города Раквере 15-й Тартуский полк захватил пленных, 5 тысяч винтовок разных систем, 100 000 патронов, 3750 новых русских штыков, 2 пулемета «Кольт», 35 запасных пулеметных стволов, 800 ручных гранат разного образца, 1500 ножниц для резки проволоки, 5 минометов, 6 бомбометов, 1500 бомб к ним, 50 ящиков с 3-дюймовыми и 75-мм снарядами, 25 пулеметных двуколок, 16 санитарных двуколок и много другого военного имущества.

С большой радостью встречали Красную Армию трудящиеся Раквере и рабочие цементного завода Кунда. Прием добровольцев в ряды Красной Армии принял массовый характер. В Раквере прибыли представители Эстляндской Трудовой Коммуны во главе с Я. Анвельтом, которые приступили к восстановлению Советов, созданию советских учреждений, налаживанию нормальной жизни населения.

Заняв Раквере, 15-й Тартуский эстонский полк выдвинул свои передовые подразделения на линию населенных пунктов Пайде — Ризу — Тырма. Артиллерия занимала новые огневые позиции для поддержки дальнейших действий пехоты.

1-й Таллинский полк 17 декабря с боями вышел на линию населенных пунктов Тоольсе — Сельге — Пыдрузе — Аркна и подготавливал дальнейшее наступление на местечко Хальяла, где укрепились белые, поддерживаемые артиллерией.

К этому времени части левого боевого участка 6-й дивизии

были на линии Веневере — Рая — Кильбавере и продолжали двигаться дальше, чтобы выполнить поставленную задачу: перерезать железную дорогу Тарту — Тапа на участке станций Йыгева — Ракке.

* *

На левом боевом участке VII армии после освобождения Пскова и Острова были сосредоточены 1-й, 4-й и 6-й полки Латышской стрелковой дивизии (остальные полки этой дивизии прибыли в декабре 1918 г. и в первых числах января 1919 г.), 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й полки 2-й Новгородской дивизии, 48-й и 49-й полки и один батальон 51-го полка 6-й стрелковой дивизии, 1-й Вятский полк (до 22 декабря 1918 г., когда он был переведен в резерв армии в Гатчину), три эскадрона 6-го конного полка, 2-й латышский кавалерийский дивизион, 3-й маршевый эскадрон 1-го Петроградского конного полка, отряд моряков особого назначения, 4-я латышская артиллерийская батарея, 7-я батарея 6-й артиллерийской бригады, две легкие артиллерийские батареи Новгородского артиллерийского дивизиона и некоторые другие артиллерийские подразделения (всего около 20 легких орудий, 2 тяжелых орудия, 4—5 гаубиц). Там же были два бронепоезда (№№ 1 и 11), авиационный отряд и некоторые технические части. На левый боевой участок VII армии были направлены из Уральского военного округа части 10-й стрелковой дивизии, из которых в декабре 1918 года уже прибыли в Старую Руссу и Псков 82-й, 83-й и 85-й полки.

Частями левого боевого участка VII армии командовал бывший полковник старой армии М. Н. Васильев. Комиссаром участка был Ян Фабрициус [138].

Из перечисленных выше частей для проведения операций по освобождению городов Выру, Валга и Тарту были выделены 1-й и 4-й полки Латышской стрелковой дивизии и 49-й полк 6-й стрелковой дивизии. В резерв этих полков в Печоры прибыл 54-й полк 6-й стрелковой дивизии, но 18 декабря 1918 года этот полк был расформирован из-за невыполнения боевых приказов. Его личный состав был передан в 1-й Вятский полк [139].

8 декабря 1-й и 4-й латышские полки вошли в Выру, который немцы отдали без боя, по соглашению с советским командованием. Попытки эстонских белогвардейцев оказать сопротивление красным латышским частям были быстро парализованы.

Для наступления на Тарту были сгруппированы следующие

---

[138] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 8, л. 44; д. 24, л. 9; д. 35, лл. 1, 2, 69.
[139] Там же, д. 35, л. 160.

части Красной Армии под общим командованием командира 2-й бригады 6-й стрелковой дивизии Травинского: 49-й полк 6-й стрелковой дивизии в составе семи стрелковых рот (две роты полка — 4-я и 5-я — находились в составе отряда Тюрина в северной части Эстонии) — 1259 штыков, 17 пулеметов; 2-й и 3-й эскадроны 6-го конного полка; сводная батарея (бывший Лужский артиллерийский взвод и два орудия 2-й Новгородской артиллерийской бригады) и 7-я батарея 6-й артиллерийской бригады. Войска эти выступили двумя колоннами: первая в составе одного батальона 49-го полка, одного (3-го) кавалерийского эскадрона и сводной батареи — из Печор через Ряпина; вторая колонна в составе остальных подразделений 49-го полка, одного (2-го) кавалерийского эскадрона и 7-й артиллерийской батареи — из Выру. 49-м полком командовал Н. Блинов, комиссаром полка был П. Смородин [140].

18 декабря части Латышской дивизии вступили в Валга (Валк), который находился уже во власти рабочих, поднявших восстание еще 15 декабря.

После освобождения Валга части Латышской дивизии перешли в наступление на Ригу. Вместо них в Валга прибыли 9-й Новгородский полк и 48-й полк 6-й стрелковой дивизии, которые начали наступательные действия в двух направлениях: через Рухья и Мыйзакюла на Пярну и через Тырва и Каркси на Вильянди. Несколько позднее на южный участок фронта прибыл из резерва армии 85-й полк 10-й стрелковой дивизии. Но из состава этого полка на фронт был послан только один батальон — из Печор на Тарту вслед за 49-м стрелковым полком. Остальные два батальона 85-го полка были оставлены в участковом резерве в Выру и в боях не участвовали.

На Тартуском направлении действия советских войск были облегчены тем, что в Тарту 20 декабря рабочие подняли вооруженное восстание, поддержанное значительной частью солдат расположенного в городе 2-го белоэстонского пехотного полка, которые отказались воевать против Красной Армии. Буржуазия была парализована, и созданный вечером 21 декабря при активном участии коммунистов Ф. Нурмберга, А. Умблиа, И. Леппиксаара, А. Крийска и других Революционный совет (комитет) взял власть в городе в свои руки. Оборонявшие город отряды белоэстонских войск, кайтселийта и русских белогвардейцев Булак-Балаховича, а вместе с ними и вожаки буржуазии бежали. Вступивший утром 22 декабря в Тарту 49-й полк Красной Армии был с ликованием встречен трудящимися.

Успехи частей Красной Армии по освобождению Эстонии воодушевили пролетариат Таллина и повысили его политическую активность. Желая помочь Красной Армии и приблизить

[140] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 35, лл. 65, 66—68, 80.

Ф. Нурмберг

час своего освобождения, рабочие усилили борьбу против самозванного эстонского буржуазного Временного правительства.

В первой половине декабря в Таллине сложилась благоприятная обстановка для вооруженного восстания, которое готовили Эстляндский Центральный Комитет и партийная организация города. Министры эстонского буржуазного правительства почувствовали, что их правлению приходит конец. В Пальдиски у них было уже подготовлено специальное судно, на котором они собирались в критический момент бежать за границу. Однако прибытие 12 декабря на таллинский рейд английской эскадры и угроза высадки с нее десанта резко изменили политическую обстановку, она стала неблагоприятной для вооруженного выступления рабочих. Восстание могло быть подавлено, тем более, что отдельные боевые группы были крайне слабо вооружены. Оружие нужно было добывать в самом ходе восстания. Учитывая это, Таллинский комитет партии 13 декабря решил отложить восстание до момента, когда части Красной Армии подойдут ближе. Но было решено продолжать наращивание сил, устраивать массовые митинги, забастовки, уличные демонстрации, готовить рабочих к восста-

нию, выжидая, когда для него сложатся более благоприятные условия. Среди таллинских рабочих по-прежнему отмечались высокий революционный подъем и решимость бороться за восстановление Советской власти.

Доверие трудящихся к Коммунистической партии и Советской власти подтвердили и проходившие 12—15 декабря новые выборы в Таллинский Совет рабочих депутатов. Среди 49 депутатов, избранных в городской Совет, было 33 большевика, 11 их сторонников из беспартийных, 4 меньшевика (сотса) и 1 эсер [141].

По инициативе городского комитета партии Таллинский Совет рабочих депутатов организовал 15 декабря в концертном зале театра «Эстония» массовый митинг. 17 декабря были проведены политическая забастовка и массовая уличная демонстрация трудящихся. Рабочие требовали немедленного взятия власти Советом и изгнания английских интервентов.

Напуганное этими событиями буржуазное Временное правительство, опираясь на силы английской эскадры, отряды вооруженных белогвардейцев и кайтселийтчиков, перешло в наступление на рабочий класс. 17 декабря по мирной демонстрации трудящихся был открыт огонь, вызвавший жертвы (погибли рабочие Э. Арбон и Э. Мельдер). Много рабочих было ранено. 18 декабря правительство Пятса — Рея установило в Таллине режим военной диктатуры и белого террора. Таллинский Совет, на экстренном заседании которого после расстрела рабочей демонстрации вновь обсуждался вопрос о подготовке восстания, был разогнан вооруженными белогвардейцами. Собрания рабочих, скопления их на улице и в общественных местах были запрещены. Воинским частям был отдан приказ без предупреждения открывать огонь по рабочим демонстрациям. В городе производились повальные обыски. Рабочие организации закрывались, а коммунисты и их сторонники подлежали аресту и преданию военно-полевому суду, который в большинстве случаев выносил смертные приговоры.

В Таллине, а затем и в других занятых белогвардейцами районах установилась диктатура контрреволюционной буржуазии, с которой солидаризировались предатели интересов рабочего класса — эсеры и меньшевики (сотсы). Между прочим, их вожаки знали об отказе английского адмирала дать свои войска в распоряжение эстонской буржуазии, но скрыли от трудящихся это обстоятельство.

Таллинские большевики могли теперь действовать только в глубоком подполье. Организация вооруженных выступлений

---

[141] Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Таллин, 1961, стр. 362.

рабочих в этих чрезвычайно тяжелых и сложных условиях была невозможной. Но борьба продолжалась. Ее возглавил испытанный революционер, один из выдающихся руководителей эстонских коммунистов и трудящихся Виктор Кингисепп.

*

После освобождения Раквере и Тарту перед частями Красной Армии в северной и центральной Эстонии была поставлена задача продолжать энергичное наступление, чтобы овладеть Таллином и выйти на побережье Балтийского моря в районе Пярну.

Однако командование 6-й стрелковой дивизии вновь стало медлить. Заняв Раквере, части 1-й бригады 6-й дивизии, особенно в центре группировки, ослабили нажим на врага. Это обстоятельство дало белоэстонскому командованию возможность организовать свои расстроенные части и предпринимать контратаки при поддержке бронепоездов. Бои с белыми в районе железной дороги вели только 15-й Тартуский полк и десантный отряд Пусся (с северной стороны железной дороги). 46-й стрелковый полк 6-й дивизии и батальон Трофимова по-прежнему оставались в районе Йыхви (оттуда был отозван только один батальон 46-го полка), а сводный батальон 2-го Вильяндиского полка еще не прибыл из Нарвы. Все это сказалось на общем темпе наступления советских войск, несмотря на то, что Тартускому полку и десантному отряду моряков удалось отбить атаки противника и даже потеснить его. Большую подмогу оказали им успешные действия 1-го Таллинского полка.

Выбив 17 декабря белых из Хальяла и продолжая их преследование, 1-й Таллинский полк 18 декабря вышел на линию деревень Вихула — Анниквере — Ванамыйза — Аукюла. С целью захода противнику в тыл полк выслал из района Аукюла обходную колонну в составе двух рот и 2-й эстонской батареи, которая начала движение в направлении станции Кадрина (Катеринен). В том же направлении через мызы Клооди и Хулья продвигался десантный отряд Пусся. Остальные роты Таллинского полка 20 декабря сильно выдвинулись вперед. Выйдя на линию населенных пунктов Верги (на берегу Финского залива) — Сагади — Лийгусте — Ватку — Вохнья, они создали серьезную угрозу левому флангу противника.

20 декабря на центральный участок фронта прибыл сводный батальон 2-го Вильяндиского эстонского полка под командованием К. Кангера. В батальоне было три стрелковых роты (1-я, 4-я и 5-я), команда конных разведчиков и 4 пулемета. Сменив 15-й Тартуский полк на линии мыза Ундла — Кадрина — Йыэпере, сводный батальон вильяндисцев вступил в бой. У него была общая с другими частями 1-й бригады 6-й ди-

визии задача: в кратчайший срок взять Тапа. 15-й Тартуский полк, понесший большие потери и уставший от непрерывных продолжительных боев, был отведен в резерв в Раквере.

Белоэстонское командование понимало, что с потерей Тапаского железнодорожного узла оно потеряет возможность переброски своих сил, в частности бронепоездов, в центральную часть Эстонии, и принимало все меры к упорной обороне.

Бои на подступах к Тапа, которые вели вдоль железной дороги и южнее ее сводный батальон Вильяндиского полка, отряд моряков и прибывший на фронт один батальон 46-го стрелкового полка, продолжались 4 дня и носили весьма ожесточенный характер. Особенно сильные бои происходили в районе населенных пунктов Йыэпере, Нээрути, Удрику, Мяокюла и некоторых других. Для борьбы с неприятельскими бронепоездами туда были стянуты почти все артиллерийские батареи, в том числе только что прибывшая 4-я батарея 6-й артиллерийской бригады в составе 4-х орудий.

21—23 декабря сводный батальон 2-го Вильяндиского полка и 1-й батальон 46-го стрелкового полка в упорных боях сломили сопротивление белых на этой линии обороны. Йыэпере, Нээрути, Удрику, Мяокюла, Арукюла и ряд других населенных пунктов на подступах к Тапа были очищены от противника. Особенно упорное сопротивление неприятель при поддержке бронепоезда оказывал у деревни Мяокюла. Неоднократные попытки взять ее не дали результатов. Тогда командование сводного батальона вильяндисцев приняло решение атаковать деревню ночью. Задача была успешно выполнена 1-й ротой батальона под командованием А. Янеса. Рота захватила 16 пленных, пулемет, много винтовок и боеприпасов, брошенных бежавшим противником.

23 декабря высланная 1-м Таллинским эстонским полком боевая группа внезапным ударом заняла станцию Тапа, но так как в группе было мало людей, ей пришлось под сильным нажимом противника отойти к Торма (3 км севернее Тапа), захватив с собой 15 человек пленных белоэстонских солдат.

Утром 24 декабря сводный батальон Вильяндиского полка после короткого, но ожесточенного боя сломил сопротивление белых и занял станцию и местечко Тапа. Затем батальон совместно с батальоном 1-го Таллинского полка продолжал с боями движение в направлении к Таллину.

22 декабря в Раквере из Петрограда прибыла 3-я эстонская легкая артиллерийская батарея под командованием Р. Давыдова и его помощника А. Ломбака. В батарее было четыре орудия с полным комплектом артиллерийского и интендантского имущества, но всего 58 человек команды (полагалось иметь более 200). Однако уже через несколько дней батарея была полностью укомплектована добровольцами. Лошадей же, ко-

А. Янес

торых вначале вовсе не было, удалось получить путем мобилизации только в первых числах января 1919 года. В ночь с 6 на 7 января батарея выступила на фронт.

В двадцатых числах декабря в Раквере была из Нарвы прислана Эстонская тяжелая (42-линейная) артиллерийская батарея под командованием И. Турья. В ней было 85 человек команды, 4 орудия и 27 лошадей. Но в связи с невозможностью укомплектовать батарею недостающим людским составом и лошадьми, ее возвратили в Нарву. Два ее орудия были расположены в районе Нарва-Йыэсуу с задачей прикрыть этот район в случае нападения действовавшей в водах Финского залива английской эскадры.

Части левого боевого участка 6-й дивизии (отряд Тюрина) заняли станции Ракке и Вягева, перерезав железную дорогу Тапа — Тарту, и продвигались с боями в Пайдеском направлении. Части Красной Армии в центральной и юго-западной частях Эстонии продолжали наступление на Вильянди и Пярну.

Успешно шло также освобождение Латвии и Литвы от немецких оккупантов и местных белогвардейцев. В Вильно (Вильнюсе) была установлена Советская власть, к Риге с боями подходили красные латышские полки, которые 23 декабря

отбросили на этом участке фронта «железную дивизию» немцев.

Эстонская буржуазия получала тогда уже огромную помощь вооружением и другими военными материалами от иностранных, главным образом английских, империалистов. Прибывшая 12 декабря на таллинский рейд английская эскадра (14 боевых кораблей) вскоре начала действовать в Финском заливе, корабли обстреливали береговые пункты, высаживали на фланге и в тылу частей Красной Армии белогвардейские десанты.

В полдень 23 декабря в тылу частей Красной Армии в районе Порт-Кунда высадился белоэстонский десант численностью в 150—200 человек. Высадка производилась под прикрытием судовой артиллерии пяти английских кораблей.

Находившийся в Порт-Кунда отряд советских пограничников в количестве 45 человек под давлением неприятельского десанта с боем начал отходить. В помощь пограничникам из Раквере были высланы один батальон 15-го Тартуского полка и эстонский кавалерийский эскадрон. Энергичными действиями этих частей десант противника был отброшен обратно на корабли, а рассеявшиеся на берегу мелкие группы были уничтожены.

Среди высадившихся было несколько местных жителей, бежавших накануне вступления частей Красной Армии в район Кунда. Они помогали десантникам по заранее заготовленному списку разыскивать представителей Советской власти и активистов. Белые были вооружены винтовками разнообразных систем и гранатами русского производства. Они называли себя «защитниками свободной Эстонии». Английские корабли выпустили около 100 крупнокалиберных снарядов. Снарядом, попавшим в дом, был убит один человек и ранено четверо. У советских частей потерь не было [142].

Английские военные корабли появлялись и в некоторых других районах вдоль южного побережья Финского залива.

В связи с возможностью повторных попыток высадки десантов командование 6-й стрелковой дивизии приняло необходимые меры, чтобы усилить наблюдение и охрану побережья Финского залива в тылу войск. В Порт-Кунда в качестве постоянного гарнизона были направлены вызванные из резерва один батальон 47-го полка 6-й дивизии и 2-я пограничная рота. Другой батальон 47-го полка был размещен в Йыхви и Нарва-Йыэсуу с задачей держать под постоянным наблюдением побережье Финского залива в этих районах.

После занятия Тапа на фронт из резерва были вызваны два батальона 46-го стрелкового полка (один батальон его прибыл

---

[142] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 8, лл. 74, 75, 116, 124—127.

на фронт 19 декабря), которые заняли боевой участок южнее Тапа. Этими батальонами удалось в некоторой мере прикрыть разрыв между правым и левым боевыми участками 6-й дивизии.

К 25 декабря части северной группировки войск 6-й стрелковой дивизии вышли с боями на линию Локса (на берегу Финского залива) — Кальме — Суру — Пала — Кукепалу — Тапа и далее в основном по железной дороге Тапа — Тарту до станции Вягева.

К вечеру 25 декабря 1-й Таллинский полк с боями подходил к Педаспеа (на берегу Кольгаского залива) и Кольга. В это время белоэстонцы с английских кораблей высадили в Педаспеа значительный по численности десант, который несколько оттеснил правый фланг Таллинского полка. На помощь таллинцам для ликвидации неприятельского десанта был выслан батальон 15-го Тартуского полка, однако белым при поддержке артиллерии английских военных кораблей удалось продвинуться к Вихасоо (на берегу Кясмуского залива). Английские корабли стали обстреливать прибрежный район Вызу с целью высадить там новый десант, но это им не удалось. На помощь Таллинскому полку и батальону Тартуского полка пришел один из крейсеров Красного Балтийского флота, который подверг десант белых в районе Вихасоо сильному обстрелу. Противник был вынужден вернуться на корабли, и Таллинский полк к вечеру 27 декабря вышел с боями на линию Локса — Кольга — Кынну, захватив пленных.

В ночь на 27 декабря противник при поддержке бронепоезда перешел в контрнаступление с целью возвратить Тапа, но встреченный огнем 1-й эстонской батареи вражеский бронепоезд отошел, а высадившаяся с него десантная группа белых была разбита и рассеяна бойцами сводного батальона 2-го Вильяндиского полка. 46-й полк успешно продвигался вперед, тесня врага, занял ряд населенных пунктов и вышел на линию деревня Няо — мыза Каркузе — деревня Ыльгкаэву — станция Тамсалу — деревня Метсакаэву. В мызе Каркузе рабочие с радостью встретили своих освободителей — красных бойцов.

В связи с действиями английского флота в море вышли и корабли Балтийского флота «Андрей Первозванный», «Олег», «Азар», «Спартак» и «Автроил», которые неоднократно вступали в бои с английскими кораблями.

26—27 декабря на Финском заливе, западнее меридиана Порт-Кунда, произошел бой отряда миноносцев Балтфлота с английской эскадрой. Однако ввиду значительного превосходства сил противника операция не удалась и оторвавшиеся от отряда советские миноносцы «Спартак» и «Автроил» были захвачены англичанами. Оба советских корабля вели бой с более

мощными английскими кораблями и, получив сильные повреждения, не смогли уйти своим ходом. Команды обоих кораблей были заключены в лагерь для военнопленных на острове Найссаар (Нарген). Эстонские белогвардейцы установили для них жесточайший режим и подвергали их всяческим издевательствам. 36 моряков-коммунистов были расстреляны. Корабли англичане передали эстонской буржуазии. Белоэстонское командование использовало их для высадки десантов и для обстрела побережья Финского залива в тылу частей Красной Армии [143].

28 декабря 1-й Таллинский полк с боем взял мызу Кольга, а 46-й полк, заняв после упорного боя узел шоссейных дорог Амбла и отразив все попытки противника перейти в контратаку, вышел к вечеру на линию населенных пунктов Куру—Амбла — Соонурме — Кааревере.

Ведя успешные бои с противником, части правого боевого участка 6-й стрелковой дивизии в северной Эстонии к 31 декабря 1918 года вышли на общую линию населенных пунктов: Тситре (на берегу Кольгаского залива) — Кахала — Арукюла — Кырве — Леппсилла (1-й Таллинский полк и один батальон Тартуского полка) — Ляпикюла — Амбла — Кааревере — Куйе (батальон 15-го Тартуского полка, сводный батальон 2-го Вильяндиского полка, сводный отряд моряков*, 46-й полк), — и продолжали наступление в Таллинском направлении.

Левофланговые части 6-й стрелковой дивизии (отряд Тюрина) вышли на линию населенных пунктов Карину — Тудре—Мюйслери — Койги — Айду и продолжали наступление на Пайде и Пыльтсамаа. Железнодорожный путь на всем протяжении Тарту — Тапа был свободен.

1-му Таллинскому полку приходилось неоднократно вести бои с десантами противника, которые все чаще стали высаживаться на правом фланге и в тылу полка. Таллинцы успешно справлялись с этим и продолжали двигаться вперед. Однако в результате непрерывных боев в Таллинском полку к 31 декабря в строю осталось всего 228 человек. Значительные потери были и в других частях. Но несмотря на продолжительные бои, части Красной Армии сражались мужественно. Бойцы и командиры были полны решимости добиться победы над врагом.

Фронт на левом боевом участке 6-й дивизии был сильно

---

[143] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 8, лл. 61—63; История Эстонской ССР. Таллин, 1958, стр. 447—448.

* Сводный отряд моряков образовался в двадцатых числах декабря 1918 г. путем слияния отряда Пусся и маршевого батальона Трофимова. Им стал командовать Трофимов, а В. Пуссь отбыл в распоряжение Совета Эстляндской Трудовой Коммуны.

растянут. Людей там было мало. Участок требовал серьезного усиления, но этого сделать не удалось из-за отсутствия ближних резервов. В частях левого боевого участка (отряд Тюрина) к концу декабря 1918 года было не более 700 человек, а ширина фронта достигала 50 километров. Все же красные бойцы продолжали теснить врага.

1 января 1919 года Таллинский полк с боем занял населенные пункты Куусалу и Кийу, захватив обоз противника с боевым имуществом. 2-й батальон 15-го Тартуского полка вел бой у деревни Леппсилла, а сводный батальон Вильяндиского полка и сводный отряд моряков — западнее Тапа. Они очистили от белых местечко Лехтсе и деревню Рягавере. 4-й эскадрон 2-го Петроградского кавалерийского полка выбил белых из Выхмута и продолжал вести бой за овладение Ярва-Яани.

Потери были весьма большими уже во всех частях. В сводном батальоне Вильяндиского полка, например, из 300 штыков осталось менее 200. Но получив 2 января пополнение — 70 бойцов и 4-х лиц командного состава, — батальон продолжал наступление.

2 января 1-й Таллинский полк достиг линии населенных пунктов Кулламяэ (на побережье Финского залива) — Кюльмаллика — Кырве, а 15-й Тартуский полк — линии Китсекюла — Пирсу. Под Пирсу бойцам пришлось преодолевать проволочные заграждения. 46-й полк занял деревни Кукевере, Равакюла и Селикюла.

3 января 1919 года эстонские части Красной Армии вошли в состав 6-й стрелковой дивизии (до этого они были только в оперативном подчинении этой дивизии) и образовали в ней 3-ю бригаду. В связи с этим были изменены и номера эстонских полков. 1-й Таллинский стал 52-м Таллинским полком, 2-й Вильяндиский — 53-м Вильяндиским полком, 15-й Тартуский — 54-м Тартуским полком.

3 января тяжелая артиллерия английских кораблей весь день обстреливала правый фланг 52-го Таллинского полка. Несмотря на это, таллинцы продолжали наступать и подошли к деревне Валкла (35 км от Таллина). К этому времени белые сосредоточили против Таллинского полка значительные силы, главным образом прибывших им на помощь белофиннов. Во второй половине дня 3 января они атаковали малочисленные и ослабленные в непрерывных боях подразделения Таллинского полка, вынудив их оставить район Валкла и Кюльмаллика. 4 января английское военное судно со стороны острова Педассааре снова целый день обстреливало расположение правого фланга 52-го Таллинского полка. Нажим неприятеля усиливался. Поэтому боевые действия Таллинского полка дальнейшего успеха не имели.

54-й Тартуский полк 3 января вышел с боями на линию населенных пунктов Кырве—Аэгвийду—Пуннамаа. 46-й полк занял деревни Соосалу, Аравете, Курисоо, Оргметса, Нейтла и некоторые другие. 4 января он внезапным ударом овладел узлом шоссейных дорог Ярва-Мадизе и деревней Каалепи. 4-й эскадрон 2-го Петроградского конного полка вел бой за овладение узлом шоссейных дорог Ярва-Яани, который и занял 4 января, а также очистил от белых деревни Ялалыпе и Кагаверe.

Батальоны 54-го Тартуского полка подошли к реке Мустйыги, а сводный батальон 53-го Вильяндиского полка — к реке Ягала в районе населенных пунктов Ветла и Сайа.

Части левого боевого участка 6-й дивизии вышли к этому времени на линию населенных пунктов Пээтри—Мюйслери—Койги—Кырккюла—Айду. Особенно упорное сопротивление противник оказывал в районе Айду, где он вскоре перешел в контрнаступление. Бои с белыми вели там подразделения 47-го и 49-го полков (всего три роты) 6-й стрелковой дивизии, красный финский батальон и рота пограничников.

На 4 января 1919 года части Красной Армии, ведущие бои за освобождение Эстонии, вышли на следующие рубежи.

Части правого боевого участка VII армии: Сальмисту (на берегу Финского залива) — Приске — станция Кехра (была в руках белых) — Ветла и Сайа (на правом берегу реки Ягала) — Ярва-Мадизе — Роосна-Аллику — Пээтри—Мюйслери—Кырккюла—Айду. Передовые части в районе Пээтри и Мюйслери находились в 5—6 километрах от города Пайде, а в районе Айду в 15 километрах от Пылтсамаа.

В центральной и юго-западной части Эстонии части Красной Армии вышли на фронт: озеро Выртсъярв—Кярстна—Каркси—Мыйзакюла, приближаясь к городам Вильянди и Пярну. (Схема № 2.)

За месяц боев Красная Армия освободила две трети материка Эстонии. На освобожденной территории была восстановлена Советская власть. Повсюду под руководством большевиков и при активной поддержке рабочих и беднейшего крестьянства создавались Советы рабочих и крестьянских депутатов, развертывалась большая организаторская работа по налаживанию нормальной жизни трудящихся. В городах начали работать советские учреждения, банки, школы, заводы и фабрики. Трудящиеся встречали Красную Армию и Советскую власть с огромным воодушевлением.

В деле восстановления Советской власти и революционного порядка большую помощь эстонским большевикам оказывали части Красной Армии, ее партийные организации, политические работники. Почти во всех освобожденных имениях при помощи армейских коммунистов были созданы батрацкие ко-

Товарищи эстонские рабочие!
Записывайтесь в красные эстонские части!

Kõigi maade töölised, ühinegem!

Eesti pind on tallata Saksa parunitel. Eesti sakstel, Soome lihunikkudel, Rootsi walgekaartil ja teistel töörahwa timukatel. Herrasmehed peawad wäidupõhe Eesti töörahwa wabaduse haua pääl.

Meie peame need banded merde wiskama.

Kõik sõjariistu!
Kõik punaste küttide hulka!
Kõik Eesti wäeosadesse!

Wabalahtlikka mõelakse maalu kõigis Eesti piiriäärselis linnades. Eesti Töörahwa Kommuuna esitajate ja sõjawäe staapide juures.

Eesti T. K. Sõjawäe Walitsus.

Воззвание Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны

митеты, которым передавались земли и все имущество бежавших немецких помещиков.

По мере освобождения советскими войсками территории Эстонии открывались широкие возможности не только для пополнения уже существующих эстонских частей Красной Армии, но и для создания новых.

В Нарве, а затем в Раквере формировался Эстонский красный кавалерийский полк под командованием Я. Юриссона (до декабря 1918 года был командиром 2-го батальона Вильяндиского полка) и его помощника А. Сорксеппа. Командирами эскадронов, начальниками команд и их помощниками были Ю. Портсмут, А. Каазик, Я. Леммик, Э. Вийкберг, К. Шеленков, А. Сепп, Э. Коппель, Н. Оникс, А. Олеск и другие. Первый эскадрон полка был в основном сформирован еще в составе 1-го Таллинского полка, прибыл вместе с ним в начале декабря 1918 года с Восточного фронта в Нарву и через несколько дней вступил в бой. 2-й и 3-й эскадроны, саперная команда, команда связи и санитарная команда, получившие некоторое количество людей

еще в Нарве, были полностью сформированы в первой половине января 1919 года в Раквере. Полк комплектовался как добровольцами, так и прибывшими в результате мобилизации, объявленной 18 декабря 1918 года Советом Эстляндской Трудовой Коммуны.

В Нарве проводилось дополнительное комплектование 2-го Вильяндиского эстонского полка. Там формировались 3-я, 7-я и 8-я роты и пополнялись 2-я и 6-я роты.

В Нарве же был сформирован Эстонский полк революционной охраны. В полку было образовано четыре батальона: 1-й — пограничной охраны, 2-й — железнодорожной охраны, 3-й — охраны городов и 4-й — территориальной охраны. В полку уже в конце декабря 1918 года было более 800 человек. Ряды полка продолжали расти[144]. Приток добровольцев в эстонские части Красной Армии был непрерывным.

Но росли и силы противника. К началу января 1919 года эстонской буржуазии и командным верхам белоэстонской армии удалось создать ряд воинских частей, которые были вооружены английским и финским оружием. В северной Эстонии, где эстонские коммунистические полки были ослаблены непрерывными боями, белоэстонское командование располагало тремя почти полностью укомплектованными пехотными полками (1-м, 4-м, 5-м), одним кавалерийским полком, сформированным из прибалтийских немцев, «балтийским батальоном», батальоном «Калеви Малева» и батальоном белофиннов (прибыл в Таллин 30 декабря). Значительное превосходство у белоэстонцев было и в артиллерийском и пулеметном вооружении. На северном участке фронта они имели три бронепоезда, тогда как части Красной Армии там бронепоездами не располагали. Во второй половине января 1919 года из Финляндии прибыли уже более крупные силы — около 3000 финских белогвардейцев во главе с большим количеством офицеров.

В центральной части Эстонии противник располагал частями 2-й пехотной дивизии (примерно 2000 штыков, 250 сабель, несколько орудий) и Северным корпусом русских белогвардейцев, численностью около 3500 человек. Если в конце ноября 1918 года, когда началось наступление частей Красной Армии, белоэстонское командование имело в своих войсках 2200—2300 человек (вместе с офицерами), то в январе 1919 года численность регулярных частей белоэстонской армии (включая финских и русских белогвардейцев) возросла до 12 000, в том числе не менее 8000 штыков и около 1500 сабель. Кроме регулярных войск, формировались еще т. н. «батальоны защиты» из сыновей кулаков, торговцев и прочих буржуазных элементов, а также «ученические отряды», состоявшие из пред-

[144] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 477, лл. 16—25.

варительно распропагандированной «ужасами красных» молодежи — учащихся старших классов и членов буржуазных спортивных организаций.

Эстонской буржуазии при создании армейских частей из подготовленных в военном отношении и имевших боевой опыт солдат и офицеров во многом помогло то обстоятельство, что в Эстонии в большой мере сохранились контингенты прежних (созданных в 1917 году) эстонских национальных полков старой армии и почти полностью — их офицерские кадры. Эти полки были распущены немцами в апреле 1918 года, но с началом военных действий в ноябре—декабре 1918 года эстонской буржуазии удалось их снова собрать и использовать в борьбе против Красной Армии. Решающую роль в этом сыграло контрреволюционно настроенное офицерство этих полков.

Командование советской 6-й стрелковой дивизии и VII армии не имело достоверных данных о действительных силах противника, об их значительном росте, о получении больших количеств вооружения от иностранных государств. Прибытие в конце декабря в Таллин первого отряда белофиннов стало известным только тогда, когда части Красной Армии столкнулись с ними на фронте. Если бы были известны данные о силах и намерениях неприятеля, советское командование смогло бы быстро подтянуть из резервов свежие силы, которые имелись, но находились далеко от линии фронта (за Нарвой). В те дни, когда численное превосходство противника еще не было особенно большим и белоэстонское командование было занято перегруппировкой своих сил, наступление частей Красной Армии, усиленных пополнением из резервов, могло бы иметь успех и опрокинуть расчеты врага. Но незнание обстановки и намерений противника лишило советское командование возможности своевременно предпринять меры для усиления войск Красной Армии, что было особенно необходимо на участке фронта эстонских коммунистических полков на Таллинском направлении. Эта группа войск была очень ослаблена месяцем непрерывных боев. Дальнейшие события показали, что обстановка на Таллинском направлении — части Красной Армии (Таллинский, Тартуский полки и сводный батальон Вильяндиского полка) находились тогда в 30—35 км от Таллина — настоятельно требовала присылки на этот важнейший участок фронта новых сил. Но этого не было сделано и дальнейшее продвижение эстонских коммунистических полков, ввиду усиливавшегося сопротивления противника, 3—4 января 1919 года приостановилось.

Имея большой перевес в силах, белоэстонское командование решило перейти в контрнаступление. 4 января, еще до общего наступления, противнику удалось при поддержке бронепоездов с десантными группами прорвать фронт в полосе железной до-

роги Таллин — Тапа, где между станциями Аэгвийду и Кехра позиции занимал только один ослабленный потерями батальон Тартуского эстонского полка. Батальон был расположен в лесистой местности. Когда связь с командованием полка и с соседними частями нарушилась, а в тылу начал действовать десант противника, батальон был вынужден отступить мелкими разрозненными группами. Этот успех белые продолжали развивать и в течение следующего дня (5 января), снова введя в действие свои бронепоезда. К вечеру 5 января белые захватили станцию Аэгвийду, вынудив подразделения Тартуского полка отойти в район Ару, Ластекюла, Лехтсе.

Для ликвидации прорыва противника, особенно для борьбы с его бронепоездами, не хватило сил. Из-за неисправности нарвского железнодорожного моста и железнодорожных путей на участке Нарва — Йыхви советские бронепоезда не смогли подойти к линии фронта.

Этот прорыв белых в центре северной группировки войск 6-й стрелковой дивизии сыграл решающую роль и вызвал вскоре отход частей дивизии севернее и южнее железной дороги.

На участке 52-го Таллинского эстонского полка противник 4 и 5 января также предпринимал атаки, но сравнительно небольшими силами. Береговые пункты в тылу Таллинского полка непрерывно обстреливались артиллерией английских кораблей. 5 января у Педаспеа противник высадил десант, который оказался незначительным и был отброшен в море. Взятый в плен белоэстонский солдат сообщил, что высаживалось всего 35 человек из разведочной команды с канонерской лодки «Лембиту» и что эта лодка произвела уже пять десантных операций, главным образом с целью отвлечь силы Красной Армии с фронта. В тот же день три английских корабля вошли в залив Мунга (Поповик) и обстреляли Локса.

Неблагоприятно складывалась обстановка и на участках сводного батальона 53-го Вильяндиского эстонского полка, сводного отряда моряков и 46-го стрелкового полка. Прорыв белых в центре группировки 6-й дивизии вынудил эти части отступить. В течение продолжительного времени они не знали об отходе батальона 54-го Тартуского полка (с которым не было связи), вследствие чего сводный батальон Вильяндиского полка попал в окружение. Однако благодаря умелым действиям командования батальона, выставившего усиленный взвод прикрытия, батальон по лесным тропинкам вышел из окружения.

Против частей левого боевого участка 6-й дивизии белые тоже сосредоточили крупные силы, особенно в районе Айду, где у них было около 1000 человек и 20 пулеметов. В районе поселка Ярва-Яани и несколько севернее начали действовать белоэстонский кавалерийский полк, довольно многочисленный

«балтийский батальон» и некоторые формирования кайтселийта. Силы противника на этом участке фронта значительно превосходили силы Красной Армии. 5 января противник захватил деревню Айду, мызу Садукюла и некоторые другие населенные пункты. Рассеянные на большом участке фронта подразделения отряда Тюрина, в тыл которых проникла неприятельская кавалерия, начали быстрый отход к Муствээ.

6 января противник предпринимал ожесточенные атаки против 54-го Тартуского полка, оборонявшего станцию Лехтсе. Несмотря на упорное сопротивление, полк под давлением крупных сил белых вынужден был отойти к Тапа. Из ближайшего резерва был введен в бой батальон 50-го стрелкового полка 6-й дивизии, который также не смог сдержать противника, и поэтому создалась угроза для Тапа. Английские корабли с залива Мунга весь день обстреливали правый фланг 52-го Таллинского полка. Десант противника численностью около 300 человек, высадившийся в Педаспеа и наступавший на правый фланг Таллинского полка, был прижат к морю, но уничтожить его не удалось за неимением сил. После упорных боев Таллинский полк отошел на линию населенных пунктов Кахала — Койтъярве. Сводный батальон 53-го Вильяндиского полка, вырвавшись из окружения противника, вышел к поселку Амбла. Расположенные в этом районе два орудия 1-й эстонской легкой артиллерийской батареи, не прикрытые пехотой, были захвачены противником. Из Раквере в Тапа были направлены последние три роты участкового резерва из 47-го стрелкового полка и 200 сабель из Эстонского кавалерийского полка. Под Тапа же прибыла из Раквере 3-я эстонская легкая артиллерийская батарея. Больше ближних резервов на этом участке не было. Положение на фронте стало тяжелым.

7 января крупные силы белоэстонской пехоты и кавалерии, поддерживаемые большим количеством артиллерии, перешли в общее наступление против всей группировки частей Красной Армии от Финского залива и до Пайде. В северной Эстонии наступление белых поддерживали три бронепоезда, а с Финского залива — английская эскадра. Перевес в силах на стороне противника был очень большим, особенно в бронепоездах и артиллерии. Переброшенная из Тарту одна советская броневая платформа не могла вести борьбу против трех бронепоездов.

8 января противник под прикрытием огня английских кораблей высадил в Локса десант, который повел наступление на Таллинский полк. Таллинцы с боями отошли на линию Ванакюла — Выхма. На среднем участке фронта белые заняли Лехтсе и вели сильный огонь по отходившим подразделениям Вильяндиского и Тартуского полков.

9 января противник после продолжительного обстрела с бронепоезда и из полевых орудий начал наступление на Тапа. Разгорелся ожесточенный бой. Части Красной Армии защищали Тапа с большим упорством, но не смогли отстоять город. Бой с вражескими бронепоездами вела 3-я эстонская батарея, но вскоре пехотные части отступили, вынудив к отходу и батарею. Борьбу с десантными группами противника вели еще 1-й и 2-й эскадроны Эстонского красного кавалерийского полка, которые разбили одну из таких групп. Но ввиду общего отхода других частей действия кавалерии были уже малоэффективными.

Упорные оборонительные бои с белыми вели все части северной группировки 6-й стрелковой дивизии, особенно в районах населенных пунктов Суру, Рымеда, Лясна и некоторых других западнее Раквере.

9 января на фронт из Нарвы были вызваны 51-й полк 6-й стрелковой дивизии (два батальона — 450 штыков) и 500 штыков из 168-го полка 19-й стрелковой дивизии, но отправка их задержалась из-за неисправности железнодорожных путей.

Части 6-й советской дивизии продолжали отход, не имея сил удерживать фронт. К вечеру 9 января положение частей правого боевого участка дивизии было следующим: 52-й Таллинский полк вел оборонительные бои, занимая линию населенных пунктов Вызу (на берегу Финского залива) — Выхма — мыза Лообу. Две роты прикрывали левый фланг полка в районе мызы Кихлевере. Части, находившиеся в полосе железной дороги, занимали линию мыза Ундла — деревня Мяокюла. К утру 10 января войскам было приказано отойти и сдерживать противника на новой общей линии обороны: Альтья (на берегу Финского залива) — мыза Сагади — мыза Ааспере — мыза Пяйде — Ризу — Тырма — Лазила — Ярвайыэ — станция Тамсалу.

10 января Военное управление Эстляндской Трудовой Коммуны обратилось к трудящимся Эстонии с воззванием, в котором призывало всех, кто способен носить оружие, добровольно вступить в ряды эстонских частей Красной Армии. Призыв этот был связан с тяжелым положением на фронте — противнику удалось отбросить части Красной Армии от подступов к Таллину. В воззвании говорилось, что буржуазному Временному правительству удалось добиться этого при помощи ударных групп финских белогвардейцев и английских интервентов и что некоторые части Красной Армии не оказали им должного сопротивления...

«Все, кто способен носить оружие и кто действительно хочет, чтобы в ближайшее время в Таллине, Хаапсалу, Вильянди и Курессааре развевались красные знамена, должны как один вступить добровольцами в ряды армии», — сказано в воззва-

нии, — «... Эстонские коммунистические части ждут вас, товарищи! Ваша честь и долг мобилизуют вас...»[145]

Обстановка на фронте становилась все сложнее и тяжелее. Английские корабли все чаще высаживали десанты, которые атаковали советские войска с тыла. На этом этапе боев в действиях командования и штаба 6-й стрелковой дивизии проявились растерянность и ослабление оперативности. Вновь организовать имевшиеся силы для отпора врагу они не сумели.

Днем 10 января пять английских кораблей начали из тяжелых орудий обстреливать Порт-Кунда. Под их прикрытием была проведена высадка десанта в несколько сот человек. Десант был отбит и частично уничтожен. Остатки его бежали обратно на корабли. Но 11 января противник повторил десант, на отражение его не хватило сил, и малочисленный гарнизон Порт-Кунда начал отходить.

46-й полк, который отступал с боями южнее железной дороги, был днем 10 января атакован двумя неприятельскими бронепоездами и окружен белыми. Понеся большие потери, он вечером 10 января пробился к мызе Винни (6 км южнее Раквере). 4-й эскадрон 2-го Петроградского конного полка, который прикрывал отход 46-го полка, тоже понес большие потери.

Прибывшие в Раквере подразделения 51-го полка были отправлены на позиции в район мызы Пяйде, Ризу и Тырма, но также не смогли остановить противника.

11 января белофинны захватили Хальяла, что решило участь Раквере. Части 6-й дивизии, обойденные с флангов, были вынуждены оставить город в ночь на 12 января. Части левого боевого участка 6-й дивизии (отряд Тюрина) к этому времени отошли к реке Нарве, открыв полностью фронт. На правом фланге частей 6-й дивизии стал активно действовать неприятельский десант, высадившийся 11 января в районе Порт-Кунда.

Так как фланги не были защищены, частям 6-й дивизии пришлось отступить на линию населенных пунктов Нээмкюла — Йоотма — Ухтна — Ваэкюла — Рягавере — Сооаугу. Но и на этом рубеже они не смогли удержаться. Начиная с этого момента инициатива полностью перешла в руки противника. Резервов вблизи уже не было, а находившиеся в Ямбурге и Нарве резервы прибыли поздно, в разгар общего отхода частей по всему фронту.

13 января части 6-й дивизии, отступившие на новый оборонительный рубеж, в основном вдоль реки Пуртсе, заняли на нем следующие участки: 168-й полк (только что прибывший из

---

[145] Eesti Töörahva Kommuun. Dokumentide ja materjalide kogumik. Таллин, 1957, стр. 100—101.

Нарвы, около 400 штыков) — устье реки Пуртсе—Напа; 52-й Таллинский полк, 53-й Вильяндиский полк (сводный батальон) и сводный отряд моряков, общей численностью около 650 штыков — на линии Напа—мыза Пюсси—Уникюла—Пийлсе. 54-й Тартуский полк и 46-й стрелковый полк, которые понесли наибольшие потери, были отведены в тыл, Тартуский полк в Йыхви, 46-й полк в Кохтла. В Йыхви был отведен и батальон 50-го стрелкового полка, признанный малобоеспособным.

Кавалерийские части использовались для обеспечения левого фланга и для связи.

13 января на северный участок фронта прибыли еще один батальон 47-го полка и некоторые роты 51-го полка, но они оставили фронт после первой же встречи с противником и обстрела с неприятельских кораблей, вызвав этим отход других частей. Кроме того, были получены сведения, которые потом не подтвердились, о наступлении главных сил противника от Тудулинна на Йыхви. Сведения эти показались правдоподобными, потому что к этому времени части отряда Тюрина уже перешли за реку Нарву в районе Васькнарвы, вследствие чего фронт за левым флангом 6-й дивизии был совершенно оголен. Это создало реальную угрозу для частей дивизии на рубеже реки Пуртсе. Командование правого боевого участка было вынуждено организовать новый оборонительный рубеж на линии населенных пунктов Сака—Мыйзамаа (168-й полк), Мыйзамаа—Сомпа (53-й Вильяндиский полк), Сомпа—Рутику (51-й полк). Подразделения 47-го стрелкового полка сосредоточились в районе мызы Кукрузе, 52-й Таллинский полк — в районе Пюхайыэ, 46-й полк — в Йыхви. Прибывший 11 января на фронт 86-й полк 10-й стрелковой дивизии в составе примерно 500 штыков расположился в районе Тырвайыэ для обеспечения района Нарва-Йыэсуу.

Количество штыков позволило бы теперь уже организовать более прочную оборону и даже предпринять наступательные действия. Но часть войск была сильно расстроена, а части левого боевого участка, которые отошли за реку Нарву, вообще никакой боевой силы собой уже не представляли. Части правого боевого участка постоянно находились под угрозой обхода их противником с юга. Эта угроза была реальной, так как противник действительно воспользовался наличием пространства, не занятого советскими войсками. 15 января в районе Эреда было обнаружено около 300 человек белых. Вскоре выяснилось также, что на левом фланге частей 6-й дивизии быстро продвигаются 1-й белоэстонский пехотный полк, «балтийский батальон» и белоэстонский кавалерийский полк. Это усугубило тяжелое положение частей правой группировки 6-й дивизии и вызвало беспокойство среди личного состава войск.

16 января днем противник атаковал участки 168-го полка в районе Мыйзамаа и 51-го полка в районе Рутику. Атаки были отбиты. В мызе Пагари белым удалось окружить 7-ю роту 50-го полка, оказавшую врагу героическое сопротивление. Почти все люди погибли. В этом районе действовали также сильные кавалерийские отряды белых. Усиливался нажим со стороны противника и на участке сводного батальона 53-го Вильяндиского полка, левый фланг которого отошел к Йыхви. Ввиду создавшейся тяжелой обстановки части 6-й дивизии отошли на линию поселок Ору — Пюхайыэ — станция Ору — озеро Лийвъярв.

17 января английская эскадра в составе 7 кораблей целый день обстреливала район станции Вайвара. Советские войска начали отход на Вайвараские позиции (восточнее станции Вайвара, на склонах возвышенности Синимяэд). Туда же был переброшен из Тырвайыэ 86-й полк. В тот же день противник начал высадку десанта в районе Утриа и Мерекюла, в тылу группировки войск 6-й дивизии. Высадка продолжалась в течение 17 января и ночи на 18 января. Общая численность десанта достигала 1000 человек. Среди них было больше половины белофиннов. Белые стали продвигаться двумя колоннами — из Мерекюла на Нарву и из Утриа в направлении полустанка Сольдина. На этом направлении противник занял мызу Лаагна. Расположенные в этом районе подразделения 47-го полка 6-й дивизии были рассеяны противником. Направленный для ликвидации десанта 86-й стрелковый полк потерпел поражение, так как в нем произошла измена. Часть полка попала в плен. Не имел успеха и посланный против десанта 7-й Петроградский полк, который был прислан для усиления частей 6-й дивизии. Полк этот оказался малобоеспособным. Из 1400 человек личного состава полка в Нарву прибыло едва 800, а в район боя к мызе Лаагна только 200 человек и командный состав. После короткого боя с десантом противника они тоже были рассеяны.

18 января командование дивизии направило в район мызы Лаагна сводный батальон 53-го Вильяндиского эстонского полка под командованием К. Кангера. В батальоне насчитывалось всего 220—230 штыков. Несмотря на неравенство в силах, батальон вильяндисцев вступил в бой. Отдельные группы бойцов цепями приблизились к зданиям мызы, но ввиду сильного огня противника не смогли продвинуться дальше. Первая рота, которой руководил комиссар батальона А. Лаур, сделала попытку обойти левый фланг неприятеля, чтобы проникнуть ему в тыл, но попала под пулеметный огонь и вынуждена была отойти. Большое мужество и самоотверженность проявили командиры взводов 1-й роты А. Штейнфельдт и А. Кампус, которые под сильным обстрелом смело вели за собой свои подразделения. Рискуя жизнью, санитарка Марта Альт вынесла с поля боя много раненых бойцов. В бою был тяжело ранен ко-

Группа ветеранов 53-го Вильяндиского эстонского коммунистического стрелкового полка (снимок 1961 года). Сидят (слева направо): К. Вирунурм, А. Кампус, А. Юхкум, К. Кангер, Ю. Менков, К. Максимова (Анни), К. Притсо, З. Фролова-Париская, А. Юргенсон, Э. Пиллет-Пай. Стоят: И. Раба, П. Кангро, Р. Павель, П. Раудсепп, К. Метсла, Х. Габраль, О. Михкельсон.

миссар батальона А. Лаур и легко ранены командир 5-й роты Э. Лоссман и командир взвода А. Энгельбрехт.

Вильяндисцы вели этот тяжелый бой до последней возможности, но огромное неравенство в силах вынудило их отойти. Не достигли успеха и другие части 6-й дивизии и приданные ей из резерва полки. На основном участке фронта в полосе шоссейной и железной дорог они также отходили к Нарве [146].

54-й Тартуский эстонский полк сосредоточивался на западной окраине Нарвы. В случае вынужденного ухода из Нарвы Тартуский полк и находившиеся в Нарве три роты (2-я, 6-я и 8-я) Вильяндиского эстонского полка должны были составить арьергард 6-й дивизии и прикрыть город во время эвакуации и отвода других частей дивизии за реку Нарву. 46-й стрелковый полк, который понес большие потери под Раквере, был от-

[146] ЦГАСА, ф. 171, оп. 2, д. 3, лл. 19—21; воспоминания А. Лаура; брошюра «Proletaarne revolutsioon Eestis» № 7, 1929 г.

веден за Нарву как малочисленный и небоеспособный. Только что прибывший 2-й Петроградский бронепоезд двигался с риском для себя через исправленный нарвский железнодорожный мост по направлению к станции Аувере. В этом районе уже за 2—3 дня до этого действовал составленный на месте блиндированный поезд Эстляндской Трудовой Коммуны, состоявший из паровоза и двух товарных платформ с двумя орудиями.

18 января десант противника продолжал тремя колоннами двигаться к Нарве. Их непрерывно поддерживали 8 английских кораблей с моря и артиллерия. Положение частей 6-й советской дивизии стало еще более тяжелым. Разведывательные группы противника появились уже на северо-западной окраине Нарвы. Частям 6-й дивизии был отдан приказ в случае вынужденного оставления Нарвы и отхода за реку Нарву сосредоточиться в районе Дубровка—Кобыляки и занять позиции на линии населенных пунктов Извоз—Ручей—Потика—озеро Мянце-Мянгель. Одновременно были приняты меры для непосредственной обороны Нарвы.

Однако под давлением противника с фронта и вследствие быстрого продвижения десанта в тылу советских войск части 6-й дивизии начали отход в Нарву, в район Кренгольма. В город уже вечером 18 января стали просачиваться отдельные группы белых, главным образом белофиннов, пытавшиеся завладеть некоторыми пунктами в городе. Одна из таких групп белофиннов была захвачена и уничтожена, но сил для восстановления положения уже не было, и части Красной Армии стали отходить за реку Нарву. Ввиду обстрела белогвардейцами деревянного моста артиллерия и обозы переходили реку по железнодорожному мосту. На 3-ю эстонскую батарею, которая намеревалась переправиться через нарвский деревянный мост, напала группа белофиннов и местных белогвардейцев. Командир батареи Р. Давыдов и несколько артиллеристов были убиты, батарея полностью потеряла материальную часть и лошадей.

19 января в 3 часа штаб 6-й стрелковой дивизии и штабы бригад переместились на полустанок Сала. Взорвав мосты, покинули город и последние части Красной Армии. В арьергарде дивизии находился 54-й Тартуский эстонский полк, который отошел последним.

Оставив Нарву, части 6-й дивизии заняли следующую линию фронта: сводный отряд моряков — деревня Извоз; Эстонский кавалерийский полк — деревня Пулково; 52-й Таллинский эстонский полк — деревня Комаровка; 168-й полк — деревня Кобыляки; отдельный кавалерийский дивизион (составленный путем слияния эскадрона 2-го Петроградского конного полка, Царскосельского эскадрона и эскадрона 6-го конного полка) — станция Сала; 50-й и 51-й полки — деревня Дуб-

ровка; 53-й Вильяндиский эстонский полк — мыза Карлова; 46-й полк — район деревни Поповка; 54-й Тартуский эстонский полк — мыза Наталино, севернее Долгой Нивы; подразделения 47-го полка — район устья реки Плюссы. 7-й Петроградский полк и присланный на последнем этапе боев на фронт 1-й Образцовый полк деревенской бедноты собирались в Ямбурге. Все части приводились в порядок для занятия оборонительных рубежей восточнее Нарвы, куда уже стали проникать отдельные разведывательные группы противника.

Части левого боевого участка 6-й стрелковой дивизии (отряд Тюрина), которые еще за несколько дней до падения Нарвы отошли в районе Васькнарвы за реку Нарву, занимали линию вдоль шоссе Нарва—Гдов.

В тяжелые дни отступления бойцы и командиры мужественно продолжали бороться с врагом.

10-го января во время высадки в Порт-Кунда неприятельского десанта пулеметчик Эстонского кавалерийского полка красноармеец И. Либлик, несмотря на сильный огонь противника, меткими очередями из пулемета вынудил вражеский десант к отступлению. Будучи ранен, он остался в строю до конца боя.

Командир пулеметного взвода 46-го (бывшего 4-го Нарвского) стрелкового полка Генрихсон 14 января на реке Пуртсе у мызы Майдла в течение нескольких часов прикрывал своим пулеметом отход других частей. Он выпустил в наседавшего противника 23 пулеметных ленты и был наконец сам окружен белыми. Но и тогда он, не теряя самообладания, пробил себе дорогу, вынес пулемет и присоединился к своим.

Командир орудия 1-й эстонской батареи О. Рейсман в бою под Нарвой 18 января спас от неприятеля два орудия, которые остались на Таллинском шоссе без прикрытия из-за отхода пехотных частей. Несмотря на начавшийся обстрел, О. Рейсман сумел доставить на место передки орудий с упряжкой и отослать их с орудиями в Нарву [147].

После отхода из Эстонии эстонские стрелковые полки и артиллерийские батареи на нарвском участке фронта в боях не участвовали и вскоре были передвинуты на псковский участок фронта. Но Эстонскому кавалерийскому полку, в котором в то время было три эскадрона, пришлось на нарвском участке еще несколько раз отражать напор противника.

24—25 января белые перешли в наступление и заняли ряд населенных пунктов севернее Нарвы. Туда и был направлен Эстонский кавалерийский полк, который 26 января в пешем строю перешел в наступление на деревню Фитинку и после трехчасового боя выбил оттуда неприятеля, захватив при этом

---

[147] ЦГАСА, ф. 1171, оп. 3, д. 8, лл. 106—108.

8 человек пленных, 10 винтовок, 127 пулеметных лент, 10 000 патронов. Через некоторое время полк совершил рейд в тыл противника в деревню Каллио (Калливере), окружил и разбил там белогвардейский отряд, захватив с собой 30 человек пленных [148].

Отход Красной Армии из северной Эстонии дал белоэстонскому командованию возможность перебросить часть своих сил против частей Красной Армии в центральной и юго-западной Эстонии. Туда же были направлены белофинны и все бронепоезда. 14 января части Красной Армии оставили Тарту, 31 января — станцию Печоры, 1 февраля — города Валга и Выру. В этих боях, как и в боях на севере Эстонии, белоэстонцам оказали значительную помощь их бронепоезда, которые проникали в тыл частей Красной Армии, высаживали там десанты и расстраивали тем самым действия советских войск на передовых позициях. Несмотря на это, советские войска отходили с ожесточенными боями, нанося значительный урон противнику. Особенно упорно сражались части Красной Армии на подступах к Валга. Только в бою у мызы Паю, который продолжался несколько часов, белоэстонцы и белофинны потеряли 13 офицеров и более 140 солдат. Сильное сопротивление врагу советские войска оказывали также в центральной части Эстонии на Выруском направлении. Только в направлении Печор белым удалось рассеять батальон 85-го полка 10-й стрелковой дивизии и сравнительно легко развить наступление.

В первых числах февраля 1919 года линия фронта в южной Эстонии проходила в полосе шоссе Псков—Рига.

К этому времени белоэстонское командование успело создать ряд новых войсковых частей, вооруженных при помощи иностранных империалистов. Играя на национальных чувствах, обманывая народ лозунгом «освободительной войны», эстонской буржуазии удалось, особенно на первых порах, ввести в заблуждение значительные массы крестьян. Но буржуазия не ограничивалась политикой лжи и обмана. Карательные отряды и военно-полевые суды жестоко расправлялись с рабочими организациями, с передовыми борцами рабочего класса Эстонии. В Таллине белогвардейские каратели за последние дни января 1919 года убили около 100 рабочих и революционеров. Среди них были активные коммунисты И. Куппар, И. Шютс, Л. Линдер, Л. Тыльдсепп, Э. Вейденбаум, И. Куйв и многие другие. В Тарту белогвардейские палачи убили более 400 рабочих и советских активистов. Пленным бойцам Красной Армии в большинстве случаев также угрожала смерть. Особенно изощрялись в зверствах над пленными финские белогвардейцы.

*

[148] ЦГАСА, ф. 1171, оп. 2, д. 3, л. 23.

Отход частей Красной Армии из Эстонии был обусловлен многими причинами. Главная из них заключалась в том, что иностранные империалисты оказали эстонской буржуазии огромную военную помощь. Уже в декабре 1918 года для вооружения белоэстонской армии и русских белогвардейцев Северного корпуса из Англии было получено большое количество артиллерийских орудий, более 200 пулеметов и автоматов, 6500 винтовок и много другого военного имущества. Из Финляндии прибыло 24 артиллерийских орудия, более 5000 винтовок, 17 пулеметов, а в январе было прислано около 3500 хорошо вооруженных финских белогвардейцев. Большое количество вооружения и военного имущества, а также два бронепоезда оставили эстонской буржуазии немецкие оккупационные войска, когда они в конце 1918 года ушли из Эстонии. Все это дало белоэстонскому командованию возможность полностью вооружить войска, оснастить их техническими средствами и создать на фронте перелом в свою пользу.

Следует также отметить, что темпы наступления частей Красной Армии в декабре 1918 года, как в северной, так и в центральной и юго-западной Эстонии, были слишком медленными, а действия недостаточно энергичными. Благодаря этому белоэстонское командование смогло не только привести в порядок свои расстроенные в первых боях части, но и организовать силы для сопротивления и перейти в дальнейшем в контрнаступление. Более быстрое наступление частей Красной Армии, особенно их группировки в северной Эстонии, несомненно расстроило бы планы и расчеты противника по организации своих сил.

Не были созданы резервы вблизи передовых частей: Резервы были, но они в критический момент находились далеко от фронта и прибыли слишком поздно, в период, когда части Красной Армии отходили и инициатива уже перешла в руки противника.

На северном участке фронта противник располагал значительными бронесилами (3 бронепоезда), у него было превосходство в артиллерии и пулеметах, а с прибытием белофиннов — на отдельных участках и превосходство в людских силах. Действия бронепоездов противника в центре северной группировки советских войск и английской эскадры в Финском заливе (обстрел береговых пунктов и высадка десантов в тылу советских войск) сыграли решающую роль в прорыве фронта частей Красной Армии на Таллинском направлении и в последующем отходе советских войск на этом важнейшем участке.

Надежды на то, что таллинские рабочие поднимут восстание против своих угнетателей и тем самым облегчат действия частей Красной Армии на фронте, не оправдались. Английская

эскадра на таллинском рейде, угроза вступления в город интервентов и начавшийся вскоре белый террор — вот причины, помешавшие таллинским рабочим поднять знамя восстания.

В быстром отходе частей Красной Армии из Эстонии Советское Главное командование усмотрело отсутствие должного внимания к войскам со стороны командования VII армии, ее командующего Генрихсона и его штаба. 19 января 1919 года, после падения Нарвы и Тарту, Главком И. И. Вацетис прислал командующему войсками Северного фронта и командующему VII армией телеграмму, в которой сказано: «Войсковые части седьмой армии в боях последних дней не выказали должной устойчивости. Все успехи, достигнутые с большими усилиями и значительными жертвами, войска седьмой армии потеряли в течение нескольких дней, отступая без всякого сопротивления и бросая материальную часть... Из доставленных мне сведений о понесенных седьмой армией потерях за 10 дней, с 6 по 16 января, усматриваю, что вряд ли можно сказать, что седьмая армия сражалась в полном смысле этого слова. Такое отношение войск седьмой армии к поставленной им задаче я не считаю возможным обойти молчанием... Не имея в виду винить все войсковые части седьмой армии, так как мне известно, что некоторые сражались доблестно, приказываю командующему Северным фронтом исследовать причины и выяснить поведение каждого полка седьмой армии во время отступательных боев в Эстляндии, определив отношение к своему делу командного состава и красноармейцев, а также всесторонне осветить причины самовольного ухода частей седьмой армии во время контратаки белогвардейцев...»

О результатах расследования по частям, которые действовали в северной части Эстонии, имеется донесение начальника 6-й стрелковой дивизии от 6 февраля 1919 года, в котором сказано: «... Все части, которые не выполнили долга, находятся под судом Революционного Трибунала, и производится очистка от негодных и вредных элементов, преступные уже понесли заслуженную кару. Основные доблестные полки дивизии — 46-й, 51-й, 53-й и 54-й, а также прикомандированный к дивизии 168-й полк остались вне всяких нареканий. Под следствием и судом находятся: 7-й Петроградский, Сводный финский, 86-й, 87-й, Образцовый полк бедноты, частью 47-й, 4-я и 5-я батареи 6-й артиллерийской бригады, 2-й полуэскадрон 4-го эскадрона 1-го Конного полка...» В этом же донесении начальник 6-й дивизии перечисляет следующие общие причины быстрого отхода частей дивизии: 1) чрезвычайное переутомление и значительные потери в командном составе и бойцах; 2) отсутствие свежих и надежных резервов, 3) значительное усиление противника, получившего подкрепления артиллерией, техническими средст-

вами и пехотой, 4) бездействие нашего флота, который не оказывал необходимой помощи частям армии, 5) частые десанты противника в тылу наших войск [419].

Сейчас, спустя более чем 40 лет, трудно дать исчерпывающую характеристику всем обстоятельствам, обусловившим неудачу этой весьма важной военной операции. Ширилась иностранная интервенция, а Красная Армия еще только создавалась. Весьма напряженным было положение на Восточном фронте, куда направлялись все свободные резервы.

---

[149] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 4, д. 1, лл. 177, 178, 188—194.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ ЭСТОНСКИХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ. ОБРАЗОВАНИЕ ЭСТОНСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ И ЭСТЛЯНДСКОЙ АРМИИ. ИХ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

После падения Нарвы эстонские части Красной Армии — 52-й Таллинский, 53-й Вильяндиский и 54-й Тартуский стрелковые полки, Эстонский кавалерийский полк и артиллерийские батареи, остававшиеся по-прежнему в составе 6-й стрелковой дивизии в качестве 3-й бригады, были сняты с нарвского участка и в первых числах февраля отправлены на псковский участок фронта.

Одновременно с сосредоточением эстонских частей в Псковском районе Совет Эстляндской Трудовой Коммуны совместно с командованием Красной Армии разрабатывали план нового общего наступления для освобождения Эстонии. План этот, в разработке которого принимали активное участие Я. Анвельт и консультант Военного управления Коммуны А. Корк, предусматривал нанесение главного удара на Тарту совместными силами эстонских и других частей Красной Армии Псковской и Мариенбургской групп войск.

Тогда же перед Реввоенсоветом республики было возбуждено ходатайство об объединении эстонских частей Красной Армии в дивизию двухбригадного состава и о создании Эстляндской Красной Армии, в которую, кроме Эстонской дивизии, были бы включены также другие части VII армии, расположенные на эстонском участке фронта (часть войск VII армии была на олонецком и карельском участках Северного фронта).

Ускоренными темпами шло формирование новых эстонских частей Красной Армии: 5-го и 6-го эстонских коммунистических стрелковых полков, Эстонского запасного полка, некоторых артиллерийских и других подразделений, предусмотренных штатами стрелковой дивизии. На формирование новых и пополнение уже существующих эстонских частей с декабря 1918 по апрель 1919 года прибыло примерно 4800 человек, из них около 2800 человек добровольцев и 2000 мобилизованных. Относительная малочисленность мобилизованных объясняется

краткостью периода мобилизации. 18 декабря 1918 года Совет Эстляндской Трудовой Коммуны принял декрет о мобилизации. 31 декабря Военное управление Коммуны установило возрастные группы мужчин, подлежащих учету и призыву (1894—1898 гг.), а прием мобилизованных был начат только в десятых числах января 1919 года, когда части Красной Армии уже отходили с территории Эстонии. Наиболее успешно мобилизация была проведена в Выруском уезде, на территории которого части Красной Армии оставались до конца января. В Выруском уезде, включая город Валга, было мобилизовано около 1300 человек, из них примерно 1000 человек была отправлена в Эстонский запасный полк в Псков и около 300 человек было передано в 5-й эстонский коммунистический полк, который формировался в Выру.

В Нарве и Нарвском уезде для проведения мобилизации осталось лишь несколько дней. В городе явка мобилизуемых была назначена на 13 января, в волостях — на 14 января. Но уже 16 января на подступах к Нарве развернулись бои, а 19 января город был оставлен частями Красной Армии. Поэтому призываемых явилось очень мало. В северной Эстонии некоторое количество людей удалось мобилизовать самим войсковым частям, в которых после опубликования установления о подлежащих мобилизации возрастных группах создавались свои мобилизационные комиссии. Эстонский кавалерийский полк, например, в Раквере принял около 100 человек мобилизованных. Но общее количество мобилизованных в северной Эстонии не превышало 400 человек. Около 300 человек было мобилизовано в Тарту. Формировавшиеся в декабре—январе в Раквере Эстонский кавалерийский полк, 3-я эстонская легкая артиллерийская батарея и формировавшийся в Нарве Эстонский полк революционной охраны комплектовались преимущественно добровольцами. Около 600 добровольцев поступило в Нарве во 2-й Вильяндиский эстонский полк.

Сохранившиеся документы Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны подтверждают, что учет мужчин призывных возрастов, которые вместе с частями Красной Армии ушли из Нарвы, Нарвского и Вируского уездов, а также прием добровольцев продолжались и после отхода советских войск из Эстонии. Всего за период с 22 января по май 1919 года, в течение которого Эстонское Советское правительство и его учреждения находились в Пскове, а затем в Луге, мобилизационный отдел Военного управления Коммуны принял и направил в эстонские части, главным образом в Эстонский запасный полк, 263 добровольца и 167 мобилизованных, причем среди мобилизованных было 49 коммунистов. 240 эстонцев-добровольцев было принято в армию в Риге, куда была направлена специальная группа работников из состава Военного управления. Среди

добровольцев, принятых в Риге и зачисленных в Эстонский запасный полк было и около 90 перебежчиков из белоэстонской армии, перешедших во время боев в южной Эстонии на сторону латышских частей Красной Армии.

Эстонцы прибывали также из некоторых русских частей Красной Армии. Например, 61 человек был передан в Вильяндиский эстонский полк из 1-го Петроградского полка, а из 2-го Петроградского полка в Эстонский запасный полк было направлено 40 человек. 9 марта в 5-ю эстонскую артиллерийскую батарею, которую только что начали формировать, из 1-го дивизиона артиллерии морской крепости Кронштадт прибыло 24 артиллериста-эстонца. 37 эстонцев было мобилизовано и направлено в Эстонский запасный полк Ямбургским уездным военным комиссариатом.

Из сформированных в это время эстонских частей самым многочисленным по личному составу был 5-й эстонский коммунистический стрелковый полк (до 15 марта числился под номером 3). В течение месяца с небольшим в нем было сформировано девять стрелковых рот (три батальона) и все предусмотренные команды общей численностью более 1500 человек. Формирование полка началось 27 декабря 1918 года в городе Выру. Командиром полка был назначен бывший помощник командира 52-го Таллинского эстонского полка А. Мянникокс (бывший штабс-капитан), комиссаром полка — М. Кульбах, таллинский рабочий-красногвардеец, который был до этого председателем партийного коллектива 53-го Вильяндиского эстонского полка. Стали прибывать и другие командиры первых рот и команд этого нового эстонского красного полка. Среди них были И. Эверт и А. Хейнтс (окончившие 1-е Петроградские пехотные командные курсы), Я. Грюнер, А. Муук, Э. Пяртельс, Э. Нярьесон (Нерьесон), А. Луйк, И. Аарон, К. Вейнглас, К. Рийпус, А. Пало, Ю. Плоом, А. Сосницкий, А. Тамм и многие другие. Все они были направлены в полк Военным управлением Эстляндской Трудовой Коммуны.

До 20 января полк комплектовался исключительно добровольцами из рабочих, батраков, беднейших крестьян Выруского уезда. Они охотно шли в Красную Армию. Более 300 добровольцев было набрано в Тарту, в том числе 46 латышей, которые позднее были направлены в латышские части Красной Армии. Для приема добровольцев в Тарту с 8 по 14 января находились тт. Мянникокс, Кульбах, Хейнтс и Грюнер с группой работников штаба полка. Добровольцами были укомплектованы шесть стрелковых рот (1-й и 2-й батальоны) и, в основном, команды полка. Командиром 1-го батальона был назначен И. Эверт, командиром 2-го батальона — Я. Грюнер. Ротами этих батальонов командовали: 1-й ротой — А. Пало (с февраля Р. Кухи), 2-й ротой — Э. Нярьесон, 3-й ротой — А. Тамм, 4-й

Группа ветеранов 5-го эстонского коммунистического стрелкового полка (снимок 1961 года). Сидят (слева направо): А. Метс (Плаксо), П. Аабметс, А. Хейнтс, А. Уйбо (Авальд), Ф. Линдус, К. Ару, А. Ланна, И. Типнер. Стоят: Ю. Норман, Ю. Метсавас, Ю. Тоотси, К. Эрмель, А. Эрмель, Н. Метсавас, А. Якобсон

ротой — Э. Пяртельс (в апреле стал командиром 2-го батальона, а 3 мая был ранен и отправлен в госпиталь), 5-й ротой — до 23 января Ю. Гильдебрандт, затем А. Грозенталь и с марта И. Аарон. Командиром 6-й роты был К. Вейнглас.

В течение первых двух недель формирования полк почти не имел вооружения, не считая нескольких десятков винтовок разных систем, которые использовались главным образом суточным нарядом караульной службы. Это затрудняло боевую выучку людей, многие из которых были без военной подготовки. Среди добровольцев преобладал средний возрастной состав, основная масса которого состояла из солдат бывшей царской армии, но было много и совсем еще молодых, ранее в армии не служивших, а также пожилых людей в возрасте 50 и более лет.

22 января полк получил от Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны 980 японских винтовок со штыками, но только 18 тысяч патронов к ним и 4800 патронов к 3-линейным русским винтовкам. Пулеметов получено не было, они прибыли уже перед выступлением полка на фронт из Мариен-

бурга. В двадцатых числах января из Отдела снабжения Военного управления Коммуны была получена также первая значительная партия теплого обмундирования и белья, а из Выруского военного комиссариата — 86 пар ботинок, 25 пар валенок и 816 вещевых мешков. Этого было недостаточно, но все же примерно половину личного состава удалось снабдить теплыми вещами и бельем. До этого все бойцы носили свою гражданскую одежду.

В последнюю декаду января было начато формирование 3-го батальона. К этому времени приток добровольцев сократился и батальон комплектовался почти исключительно мобилизованными. Они вошли в состав 7-й, 8-й, частично 9-й роты и некоторых других рот и команд. Командиром 3-го батальона был назначен А. Муук. Ротами командовали: 7-й — А. Хейнтс (до 17 января командовал 4-й ротой), 8-й — А. Сосницкий, 9-й — И. Пани, а с марта П. Йыхвик. А. Пани был назначен его помощником и в апреле погиб в бою. Начальниками команд были: пулеметной — А. Луйк; конных разведчиков — Х. Вади (с 15 апреля — Л. Виссак); связи — К. Рийпус (помощник Я. Розенталь); хозяйственной — П. Моозес. Должность адъютанта полка занял В. Рыымус, начальником хозяйственной части стал Ю. Плоом. В марте—апреле произошли значительные изменения в командном составе. Командир 1-го батальона И. Эверт был назначен помощником командира полка (до этого им был П. Пыддер, бывший военный комиссар Выруского уезда, переведенный в Эстонский запасный полк по состоянию здоровья). Командовать 1-м батальоном стал Э. Нярьесон. Из-за ранения выбыл из строя командир 3-го батальона А. Муук. 15 апреля его заменил командир 7-й роты А. Хейнтс, возложивший командование ротой на А. Трейфельдта. Произошел также ряд других изменений, вызванных ходом боевых действий.

Наряду с военной подготовкой, которая проводилась в полку с первых же дней, большое внимание было уделено политико-воспитательной и партийной работе. Она проводилась всеми коммунистами под руководством комиссара полка, полкового партийного коллектива и партийных организаторов рот и команд. В первом составе полкового партийного комитета (коллектива) были Я. Маркс (председатель), А. Клемент (товарищ председателя), Х. Супс (секретарь); партийными организаторами в ротах и командах были А. Блаufельдт, Г. Крэла, К. Вардьяс, Э. Оттер, И. Хаберман, Г. Рависсон, Я. Миколай и некоторые другие.

31 января, когда противник подошел вплотную к Выру, слабо вооруженный 5-й эстонский полк по распоряжению Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны был отведен походным порядком в Мариенбург (Алуксне), где он в течение 5—6 дней был окончательно сформирован, вооружен

и снабжен всем необходимым для боевых действий. Там же была полностью укомплектована 9-я рота, в состав которой вошло прибывшее из Эстонского полка революционной охраны пополнение в количестве 103 человек. После некоторого пере-

И. Типнер,
работник штаба 5-го
эстонского полка

распределения людей численность личного состава всех рот стала примерно одинаковой (более 100 человек в каждой). В 1-й роте было 156 человек, во 2-й — 122, в 3-й — 126 и т. д. Всего в полку ко времени выступления на фронт было более 1500 человек. К 15 февраля, когда полк вел уже бои, в нем было 1471 человек, из них в стрелковых ротах 1229, в командах — 207, в штабе и в хозяйственной части — 35 человек [149].

7 февраля полк выступил на фронт и занял боевой участок, в основном по линии шоссе Псков—Рига, в районе населенных

[149] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 475, лл. 331—412; ед. хр. 477, лл. 178—245; ф. 28, оп. 2, ед. хр. 20, лл. 183—185; ед. хр. 742, лл. 2, 3, 7, 8; ф. 27, оп. 1, ед. хр. 577, лл. 5, 21, 33, 95.

пунктов Бастселийна, мызы Миссо (Иллинген), Пулли, Кябли, Кауби. Ширина фронта была около 12 километров. Первые бои оказались успешными. Отразив наступление белоэстонцев и белофиннов, полк занял деревни Мельдри, Тика, Пынни, Прекса, мызу Рогози, продвинувшись вперед на 5—6 километров. Затем полк вместе с другими частями Красной Армии вел продолжительные бои.

В двадцатых числах января 1919 года в Пскове было начато формирование Эстонского запасного полка. В него сразу же вошли все сосредоточенные к тому времени в Пскове мобилизованные — более 1200 человек — и около 200 человек добровольцев. В последующие дни прием мобилизованных и добровольцев продолжался по мере того, как их документы оформлялись мобилизационным отделом Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны. Учетные данные мобилизованных свидетельствуют, что большинство из них имело военную подготовку и боевой опыт вследствие службы в старой армии и участия в первой мировой войне. Среди мобилизованных было два офицера старой армии и более 40 унтер-офицеров. Кроме пехотинцев, которые составляли большинство, среди мобилизованных было также значительное количество артиллеристов, связистов, саперов.

До 12 февраля Эстонским запасным полком командовал Р. Бирк, а затем — В. Лээген. Р. Бирк как военный специалист (офицер старой армии) был назначен инструктором Эстонских командных курсов. Комиссаром полка до середины февраля был К. Круштейн. Когда он в феврале занял пост председателя Военного трибунала Эстляндской армии, комиссаром полка в течение некоторого времени был М. Лайус. В марте, когда Лайус был назначен комиссаром Эстонской дивизии, комиссаром полка стал бывший командир 7-й роты того же полка Т. Хейн.

В первых числах февраля в запасном полку было 8 рот, которыми командовали Р. Сээде, М. Ряэк, А. Отсус, Э. Линнарт и другие. Состав этих рот в связи с отправкой пополнений на фронт быстро менялся. 30 января командиром 1-го батальона был назначен бывший прапорщик старой армии Н. Риухкранд (был принят в Красную Армию 29 января 1919 года мобилизационным отделом Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны). 2-м батальоном вначале командовал Э. Лээген, затем А. Каськ и позднее Г. Нааритс.

5 февраля пришло распоряжение Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны отправить из эстонского запасного полка для пополнения Таллинского и Тартуского эстонских полков 600 человек. Вскоре заявки о присылке пополнения стали поступать и из других частей, как из тех, что находились на фронте, так и из тех, которые формировались в тылу.

Отправка пополнений началась 10 февраля. До 24 февраля было отправлено: в Таллинский полк — 335 человек, в Тартуский полк — 228, в Вильяндиский полк — 187, в 6-й эстонский полк (начал формироваться с 1 февраля) — 107, в эстонские артиллерийские батареи — 106, в Эстонский полк революционной охраны — 83, на Эстонские командные курсы — 36 и в формировавшийся при Военном управлении Коммуны партизанский отряд — 80 человек, всего 1162 человека. После этого в Эстонском запасном полку осталось 547 человек, из них 19 женщин. Но прием добровольцев и мобилизованных продолжался. Начиная с конца февраля, в полк стали поступать отдельные, пока небольшие группы пленных и перебежчиков из белоэстонской армии. Приток их резко увеличился в апреле и первой половине мая, когда в Эстонский запасный полк было зачислено более 300 человек перебежчиков и добровольно сдавшихся в плен белоэстонских солдат. Прежде чем направлять этих людей в боевые части на фронт, необходимо было выяснить их истинные побуждения, провести с ними большую политико-воспитательную работу.

С марта по май 1919 года из Эстонского запасного полка было отправлено в разные части Эстонской дивизии еще около 600 человек, главным образом в формировавшийся тогда в Луге 6-й эстонский полк (420 человек)[150].

Летом 1919 года в Эстонском запасном полку сосредоточивались сотни бойцов, которые выписывались из военных госпиталей. Многие из них нуждались в окончательном выздоровлении до отправки на фронт. Из них периодически формировались маршевые роты, которые затем направлялись в части дивизии. Продолжался также прием мобилизованных различными военными комиссариатами эстонцев, которые на основе указаний Главного командования Красной Армии подлежали направлению в Эстонскую дивизию. За период существования Эстонского запасного полка, который в июне 1919 года был переформирован в запасный батальон, через него прошло не менее 3 тысяч человек.

В первых числах февраля 1919 года началось формирование 6-го эстонского коммунистического стрелкового полка (до 15 марта числился под номером 5) под командованием В. Пусся. До 20 декабря В. Пуссь командовал десантным отрядом моряков, а до 1 февраля был инструктором Эстонских командных курсов. Обязанности комиссара полка исполнял председатель партийного коллектива полка Я. Каземетс. Полк комплектовался почти исключительно за счет пополнений из Эстонского

[150] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 412, лл. 1—3, 30, 36—39, 45, 47, 48, 50, 51, 53, 71—73, 81—83, 92, 109, 149—152, 155, 159, 188, 192; ед. хр. 418, лл. 1—54, 56—58, 82; ед. хр. 413, лл. 4, 8; ед. хр. 473, лл. 1, 5, 25, 88—92; ед. хр. 20, л. 83.

запасного полка. Около 40 человек было зачислено в полк в первые дни его формирования из бывшего десантного отряда моряков. Небольшое количество было и добровольцев. Около 50 человек эстонцев прибыло из разных русских частей и некоторых военных комиссариатов. На 2 марта в полку числилось 306

В. Пуссь

человек, из них 24 — командно-инструкторского состава. Через месяц в полку было уже около 600 человек, из них 447 в стрелковых ротах. Среди полученного пополнения было также некоторое количество пленных и перебежчиков из белоэстонской армии. В апреле их стало значительно больше, так как Эстонский запасный полк направлял пленных и перебежчиков преимущественно в 6-й эстонский полк, расположенный в тылу. Другие эстонские полки, находившиеся на фронте, принимали перебежчиков и пленных неохотно.

В 6-м эстонском полку было сформировано два стрелковых батальона. Первым батальоном командовал И. Онксион, вторым — С. Нийсмейстер. Командирами рот были: Х. Линде, Х. Лаур, И. Хурт, И. Прошкин, Ф. Симсон, А. Падрак. Ко времени выступления полка на фронт (в двадцатых числах ап-

реля), в нем было около 650 человек, из них примерно 450 штыков в стрелковых ротах [151].

В период с февраля по апрель 1919 года происходило также формирование новых и пополнение ранее сформированных эстонских артиллерийских подразделений. В Гатчине формировалась 4-я эстонская легкая артиллерийская батарея под командованием Х. Туммельтау. Его помощником был В. Прей (до 30 января — начальник Эстонских командных курсов). В Гатчине же находилась на переформировании 3-я эстонская легкая артиллерийская батарея, которая 19 января в результате внезапного налета группы финских белогвардейцев потеряла в Нарве своего командира Р. Давыдова, часть людей, все орудия и лошадей. Теперь батарея восстанавливалась. Ею командовал А. Ломбак, помощником командира батареи был назначен Я. Лейзик.

В конце февраля было начато формирование 5-й эстонской легкой артиллерийской батареи под командованием Р. Крикка, но эта батарея материальной части не получила и была позднее расформирована. Необходимо отметить, что почти весь командный состав эстонских артиллерийских батарей, за исключением начальника артиллерии Х. Тедера, состоял из красных командиров, окончивших в 1918 году 1-е и 2-е Петроградские артиллерийские командные курсы.

Продолжалось комплектование Эстонского красного кавалерийского полка. Было закончено формирование 4-го эскадрона (начал формироваться 21 января), пополнялись пулеметная команда и некоторые другие подразделения. 20 февраля кавалерийский полк получил 98 лошадей, 105 седел, 125 винтовок, 125 шашек, 3 автомата «Льюйс» и прочее имущество.

18 февраля командиром полка стал А. Сорксепп, а прежний командир полка Я. Юриссон был направлен в распоряжение командира 2-го Вильяндиского эстонского полка и назначен начальником команды по сбору оружия. Комиссаром полка с того же числа был назначен Д. Боом, прибывший в полк из Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны. До этого в полку комиссара не было и его обязанности исполнял председатель парткоплектива полка Х. Пихлак. Эскадронами командовали: первым — Ю. Портсмут, вторым — А. Каазик, третьим — К. Шеленков (с марта И. Рооман), четвертым — А. Олеск. Начальником пулеметной команды был Я. Лемммик, начальником саперной команды А. Сепп (погиб в бою 1 мая 1919 г.), начальником команды связи — Н. Оникс, начальником команды по сбору оружия — О. Варес. В полку было два

---

[151] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 412, лл. 64, 104, 146; ед. хр. 413, л. 6; ед. хр. 477, лл. 44, 45, 265—284; ед. хр. 437, л. 32; ф. 27, оп. 3, ед. хр. 13, лл. 4—8.

адъютанта: по оперативной части — Э. Вийкберг, по административной части — А. Румессен. Старшим врачом полка до мая 1919 года был Э. Коппель, позднее — Г. Роом [152].

В это же время началось комплектование специальных (технических) подразделений дивизии: батальона связи, саперного батальона и других команд и служб, предусмотренных штатами.

К. Римм

В целях подготовки командных кадров для эстонских частей были организованы Эстонские командные курсы. Начало им было положено еще в двадцатых числах декабря 1918 года в Нарве, но срок обучения первой группы курсантов длился тогда только три недели. Начальником курсов был назначен красный командир — артиллерист В. Прей, инструктором — В. Пуссь. После падения Нарвы курсы были перемещены в Гатчину и был установлен трехмесячный срок обучения курсантов. Прежний начальник курсов В. Прей занял должность помощника командира 4-й эстонской легкой артиллерийской

[152] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 536, лл. 3, 5, 18, 22, 43—45, 47, 51, 63, 74, 81, 86, 126, 144; ед. хр. 537, лл. 51, 87.

батареи, которая формировалась также в Гатчине, а начальником Эстонских командных курсов стал бывший поручик старой армии Х. Пераярв, занимавший до этого должность управляющего делами Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны. Инструкторами курсов были назначены: Ю. Пруун, Р. Бирк (бывший командир Эстонского запасного полка), Ю. Олеск, К. Римм и Н. Хельман. В феврале на курсах обучалось 67 человек, в апреле — 80, в мае — более 100 [153]. Из них готовили главным образом командиров взводов.

Эстонские командные курсы, которые функционировали до марта 1920 года, сыграли большую роль в подготовке кадров среднего командного состава для эстонских частей Красной Армии.

Вопросами комплектования, вооружения и снабжения новых эстонских частей, а также пополнением частей, находящихся на фронте, занималось Военное управление Эстляндской Трудовой Коммуны под непосредственным руководством Я. Анвельта и А. Корка. В составе Военного управления были следующие отделы: мобилизационный, которым до марта 1919 года руководил Р. Римм, затем Х. Кульдвере (Римм стал членом Реввоенсовета Западного фронта); отдел вещевого и продовольственного снабжения возглавлял К. Преттер; отдел технического снабжения — А. Линтлом; политический отдел — М. Ребане; отдел военной подготовки и просвещения — Р. Изак; хозяйственный отдел — Э. Пеа. Пост управляющего делами Военного управления последовательно занимали П. Лепп, Х. Кульдвере, Р. Тимм, а с 10 апреля до июня 1919 года — Э. Тейтер [154].

*

В феврале 1919 года Реввоенсовет РСФСР удовлетворил ходатайство Эстонского Советского правительства об объединении эстонских частей Красной Армии в дивизию двухбригадного состава и о создании Эстляндской армии с включением в нее, кроме Эстонской дивизии, 6-й и 10-й стрелковых дивизий.

В совместном постановлении Реввоенсовета РСФСР, Совета Народных Комиссаров Эстляндии и Реввоенсовета VII армии, подписанном 18 февраля 1919 года в Пскове, сказано:

«... Из состава нынешней VII армии выделяется Эстляндская армия в составе ныне действующих войсковых групп под командой Васильева и Иванова. Во главе Эстляндской армии

---

[153] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 413, л. 6; ед. хр. 514, л. 5; ед. хр. 475, лл. 47—51, 110—119; ед. хр. 477, лл. 314—318; ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 65, л. 123.

[154] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 21, лл. 1, 8; ед. хр. 412, лл. 18, 21; ед. хр. 413, лл. 4, 6; ед. хр. 466, л. 321; ед. хр. 475, лл. 110—119; ф. 28, оп. 1, ед. хр. 530, л. 1.

ставится Реввоенсовет Эстляндской армии при командующем Васильеве и членах Реввоенсовета тт. Изаке и Керресе, при начальнике штаба т. Корке. На ближайший период, впредь до окончательного выяснения вопроса о судьбе Карельского и Олонецкого фронтов, управление Эстляндской армии получает организацию исключительно оперативного характера с тем, чтобы когда потребует этого обстановка, развернуть все остальные органы управления и снабжения самостоятельной армии либо за счет нынешних управлений VII армии, либо из новых элементов... Из состава 6-й дивизии выделяются 46-й, 52-й, 53-й, 54-й полки, к которым придается 3-й вновь сформированный эстонский полк, и из этих полков образовывается Эстонская стрелковая дивизия на общих основаниях по штатам Реввоенсовета Республики, двухбригадного состава на первое время... Реввоенсовету VII армии вменяется в обязанность принять меры к тому, чтобы обеспечить формирующуюся ныне Эстонскую дивизию всеми необходимыми предметами снабжения. Совнарком Эстляндии сохраняет за собой право делегировать одного представителя в состав Реввоенсовета VII армии и одного комиссара в отдел снабжения VII армии.

Совнарком Эстляндии объявляет о создании Эстляндской армии, которая бок о бок с братскими армиями Латвии, Белоруссии, Великороссии, Украины при объединенном командовании сражается против общих врагов...»[155]

Командование войсками Эстляндской армии с 19 февраля было возложено на начальника 10-й стрелковой дивизии М. Н. Васильева, а временное командование 10-й дивизией — на командира 1-й бригады той же дивизии А. Г. Кеппена. С 19 февраля к исполнению своих обязанностей приступили и члены Реввоенсовета Эстляндской армии Р. Изак, М. Керрес и начальник штаба А. Корк. С 12 марта начальником оперативного отдела штаба был назначен А. Кукк, а 20 апреля третьим членом Реввоенсовета армии был утвержден Я. Пальвадре. Приказом по войскам Западного фронта № 2 от 27 февраля 1919 года всем командирам войсковых объединений и частей фронта было предписано выяснить во всех частях количество красноармейцев эстонской национальности и не позднее 15 марта направить их в распоряжение командующего Эстляндской армией[156].

*

На псковском и мариенбургском участках фронта в это время шли ожесточенные бои. Овладев к началу февраля городами Валга, Выру и Печоры, противник, не встречая осо-

[155] ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 9, л. 1.

[156] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 4, ед. хр. 1, лл. 107, 111, 112, 114; ЦГАОР ЭССР, ф. Р-1534, оп. 1, д. 5, лл. 35, 44.

А. Корк

бого сопротивления со стороны частей Красной Армии, продолжал продвигаться вперед. На Мариенбургском направлении части противника в первых числах февраля подошли к линии шоссе Псков — Рига, но были отброшены контрударом 5-го эстонского полка и частей 2-й бригады 2-й латышской дивизии. На Псковском направлении противнику к середине февраля удалось выйти на линию Видовичи — станция Новый Изборск — Старый Изборск и создать угрозу Пскову.

Перемещенные в начале февраля на псковский участок фронта эстонские полки и батареи (1-я и 2-я легкие и тяжелая), составлявшие бригаду, вошли в оперативное подчинение начальника 10-й стрелковой дивизии Васильева и вместе с другими частями этого боевого участка готовились к общему наступлению. В середине февраля в Эстонской бригаде было 171 лицо командного состава и 4832 красноармейца и младших командира. Включая новые формирования, в эстонских частях Красной Армии в феврале 1919 года насчитывалось не менее 8500 человек.

По сведениям штаба фронта белое правительство Эстонии в середине февраля 1919 года располагало более чем 20 000 штыков, из них на нарвском участке было около 6000, на линии

фронта Ряпина—Печора — 4000, на линии Хейнасте—Валга—Мурати — 3000, в резерве в Тарту — 4500, в Тапа — 1000, в Таллине — 4000. Продолжалось формирование новых частей, а из Финляндии прибывали добровольческие белогвардейские отряды [157].

Бои на Печорском и Выруском направлениях в феврале—марте 1919 года

14 февраля части псковского участка фронта VII армии — Эстонская бригада, 8-й и 9-й Новгородские полки, 85-й и 86-й полки 10-й дивизии, 163-й и 165-й полки 19-й дивизии, один батальон 49-го полка 6-й дивизии и приданные им артиллерийские и кавалерийские части — под общим командованием начальника 10-й стрелковой дивизии М. Н. Васильева перешли в наступление. Ближайшей задачей их было выйти на линию Ряпина — Выру. Своим левым флангом они должны были действовать в тесной связи с Мариенбургской группой войск армии Советской Латвии. В составе этой группы находился с 7 февраля и 5-й (в то время 3-й) эстонский коммунистический стрелковый полк.

На псковском участке фронта к 20 февраля противник был выбит со всех ранее занимаемых позиций и обращен в бегство. Наступление частей Псковской группы развивалось успешно и уже 22 февраля штаб Эстонской бригады со станции Моглино перешел на станцию Новый Изборск. Здесь, в районе деревень Иваново Болото, Лести, Вашина Гора, Косселькн, Рачева, Паниковичи и некоторых других, развернулись ожесточенные бои. Противнику был нанесен значительный урон, вынудивший белоэстонское командование отказаться от наступательных действий и перейти к обороне. Большую активность проявил 53-й Вильяндиский эстонский полк, наступавший на одном из наиболее важных и трудных участков — вдоль железной дороги Псков — Печоры. Боевые действия полка поддерживались метким огнем 2-й эстонской легкой артиллерийской батареи под командованием П. Левальда.

Успеха добился и Эстонский красный кавалерийский полк. Двигаясь вдоль побережья Псковского озера, полк в двадцатых числах февраля выбил противника из пяти населенных пунктов, создав угрозу частям левого фланга Печорской группы противника. За отличные действия 1-му эскадрону полка, которым командовал Ю. Портсмут, была объявлена благодарность.

На Выруском направлении 5-й эстонский коммунистический полк, расположенный на правом фланге Мариенбургской

---

[157] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 12, л. 71.

группы войск армии Советской Латвии, к середине февраля достиг населенных пунктов Плакси, Хаанья, возвышенности Мунамяги и подходил к Выру. Однако обход белыми правого фланга полка в районе Вастселийна, а также прорыв противником фронта на участке 2-й бригады 2-й латышской дивизии вынудили части Мариенбургской группы отойти. 5-й эстонский полк отошел после захвата белыми 21 февраля Мариенбурга на линию населенных пунктов Бунземс—Вискумс—Плоскумс (северо-восточнее Мариенбурга). Здесь наступление белых было приостановлено. Таким образом, значительный успех в февральских боях был достигнут только на псковском участке фронта, где была ликвидирована угроза захвата противником Пскова.

24 февраля части Псковской и Мариенбургской групп войск вновь перешли в общее наступление. На участке Вольмарской группы армии Советской Латвии велись демонстративные действия красных латышских частей с целью воспрепятствовать переброске частей противника на псковский и мариенбургский участки фронта.

Ко времени второго общего наступления эстонские полки на псковском участке фронта занимали позиции от деревни Дубровка (на шоссе Псков—Рига) до деревни Горушки (14 км северо-западнее местечка Изборск) — общей протяженностью около 15 километров. Левее боевого участка Эстонской бригады действовали 85-й и 86-й полки 10-й стрелковой дивизии, правее — части чудского участка, в том числе и эстонский кавалерийский полк. (Схема № 3.)

В эти дни в Вильяндиском эстонском полку произошли некоторые изменения. Несмотря на полученное пополнение, третий батальон полка, в котором осталось всего около 100 человек, был расформирован с передачей личного состава в роты 1-го и 2-го батальонов. К полку присоединилась 3-я рота, которая до 14 января находилась в Тарту (она была отправлена туда 8 января из Нарвы для усиления обороны) и затем до возвращения в полк участвовала в боях в южной Эстонии. Ротой командовал Э. Виттель, его помощником был Я. Кубьяс. В роте из 200 человек уцелело 115. Произошла смена комиссаров полка. Прежний комиссар А. Йеа был отозван в распоряжение Совнаркома Эстонии, новым комиссаром полка был назначен Г. Моосберг.

На 20 февраля в Эстонской бригаде вместе с управлением насчитывалось 4819 человек, из них 3994 в стрелковых полках, 436 артиллеристов, 279 человек войсковой конницы (Эстонский кавалерийский полк). В 5-м эстонском полку на мариенбургском участке фронта было около 1400 человек.

Начатое 24 февраля общее наступление развивалось успешно. В первых числах марта развернулись бои по овладе-

нию Печорами. Весьма ожесточенные столкновения с противником происходили в районе деревень Забелина, Пуравица, Порканова, Бобкова и других, которые несколько раз переходили из рук в руки. В этих боях огромную поддержку пехоте оказали красные эстонские артиллеристы, особенно только что прибывшая на фронт после окончания формирования 4-я эстонская легкая артиллерийская батарея под командованием Х. Туммельтау. Батарея продвигалась вперед вместе с пехотой, расстреливая противника прямой наводкой. Успешно действовал на этом участке фронта также 9-й Новгородский полк, который продвигался к Печорам и выбил противника из деревень Боровенки, Кээра, Сигова. Боевые операции эстонских полков поддерживали бронепоезда № 7 и № 11. Бронепоезду № 7 удалось 11 марта серьезно повредить один из бронепоездов противника. Командир его был убит.

10—11 марта 52-й Таллинский эстонский полк занял деревни Малые Пуравицы, Головина, Нудрецова, Большой Березняк, Риссова и Тендова, взяв при этом пленных.

11—12 марта части Эстонской бригады очистили от белых станцию и город Печоры, захватив значительное количество оружия и боеприпасов, брошенных противником при паническом отступлении. (Схема № 3.)

В боевых донесениях о ходе операции по овладению Печорами говорится:

«... 10 марта 10 часов. Части участка перешли в общее наступление, по всему участку идут сильные бои. Неприятель оказывает упорное сопротивление. Наша тяжелая артиллерия обстреливает Печоры ...

10 марта 20 часов. Лихим налетом части Таллинского эстонского полка заняли деревню Б. Березняк, неприятель в беспорядке отступает, захвачено несколько пленных, много оружия и патронов ...

10 марта 24 часа. После упорного боя части 9-го полка заняли сельцо Залесье. Вновь прибывшая 4-я эстонская батарея выехала под сильным пулеметным и ружейным огнем неприятеля вплотную к деревне Залесье и своим ураганным огнем оказала действенную помощь пехоте.

12 марта 11 часов. Частями 52-го эстонского полка после ряда усиленных атак взяты Печоры»[158].

14 марта Тартуский эстонский полк при поддержке 1-й эстонской батареи выбил противника из Вастселийна. Все части псковского участка с боями продвигались вперед.

Смело и решительно действовал в этих и предыдущих боях 53-й Вильяндиский эстонский полк. Он по-прежнему продвигался вдоль железной дороги. За проявленное мужество и уме-

[158] ЦГАСА, ф. 1657, оп. 2, д. 19, лл. 44, 48, 50, 52, 56, 57.

лое руководство своими подразделениями в бою командир 4-й роты И. Блатт, помощник командира 2-й роты А. Самуэль, командиры взводов А. Штейнфельдт, А. Кампус, Р. Нелло, Я. Тянав, И. Ана, а также бойцы-разведчики И. Тельман, Ф. Ахер, И. Петерсон, И. Тууде, И. Кантер, Г. Крээпс и телефонист Э. Кулль были награждены ценными подарками [159].

Успешно развивалось наступление и на чудском участке, где части Красной Армии к 13 марта вышли с боями на линию населенных пунктов Выыпсу и Орава.

Противник понес большие потери. Линия фронта к середине марта на псковском участке была передвинута на 10—12 километров, а на чудском участке на 25—30 километров. Успеху частей чудского участка во многом способствовал совершенный Эстонским кавалерийским полком в первых числах марта глубокий рейд в тыл противника. Полк проник в район Выыпсу, разбил там один из белогвардейских отрядов Булак-Балаховича и занял затем Ряпина. На этом участке части Красной Армии к концу марта вышли на общую линию населенных пунктов Ряпина—Лээвику—Пиньди—Вериора—Камница—Орава. Только в районе Вастселийна белым в середине марта удалось несколько отодвинуть назад подразделения Тартуского эстонского полка.

Успешно наступали в марте на Выруском направлении и части Мариенбургской группы. 28 февраля был освобожден Мариенбург. Противник начал отступать по всему фронту. В этих боях, кроме латышских частей и Псковского полка, активно участвовали подразделения 5-го эстонского полка, которые к 6 марта вышли в район шоссе Псков — Рига, выбив белых из деревень Кура, Кябли, мызы Миссо, и продолжали продвигаться к Выру. Особенно сильные бои вел полк в период 6—14 марта в районе деревень Пынни, Саньди, Тика, где противник оказывал весьма упорное сопротивление. Но эти бои также окончились поражением сил противника. 5-й эстонский коммунистический полк упорно продвигался к городу, в котором он был создан.

О мужестве и боевой выдержке красных эстонских воинов свидетельствует хотя бы следующий боевой эпизод, который произошел в марте 1919 года на Выруском направлении. В районе деревни Мяэсахка белым удалось окружить немногочисленную группу бойцов 9-й роты 5-го эстонского полка под командованием командира взвода Ярва. Несмотря на почти безнадежное положение, горстка отважных бойцов не сдалась противнику и вступила с ним в неравный бой, который длился 10 часов. Отразив все попытки белых атаковать расположение группы (она находилась в седловине на небольшой возвышен-

[159] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 1, д. 537, л. 70.

ности) и нанося им огнем пулемета и винтовок значительные потери, бойцы заставили врага прекратить бой и отойти. По сведениям, полученным от местных жителей, белые потеряли не менее 20 человек убитыми и тяжелоранеными.

14 марта противник предпринял попытку перейти в контрнаступление, но потерпел поражение на всем протяжении фронта и отошел.

С 18 по 21 марта 5-й эстонский полк, по-прежнему действуя на правом фланге Мариенбургской группы войск, выбил белых из деревень Тыльва, Маури, Витка, Муна, Симула, Кюльма, Ваккари и подходил к Выру. Левее 5-го эстонского полка вел бои 1-й Псковский полк имени ВЧК под командованием А. Черепанова. Еще левее действовали части 2-й бригады 2-й латышской дивизии под командованием П. Матисона.

К 23 марта войска Мариенбургской группы, продвинувшись по всему фронту от 10 до 35 километров (на правом фланге), вышли на общую линию населенных пунктов: Вайтка—Лайассааре — Тсоору — Сянна — Рыуге — Рээсту — Рауби — Пээтрузе — Тыльва — Витка (схема № 3). В этих боях противнику был нанесен значительный урон.

*

Организационный период формирования Эстонской стрелковой дивизии начался с середины марта 1919 года. Приказами Эстонской дивизии от 15 марта и VII армии от 20 марта из состава 6-й стрелковой дивизии были выделены и включались в состав Эстонской дивизии 46-й стрелковый полк, 52-й Таллинский, 53-й Вильяндиский, 54-й Тартуский стрелковые полки, Эстонский кавалерийский полк и все эстонские артиллерийские батареи. В состав Эстонской дивизии вошли и вновь сформированные 5-й (бывший 3-й) и 6-й (бывший 5-й) эстонские коммунистические полки, а также выделенный из состава 10-й стрелковой дивизии 20-й авиационный отряд. Всем перечисленным выше стрелковым полкам Реввоенсовет Эстляндской армии дал новые наименования, а именно: 52-й Таллинский полк стал называться 1-м, 53-й Вильяндиский полк — 2-м, 54-й Тартуский полк — 3-м, 46-й стрелковый полк* — 4-м, 3-й эстонский полк — 5-м и 5-й эстонский полк — 6-м эстонским** коммунистическим стрелковым полком [160].

Объединение эстонских частей в дивизию потребовало боль-

---

* 46-й стрелковый полк в состав Эстонской дивизии не прибыл.

** До июня 1919 г. дивизия и полки официально назывались эстляндскими. В целях удобства они в книге повсюду именуются эстонскими. Название «Эстляндская» сохранено только для армии.

[160] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 12, лл. 1—3; ф. 1010, оп. 1, д. 19, л. 1; ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 4, д. 1, л. 114.

шой и напряженной работы. Полки существовали, но необходимо было заново создать аппарат управления и штаба дивизии, штабы бригад, инженерные части, батальон связи и все тыловые учреждения дивизии. Это вызвало ряд перемещений командного состава. Начальником дивизии был назначен командир бывшей 3-й (Эстонской) бригады Л. Ритт. Назначенного на должность командира 1-й бригады А. Мянникокса он вскоре освободил, сославшись на невозможность с ним сработаться, и выдвинул на этот пост командира 1-го эстонского полка А. Айнтса. Командиром 1-го полка стал помощник командира того же полка Б. Хансон. Начальником штаба 1-й бригады Л. Ритт назначил Маазика. Этих лиц Ритт хорошо знал по совместной службе в Таллинском эстонском полку, которым он ранее командовал. Случайным ли был такой подбор кадров на ответственные командные должности, сказать трудно. Однако вскоре все эти лица во главе с Риттом стали на путь измены.

Начальником артиллерии дивизии был назначен бывший артиллерийский офицер старой армии Барсуков. Комиссаром артиллерии до 10 апреля был Р. Сейль, а затем — К. Таммин. Р. Сейль приступил к формированию управления 2-го эстонского легкого артиллерийского дивизиона.

2-м эстонским полком до 25 марта командовал Э. Тейтер, затем командиром стал К. Кангер, а Э. Тейтер был назначен помощником начальника штаба дивизии, откуда его 10 апреля перевели в Военное управление Эстляндской Трудовой Коммуны на должность управляющего делами. Командиром 5-го эстонского полка после ухода А. Мянникокса стал помощник командира того же полка Н. Риухкранд. А. Мянникокс после освобождения его с должности командира 1-й бригады был назначен командиром 2-й бригады Эстонской дивизии.

В комиссарском составе эстонских полков изменений не произошло, за исключением 1-го эстонского полка, комиссар которого А. Алькрат был назначен комиссаром 1-й бригады.

Необходимо отметить, что Реввоенсовет Эстляндской армии в организационный период уделял слишком мало внимания партийно-политической работе в Эстонской дивизии, подбору кадров партийных и политических работников. Комиссаром Эстонской дивизии был утвержден старый большевик М. Лайус, который, однако, по своей подготовке и деловым качествам этой должности не соответствовал. До начала мая не было и политического отдела дивизии. Только 5 мая должность заведующего политотделом занял П. Петерсон, прибывший в дивизию в конце апреля. Аппарат политотдела дивизии создавался с большими трудностями. Такое же положение с организацией политотдела было и в самом Управлении Эстляндской армии. В конце февраля временно исполняющим обязанности заве-

Группа командиров и политработников Эстонской стрелковой дивизии (снимок сделан после гражданской войны). Сидят (слева направо): М. Кульбах, А. Мянникокс, А. Хейнтс, К. Кангер, А. Блауфельдт. Стоят: А. Кярнер, К. Рийпус, А. Лоопер, О. Рюйтли, А. Йеа

дующего политотделом Эстляндской армии был назначен М. Тракман, управляющим делами политотдела — Я. Пыльдема. Но уже 17 марта Тракман был освобожден с этой должности и назначен лектором политотдела, а обязанности заведующего политотделом армии стал исполнять член Реввоенсовета Эстляндской армии Р. Изак. С 14 мая они были возложены на другого члена Реввоенсовета армии — Я. Пальвадре. В организации политотдела Эстляндской армии должен был оказать помощь политотдел VII армии, но не сделал этого. Все это привело к серьезным недостаткам в руководстве партийной и политической работой. Даже газетами части дивизии снабжались нерегулярно. Партийные собрания из-за непрерывных боев проводились редко, а партийные коллективы основное внимание уделяли вопросам хозяйственного порядка и распределению получаемых газет. Возникали неясности при определении прав и обязанностей комиссаров частей, взаимоотношений между комиссарами и командирами и т. д. Все эти вопросы явились предметом обсуждения на состоявшейся в июне 1919 года 2-й партийной конференции Эстонской дивизии.

Однако, несмотря на недостатки в партийно-политической работе, трудности в материальном снабжении и непрерывные напряженные бои, настроение всего личного состава частей дивизии было устойчивым. Боевые приказы и задания выполнялись точно и добросовестно. В частях не было ни дезертирства, ни других грубых нарушений воинской дисциплины. Это свидетельствовало о высокой сознательности и преданности делу революции основной массы бойцов и командиров Эстонской дивизии.

В связи с созданием Эстляндской армии Совет Эстляндской Трудовой Коммуны выпустил воззвание, обращенное к трудящимся Эстонии, к эстонским и русским красным воинам. В воззвании говорится:

«... Правительство Эстонской Советской республики, которому красные войска и революционные рабочие доверили руководство освобождением эстонского пролетариата от рабства, объявляет всем красным стрелкам, всем борющимся за революцию воинам и всем трудящимся Эстонии в городе и деревне: важнейшей задачей настоящего момента является очищение Эстонии от белогвардейцев!

Для осуществления этой задачи необходимо сосредоточить все силы. Все лучшие товарищи в армию! Снабжение армии на первое место!

Белые в Эстонии выпрашивают помощь у Швеции, Франции и у правительств других буржуазных стран; они действуют рука об руку с русскими белогвардейцами, чтобы оставить безземельного, арендатора и рабочего по-прежнему в кабале у помещиков и фабрикантов. Финские «мясники», которые минувшей весной плавали в крови своих рабочих, стали теперь жандармами «временного правительства» и справляют кровавую тризну на могиле свободы эстонских трудящихся. Офицеры кровавого Николая — сыновья помещиков, фабрикантов и прочих господ — организуют в Эстонии свои разбойничьи банды, чтобы в удобный момент напасть на Советскую Россию, вновь закабалить рабочих и бедняков, а затем восстановить и в Эстонии ярмо великорусских богатеев-землевладельцев и фабрикантов, как это было при царизме.

Эстонский рабочий и бедняк, ты, кто сражаешься против белогвардейцев в рядах Красной Армии! Не забывай, что в случае победы тебе будут принадлежать в Эстонии все земли и леса, реки и озера, все мастерские и фабрики, железные дороги и строения, все то, что сейчас служит там капиталистам и является средством угнетения трудящихся. Помни, что твоим священным долгом является освобождение твоих братьев-рабочих, которых поработило белое правительство и которых оно под страхом смерти принуждает воевать против тебя, но кото-

рые в глубине сердца дожидаются мгновения, когда красные войска освободят Эстонию.

Эстонский рабочий и бедняк, ты, кто страдаешь из-за притеснений белых, голодаешь дома или насильно мобилизован в армию! Не забывай, что коммунистические войска борются за твое лучшее будущее и хотят создать тебе свободное отечество. Твой долг — всячески поддерживать красных воинов, быть им проводником и помощником, принимать каждого красного воина, как своего кровного брата. Белогвардейцам же причиняй вред повсюду, где это представляется возможным.

Русские товарищи, которые пришли на помощь своим братьям-эстонцам! Помните, что освобождение Эстонии является и вашим делом... Можете быть уверены, что как только территория Эстонии будет очищена от белогвардейцев, красные эстонские воины не останутся дома, а будут вместе с вами защищать революцию, если ей будет угрожать опасность, будь то с юга, с востока или с севера. Только общими силами сможем мы разбить своих многочисленных врагов. Вместе с войсками Великороссии, Украины, Литвы, Латвии и других советских правительств Красная Армия должна смести своих врагов с лица земли... Товарищи красноармейцы, от вашей отваги, самоотверженности и дисциплины зависит успех действий Революционного Военного Совета и скорое уничтожение врагов трудящихся в Эстонии, чтобы страна, опустошенная немецкими войсками, балтийскими баронами и эстонскими господами, вновь возродилась в мирную родину трудящихся. Каждый из вас должен быть на своем посту не по принуждению, а по велению совести... Помните, что только совместный удар может ускорить уничтожение белогвардейцев.

Совет Эстляндской Трудовой Коммуны»[161].

В конце марта белоэстонское командование, подтянув из резервов новые свежие части, предприняло общее контрнаступление. На мариенбургском участке фронта противнику при поддержке бронепоездов, бронемашин и кавалерии удалось захватить станцию Мынисте (Менцен) и создать угрозу коммуникациям войск армии Советской Латвии. Эта угроза, прорыв белыми фронта на правом фланге Мариенбургской группы и захват ими 29 марта Печор вынудили советские части к отходу. Однако советское командование приняло меры, прорыв белых в районе Мынисте был вскоре ликвидирован, и вслед за этим части Мариенбургской группы, в том числе и 5-й эстонский коммунистический полк, вновь перешли в наступление, разбили и рассеяли Вольмарский белолатышский полк (этот полк был сформирован белоэстонским командованием из

[161] ПА ЦК КП Эстонии, ф. 28, оп. 1, д. 6, л. 79.

латышей) и нанесли чувствительные удары некоторым другим частям противника. Белоэстонское командование было вынуждено приостановить свое наступление и перейти к обороне.

Значительно бóльший успех имели белые на Псковском направлении, где им удалось вытеснить части Красной Армии чудского и псковского участков из всех ранее занимаемых ими районов.

В первых числах апреля 1919 года линия фронта на псковском участке проходила в районе деревень Зимний Борок (юго-западный берег Псковского озера), Вашина Гора, Залесье, Паниковичи, Михалкина, Козина (18 км южнее Печор), а на участке Мариенбургской группы — в районе станции Мынисте (левый фланг), Вастсе-Рооза, Вана-Лайтсна, Кивиору (правый фланг). 5-й эстонский полк занимал фронт на линии деревень Кыргессааре — Кивиору.

На этих рубежах активные действия частей Красной Армии временно приостановились, что было обусловлено необходимостью предоставления отдыха частям и перегруппировки сил для нового общего наступления.

Восстание трудящихся на островах Сааремаа и Муху

В этот период боев Красной Армии за освобождение Эстонии от белогвардейцев и наймитов международного империализма произошло такое выдающееся революционное событие, как героическое восстание трудящихся островов Сааремаа и Муху против эстонского буржуазного правительства во второй половине февраля 1919 года.

На островах в большей степени, чем где бы то ни было на материке, преобладало беднейшее крестьянство и сельскохозяйственные рабочие. Все лучшие земли были захвачены помещиками, крестьянам же оставались только небольшие каменистые, крайне скудные земли, на которых невозможно было прокормиться. В силу этих причин острова Сааремаа, Хийумаа и Муху издавна были поставщиками рабочей силы для материка Эстонии. В период полевых работ с островов на материк перекочевывали целые бригады «отходников» на заработки в помещичьи и кулацкие хозяйства. Значительное количество жителей островов было занято на судах торгового флота. На побережье население занималось также рыболовством, но там не хватало хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Сбыт рыбы был затруднен ввиду отдаленности от материка.

Оккупация немцами осенью 1917 года островов Сааремаа, Муху и Хийумаа закрыла населению островов доступ на материк, обострив этим тяжелое положение значительных слоев

населения. Если на материке Эстонии после Октябрьской революции помещичьи земли были конфискованы и значительная часть помещиков репрессирована, то на островах, оккупированных немцами, Советская власть установлена не была, произвол баронов-помещиков стал еще более разнузданным, чем до оккупации. Изменений не произошло и после ухода немецких войск. Пришедшее к власти эстонское буржуазное правительство вело политику поощрения помещиков и кулаков.

Вооруженное восстание трудящихся островов Сааремаа и Муху было обусловлено тяжелым положением большинства населения, его ненавистью к помещикам и буржуазии. Это подтвердил и ход событий. Восставшие начали с изгнания помещиков, конфискации имений, подготовки раздела всех помещичьих земель между безземельными и малоземельными крестьянами. Восставшие не признавали эстонского буржуазного правительства, они выбрали своих депутатов в уездный Совет, который после освобождения уездного центра — города Курессааре — должен был взять власть на острове в свои руки.

Поводом для начала восстания послужил мобилизационный приказ эстонского буржуазного правительства. Трудящиеся островов не хотели участвовать в войне против Красной Армии. Они жаждали мира, земли, избавления от буржуазно-помещичьего гнета. Руководить действиями трудящихся стали местные жители — бывший унтер-офицер старой армии А. Койт и бывший матрос А. Охак. Оба они происходили из бедняков, перенесли тяготы империалистической войны и принимали в 1917 году активное участие в борьбе за пролетарскую революцию в России. Вернувшись в свои родные места, они продолжали борьбу за лучшую участь трудового народа. Агитацию за Советскую власть вели и многие другие вернувшиеся из армии солдаты — участники и очевидцы революционных событий и преобразований в России. Все они пользовались горячей поддержкой трудящихся.

16 февраля со сборного пункта в Куйвасту, на острове Муху, должна была переправиться на материк первая партия мобилизованных крестьян, посылаемых на фронт против Красной Армии. Накануне отправки перед ними выступил А. Койт с призывом не выполнять мобилизационного приказа, а объявить свою мобилизацию, призвать все трудовое население островов Муху и Сааремаа к восстанию, свергнуть буржуазно-помещичий режим и установить на островах власть трудящихся. Восстание началось после единодушного отказа мобилизованных следовать по назначению и попытки этапного коменданта и двух находившихся при нем кайтселийтчиков применить оружие. Все трое были убиты.

В ночь на 17 февраля был составлен и разослан по воло-

стям островов Муху и Сааремаа приказ штаба восставших о мобилизации мужского населения. К утру 17 февраля на острове Муху было около 500 человек восставших, частично вооруженных винтовками и гранатами, брошенными немецкими оккупантами при уходе с островов. В Куйвасту восставшие оставили небольшой отряд для наблюдения и отпора в случае прибытия с материка белогвардейских отрядов. Главные силы с возгласами «Смерть баронам, долой буржуазное правительство!», «Да здравствует власть трудящихся!» начали движение к Курессааре. К утру 18 февраля восстание охватило 15 волостей, народ взял управление ими в свои руки. Было организовано снабжение народного ополчения продуктами, создавались местные органы власти — народные комитеты (советы). Буржуазные деятели и помещики бежали в Курессааре, где начали организовывать свои вооруженные отряды. Силы восставших были значительными, не менее 1000 человек, но вооружение их было слабым. Только овладение городом Курессааре, где имелись значительные запасы оружия, могло бы поправить положение. Но пока восставшие медленно продвигались к Курессааре, к острову Муху из Хаапсалу направились белогвардейские карательные отряды (пехота и кавалерия), вооруженные пулеметами и английским автоматическим оружием. Оставленный на острове Муху слабо вооруженный отряд оказал карателям упорное сопротивление, выдержав 19 февраля несколько боев. Но неравенство сил было огромным, и сражение окончилось поражением восставших. После кровавой расправы на острове Муху белогвардейские отряды двинулись к Курессааре для преследования главных сил восставших. На острове Сааремаа каратели встретили сопротивление в районе Ориссааре, где одна их группа была рассеяна крестьянами. Но подоспевшие на помощь белогвардейцы зверски расправились с ними. В деревне Левола каратели захватили в плен активную участницу восстания Марию Эллам и расстреляли ее после пыток и издевательств.

19—21 февраля восставшие двумя группами (восточной командовал А. Койт, западной — А. Охак), почти полностью окружили Курессааре. Между ними и расположенными в городе белыми начались вооруженные стычки. Однако из-за допущенных промедлений и отсутствия разведки приближавшийся с тыла крупный белогвардейский отряд смог напасть на восставших совершенно неожиданно. Восточная группа оказалась между двумя хорошо вооруженными группировками белых.

Основной бой с карателями произошел в районе деревни Упа (6 км северо-восточнее Курессааре) 21 февраля. Он был ожесточенным и кровопролитным. Мужественно, до последних сил и возможностей бились восставшие, но не смогли устоять

против вооруженных пулеметами и автоматами отборных отрядов карателей. Вскоре поле боя было усеяно убитыми и тяжелоранеными. Карателям удалось захватить штаб восставших и лишить их тем самым возможности оказывать организованное сопротивление. Бой кончился. Каратели разделились на две группы, одна начала обыски в деревне, другая добивала раненых. «Раненых в плен не брать!» — таков был приказ главаря карателей. Но и эти бесчеловечные меры не смогли сломить мужество оставшихся в живых участников революционного восстания, оказавшихся в плену у белогвардейских палачей. В одном из крестьянских домов каратели захватили 18 участников восстания. Все они были расстреляны после отказа признать эстонскую буржуазную республику. Жесточайшим пыткам подвергли каратели бойцов А. Тиху, В. Ряймаука и многих других. От них требовали сведений об организаторах восстания, но они ничего не сказали и предпочли смерть. А. Тиху ответил палачам: «Вам, кровавым собакам, я ничего не скажу».

Вооруженные стычки крестьян с карателями происходили еще в районе деревень Вайвере, Насва и Пярсамаа, но они уже ничего не изменили.

В этих боях восставшие понесли тяжелые потери. Около 140 человек было убито и более 100 попало в плен. Многие из них были также убиты карателями.

Но одной военной победы над восставшими крестьянами белогвардейским палачам показалось мало. С поощрения и по прямым указаниям эстонского буржуазного правительства они начали широкую «усмирительную» кампанию во всем уезде. Два месяца шла жестокая расправа над передовыми борцами островов Сааремаа и Муху. Только по приговорам военно-полевого суда было расстреляно свыше 250 человек, не считая казненных в разное время позднее. После продолжительных пыток был расстрелян А. Койт. Много людей было приговорено к каторге на продолжительные сроки.

Вооруженное восстание на Сааремаа и Муху не могло принести победу трудящимся по многим причинам. Оно началось стихийно и протекало изолированно, потому что на материке Эстонии уже более двух месяцев бушевал террор военной диктатуры буржуазии. Поэтому ни рабочий класс на материке, чьи организации были разгромлены, ни тем более Красная Армия, которая находилась далеко, не смогли оказать помощь восставшим островитянам. На самих же островах не было ни промышленного пролетариата, ни коммунистической организации, которые могли бы возглавить стихийно возникшее народное восстание. Но знаменательным было то, что восставшие в течение двух-трех дней создали революционную армию трудящихся, прогнали помещиков и почти на всей терри-

тории уезда захватили власть в свои руки. Это было подлинно народное восстание против угнетателей, против помещиков и буржуазии.

Оценивая события на островах Сааремаа и Муху, В. Кингисепп писал: «... Словно в сказке, в одну ночь восставшие создали красное войско до 1000 человек — оно двинулось с трех сторон на Курессааре и вело с сааремааскими белогвардейцами настоящие бои. Приговоры военно-полевого суда, сообщившие о расстреле командиров красных рот и взводов, свидетельствуют, что у восставших было организовано по крайней мере 11 рот, штаб и главный штаб.

И такое грандиозное вооруженное восстание белогвардейская сволочь окрестила мятежом! Не мятеж это был, а взрыв революции трудящихся... То была героическая борьба. Но она была обречена на неудачу. Трудящиеся на материке были уже покорены. Мы не могли прийти на помощь восставшим островитянам»[162].

Восстание трудящихся островов, несмотря на его поражение, имело большое значение. Оно взбудоражило широкие массы безземельных и малоземельных крестьян на материке Эстонии, которые тоже были возмущены засильем немецких помещиков и эстонских белогвардейцев. Сведения об этих событиях, несмотря на усиленную военную цензуру, проникали в солдатские массы на фронте, что вызвало тревогу и смятение в эстонских буржуазных кругах. Но как всегда, буржуазия применила политику лавирования, обмана. Чтобы успокоить массы безземельных и малоземельных крестьян и солдат на фронте, эстонское буржуазное временное правительство объявило часть имений — так называемые «рыцарские поместья» — государственной собственностью, а верные пособники буржуазии — меньшевики (сотсы) посулили даже превратить Эстонию в «трудовую республику» с безвозмездным отчуждением помещичьих земель и разделом их между крестьянами.

Операции Красной Армии в южной Эстонии в апреле—мае 1919 года

В конце марта командующий Эстляндской армией М. Васильев и начальник штаба армии А. Корк обследовали части Ямбургской группы войск с целью подготовки активных наступательных действий. Имелись данные, что противник, пользуясь пассивностью Северной группы советских войск, перебрасывает свои части против Псковской и Мариенбургской

[162] В. Кингисепп. Под игом независимости. Таллин, 1955, стр. 80—82.

групп войск Красной Армии. Обследование показало, что состояние Ямбургской группы войск исключает возможность наступления, так как части 6-й стрелковой дивизии понесли большие потери в бою 26 марта под деревней Темница. Командующий Эстляндской армией в своем донесении указывал, что на нарвском участке фронта создалась угроза занятия противником линии река Луга—Ямбург—Гдов. В связи с этим он считал необходимым направить на этот участок фронта пополнения числом не менее трех тысяч штыков [163].

На 5 апреля 1919 года общая протяженность фронта Эстляндской армии достигала 280 километров. Фронт этот, начиная от устья реки Луги и кончая правым флангом армии Советской Латвии, был разделен на три участка.

Нарвский участок — от устья реки Луги до истока реки Нарвы (у северо-восточной оконечности Чудского озера)— 90 километров.

Озерный участок — вдоль восточного берега Чудского и Псковского озер — 150 километров.

Псковский участок — от южной оконечности Псковского озера до населенного пункта Железова — 40 километров.

Силы Красной Армии на нарвском участке составляли около 5000 штыков при 12 легких и 6 тяжелых орудиях и 83 пулеметах.

Силы противника на нарвском участке вместе с ближайшими резервами достигали 8000 штыков при 20 легких и 11 тяжелых орудиях.

На озерном участке силы Красной Армии составляли около 1500 штыков при 41 орудии. У противника на этом участке было около 900 штыков, 4 легких орудия, 18 пулеметов.

На псковском участке в распоряжении Красной Армии было около 10 000 штыков, 23 легких и 4 тяжелых орудия, два бронепоезда, из них один поврежденный (№ 11). Противник имел не менее 8000 штыков, 3 бронепоезда и превосходство в артиллерии и пулеметном вооружении [164].

Сопоставление численности войск Красной Армии и сил белых показало, что лишь на нарвском участке перевес был на стороне неприятеля. На остальных участках численный перевес в людских силах был на стороне Красной Армии.

Однако учитывая трудности зимней кампании, недостаточное снабжение войск и чрезмерное переутомление людей, не выходивших из непрерывных боев с середины февраля, командование Эстляндской армии не нашло возможным немедленно начать наступление на нарвском и озерном участках. Придавая главное значение наступательным действиям

---

[163] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 12, л. 68; д. 14, лл. 13—15.
[164] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 14, лл. 17—19.

на псковском и мариенбургском участках фронта, командования VII и Эстляндской армий решили приступить к подготовке общей операции на этих участках в середине апреля. До этого войска Псковской и Мариенбургской групп перешли к обороне. Для перехода в общее наступление необходимо было провести также ряд мероприятий по усилению и перегруппировке частей на псковском и мариенбургском участках.

Ввиду чрезмерной протяженности фронта Эстляндской армии и необходимости сосредоточения главного внимания на участках Псковской и Мариенбургской групп, войска нарвского участка были изъяты из состава Эстляндской армии и переданы обратно в состав VII армии. Теперь вместо 6-й стрелковой дивизии в состав Эстляндской армии вошли части 11-й стрелковой дивизии, образовавшие вместе с некоторыми другими частями Южную или Мариенбургскую группу войск Эстляндской армии. Части армии Советской Латвии, за исключением двух полков (6-го и 13-го), оставшихся пока на мариенбургском участке, были сосредоточены на вольмарском участке. В составе Мариенбургской группы остался и 5-й эстонский полк.

В оперативное подчинение Эстляндской армии входили еще некоторые части 1-й и 19-й стрелковых дивизий, прибывшие для усиления псковского участка фронта, и Чудская флотилия. В распоряжении командования Эстляндской армии находились также два авиационных отряда (20-й и 31-й), два бронепоезда, некоторые артиллерийские подразделения из других соединений и оставшиеся на этом участке фронта 48-й и 49-й полки 6-й стрелковой дивизии.

10 апреля 1919 года М. Н. Васильев на основании директивы командующего Западным фронтом № 2328 принял на себя оперативное руководство Эстляндской армией, в которую входили Псковская группа под общим командованием начальника 10-й стрелковой дивизии Кеппена и Мариенбургская группа под общим командованием начальника 11-й стрелковой дивизии Скоробогача [165]. Части Эстонской дивизии на псковском участке перешли в непосредственное оперативное подчинение начальника 10-й дивизии как начальника псковского боевого участка, а 5-й эстонский полк, находящийся на мариенбургском участке фронта — в оперативное подчинение начальника 11-й дивизии как начальника мариенбургского боевого участка Эстляндской армии.

Разграничительные линии между Эстляндской и другими армиями были установлены: с VII армией — Гдов—Луга—Новгород—Валдай; с армией Советской Латвии — Валга—Альт-Шваненбург (Гулбене)—Пыталово—Холм [166].

[165] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 26, л. 211.
[166] Там же, ф. 243, оп. 1, д. 27, л. 67.

В первой половине апреля 1919 года войска Псковской и Мариенбургской групп Эстляндской армии, а также войска Вольмарской группы армии Советской Латвии готовились к новому общему наступлению.

К этому времени Эстонская дивизия в составе пяти стрелковых полков, кавалерийского полка, четырех артиллерийских батарей и технических подразделений стала хорошо организованным боевым соединением Красной Армии. Кадры командного состава значительно укрепились за счет новых красных командиров, окончивших советские командные курсы. Выпускники курсов становились преимущественно командирами взводов, командирами рот и их помощниками, т. е. непосредственными организаторами и воспитателями бойцов. Политико-моральное состояние всего личного состава дивизии было хорошим. Несмотря на усталость от непрерывных боев, все были полны решимости разбить врага и освободить свою родину от белогвардейцев.

Накапливал силы и противник. Путем повторных мобилизаций белоэстонскому командованию удалось создать ряд новых полков. Часть войск (5-й пехотный полк, кавалерийский полк и др.) была переброшена из северной Эстонии и из-под Нарвы на южный участок фронта. Усиливался приток добровольцев из Финляндии, Швеции и Дании. На территории Эстонии в спешном порядке из русских белогвардейцев формировалась «Северо-западная армия», которую эстонское буржуазное правительство и правительства иностранных империалистических государств снабжали оружием и всем необходимым, готовя ее для похода против Советской России.

Перед апрельским общим наступлением Эстляндской армии на псковском участке фронта от деревни Зимний Борок (юго-западная оконечность Псковского озера) и до деревни Давыдов Конец (8 км юго-восточнее Печор) располагались: 5-й стрелковый полк, 1-й, 2-й и 3-й эстонские коммунистические стрелковые полки, Эстонский кавалерийский полк и все эстонские артиллерийские батареи. Далее к югу и до правого фланга Мариенбургской группы на передовой линии фронта находились 165-й полк 19-й стрелковой дивизии, 1-й, 3-й и 7-й полки 1-й стрелковой дивизии. В резерве в районе Изборска были 86-й и 87-й полки 10-й стрелковой дивизии.

Войска Мариенбургской группы Эстляндской армии занимали линию фронта: станция Мынисте (левый фланг) — Вастсе-Рооза — Скултаны — мыза Ветслайтсен — Кыргессааре — Сохина — Аполихина — Карпова (правый фланг). На этой линии были расположены: 6-й и 13-й латышские полки (левый боевой участок), 91-й, 92-й и 93-й полки 11-й стрелковой дивизии, кавалерийский дивизион и заградительный отряд той же дивизии и заградительный отряд Западного фронта (сред-

Группа ветеранов 3-го Тартуского эстонского коммунистического стрелкового полка (снимок 1961 года). Слева направо: М. Тийдерман, А. Прессман, Р. Маяк, А. Васък, И. Гольдберг (Кипасто), М. Ридман, М. Холъм

ний боевой участок), 5-й эстонский полк, 48-й и 49-й полки 6-й стрелковой дивизии и 83-й полк 10-й стрелковой дивизии (правый боевой участок). (Схема № 4.) Войска Мариенбургской группы вместе с резервами насчитывали 6850 штыков, 346 сабель, 36 орудий, 145 пулеметов. Артиллерия была сосредоточена главным образом на среднем боевом участке.

Оперативный приказ командующего Эстляндской армией предусматривал выход частей армии на железнодорожную магистраль Рига—Псков между станциями Антсла—Печоры и овладение городом Выру и Печорами. После выполнения этой задачи армия должна была развить дальнейшее энергичное наступление на Тарту.

Главный удар должны были нанести войска Мариенбургской группы, занимавшие более выгодное для решения общей задачи положение, так как удар по Выру и в тыл псковской группировки белых неизбежно вынудил бы противника к общему отходу.

С целью отвлечь внимание неприятеля от направления главного удара, войска Псковской группы Эстляндской армии должны были начать активные наступательные действия несколько раньше общего наступления войск Мариенбургской группы.

12 апреля войска Псковской группы перешли в наступление, но частичный успех был достигнут только на участках 1-го и 2-го эстонских полков в центре псковского боевого участка. 2-й эстонский полк после упорного боя сломил сопротивление противника и занял деревни Подлесье, Митковицы и Загорье (7 км восточнее Печор), выбив оттуда белоэстонцев и прибывших к ним на помощь шведских наймитов. При занятии Подлесья было захвачено 3 пулемета, много винтовок и патронов. Однако дальнейшие действия оказались безрезультатными. Бои, которые 1-й и 2-й эстонские полки в течение нескольких дней вели в этом районе, а также возле деревень Вашина Гора, Порканова, Давыдов Конец и некоторых других, не изменили общей линии фронта. Вперед не продвинулись и левофланговые части Псковской группы в районе шоссе Псков—Рига и южнее. Вскоре противнику удалось оттеснить расположенные в районе деревень Паниковичи, Богомолова и Козина 1-й, 3-й и 7-й стрелковые полки.

17 апреля войска Мариенбургской группы начали наступление на левом и среднем боевых участках. 18 апреля двинулись в бой части правого участка, а также резервные части — 92-й полк и два заградительных отряда. Еще до начала общей операции 5-му эстонскому полку было поручено разведать боем силы противника в центре правого боевого участка. Выполняя поставленную задачу, подразделения полка 14 апреля выбили неприятеля из деревни Сохина и нанесли ему значительный урон.

Наступление войск Мариенбургской группы развивалось успешно, особенно на среднем боевом участке, где 91-й, 92-й и 93-й полки 11-й стрелковой дивизии после трехдневных упорных боев продвинулись вперед на 5—8 километров.

19 апреля противник, получив свежие силы из резерва, перешел на псковском участке фронта в контрнаступление и вынудил 1-й и 2-й эстонские полки оставить занятые ранее деревни Митковицы, Загорье, Порканова и Калкутина (Калкуны). В этом районе вновь разгорелись ожесточенные бои, и дальнейшее продвижение противника было приостановлено. 20 апреля командующий Эстляндской армией М. Васильев, ввиду значительных потерь в 1-м и 2-м эстонских полках, приказал прекратить дальнейшие атаки на среднем боевом участке Псковской группы и двигать вперед левый фланг группы, получивший задачу выйти на линию Паниковичи — Богомолова, оставленную ранее 1-м, 3-м и 7-м стрелковыми полками. На помощь левофланговым частям Псковской группы были направлены 83-й полк, первый батальон 5-го эстонского полка из состава Мариенбургской группы и 165-й полк Псковской группы. После почти двухдневных боев положение левофланговых частей Псковской группы было восста-

новлено. Села Паниковичи, Богомолова и ряд других населенных пунктов были очищены от противника.

В продолжение 8 дней части Мариенбургской группы с упорными боями продвигались вперед. В этих боях прекрасно действовали части 1-й бригады 11-й стрелковой дивизии и посланные на средний боевой участок два батальона 5-го эстонского полка. К 23 апреля эти части вышли на линию населенных пунктов Вастсе-Нурси — Вана-Нурси — Вана-Казаритса и приблизились к городу Выру. Отдельные группы бойцов дважды прорывались к железнодорожной станции Выру, но не смогли ее занять из-за сильного огня противника. Некоторый успех имели и правофланговые части Мариенбургской группы, которые продвинулись вперед примерно на 15 километров. Медленнее развивалось наступление левофланговых частей — 6-го и 13-го латышских полков, — против которых белые сосредоточили крупные силы — не менее трех пехотных полков, поддержанных кавалерийским полком, артиллерией и бронепоездами (на узкоколейной железной дороге Валга — Мариенбург). 22 апреля эта сильная группировка противника перешла в наступление на станцию и мызу Мынисте, заняла их и продолжала двигаться к Мариенбургу. Создавшийся на левом фланге прорыв и резервы, введенные белоэстонским командованием в бой южнее Выру, вынудили к постепенному отходу и части среднего боевого участка Мариенбургской группы.

Прорыв противника на участке 6-го и 13-го латышских полков был вскоре ликвидирован при помощи правофланговых частей Вольмарской группы армии Советской Латвии, которые восстановили там прежнее положение. Но инициатива на среднем боевом участке Мариенбургской группы была упущена. Части группы отошли на 9—10 километров.

В этих боях батальоны 5-го эстонского полка в случае опасности неоднократно направлялись на помощь соседним частям. 20—21 апреля 1-й батальон полка поддержал левофланговые части Псковской группы южнее Паниковичей. Когда 23 апреля 6-й латышский полк был оттеснен противником в районе мызы Мынисте, туда был послан 2-й батальон 5-го эстонского полка, который помог восстановить положение — очистить от противника населенные пункты Страдде и Тундо, а затем и мызу Мынисте. 26 апреля противник окружил 2-й батальон 91-го полка в районе мызы Хаанья. На выручку ему были двинуты 1-й и 3-й батальоны 5-го эстонского полка, которые помогли батальону 91-го полка выйти из кольца окружения [167].

[167] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 14, лл. 17—19; д. 12, лл. 85, 92; д. 27, лл. 76, 102; ф. 190, оп. 3, д. 57, лл. 34—35, 39, 51, 68, 70, 71, 85—86, 95—96, 113, 116, 117, 122, 132—133, 144—145, 151, 159.

На псковском участке фронта в дни наступления войск Мариенбургской группы особых изменений не было. Противник не проявлял там активности, происходили лишь небольшие стычки и поиски разведчиков с обеих сторон. Одна из разведывательных групп противника была рассеяна при встрече с разведчиками 2-го эстонского полка, применившими ручные гранаты.

25 апреля на псковский участок фронта после окончания формирования в Луге прибыл 6-й эстонский полк, который занял боевой участок севернее железной дороги. 27 апреля полк вел атаки на деревни Горушки и Лесги, но был отбит и понес потери.

29 апреля части Эстляндской армии вновь перешли в общее наступление по всему фронту. На участке Мариенбургской группы оно развивалось успешно. В середине мая линия фронта снова приблизилась к Выру. Отлично действовал прибывший 5 мая на Вырускоe направление отряд эстонских красных курсантов, в котором было всего 84 человека. Начав наступление с линии деревень Вилла и Пресси, отряд 10 мая занял мызу Хаанья, деревни Лутика, Кюльма и Кокемяэ, а 12 мая — населенные пункты Тсолли, Меллаку, Ундсали (Утсали), Тсеа и подошел к Муна и Тольга (последний пункт в 5 км южнее Выру). Успешно действовали в центре Мариенбургской группы части 1-й бригады 11-й стрелковой дивизии. Эстонский кавалерийский полк (был передвинут с псковского на мариенбургский участок в двадцатых числах апреля) совершил несколько рейдов в тыл противника. Один из таких рейдов был совершен в первых числах мая в район мызы Хаанья. Полк разбил там значительный конный отряд балтийских баронов и захватил 20 лошадей.

Упорные бои начались и на псковском участке фронта. 29 апреля 3-й эстонский полк занял деревню Вашину Гору, а 2-й эстонский полк — деревни Загорье и Митковицы, но развить наступление они не смогли. 7 мая части Псковской группы вновь начали наступление, но оно также не дало результатов, части понесли значительные потери. 1-й эстонский полк 9 мая занял деревни Большие Березняки, Бобково, Лебеды, Затрубье и Порканова, но уже на следующий день, после сильных контратак противника, вынужден был оставить их (схема № 4). В левофланговых частях Псковской группы в период боев в апреле и первой половине мая отмечалась неустойчивость, особенно в 1-м и 7-м стрелковых полках. Во второй половине апреля эти полки и частично 3-й стрелковый полк под небольшим нажимом противника в районе Паниковичей в беспорядке отошли. Положение там было восстановлено только с помощью других частей. 24 апреля подразделения 1-го стрелкового полка вновь оставили Паниковичи и

Поддубье, часть людей попала в плен, часть разбежалась. Положение в этом районе вновь пришлось восстанавливать силами 86-го полка 10-й стрелковой дивизии. В 7-м стрелковом полку 2-я и 3-я роты 8 мая отказались перейти в наступление, ссылаясь на утомление [168]. Это отрицательно сказалось и на успехе других частей Псковской группы войск.

В этих и предыдущих длительных боях части Красной Армии нанесли противнику ряд чувствительных ударов. Это вызвало рост антивоенных настроений среди белоэстонских солдат, основная масса которых состояла из трудящихся. Только посредством лжи, обмана и жестокой расправы с недовольными солдат заставляли воевать против своих братьев, сражающихся в Красной Армии. В некоторых частях белоэстонской армии военная секция ЦК Компартии Эстонии уже в апреле 1919 года создала коммунистические ячейки. В результате воздействия коммунистов солдаты отказывались идти в бой против советских войск, не повиновались офицерам. 22 марта 4-я рота 7-го пехотного полка по призыву солдата Э. Плекснера в полном составе отказалась выступить против красных войск. Под влиянием разъяснительной работы солдат П. Кяуссаара, Н. Таннбаума и И. Мянниксаара 78 солдат 2-й роты 4-го белоэстонского пехотного полка не пошли в атаку на позиции частей Красной Армии у деревни Карлова [169]. На выруском и на некоторых других участках фронта в южной Эстонии в апреле и мае участились случаи перехода на сторону Красной Армии или добровольной сдачи в плен уже не только одиночек, но и целых групп солдат белоэстонских частей, иногда даже вместе с офицерами. 1 мая белоэстонцы на участке одного из подразделений 2-го эстонского коммунистического полка в районе деревни Давыдов Конец выставили красный флаг с лозунгом «Пора кончить братоубийственную войну». С этим флагом к позициям красных войск приблизилась группа солдат 7-го пехотного полка. Они заявили, что не хотят больше воевать, что война скоро будет прекращена Учредительным собранием, в котором преобладают социалисты и которое не собирается признавать буржуазное правительство Пятса и Поска, а установит в Эстонии такую же власть, как и в России [170]. Началось братание. Солдаты не сразу послушались прибывшего за ними белого офицера, но все же дали увести себя обратно на позиции. 2-го мая произошла подобная же история. Белоэстонские солдаты предлагали открыть огонь по деревне Смольники, где находился

[168] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 53, лл. 59—61, 87, 92, 117, 123, 128, 135, 137, 139.

[169] Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Таллин, 1961, стр. 383.

[170] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 32, лл. 14, 21—23.

Куперьяновский батальон белых, который, по словам солдат, был против прекращения войны. Под деревней Подлесье на сторону красных войск перешли двое белоэстонских солдат, которые принесли с собой автомат «Льюйс» [171].

Реввоенсовет Эстляндской армии издал 14 мая приказ по частям армии, который строжайше запрещал применять какое-либо насилие к перебежчикам, пленным солдатам и офицерам. Было приказано доставлять их в ближайшие штабы для дальнейшего направления в штаб Эстляндской армии [172].

В этот же период в результате активизации деятельности эстонских подпольных коммунистических организаций усилилось революционное движение эстонского пролетариата, особенно в Таллине. С 1 по 15 мая в Таллине происходила забастовка печатников, прекратившая выход буржуазных газет и даже печатание денежных знаков. В городе распространялась только нелегальная газета «Коммунист». 12—14 мая в Таллине бастовали рабочие всех крупнейших предприятий: «Двигателя», Балтийской мануфактуры, целлюлозной фабрики, заводов Ноблесснера, Крулля и других.

Но положение на нарвском участке фронта VII армии стало ухудшаться, что сразу же отрицательно сказалось на фронтах Эстляндской армии и армии Советской Латвии. Петрограду стали угрожать белогвардейские полчища генерала Родзянко, поддержанные английской эскадрой с Финского залива.

13 мая русский белогвардейский Северный корпус и 1-я белоэстонская пехотная дивизия, общей численностью более 10 000 штыков и 1100 сабель, поддержанные 70 английскими боевыми кораблями с Финского залива и двумя бронепоездами и 40 орудиями с суши, перешли в наступление на Петроград. Перевес сил противника был огромным (10 000 штыков против 3000 штыков советских войск на нарвском участке фронта), и части VII советской армии начали отход. Еще до начала общего наступления в тыл частей VII армии проник переодетый в красноармейскую форму отряд белых, который разгромил штаб 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии, захватил батарею и мост через реку Плюссу. Белые захватили в плен командира бригады, бывшего генерал-майора старой армии А. П. Николаева, который после категорического отказа перейти на службу к белым был публично казнен в городе Ямбурге. Вот последние слова этого мужественного человека и преданного Советской власти командира, обращенные к белогвардейским палачам: «Вы отнимаете у меня жизнь, но вы не отнимете у меня веры в грядущее счастье людей» [173].

---

[171] Воспоминания К. Кангера.

[172] ЦГАСА, ф. 1010, оп. 1, д. 19, л. 11.

[173] История гражданской войны в СССР. 1959, т. IV, стр. 153—154; БСЭ, т. 30, стр. 1.

15 мая крупный отряд Булак-Балаховича, численностью около 2000 штыков и 500 сабель, поддержанный артиллерией, захватил город Гдов, который оборонял малочисленный 163-й полк 19-й стрелковой дивизии. Из Гдова противник стал наступать на Псков и на станцию Струги Белые (Струги Красные) с целью перерезать железную дорогу между Псковом и Лугой. По замыслу белогвардейского командования овладение Псковом и дальнейшее вторжение в глубь советской территории должно было осуществляться совместными действиями Булак-Балаховича и 2-й белоэстонской пехотной дивизии. Эстонская буржуазия и ее правительство, которые с целью обмана народа и солдат утверждали, что они ведут только оборонительную войну, войну за сохранение территориальной целостности Эстонии, теперь открыто признавали себя союзниками и пособниками иностранных интервентов и русских монархистов в борьбе за свержение Советской власти в России.

В связи с тем, что создалась серьезная угроза Петрограду, советское командование было вынуждено перебросить на этот основной теперь участок Западного фронта ряд частей Красной Армии с других участков фронта.

В телеграмме командующего войсками Западного фронта № 03022 от 15 мая на имя командующего Эстляндской армией сообщалось:

«Под Ямбургом положение ухудшается зпт по донесению начдива 6 передовые части противника на рассвете 15 мая заняли Поречье и Горки зпт остатки 67 и 53 полков отходят к станции Веймарн тчк 7 армия приняла со своей стороны все меры ликвидации прорыва зпт но необходимо содействие Эстляндской армии тчк Ввиду изложенного приказываю принять срочные меры направлению намеченных 7 армию частей тчк За Комзап Доможиров Член Реввоенсовета Стригге»[174].

С псковского и мариенбургского участков фронта Эстляндской армии были сняты и отправлены на нарвский и гдовский участки фронта VII армии следующие части: 84-й, 88-й, 89-й и 90-й полки 10-й стрелковой дивизии, полки бывшей Новгородской дивизии, 1-й, 5-й и 7-й полки 1-й стрелковой дивизии, 49-й полк 6-й стрелковой дивизии, отряды красных курсантов (прибыли на мариенбургский участок фронта в конце апреля и начале мая), несколько батарей артиллерии, заградительный отряд 11-й стрелковой дивизии и заградительный отряд Западного фронта. Еще раньше были отозваны все кавалерийские части. Из них командование Западным фронтом намечало сформировать конный корпус для борьбы с конницей противника на белорусско-литовском участке фронта, но в

[174] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 13, л. 41.

связи с ухудшением положения на нарвском и гдовском участках эти кавалерийские части были направлены в район Струги Белые — Луга.

Теперь части Псковской и Мариенбургской групп Эстляндской армии могли вести только оборонительные бои. 16 мая командующий Эстляндской армией приказал начальнику Мариенбургской группы войск приостановить дальнейшее наступление на Выру, срочно отправить по назначению требуемые от него части и перейти с оставшимися частями к обороне. После соответствующей перегруппировки части псковского и мариенбургского участков фронта Эстляндской армии, вытянутые в редкую линию и почти лишенные резервов, располагались следующим образом:

Псковская группа

3-й эстонский полк — Литовичи (юго-западная оконечность Псковского озера) — Лесги (правый фланг).

2-й эстонский полк — Лести — Митковицы.

1-й эстонский полк — Митковицы — Рачева.

85-й стрелковый полк — Рачева — Поталова.

86-й стрелковый полк — Поталова — Козина.

87-й стрелковый полк — Козина — Наталкина (левый фланг).

В ближайшем резерве находились: 6-й эстонский полк в районе Луки—Моглино, 3-й стрелковый полк на линии деревень Мурзина—Мижуги—Ледище (6 км восточнее Изборска) и 48-й стрелковый полк в Изборске. Все эти полки были крайне малочисленными, а в 3-м стрелковом полку в ходе апрельских боев отмечалась неустойчивость.

Мариенбургская группа

83-й полк 10-й стрелковой дивизии и 165-й полк 19-й стрелковой дивизии — Наталкино — Тийлике — Тика (правый фланг).

91-й, 92-й и 93-й полки 11-й стрелковой дивизии — Пынни—Салузе—Хаанья—Вийтина—Кыргепалу.

97-й полк 11-й дивизии и 5-й эстонский полк занимали фронт к югу от Кыргепалу по реке Мустйыги и линии Варсту—мыза Мынисте—Тундо (левый фланг). (Схема № 4.)

Резервов на мариенбургском участке не осталось.

Части чудского участка, усиленные за счет частей Псковской группы (7-й, 84-й полки и некоторые другие) 15 мая перешли в наступление против Балаховича [175].

---

[175] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 53, лл. 53, 166, 170; ф. 243, оп. 1, д. 13, лл. 34, 48, 56, 57, 60, 70, 72; ф. 315, оп. 1, д. 19, лл. 1—3.

Измена на псковском участке фронта. Падение Пскова

Теперь задача заключалась в том, чтобы сдержать противника на мариенбургском и псковском участках фронта до улучшения положения на Петроградском фронте. Части перешли к обороне. Если на мариенбургском участке происходили еще незначительные бои и противник продолжал проявлять активность, то на псковском участке фронта наступило затишье и только изредка то в одном, то в другом месте возникала незначительная перестрелка. Но вскоре произошло событие, которое в сильнейшей степени благоприятствовало осуществлению дальнейших планов белоэстонского командования.

Пользуясь спокойной обстановкой и продолжавшимися встречами белых солдат с бойцами эстонских частей Красной Армии, с белоэстонским командованием стал встречаться и начальник Эстонской дивизии Ритт. Он не скрывал этого, выдавая свои переговоры с белыми за полезные для советского командования. Смысл их по его заверениям заключался в том, чтобы добиться перемирия. На самом деле он замышлял измену. Ритт трижды встретился с представителями белоэстонского командования. Утром 23 мая в дивизию прибыла комиссия Реввоенсовета Эстляндской армии, чтобы произвести расследование, но Ритт уклонился от явки в комиссию, а в ночь на 24 мая перешел к белым. Вместе с ним к врагу перешли командир 1-й бригады Эстонской дивизии А. Айнтс, начальник штаба той же бригады Маазик, командир 1-го эстонского полка Б. Хансон, командир 1-го батальона того же полка Карпа, командиры подразделений А. Бауман, И. Эвель и некоторые другие.

Как выяснилось позднее, Ритт еще 19 мая отправил через линию фронта на имя командира 7-го белоэстонского полка секретное письмо, в котором просил предоставить ему возможность встретиться с заместителем командующего частями Южного фронта белоэстонской армии. В этом письме Ритт сообщил, что ему необходимо переговорить с белыми по вопросу заключения перемирия с таким расчетом, чтобы город Псков со всем сосредоточенным в нем имуществом, вся артиллерия, все бронепоезда и обозы частей Красной Армии достались белоэстонцам. Во время встреч с представителями белоэстонского командования Ритт сообщил им точные сведения о силах частей Красной Армии и их боевом расположении на псковском участке фронта. Противник получил возможность сосредоточить в центре псковского участка крупные силы для прорыва фронта в наиболее выгодном месте, чтобы начать общее наступление с целью захвата Пскова. Белоэстонское

командование рассчитывало также отрезать пути отхода Псковской группы советских войск и разгромить ее.

Ритт был связан также с командиром приданного Эстонской дивизии 20-го авиационного отряда Г. Карловым, которого он назначил 3 мая на эту должность вместо прежнего командира Григоровича. По сговору с Риттом Карлов должен был перебазировать свой отряд из района станции Карамышево в район станции Моглино и сдать его белым, когда они будут наступать на Псков. Карлов не успел осуществить этот план. Он был арестован, но ему удалось бежать и скрыться от следствия и суда. Ритт и другие изменники были признаны врагами трудящихся и объявлены вне закона.

Предательство Ритта и других лиц, ушедших к белым, стало возможным только потому, что Реввоенсовет Эстляндской армии и ответственные политические работники Эстонской дивизии не проявили должной бдительности. 22 мая командир 2-го эстонского полка К. Кангер задержал Ритта при возвращении от белых, но комиссар 1-й бригады Эстонской дивизии А. Алькрат заявил, что он полностью доверяет Ритту, и отпустил его.

24 мая, еще до рассвета, противник прорвал фронт на участке 1-го Таллинского эстонского полка. Часть людей вследствие измены в полку и внезапности удара была захвачена в плен. Под нажимом крупных сил белых подразделения полка вынуждены были отступить, тем более, что некоторые из них остались после измены командиров без руководства.

Продвинувшись к местечку Изборск и рассеяв находившийся там на отдыхе 48-й стрелковый полк слабого состава, противник при поддержке двух бронемашин развил наступление на станцию Изборск, захват которой создал бы серьезную угрозу 2-му эстонскому полку, расположенному на позициях западнее станции. Во избежание занятия противником станции Изборск из 2-го эстонского полка в район северо-восточнее местечка Изборск были срочно передвинуты некоторые подразделения и 4-я эстонская батарея под командованием Х. Туммельтау. Метким огнем этой батареи и дерзким ударом во фланг противнику команды конных разведчиков 2-го эстонского полка под командованием А. Весмана белые были отброшены. Основные силы 2-го эстонского полка продолжали сдерживать неприятеля, наступавшего из района Вашиной Горы. Героическое сопротивление противнику оказала 24 мая группа бойцов 2-й роты 2-го эстонского полка под командованием командира взвода Ф. Сарнитса. Усиленная двумя станковыми пулеметами группа имела задание помешать противнику исправить поврежденный железнодорожный мост на реке Обтек, восстановление которого позволило бы белым

Х. Туммельтау

ввести в действие свои бронепоезда. В продолжение нескольких часов отважные бойцы этой немногочисленной группы отбивали все атаки противника.

Во второй половине дня противник крупными силами перешел в общее наступление на Псков, вынудив 2-й и 3-й эстонские полки к отходу. Расположенный в резерве в районе деревень Мижути и Ледище 3-й стрелковый полк был почти полностью захвачен в плен. Остатки полка были сняты с фронта и отправлены в тыл в деревню Малые Радежы [176].

К вечеру 24 мая части правого и среднего боевых участков Псковской группы — 3-й эстонский полк, 6-й эстонский полк, 48-й стрелковый полк, два батальона 5-го стрелкового полка и 2-й эстонский полк — занимали линию фронта от деревни Дворец (правый фланг) и далее к югу по линии дере-

[176] ЦГАСА, ф. 1010, оп. 1, д. 3, л. 108; д. 8, л. 1. В оперативных донесениях штаба Эстляндской армии говорится, что 3-й стрелковый полк сдался противнику 24 марта под Псковом. Помощник командующего VII армией А. Корк предложил исключить этот полк из списков с 24 мая 1919 г., как сдавшийся противнику, и передать остаток людей во 2-й эстонский полк.

вень Булаева — Паники — Сивцово — Боярщина — Зикаева — Снигирева — Большая Барановка — и до реки Великой южнее Пскова (все пункты от 6 до 8 км западнее и юго-западнее Пскова).

На этой линии, казалось, была еще возможность приостановить наступление противника, не проявлявшего пока особой активности. Но сделать это не удалось ввиду отсутствия единого командования на псковском боевом участке. Техническая связь со штабами Эстляндской армии, Эстонской дивизии и 10-й стрелковой дивизии (все они находились в Пскове) отсутствовала, и координацией действий частей никто не руководил. Каждый командир действовал по своему усмотрению, сообразно с обстановкой на своем участке. При таком положении невозможно было предпринять что-либо реальное для организованного сопротивления и восстановления линии фронта.

Днем 25 мая оборонявшие район станции Моглино два батальона 5-го стрелкового полка и 48-й стрелковый полк, попавшие под обстрел бронемашины противника, оставили фронт на участке Кузнецова — Зикаева и отошли в Псков, обнажив фланги соседних 2-го и 3-го эстонских полков. Прорыв становился все глубже, и это вынудило оба названных полка к отходу. 6-й эстонский полк, в котором было не более 200 штыков, к 18 часам 25 мая занимал позиции на шоссе Псков — Рига в 4 километрах юго-западнее Пскова, но после короткого боя отошел под сильным нажимом противника (схема № 5).

К вечеру 25 мая противник занял левобережную часть Пскова (Завеличье), а 26 мая Псков был полностью оставлен советскими войсками. К этому времени большинство частей переправилось на правый берег реки Великой южнее Пскова, а 3-й эстонский полк, которому противник отрезал пути отхода к Пскову, переправился через Великую западнее Пскова. Левофланговые части псковской группы войск Эстляндской армии — 85-й, 86-й и 87-й полки 10-й стрелковой дивизии, находившиеся в большой отдаленности от штаба дивизии, 24 мая были переданы распоряжением штаба Эстляндской армии в распоряжение начальника 11-й стрелковой дивизии Эстляндской армии для поддержки правофланговых частей Мариенбургской группы войск. Однако установить с ними связь не удалось, полки эти отошли, и только 27 мая, уже на правом берегу реки Великой, начальник 11-й дивизии подчинил себе 85-й полк; остальные два полка (86-й и 87-й) отошли еще дальше [177].

На Псковском направлении против частей Эстонской диви-

[177] ЦГАСА, ф. 243, оп. 1, д. 3, л. 183.

зии белые сосредоточили около 3000 штыков (5-й и 7-й пехотные полки, батальон скаутов, батальон «Калеви Малева», Куперьяновский батальон, десантные группы бронепоездов и др.), три бронепоезда, три бронемашины. Эстонская дивизия имела на участке фронта от южной оконечности Псковского озера до деревни Рачева (ширина фронта 25 километров) три полка на передовой линии и один малочисленный (6-й эстонский) полк в резерве. Общая численность их составляла около 2200 штыков. Таким образом, перевес в людских силах, а также в технических средствах был на стороне противника (127 пулеметов против 62, 3 бронепоезда против 1, а соотношение по бронемашинам было 3:0).

Прорывом на Псков белогвардейское командование рассчитывало уничтожить красную Эстонскую дивизию, отрезав ей пути к отходу. Но планы белогвардейцев потерпели крах. Несмотря на тяжелую обстановку на участках 2-го и 3-го эстонских полков, боеспособность этих частей была полностью сохранена благодаря умелым действиям всего командного состава. Отступая с боями, полки нанесли значительный урон противнику. Отлично действовали также эстонские артиллеристы. Исключительное мужество и неустрашимость проявили 2-я и 4-я эстонские батареи на главном направлении удара противника.

В этих боях 2-й и 3-й эстонские полки особых потерь не имели. Без потери материальной части отошла и артиллерия Эстонской дивизии. Более других пострадал лишь 1-й эстонский полк, в котором произошла измена. Ему пришлось также первым принять на себя внезапный удар крупных сил противника.

Отсутствие технической связи с частями привело к тому, что командование и оперативный штаб Эстляндской армии не знали в течение 24 и 25 мая, после прорыва противником фронта, действительного положения дел и вынуждены были пользоваться случайными, часто неправдоподобными сведениями. Например, 24 мая штаб Эстляндской армии в оперативной сводке неправильно сообщил, что вместе с Риттом к противнику перешел весь 1-й эстонский полк и командный состав 2-го эстонского полка. Вскоре выяснилось, что из состава 1-го эстонского полка было захвачено в плен около 300 человек — почти вся 2-я рота, которую противнику удалось окружить, и некоторое количество людей из других подразделений. Потери были и в ходе боя — убитыми и ранеными. Эти данные после боев под Псковом подтвердил штаб Эстонской дивизии. По данным штаба в 1-м эстонском полку имелось в наличии 519 человек. Совершенно неверными оказались сведения о переходе на сторону врага командного состава 2-го эстонского полка. В телеграмме штаба Эстляндской армии

№ 1098-оп от 25 мая 1919 года по этому поводу было дано следующее опровержение: «Сведения о переходе командного состава 2-го эстонского полка оказались непроверенными, весь командный состав этого полка имеется налицо» [178].

Отход частей Мариенбургской группы Эстляндской армии, в том числе 5-го эстонского стрелкового полка и Эстонского кавалерийского полка, который начался 26—27 мая, был обусловлен не столько падением Пскова, сколько угрозой на левом фланге группы, где противнику удалось оттеснить части армии Советской Латвии и развить наступление на Альт-Шваненбург (Гулбене) — в тыл Мариенбургской группы войск. Отрицательно сказалось на положении Мариенбургской группы войск и оголение фронта левофланговыми полками Псковской группы (85-й, 86-й и 87-й полки 10-й стрелковой дивизии), что дало противнику возможность развить наступление в направлении на Остров.

5-й эстонский полк в первых числах июня вышел в район станции Режица (Резекне) и занял позиции северо-восточнее города Острова. Эстонский кавалерийский полк был отведен в резерв. После непродолжительного отдыха он вновь начал боевые действия против белолатышей.

Успеху белых в псковской операции 24—26 мая способствовали следующие обстоятельства: 1) напряженное положение на фронте VII армии под Петроградом, Лугой и севернее Пскова, где наступали Родзянко, Балахович и белоэстонцы; 2) тщательно продуманный план прорыва, заблаговременно подготовленный белоэстонским командованием благодаря тому, что Ритт еще до перехода к белым сообщил им точные данные о силах и боевом расположении частей Красной Армии на псковском участке фронта; 3) почти полное отсутствие резервов на этом участке; 4) значительный численный и технический перевес сил противника на Псковском направлении; 5) потеря командованием и штабами Эстляндской армии, Эстонской дивизии и 10-й стрелковой дивизии связи с подчиненными частями в момент наибольшей напряженности положения.

Несмотря на горечь поражения, Эстонская дивизия сохранила боеспособность. Это было полностью доказано в последующих боях по разгрому противника и освобождению Пскова. Не помогли белогвардейцам и распространяемые агентами эстонской буржуазии слухи о переходе на сторону белых чуть ли не всей Эстонской дивизии, о вступлении красных эстонских полков в связь с «зелеными» бандами и прочие клеветнические измышления. Правда, эти слухи на первых порах были причиной настороженного отношения высших штабов к

[178] ЦГАСА, ф. 190, оп. 3, д. 53, л. 211.

Эстонской дивизии, так как измена начальника дивизии и целой группы других командиров была из ряда вон выходящим фактом. Но эстонским коммунистам удалось доказать всю необоснованность и вздорность распространяемых слухов.

С 26 мая 1919 года 2-й и 3-й эстонские полки и артиллерийский дивизион Эстонской дивизии были переданы в оперативное подчинение начальника 10-й стрелковой дивизии, назначенного начальником псковского боевого участка. Это было обусловлено необходимостью организационного укрепления управления и штаба Эстонской дивизии и ее 1-й бригады. 1-й и 6-й эстонские полки находились в резерве и приводили себя в порядок, а 5-й эстонский полк оставался в составе бывшей Мариенбургской группы, переданной в оперативное подчинение армии Советской Латвии.

2—3 июня 1-й и 2-й эстонские полки и две батареи (1-я и 4-я) были направлены в район станции Дно, где из-за нестойкости 7-го, 84-го и 163-го полков Лужской группы войск создалась угроза захвата противником и «зелеными» бандами железной дороги на участке Порхов—Дно. Однако уже 8 июня 2-й эстонский полк и эстонские артиллерийские батареи были отозваны обратно для поддержки частей псковского участка в районе станции Карамышево, где противник перешел в наступление. 1-й эстонский полк, получив из Эстонского запасного полка значительное пополнение (150 человек), оставался в районе станции Дно до двадцатых чисел июня и вел там борьбу с «зелеными» бандами.

На Эстляндскую армию, которая после боев под Псковом была передана в оперативное подчинение VII армии, возлагалась задача прикрыть своими войсками направления на Лугу, Новгород и Дно. В составе Эстляндской армии были оставлены войска Лужского района, 10-й стрелковой дивизии и Эстонской дивизии. Все войска Западного фронта вели тяжелые оборонительные бои.

Реорганизация войск Западного фронта

Прорыв белыми фронта на участке VII и Эстляндской армий, падение Риги и Пскова и прорыв фронта армии Советской Латвии у Вольмара (Валмиера) создали весьма тяжелую обстановку на Западном фронте. В составе Эстляндской армии к тому времени осталось лишь две дивизии — Эстонская и 10-я стрелковая. Части 11-й стрелковой дивизии и некоторые другие части бывшей Мариенбургской группы Эстляндской армии перешли в оперативное подчинение армии Советской Латвии. Дальнейшие перемещения войск из одной армии в другую были признаны нецелесообразными.

Приказом по войскам Западного фронта № 024 от 3 июня 1919 года Управление Эстляндской армии было расформировано. Входившие в состав Эстляндской армии войска составили Южную группу VII армии под командованием бывшего начальника штаба Эстляндской армии А. Корка.

Приказом Главнокомандующего фронтами от 10 июня 1919 года армия Советской Латвии была переименована в XV армию. В нее вошли две латышские дивизии, (объединенные в июле 1919 г. в одну Латышскую стрелковую дивизию), 11-я стрелковая дивизия и 4-я стрелковая дивизия (с 25 июня 1919 г.).

В связи с отсутствием перспективы скорого восстановления Советской власти в Эстонии и в связи с шагами, предпринятыми Советским правительством в целях заключения мира с правительством буржуазной Эстонии, с 5 июня 1919 года прекратило свое существование Советское правительство Эстонии — Совет Эстляндской Трудовой Коммуны. Все военное имущество Коммуны было передано в Эстонскую дивизию [179].

Эстонский запасный полк был переформирован в запасный батальон, а Эстонский полк революционной охраны, в котором осталось всего около 300 человек, был расформирован с передачей личного состава в Эстонский запасный батальон. Туда же была передана комендантская команда штаба Эстляндской армии в количестве 134 человек.

В конце мая и начале июня произошли значительные изменения и в руководящем составе Эстонской дивизии. После измены Ритта начальником дивизии был назначен бывший член Реввоенсовета Эстляндской армии Я. Пальвадре. Комиссар дивизии М. Лайус был переведен в штат политотдела дивизии. Второй комиссар дивизии П. Петерсон, который до этого занимался формированием политотдела дивизии, был утвержден его начальником. Новыми комиссарами дивизии были назначены И. Тамм и Э. Рипс, комиссаром штаба дивизии — А. Рейметс. Начальником штаба дивизии стал А. Пыльд (в январе—феврале был помощником командира Вильяндиского эстонского полка, затем занимал последовательно должности помощника начальника штаба 1-й эстонской бригады и старшего помощника начальника штаба Эстонской дивизии по административной части). Должность помощника начальника штаба дивизии с апреля 1919 года занимал И. Лехт, до этого командовавший 1-м Петроградским рабочим полком. Командование 1-й бригадой было временно возложено на командира 2-го эстонского полка К. Кантера, командование 2-й бригадой — на бывшего управляющего делами Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны Э. Тейтера. Однако ввиду переформирования

---

[179] Eesti Töörahva Kommuun. Dokumentide ja materjalide kogumik. Таллин, 1958, стр. 135—136; ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 98, л. 14.

К. Кангер

Эстонской дивизии в июне в отдельную бригаду и упразднения в связи с этим управлений и штабов прежних бригад, К. Кангер вернулся к командованию 2-м эстонским полком, а Э. Тейтер был назначен начальником Эстонских командных курсов вместо освобожденного с этой должности по состоянию здоровья Х. Пераярва. Начальником артиллерии Эстонской дивизии (затем бригады) был назначен бывший командир 1-го эстонского артиллерийского дивизиона Х. Тедер, а прежний начальник артиллерии дивизии Барсуков был откомандирован в распоряжение командования VII армии. Временное командование 1-м эстонским полком после измены в нем было возложено на помощника командира того же полка А. Оккера. 3-м эстонским полком продолжал командовать А. Лиллакас, 5-м эстонским полком — Н. Риухкранд [180].

---

[180] ЦГАСА, ф. 1010, оп. 1, д. 19, лл. 13, 15, 17, 19; ф. 1656, оп. 1, д. 9, л. 1; д. 43, л. 1; ПА ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 410, л. 2.

2-я партконференция Эстонской дивизии

12 июня 1919 года в Порхове открылась 2-я партийная конференция коллективов РКП(б) Эстонской дивизии. Она продолжалась три дня. На конференции было 33 делегата, представлявшие 746 членов партии. Не было делегатов только от 5-го эстонского полка, который все еще находился в составе войск армии Советской Латвии.

Послав приветствия III Интернационалу и Владимиру Ильичу Ленину, конференция приступила к работе. Были обсуждены следующие основные вопросы: положение в Эстонской дивизии, дальнейшие перспективы эстонских частей Красной Армии, партийная работа в частях.

Делегат партийной организации 1-го эстонского полка Т. Ликеметс сообщил, что партийная работа в полку была затруднена непрерывными боями, но что сейчас принимаются необходимые меры для ее улучшения. Он отметил, что измена отдельных командиров отрицательно повлияла на настроение личного состава, но что полк сохранил боеспособность и может и впредь выполнять боевые задачи. Командный состав полка усилен коммунистами.

Делегат коммунистов 2-го эстонского полка А. Петров сказал, что бюро партколлектива полка занималось главным образом распределением литературы и хозяйственными вопросами. Он внес предложение перейти к самой широкой агитационной работе в частях, разъяснять массам бойцов, что различные слухи и измышления об эстонских полках являются провокацией врагов и совершенно беспочвенны.

Выступивший от имени коммунистов 3-го эстонского полка т. Кивистик сообщил, что полк разбросан по всему фронту и поэтому коллектив коммунистов не смог в полном составе участвовать в выборах делегатов конференции. Он отметил, что в связи с последним отступлением партийная работа в полку замерла, лучшие коммунисты погибли или ранены. Партийные собрания проводились по возможности. Недостаточным было снабжение газетами и литературой. Настроение бойцов удовлетворительное, хотя на нем все же сказались последнее отступление и измена в дивизии. Делегат заявил, что полк боеспособен, но нуждается в небольшом отдыхе. Перебежчиков к белым не было, все бойцы и командиры выполняют свои обязанности добросовестно.

Представитель партколлектива 6-го эстонского полка т. Каземетс сообщил, что в состав полка входят исключительно мобилизованные, перебежчики и пленные. Членов партии в начале было всего 10, но партийная организация продолжала расти и к конференции в полку насчитывается уже 53 члена партии. 10 коммунистов выбыло из строя в боях. Газеты и ли-

тература в полк доставлялись. Удаление из полка неподходящих лиц хорошо сказалось на настроении личного состава.

Делегат Эстонского кавалерийского полка т. Пихлак сообщил, что в полку 35 коммунистов и 16 сочувствующих. Бюро партколлектива старалось главным образом удовлетворить хозяйственные нужды, так как бойцам не хватало обмундирования и обуви. Он отметил также, что общее настроение бойцов бодрое, но что в полку имеется группа лиц, которые грубо нарушают воинскую дисциплину и которых коммунисты считают необходимым немедленно удалить из полка.

Представители 3-й и 4-й артиллерийских батарей и батальона связи также отметили слабость партийной работы. 4-я батарея не получала даже газет. Делегаты объясняли это постоянным пребыванием на фронте, непрерывными боевыми действиями.

Делегат партийного коллектива управления Эстонской дивизии М. Тийдерман отметил, что до создания политотдела снабжением частей дивизии литературой и газетами занималось бюро партийного коллектива. В частях устраивались митинги. Особое внимание уделялось хозяйственным делам, во всех частях дивизии был организован контроль над хозяйственной жизнью. М. Тийдерман сообщил, что политотдел дивизии начал свою деятельность только с конца апреля, и что в связи с отступлением все его планы расстроились. Теперь политотдел пополнен и работа налаживается, несмотря на трудности, вызванные тем, что части дивизии сильно разбросаны. Тов. Тийдерман заявил также, что партколлектив ничего не знал о планах изменника Ритта.

Представитель политотдела Эстляндской армии Я. Пыльдема отметил, что политическая работа в частях армии была затруднена и малопродуктивна, потому что политотдел Эстляндской армии был разбит на три группы — одна в Луге, другая в Мариенбурге, третья в Альт-Шваненбурге. Такая оторванность от частей армии привела к ослаблению политической работы среди бойцов.

Делегаты конференции, выступавшие по вопросу о дальнейших перспективах эстонских частей Красной Армии, отмечали, что хотя измена Ритта явилась тяжелым событием, наложившим пятно позора на красные эстонские части, отчаиваться нет оснований. Враги прибегают к провокациям, распространяют ложные, клеветнические слухи, стремясь добиться ликвидации красных эстонских частей. Но их замысел обречен на провал. Делегаты подчеркнули необходимость всемерного усиления партийной и политической работы в частях дивизии, усиления борьбы против распространения провокационных слухов.

Конференция единодушно высказалась за дальнейшее су-

ществование эстонских частей Красной Армии. По этому вопросу была принята следующая резолюция (приводится в несколько сокращенном виде): «2-я конференция коммунистов Эстонской дивизии констатирует, что буржуазия пользуется всеми средствами, чтобы путем посылки своих агентов в Красную Армию и на высшие командные должности внести дезорганизацию в ряды Красной Армии и таким образом вести пропаганду, выдавать военные тайны и дать Красной Армии удар изнутри. Империалистические войска не могут устоять против Красной Армии — только благодаря измене в рядах Красной Армии они могут добиться временных успехов.

Организация красных эстонских частей явилась сильным ударом по буржуазии, ибо у эстонского рабочего и батрака нет интереса и желания воевать против красных эстонских частей, и красные эстонские войска явились хорошим объектом агитации для наших товарищей в подполье.

Эстонская буржуазия пустила в ход все средства, чтобы уничтожить эти боевые части, как боевую силу и как объект агитации, поэтому в красные эстонские части были посланы агенты буржуазии, Ритт и его подручные, чтобы разбить, предать и уничтожить красные эстонские части. Но это им не удалось. Красные эстонские части с честью вышли из этой западни... Вторая конференция коммунистов Эстонской дивизии с негодованием отвергает всю эту клевету и попытки внести дезорганизацию агентами Антанты и заявляет, что мы не имеем ничего общего ни с изменником Риттом, ни с его агентами, которые затаились в Красной Армии... Вон из Красной Армии агентов империалистов, вон изменников и их приспешников. Да здравствует Красная Армия!.. Да здравствует окончательная победа над международным империализмом!»

Некоторые делегаты высказали критические замечания в адрес ЦК Эстонских секций РКП(б) и политотдела Эстляндской армии, которые не оказывали должной помощи в организации партийно-политической работы в частях Эстонской дивизии.

В конце работы конференции была принята следующая резолюция:

«Коммунисты Эстонской дивизии, заканчивая работу 2-й конференции и возвращаясь в свои части после обмена мнениями и создания основы для будущей работы, чувствуя бодрость и новую силу для дальнейшей работы, призывают всех товарищей красноармейцев к энергичному уничтожению белогвардейцев, чтобы освободить порабощенный народ навсегда от эксплуатации и кабалы. Коммунисты Эстонской дивизии также считают своим долгом вырвать эстонских рабочих из кабалы буржуазии.

Смело за работу, долой уныние и нерешительность, победа пролетариата неминуема. Да здравствует всемирная революция!»

Конференция закрылась 14 июня в 10 часов 20 минут вечера [181].

Решения 2-й партконференции Эстонской дивизии дали весьма положительные результаты. Партийная работа в частях заметно улучшилась. К этому были направлены все уси-

Делегаты партийной конференции Эстонской стрелковой дивизии. Порхов, июнь 1919 года

лия конференции и ее делегатов. Конференция констатировала, что боеспособность частей дивизии сохранена, что они готовы и впредь выполнять любые боевые задания. На конференции была также внесена ясность в вопрос взаимоотношений между комиссарами и командирами, в вопросы руководства деятельностью партийных коллективов в частях и др.

После конференции был принят ряд конкретных мер по улучшению партийно-организационной и политико-воспитательной работы. Бюро партколлектива дивизии и полковые партколлективы направили в роты и команды партийных организаторов, которые оказывали там помощь и отвечали за

[181] ЦГАСА, ф. 315, оп. 1, д. 107, лл. 12—22.

постановку партийной работы. Коренным образом было улучшено снабжение частей газетами и литературой. Кроме получаемых раньше эстонских газет «Тёэлине» и «Эдази», стали регулярно приходить и русские газеты «Правда», «Петроградская Правда», «Деревенская Коммуна» и некоторые другие. Было получено значительное количество политической и художественной литературы. В полках были организованы небольшие библиотеки. Бойцы и командиры активно посещали их в дни передышек между боями. Партийные собрания стали проводиться более регулярно, в тыловых подразделениях они проводились не реже одного раза в неделю. При политотделе еженедельно, по субботам, созывались совещания представителей партколлективов всех частей дивизии. С 7 июля начала работать бригадная партийная школа, в которую направлялись коммунисты из расчета один от двадцати. Создавалась школа по ликвидации неграмотности и по повышению общеобразовательного уровня малограмотных. Она вскоре начала работать в городе Опочке.

2-я армейская партконференция имела важное значение в жизни дивизии. Она была своевременной, так как именно в этот период в дивизии наиболее остро чувствовалась необходимость помощи партии, необходимость слаженной и плодотворной работы всех коммунистов.

Боевые операции в июне—июле 1919 года на Псковском направлении

Воспользовавшись временными неудачами Красной Армии на петроградском, лужском и псковском участках фронта, белоэстонцы совместно с русскими белогвардейскими частями вторглись еще глубже на советскую территорию.

К 1 июня части Эстонской дивизии, за исключением 5-го эстонского полка, сосредоточились на линии населенных пунктов Заикова — Туркова — Плоская Лука — Чуткова (5—10 км южнее и юго-западнее станции Карамышево). 5-й эстонский полк оставался в составе войск бывшей Мариенбургской группы, он сосредоточивался в районе Острова, находясь в оперативном подчинении армии Советской Латвии. Боевой численный состав эстонских стрелковых полков (1-й, 2-й, 3-й и 6-й полки), включенных в состав войск псковского боевого участка, по состоянию на 1 июня 1919 года был следующим: 157 командиров, 2645 рядовых и младших командиров. Части были вооружены 42 пулеметами, 11 бомбометами. Самым малочисленным был 6-й эстонский полк, в нем было всего 356 человек, в том числе 32 лица командного состава. Больше всего было людей в 3-м эстонском полку — 58 человек команд-

ного и 1019 человек рядового состава. В 1-м эстонском полку после измены и потерь в псковских боях осталось 25 командиров и 519 рядовых и младших командиров. Потери во 2-м эстонском полку были весьма незначительными, в нем на 1 июня было 42 командира и 783 бойца и младших командира.

В Эстонском легком артиллерийском дивизионе потерь в личном составе почти не было, а материальная часть сохранилась полностью. В четырех батареях дивизиона было 15 орудий и 7 пулеметов. Формировавшаяся 5-я эстонская легкая батарея ввиду малочисленности людей и отсутствия орудий, которые не были получены, была расформирована, а ее личный состав (около 100 человек) был передан на пополнение других эстонских батарей. Еще раньше прекратила свое существование 1-я эстонская тяжелая 42-линейная батарея. На псковский участок фронта она прибыла в составе трех орудий. Одно орудие было отправлено в ремонт, а два орудия были 29 марта в бою в районе Печор захвачены противником. Новой материальной части получено не было, и батарею расформировали в двадцатых числах мая. Сохранившееся орудие было передано в тяжелый артдивизион 10-й стрелковой дивизии, а личный состав батареи, около 140 человек, был распределен по эстонским легким артиллерийским батареям.

7 июня 1-й, 2-й, 3-й и 6-й эстонские полки были изъяты из оперативного подчинения начальника 10-й стрелковой дивизии и перешли в распоряжение начальника Эстонской дивизии. В его же оперативное подчинение были переданы 7-й, 84-й и 163-й полки и один батальон 89-го полка. Все они вместе образовали правый боевой участок Псковского направления.

В тот же день, т. е. 7 июня, противник перешел в наступление на участке 86-го и 89-го полков 10-й дивизии и занял станцию Карамышево. В связи с этим части Эстонской дивизии, за исключением 1-го эстонского полка, направленного в тыл псковского участка фронта для борьбы с «зелеными» бандами, были срочно передвинуты к месту прорыва. Приостановив дальнейшее продвижение белых в районе Карамышева, 2-й, 3-й и 6-й эстонские полки, а с двадцатых чисел июня и 1-й эстонский полк вели многочисленные бои с противником в районе деревень Горки, Большое Болото, Дубновичи, Ванцово (20—25 км северо-восточнее Пскова). На этом же участке фронта рядом с эстонскими полками сражались 85-й, 88-й и 89-й полки 10-й стрелковой дивизии.

Приказ по войскам Западного фронта № 262 от 9-го июня 1919 года предусматривал переформирование Эстонской дивизии в Эстонскую отдельную стрелковую бригаду. В директиве указывалось, что она не будет входить в состав какой-либо дивизии и будет в дальнейшем использоваться как соединение, придаваемое в соответствии с обстановкой тому или

иному боевому участку. На период переформирования боевой участок Эстонской дивизии был вновь передан начальнику 10-й стрелковой дивизии.

Переформирование Эстонской дивизии в отдельную бригаду, завершившееся к 20 июня, было обусловлено сокращением личного состава частей вследствие непрерывных боев, весьма ограниченными возможностями получения пополнений, а также малочисленностью 6-го эстонского полка. Кроме того, в Эстонскую дивизию так и не прибыл 4-й эстонский (бывший Нарвский) полк, который остался в составе 6-й стрелковой дивизии. В июне 1919 года ему вновь было возвращено наименование 46-го стрелкового полка [182].

15 июня был отдан приказ о переходе в общее наступление на Псков. На левом боевом участке 2-й эстонский полк и 88-й полк 10-й стрелковой дивизии уже начали действовать, но 17 июня приказ об общем наступлении был отменен до ликвидации «зеленых» банд в тылу частей псковского участка фронта. Эти банды, образовавшиеся из кулацко-белогвардейского элемента и частью из дезертиров, расстраивали тылы частей Красной Армии, нападали на войсковые склады, тыловые учреждения и даже на поезда воинских перевозок. Советское командование было вынуждено принять срочные и решительные меры для ликвидации банд. Активное участие в этой борьбе приняли красные эстонские части. В районе станции Дно действовал 1-й эстонский полк, который захватил там 60 бандитов. 15 июня в район станций Дно и Батецкая был выслан из состава Эстонской дивизии особый отряд под командованием Э. Штейна, вооруженный пулеметами. Южнее станций Карамышево и Подсевы сражались подразделения 2-го, 3-го и 6-го эстонских полков. В этом районе боевая группа 2-го эстонского полка 20 июня захватила 47 бандитов и более 100 винтовок. Из 6-го эстонского полка в район станции Чихачево был 21 июня выслан отряд в 81 человек с тремя пулеметами. В окрестности села Славковичи на борьбу с бандами были посланы три роты 88-го и две роты 85-го полков 10-й дивизии и караульная рота Псковского военного комиссариата. Поскольку окончательная ликвидация белогвардейских банд потребовала времени и отрыва частей с фронта, в двадцатых числах июня в распоряжение командующего южной группой войск VII армии прибыла спешенная кавалерийская дивизия Дмуховского, приступившая к очистке тылового района южной группы VII армии.

К 20 июня фронт на Псковском направлении проходил по линии Горки (30 км северо-восточнее Пскова) — Дуб-

[182] ЦГАСА, ф. 1010, оп. 1, д. 1, лл. 14, 17; д. 3, лл. 1, 4; д. 4, лл. 29, 31; д. 19, лл. 29, 42, 43; ф. 315, оп. 1, д. 32, лл. 5—13, 21, 22; ф. 1658, оп. 1, д. 9, лл. 31, 32, 43, 90, 112.

новичи — Лопатово — Кутузово (7 км западнее станции Карамышево) — Ильина Гора — Большая Ражнева — Какорина — Пруды (30 км южнее Пскова у железной дороги Псков — Идрица). Далее располагались части Островской группы XV армии, на правом фланге которых, в промежутке между железными дорогами Псков — Остров и Псков — Идрица, действовал 5-й эстонский полк. Он находился в оперативном подчинении XV армии.

21 июня началось общее наступление войск VII армии на петроградском и лужском участках фронта. Еще до этого, 15—16 июня, был ликвидирован контрреволюционный мятеж на фортах Красная Горка и Серая Лошадь, восставших против Советов под влиянием эсеров и белогвардейских элементов. 27 июня войска VII армии прорвали фронт противника на протяжении более чем 100 километров (от Кернова на берегу Копорского залива до станции Мшинская, севернее города Луги) и продолжали наступление.

Активизировались действия войск и на псковском участке фронта. С 20 по 28 июня части Псковской и Островской групп VII и XV армий вели непрерывные бои, продвигаясь к Пскову. Особенно успешно продвигались левофланговые части Псковской группы — 2-й эстонский полк и 88-й полк 10-й дивизии, которые выбили противника из нескольких десятков населенных пунктов, захватив пленных и военное имущество противника [183].

28 июня VII армии был отдан приказ о подготовке на псковском участке фронта общего наступления на Псков. В связи с этим началась перегруппировка частей на участках 10-й стрелковой дивизии, Эстонской бригады, а также Лужской группы. К операциям по освобождению Пскова готовилась и Островская группа войск XV армии.

29 июня 1-й, 2-й, 3-й и 6-й эстонские полки были выдвинуты на фронт южнее реки Черехи и переданы в распоряжение командира Эстонской бригады Пальвадре (до этого, во время переформирования Эстонской дивизии в бригаду, они находились в оперативном подчинении начальника 10-й стрелковой дивизии). В течение июня эстонские полки, особенно наиболее слабый 1-й Таллинский полк, получили значительное пополнение из Эстонского запасного батальона, а также за счет расформированных команд Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны. В июне же закончил учебу очередной выпуск Эстонских командных курсов, давший частям Эстонской бригады около 50 новых красных командиров.

5 июля Эстонский кавалерийский полк прибыл из XV ар-

---

[183] ЦГАСА, ф. 315, оп. 1, д. 32, лл. 6, 14—20, 22—23, 25—27, 29—33; д. 38, л. 25; ф. 1010, оп. 1, д. 1, л. 14; ф. 1656, оп. 2, д. 9, л. 188.

мии на станцию Дно и перешел в распоряжение командования Эстонской бригады. Находясь в оперативном подчинении командования XV армии, Эстонский кавалерийский полк принимал участие во многих боях против белолатышей, а затем вел в районе Острова борьбу с кулацко-белогвардейскими бандами. Эти бои значительно сократили личный состав полка. Ко дню возвращения в Эстонскую бригаду в полку было всего 319 человек, из них 23 лица командного состава. 26 июня в бою под селом Никольским был тяжело ранен командир полка А. Сорксепп. До его выздоровления полком командовал И. Роман. Вместо прежних четырех эскадронов в полку было образовано два дивизиона. Вскоре он был переформирован в отдельный кавалерийский дивизион в составе двух сабельных эскадронов и конно-пулеметного взвода.

Перед общим наступлением (к 5 июля 1919 года) в распоряжении советского командования на псковском участке были следующие силы: 5-й, 84-й, 85-й, 89-й и 163-й стрелковые полки, 1-й, 2-й, 3-й и 6-й эстонские полки, Эстонский кавалерийский полк, Эстонский легкий артиллерийский дивизион в составе четырех батарей, одна легкая, одна гаубичная и две тяжелых батарей 10-й стрелковой дивизии, эскадрон Московских кавалерийских курсов, один спешенный кавалерийский дивизион и один авиационный отряд — всего 7430 штыков, 295 сабель, 146 пулеметов, 30 орудий, один бронепоезд и четыре самолета. На участок Эстонской бригады приходилось 1954 штыка, 54 пулемета, 10 орудий [184].

8 июля части Псковской группы VII армии и Островской группы XV армии начали общее наступление. После ряда ожесточенных боев правофланговые части Островской группы вышли к 13 июля на линию: 5-й эстонский полк — Огнянникова — погост Черский — станция Черская, 86-й полк — Орехова Гора — Горбово (на реке Великая), 23-й полк — Зайцево — Панова (на реке Кудебь). Успешно продвигались вперед части 10-й дивизии и Эстонской бригады, входившие в Псковскую группу. Чтобы поддержать наступление правофланговых частей Островской группы, к ним 13 июля был передвинут 3-й эстонский полк, который стал действовать совместно с 5-м эстонским полком. К 18 июля части Островской и Псковской групп вышли на общую линию населенных пунктов Грибули (20 км северо-западнее Острова) — Горбово — Башмакова — Выдра (все пункты на правом берегу реки Великая) — Огурцово — Приборок — Языкова — Подлипье — Поддубье, и находились всего в 10—12 километрах от Пскова. (Схема № 6.)

Казалось, белогвардейцам не избежать разгрома. Но и на этот раз им помогло белоэстонское командование. Оно подтя-

[184] ЦГАСА, ф. 315, оп. 1, д. 38, лл. 9—12.

нуло к фронту все свои свободные резервы. Отдохнувшие и хорошо вооруженные части белоэстонцев сумели добиться успеха на ряде участков фронта и вынудили части Красной Армии оставить подступы к Пскову. В конце июля белым удалось продвинуться весьма близко к Острову и Порхову. На 30 июля и до середины августа на участках Псковской группы VII армии и Островской группы XV армии фронт проходил по линии Заклинье (13 км северо-западнее Порхова) — Никандрова Пустынь — Шарабино (5 км западнее станции Подсевы) — Славковичи — Плока — Климова — Горяино — Рожаны — Гусакова — Крутикова (8 км севернее Острова) — Коромыслово — Грибули (20 км северо-западнее Острова). (Схема № 6.)

На этой линии, с небольшими изменениями лишь на участках 2-го и 5-го эстонских полков, которые несколько продвинулись вперед и улучшили свои позиции, фронт стабилизовался до середины августа 1919 года.

Больших успехов добились войска VII армии на Петроградском фронте. В двадцатых числах июля 1919 года белогвардейцы на этом участке фронта были разгромлены и 5 августа советские войска освободили город Ямбург. Значительный урон был нанесен белогвардейцам западнее и северо-западнее Луги, где они были оттеснены на 40—60 километров.

После июльских боев численный состав Эстонской бригады несколько сократился. В стрелковых полках, кавалерийском полку и артиллерийском дивизионе было всего 4865 человек, из них активных штыков — 2460, сабель — 365 (241 в кавалерийском полку и 124 в командах конной разведки стрелковых полков) и 675 артиллеристов. 6-й эстонский полк 20 июля был расформирован как малочисленный, и его личный состав (около 370 человек) был передан в 1-й эстонский полк. Вооружение бригады состояло из 17 орудий (из них одно 37,5-мм орудие в кавалерийском полку), 57 пулеметов, 9 минометов и бомбометов. Некоторые изменения произошли в руководящем командном составе бригады. Командир 2-го эстонского полка К. Кантер был послан на курсы Академии Генерального штаба, и командовать полком стал А. Абель. Командиром 1-го эстонского полка был назначен командир бывшего (расформированного) 6-го эстонского полка В. Пуссь, а А. Оккер, который до этого времени командовал полком, вернулся к своей прежней должности помощника командира того же полка.

26 июля Эстонская отдельная бригада вышла из состава войск VII армии и вошла в состав XV армии. Оперативно она была подчинена непосредственно начальнику 11-й стрелковой дивизии [185]. С 31 июля в состав XV армии вошла и 10-я стрел-

[185] ЦГАСА, ф. 315, оп. 1, д. 38, лл. 109—111, д. 28, л. 522; ф. 1656, оп. 1, д. 9, л. 27.

ковая дивизия. Эти организационные мероприятия командование Западного фронта провело с целью подчинить, во избежание двойственности, все войска Псковского направления одной армии (XV). Во время неудавшейся июльской операции войска Псковского направления подчинялись двум армиям (VII и XV), и это отрицательно сказалось на общем руководстве операцией.

В период с 30 июля по 2 августа на участке Эстонской бригады от Славковичей (30 км юго-западнее Порхова) до Немова (10 км северо-восточнее Острова) происходили сильные бои. На этом участке, а также на участке Сводной бригады 11-й стрелковой дивизии (левее Эстонской бригады) противник вел наступление с целью прорваться к Острову. Непрерывные бои продолжались 4 дня и привели к ликвидации прорыва противника. Части Эстонской бригады продвинулись вперед на 15—20 километров, значительно улучшив свои позиции перед новым общим наступлением на Псков. Вперед продвинулись и части Сводной бригады 11-й дивизии.

Несмотря на продолжительные бои, настроение личного состава бригады было бодрым. «Настроение частей Эстонской бригады в общем хорошее... Боевые приказы выполняются в точности», — говорится в политсводке XV армии со 2 по 6 августа 1919 года [186].

В дни июльских боев бойцы и командиры красных эстонских частей неоднократно проявляли большую самоотверженность и героизм.

В середине июля, когда части Красной Армии с боями подходили к Пскову, противник оказывал упорное сопротивление на участке 1-го эстонского полка, у деревни Огурцово (12 км южнее Пскова). Позиции на высотах давали противнику возможность вести фланкирующий огонь. Неоднократные дневные атаки оканчивались безрезультатно, приводили к потерям. Тогда командир 1-й роты полка Р. Штокберг решил провести операцию во время короткой летней ночи. Проникнув в ночь на 16 июля во главе роты в тыл белых, он повел своих людей в смелую атаку. Белые, не ожидая удара, тем более с тыла, настолько растерялись, что оставили сильно укрепленные позиции без боя, бросив на месте подготовленный к стрельбе пулемет, из которого таллинцы сами открыли огонь по бежавшим в панике белогвардейцам. Было захвачено 8 человек пленных, в том числе один офицер. За умело проведенную и сопряженную с большим риском операцию Р. Штокберг был награжден орденом Красного Знамени [187].

Взводный командир 2-й роты 2-го эстонского полка Ф. Сар-

---

[186] ЦГАСА, ф. 200, оп. 2, д. 450, лл. 32—33.
[187] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 124, л. 24.

нитс, ведя бой под деревней Пячихина, был внезапно атакован с тыла бандой «зеленых», пробиравшейся через линию фронта к белым. Оказавшись между двух огней, Сарнитс благодаря умелым действиям и хладнокровию вывел взвод из критиче-

М. Ребане

ского положения, причинив при этом значительный урон банде. Командование объявило ему благодарность и представило его к награждению орденом Красного Знамени.

18 июля 1-й и 3-й эстонские полки при вынужденном отходе от Пскова встретили на своем пути болотистую местность. Противник наседал. Положение грозило гибелью бойцам и особенно полковым обозам. На южную сторону болот имелся узкий проход в виде проселочной дороги. Для прикрытия этой дороги во время отвода частей и имущества там была оставлена 6-я рота 1-го эстонского полка под командованием М. Ребане. В течение продолжительного времени мужественные бойцы роты сдерживали крупные силы врага. На последнем этапе боя, когда подразделения 1-го и 3-го полков были уже в безопасности, М. Ребане отправил вслед за ними и свою роту, прикрывая ее

отход только 9 бойцами, которых затем вывел без потерь. М. Ребане был также награжден орденом Красного Знамени[188].

31 июля подразделения 5-го и 2-го эстонских полков зашли в тыл противнику в районе деревни Горяино, внезапно атаковали белых, захватили 3 пулемета и боевое имущество. Продолжая наступление и очистив от белых деревни Горяино, Рожаны и Филонову, они взяли пленных, еще 3 пулемета, 15 винтовок, 20 автоматных лент. Под деревней Горяино отличилась команда конных разведчиков 2-го эстонского полка во главе с А. Янесом. Команда внезапным ударом проникла в тыл противника, привела белых в замешательство и захватила пулемет, из которого т. Янес открыл огонь по группам противника. А. Янес был награжден золотыми часами[189].

Таких славных боевых эпизодов было множество. Все они свидетельствовали о преданности бойцов и командиров красных эстонских частей делу революции.

С 3 по 15 августа боевые действия на всем протяжении псковского и островского участков фронта почти прекратились, приняв характер позиционной войны и редких перестрелок. Шла подготовка нового решительного наступления на Псков.

Разгром белогвардейцев и освобождение Пскова

Период затишья на фронте в первой половине августа был использован для предоставления отдыха частям. Партийные организации и политработники Эстонской бригады развернули активную работу как среди войск, так и среди местного населения. Культурно-просветительные мероприятия — лекции, концерты, митинги и другие виды массовой работы — получили широкий размах. С 31 июля по 13 августа в частях Эстонской бригады при участии прибывшего на фронт видного пролетарского музыканта, скрипача Эдуарда Сырмуса, было проведено более десяти концертов-митингов. Половина из них состоялась на передовых позициях, где они были слышны и противнику. Концерты-митинги оказали большое влияние на настроение красноармейцев и крестьян местных деревень. С большой радостью и воодушевлением встретил личный состав бригады известие о разгроме белогвардейцев на Петроградском фронте и о взятии Красной Армией Ямбурга.

Победа на петроградском и лужском участках фронта дала возможность советскому командованию сосредоточить основное внимание на псковском и островском участках, чтобы ускорить там разгром врага и освободить Псков.

---

[188] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 124, л. 24.

[189] Там же, д. 9, л. 69; ф. 200, оп. 2, д. 450, лл. 32—33; оп. 4, д. 31, л. 93.

В приказе по войскам XV армии № 024 от 11 августа 1919 года говорится:

«На фронте XV армии последние дни противник ведет себя пассивно, производя на разных направлениях лишь поиски разведчиков. На Нарвском направлении части VII армии овладели городом Ямбургом... С потерей Ямбурга значение Пскова для противника увеличилось. Задачей XV армии является овладение городом Псковом во что бы то ни стало и выход на линию: восточное побережье Псковского озера от устья реки Черной до устья реки Великой и далее линия Печки — Изборск — озеро Велье — озеро Белое — деревня Немецкая... Для выполнения задачи по овладению Псковом приказываю:

Начдиву 11, перейдя в наступление на участке деревни Плока — деревня Немецкая, главный удар нанести полками 1-й бригады одиннадцатой дивизии и второй бригадой третьей дивизии в полосе западнее реки Великой в тыл противника, обороняющего подступы к Пскову с востока и с юга, при этом полки 1-й бригады 1-й дивизии направить в виде ударной группы от деревни Грибули на Изборск, станцию Новый Изборск и разъезд Моглино. Частями Эстонской бригады и Сводной бригады при поддержке бронепоезда наступать на Псков с юга. Начдиву 10 вести наступление на фронте дивизии с целью атаки города Пскова с востока для овладения им совместно с частями 11-й дивизии и для выхода правофланговыми частями 10-й дивизии на восточное побережье Псковского озера. Время перехода в наступление будет указано дополнительно, в зависимости от окончания перегруппировки пехоты и артиллерии на участке 11-й дивизии...» [190]

Эстонская отдельная бригада накануне этого общего наступления занимала боевой участок от деревни Мигунова (40 км западнее Порхова) до деревни Подберезье (15 км северо-восточнее Острова), протяженностью около 30 километров. Правее Эстонской бригады находились части 10-й стрелковой дивизии, левее — части Сводной бригады (83-й и 87-й полки 10-й дивизии) и 3-й стрелковой дивизии, переданные на время операции в распоряжение начальника 11-й стрелковой дивизии.

16 августа войска XV армии перешли в общее наступление, которое развивалось успешно на всем протяжении обширного фронта.

Первый этап ожесточенных боев на участке Эстонской бригады относится к 16—20 августа и связан с задачей прорыва сильно укрепленных позиций противника. При выполнении этой задачи части бригады встретились с большими трудностями в районе обширных болот, расположенных в 25 километ-

[190] ЦГАСА, ф. 200, оп. 4, д. 15, л. 1.

рах северо-восточнее Острова, за которыми противник занимал весьма удобные для обороны позиции. Наступать фронтально через болото было в сущности невозможно ни днем ни ночью. Это вызвало бы большие потери в людях, потому что болота были местами труднопроходимыми. Тогда было принято решение провести ночью перегруппировку частей, усилив их на этом участке, а ночью обойти болота, чтобы внезапно атаковать противника с флангов. Этот план блестяще удался. Стоявшие против Эстонской бригады отборные эстонские и русские белогвардейские части были опрокинуты и в панике откатывались к Пскову. Эта операция, проведенная 2-м и 5-м эстонскими полками, облегчила общее наступление соседних частей, особенно левофланговых.

Успешно развивалось наступление также на участках Сводной бригады и 1-й бригады 11-й стрелковой дивизии. К вечеру 17 августа части 1-й бригады 11-й дивизии, продвинувшись вперед на 15—20 километров, вышли на линию населенных пунктов Кувакино — Себеж — Ладыгина — Харлапково — Шевелево (10—15 км южнее Изборска); 23-й полк вышел в район деревень Кашина и Палена (20 км юго-восточнее Изборска).

Упорное сопротивление противник оказывал правофланговым частям 10-й стрелковой дивизии западнее Порхова. В районе населенных пунктов Хилово и Железно ему даже удалось несколько оттеснить эти части, но успешное наступление на левом фланге 10-й дивизии и на участках Эстонской бригады и 11-й дивизии вынудило белых к отступлению по всему фронту. Пленные и перебежчики сообщили, что 3-й белоэстонский полк на участке 10-й стрелковой дивизии разбежался по деревням, а часть людей бежала в Псков.

К 21 августа части Эстонской бригады, очистив от неприятеля большое количество населенных пунктов, продвинулись вперед на 15—20 километров и вышли на линию деревень Ильина Гора — Шквары — Ражнева — Волчьи Ямы — Русски — Трошева (20—23 км юго-восточнее Пскова), а с юга — на линию Морозы — Микино — Баево — Рогово — Янки (20—24 км южнее Пскова).

С особым упорством противник оборонял свои позиции на рубеже Черехи, на участке Эстонской бригады. Здесь и начался второй этап ожесточенных боев. Красные эстонские части вели их непрерывно в течение четырех суток и вышли победителями. Упорные бои шли также на других участках фронта.

К 22 августа части XV армии с трех сторон подошли к Пскову на расстояние 15—20 километров. Исключение составляло лишь направление правого фланга 10-й стрелковой дивизии северо-восточнее Пскова, где наступление развивалось медленнее. Но это направление уже не было решающим. Решаю-

щими стали теперь южное и особенно юго-западное направления, где псковской группировке войск противника угрожали обход и окружение. На этих направлениях части 11-й стрелковой дивизии, Латышской дивизии, Сводной бригады и Эстонской бригады 22 августа перешли в решительное наступление. Сопротивление противника усилилось. Он оборонял теперь Псков уже не столько с целью удержать его, сколько для выигрыша времени, чтобы успеть вывести свои войска, уже почти окруженные. 23 августа 5-й эстонский полк занял деревню Жуково (13 км юго-восточнее Пскова) и наступал на деревни Приборок и Будник, расположенные на левом берегу реки Черехи. 3-й эстонский полк занял деревню Барабаш (2 км западнее деревни Будник), но вследствие сильного огня противника вынужден был оставить ее. На участке Сводной бригады передовые части подходили также к реке Черехе, но были остановлены огнем противника. 23-й полк 3-й стрелковой дивизии выдвинулся на линию населенных пунктов Щепец (18 км южнее Пскова) — Хрулево — Олухово — Савино и продолжал наступление. Успешно продвигались на Изборском направлении части 1-й бригады 11-й стрелковой дивизии, а восточнее Пскова — левофланговые части 10-й стрелковой дивизии.

С приближением к Пскову боевой дух бойцов возрастал. Несмотря на неустанную антисоветскую пропаганду белых, возрастали и симпатии местного населения к Красной Армии и Советской власти.

В политсводке XV армии от 24 августа 1919 года говорится: «... Настроение в Эстонской бригаде великолепное. Боевой дух у красноармейцев не ослабевает, каждый хочет первым быть в Пскове... Отношение даже тех слоев крестьянства, которые раньше себя держали враждебно, как видно, изменилось в нашу пользу, так как белые брали продукты, не платя, отбирали лошадей и многое другое из хозяйства...»[191]

23—25 августа в районе деревень Барабаш, Будник и Приборок 2-й, 3-й и 5-й эстонский полки вели тяжелые бои с целью преодоления последнего препятствия на пути к Пскову — реки Черехи. Деревни Будник и Приборок несколько раз переходили из рук в руки. Неоднократно возникали штыковые бои и рукопашные схватки. К вечеру 25 августа деревни Будник и Приборок были окончательно очищены от белогвардейцев. 25 августа 3-й эстонский полк был снят с этого участка фронта и передвинут на участок 10-й стрелковой дивизии, где он сменил 163-й стрелковый полк.

Форсирование Черехи было нелегкой задачей. На этом участке река усиленно обстреливалась неприятельской артиллерией. Задачу навести наплавные мосты получила саперная рота

---

[191] ЦГАСА. ф. 200, оп. 2, д. 445, л. 24.

Ю. Метсавас

5-го эстонского полка под командованием Ю. Метсаваса. В тяжелых условиях мужественные саперы в короткий срок выполнили эту задачу. Им помогли артиллеристы Эстонской бригады, вступившие в единоборство с артиллерией противника и заставившие ее вскоре замолчать. Форсировав Череху, 2-й и 5-й эстонские полки с боями подошли к окраинам Пскова.

В течение 25 августа и ночи на 26 августа все части XV армии вели упорные бои, окончательно сломившие сопротивление противника. На участке Сводной бригады 83-й и 87-й полки 10-й стрелковой дивизии в 4 часа 20 минут 26 августа после ожесточенного боя на юго-западной окраине Пскова вошли в город. На левом фланге 10-й дивизии 85-й и 88-й полки в 6 часов 45 минут 26 августа заняли пригородную деревню Кресты и вошли в город с восточной стороны. С юга и юго-востока, где белые продолжали сопротивление, между 7 и 9 часами утра 26 августа в Псков ворвались 86-й полк 10-й стрелковой дивизии и 2-й и 5-й эстонские коммунистические полки. (Схема № 7.) Первым вошел в город 5-й эстонский полк, захвативший 65 пленных, в том числе одного офицера и двух унтерофицеров, а также один пулемет, 20 лент к нему и много вин-

товок [192]. Большое количество пленных, орудий, пулеметов и другого военного имущества было взято другими частями XV армии. Псковская группировка противника была разгромлена. Псков был освобожден.

С огромной радостью встречали трудящиеся Пскова свою освободительницу — Красную Армию. За три месяца белогвардейского террора псковские рабочие перенесли тяжелые испытания. Бандиты Балаховича вешали и расстреливали советских людей на Сенной площади и на улицах города, грабили население, насиловали женщин.

После разгрома белогвардейцев и освобождения частями XV армии Пскова Реввоенсовет Западного фронта прислал следующую телеграмму войскам, о которой было сообщено в приказе командующего XV армией А. Корка:

«Реввоенсоветзап приветствует доблестные войска 15 армии с победой, увенчавшей проявленные частями 10 и 11 дивизий в многодневных боях усилия по выполнению поставленных им боевых задач. Реввоенсоветзап уверен, что 15 армия не только обеспечит прочное удержание в своих руках Псковского района, но, не теряя драгоценного времени, сумеет теперь же восстановить положение в Двинском районе и нанесет сокрушительный удар противнику на своем левом фланге, оказав столь нужную поддержку 16 армии...»[193]

В приказе по Эстонской отдельной бригаде № 38 от 30 августа 1919 года говорится: «Последний период боев доказал стойкость и революционность полков бригады, разбивших белогвардейские банды и перешедших через Череху, предварительно выбив противника из укрепленных позиций штыковыми атаками, что и решило судьбу Пскова... Объявляю от лица службы благодарность полкам за эти бои, отметив особую стойкость 2-го и 5-го эстонских полков при взятии деревни Приборок... Объявляю благодарность саперам 5-го эстонского полка за постройку пловучего моста через Череху, что способствовало переправе частей бригады... Комбриг Пальвадре, Военком Тамм»[194].

Постановлением Совета Обороны Республики от 5 сентября 1919 года всем частям XV армии за освобождение Пскова была объявлена благодарность, а всему личному составу армии было выдано вознаграждение в размере месячного оклада [195].

Частям армии, участвовавшим в штурме Пскова, в том числе 2-му, 3-му и 5-му эстонским полкам, рабочие Пскова вручили красные знамена.

---

[192] ЦГАСА, ф. 200, оп. 4, д. 31, лл. 101, 102, 104, 107.

[193] Там же, д. 15, л. 45.

[194] Там же, ф. 1656, оп. 1, д. 9, л. 50.

[195] Там же, ф. 200, оп. 4, д. № 15, л. 122; История гражданской войны в СССР, 1959, т. IV, стр. 168—169.

Во время завершающей операции по освобождению Пскова было совершено немало подвигов. Отличились и воины Эстонской бригады. За умелое руководство подразделениями в бою и личную отвагу орденом Красного Знамени были награждены командир 3-го батальона 5-го эстонского полка А. Хейнтс, командир 2-го батальона 2-го эстонского полка И. Блатт, на-

А. Хейнтс

чальник артиллерии бригады Х. Тедер, командир взвода 3-го эстонского полка И. Рыйгас, командиры взводов 2-го эстонского полка И. Рейнвальд и Э. Анник, командир взвода 1-го эстонского полка И. Муда, бойцы 5-го эстонского полка И. Лиллет, А. Линут. Орденом Красного Знамени за храбрость, проявленную в боях на юге Эстонии в марте—апреле 1919 года были награждены помощник командира 8-й роты 5-го эстонского полка Э. Сикк, конный разведчик К. Миллер, пулеметчик О. Улин. Многие бойцы и командиры были награждены ценными подарками [196].

Участием в освобождении Пскова от белогвардейцев части

[196] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 124, л. 24.

Эстонской отдельной бригады завершили свой боевой путь на этом участке Западного фронта. В трехмесячных непрерывных боях красные эстонские воины сражались мужественно и самоотверженно, еще раз доказав свою преданность революции и Советской власти. Пятно позора, навлеченное на красные эстонские полки изменой Ритта и других ему подобных, было полностью смыто.

Разгром белогвардейцев на фронтах VII и XV советских армий привел к провалу плана империалистов Антанты, которые рассчитывали действиями на Западном фронте облегчить положение Колчака на Восточном фронте, где белые терпели поражения от ударов Красной Армии и красных партизан.

После отражения первого похода Юденича, освобождения Ямбурга и Пскова, после побед, одержанных Красной Армией на Восточном фронте, Советское правительство обратилось к правительству буржуазной Эстонии с предложением о заключении мира на основе признания независимости Эстонии. Предложение о мире было сделано Советским правительством по инициативе В. И. Ленина еще в апреле 1919 года через правительство Венгерской Советской Республики. В апреле же с предложением о заключении мира с Советской Россией к эстонскому буржуазному правительству обратился В. Кингисепп. Эти предложения были горячо поддержаны Советом Эстляндской Трудовой Коммуны. Они исходили из неизменно миролюбивой политики Советского правительства и ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Они были направлены к тому, чтобы в условиях иностранной интервенции против Советской страны пробить брешь в лагере империалистов Антанты, вырвать из-под их влияния образовавшиеся на западных окраинах России буржуазные государства — Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Польшу, — территории которых служили плацдармом для ведения интервенционистской войны против Советской России. Заключение мира с прибалтийскими государствами облегчило бы и положение Красной Армии, которая сражалась на нескольких фронтах.

19 июля Центральный Комитет Компартии Эстонии выпустил манифест, в котором призывал трудящихся прилагать все усилия к тому, чтобы кончить войну против Советской России и тем самым освободить руки эстонских трудящихся для решительной борьбы против «своей» буржуазии. На I съезде профсоюзов Эстонии 30—31 августа, несмотря на приказ министра внутренних дел буржуазного правительства Хеллата не касаться вопроса о мире, главным вопросом стал именно вопрос о прекращении войны против Советской России.

Под влиянием настойчивых требований масс представители

буржуазного правительства Эстонии прибыли 17 сентября в Псков для ведения переговоров о мире. Но этот жест был сделан для обмана трудящихся. Выдвигая немыслимые требования, вплоть до отвода советских войск на огромные расстояния от существующей линии фронта, эстонская делегация не помышляла о серьезном решении вопроса о мире. Уже на следующий день буржуазное правительство Эстонии прервало переговоры и по указке Антанты стало совместно с Юденичем и английскими интервентами готовиться к новому военному походу против Советской России.

Только лишь после разгрома Красной Армией второго похода Юденича, после полной победы над Колчаком и Деникиным был заключен мир между Советской Россией и буржуазной Эстонией. Договор был подписан 2 февраля 1920 года в Тарту. По условиям мирного договора все находившиеся на территории Эстонии русские белогвардейские войска подлежали разоружению и роспуску, а английский флот должен был немедленно покинуть территориальные воды Эстонии.

Заключение Тартуского мирного договора означало огромную победу Советов в международном масштабе. Вскоре после заключения мира с Эстонией под давлением народных масс о мире с Советской Россией заговорили и буржуазные правительства Латвии, Литвы, Финляндии и даже Польши, в которой влияние реакционных сил было наиболее ощутимым. В цепи интервенционистских сил, окружавших Советскую Россию, образовался разрыв. Планы повторного вторжения в Советскую страну через Прибалтику, а также планы превращения Эстонии и других прибалтийских государств в подмандатную территорию, лелеемые империалистами Англии и США, были сорваны.

В. И. Ленин оценивал заключение мирного договора с Эстонией как победу, которая имеет «гигантское историческое значение, потому что она одержана без применения насилия, эта победа одержана над всемирным империализмом, победа, благодаря которой большевики приобретают сочувствие всего мира» [197].

На защиту Двинска

28 августа 1919 года части Эстонской отдельной стрелковой бригады, находящиеся на псковском участке фронта, были сменены частями 10-й стрелковой дивизии и в течение 29 августа сосредоточены в районе станции Черская, за исключением 4-й эстонской легкой артиллерийской батареи, которая оста-

[197] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 299.

лась временно в распоряжении командования 10-й стрелковой дивизии.

Перед уходом из Пскова был устроен концерт-митинг с участием Эдуарда Сырмуса и военных оркестров 2-го и 5-го эстонских полков. Концерт имел большой успех, на нем присутствовали не только бойцы, но и местное население, а также прибывшее в Эстонскую бригаду пополнение. Ораторов, выступавших на этом концерте-митинге на тему «Советская власть и крестьянство» слушали с большим интересом и вниманием.

Теперь Эстонской отдельной бригаде предстояла переброска в Двинск (Даугавпилс), которому угрожали белополяки под командованием генерала Желиговского. 4-я стрелковая дивизия XV армии под Двинском не могла дольше одна противостоять натиску превосходящих сил противника.

В телеграмме командующего XV армией от 29 августа 1919 года на имя командира Эстонской бригады сказано: «Ускорьте в возможной степени погрузку вашей бригады и прибытие в Двинск. Если обстановка не изменится, то вашим частям придется немедленно по прибытии в Двинск направиться в бой, а поэтому части должны быть в полной боевой готовности, нр. 642. Командарм 15 Корк» [198].

Отправка частей Эстонской бригады в Двинский район началась 30 августа. Первым эшелоном отправились подразделения 1-го эстонского полка.

Переброска происходила оперативно и весьма организованно. Эшелон за эшелоном прибывали красные эстонские воины на новый, незнакомый для них фронт. Несмотря на отдаление от своей родины и некоторое недоумение, вызванное тем, что эстонские части были сняты с участка фронта, наиболее близкого к Эстонии, бойцы были готовы сражаться. В то время в частях еще не было сведений о мирных предложениях Советского правительства буржуазному правительству Эстонии, сделанных на основе признания этого правительства и содержащих заверение, что части Красной Армии не переступят согласованную в ходе мирных переговоров линию границы.

Перемещение бригады под Двинск было полностью закончено 4 сентября. В Двинске все полки сразу же направлялись на боевые позиции. Прибытие их было, однако, замечено противником, и артиллерия белых часто обстреливала район станции Двинск. При выгрузке 5-го эстонского полка неприятельскими снарядами было убито два и ранено пять красноармейцев, в 3-м эстонском полку было двое убитых и десять раненых.

---

[198] ЦГАСА, ф. 200, оп. 4, д. 15, л. 58.

В Двинске Эстонская отдельная бригада была оперативно подчинена командованию 4-й стрелковой дивизии. К тому времени под Двинском и на Креславском направлении создалась весьма сложная обстановка. В оперативной сводке штаба XV армии № 03 146-оп от 31 августа 1919 года говорится:

«Участок 4-й дивизии под Двинском... Перед предмостными укреплениями бой, все атаки нашими частями отбиваются. Противник обстреливает артогнем форты цитадели крепости и город Двинск... На Креславском направлении под давлением превосходящих сил противника части 3-й бригады 4-й дивизии отошли на правый берег реки Западной Двины» [199].

На Эстонскую бригаду возлагалась задача приостановить наступление белополяков и отстоять Двинск. Материальное состояние бригады после непрерывных и продолжительных боев на псковском участке фронта стало тяжелым. Крайне не хватало шинелей, белья, обуви. Но бойцы Эстонской бригады сумели превозмочь трудности. Нагляднее всего это подтвердили бои по защите Двинска.

Стрелковым полкам Эстонской бригады был отведен один из самых ответственных участков фронта — предмостный район на левом берегу Западной Двины южнее Двинска. Ширина боевого участка была около 6 километров, глубина — не более 2,5 километров в центре участка. Правый фланг находился несколько западнее местечка Грива, левый фланг упирался в Западную Двину в районе мызы Лассенберг. На этом участке находился городской деревянный (Гривский) мост, к которому и пробивались белопольские части, стремясь ворваться в Двинск.

Эстонский отдельный кавалерийский дивизион, которым вновь стал командовать вернувшийся из госпиталя А. Сорксеп, получил задачу занять часть боевого участка Особого полка на правом берегу Западной Двины восточнее Двинска от мызы Лассенберг до местечка Ращины и вести наблюдение за действиями противника с целью предупредить его намерение форсировать реку на этом участке. (Схема № 8.)

До прибытия Эстонской бригады предмостный участок обороняли 30-й полк 1-й бригады 4-й стрелковой дивизии и некоторые части Латышской стрелковой дивизии. Однако 30 августа латышские части, в связи с общим перемещением Латышской дивизии на другой участок, были сняты с фронта еще до прибытия Эстонской бригады. Оставшийся на месте 30-й полк был не в состоянии один сдерживать натиск крупных сил врага. Имелись данные, что белопольское командование спешно проводило перегруппировку своих войск и подвозило на этот участок фронта подкрепления, надеясь овладеть Двинском. Чтобы

[199] ЦГАСА, ф. 200, оп. 4, д. 31, л. 111.

добиться этой цели, надо было захватить Гривский мост или форсировать реку где-либо восточнее Двинска.

Задача расстроить планы белополяков была возложена в основном на полки Эстонской бригады.

Боевые действия частей бригады начались уже 31 августа, когда на двинские позиции прибыл 1-й эстонский полк, который сменил 30-й полк 4-й дивизии на участке от местечка Гривы до деревни Малютино и перешел в наступление в направлении на Скруделино (Скрудапиена). Однако действия полка не имели успеха из-за сильного огня противника. Только после прибытия на двинские позиции 2-го и 3-го эстонских полков и предпринятых общими силами контратак критическое положение под Двинском было ликвидировано.

Вновь начались боевые будни красных эстонских воинов. Последним в Двинск прибыл 5-й эстонский полк, батальоны которого тоже прямо из эшелонов были направлены на передовые позиции.

4 сентября противник еще раз предпринял попытку овладеть Гривским мостом, но был отбит контратакой 1-го и 2-го эстонских полков, которые сами перешли в контратаку, за-

Группа бойцов 5-го эстонского коммунистического стрелкового полка в 1919 году под Двинском. Двое из них — в форме эстонских красных стрелков

няли населенные пункты Дубровку и Панасюки, но были вынуждены отойти на прежние позиции вследствие сильного огня противника. 6 сентября части Эстонской бригады с целью расширения предмостного плацдарма начали наступление на станцию и местечко Калкуны. Овладение ими дало бы возможность улучшить позиции бригады, но занять Калкуны не удалось из-за упорного сопротивления противника. Белополяки располагали весьма значительными огневыми средствами, особенно пулеметным и автоматным вооружением. Значительный перевес был у противника также в артиллерии, а вскоре он ввел в дело еще и бронепоезд. Поскольку приказа об общем наступлении не было и такой задачи командование XV армии не ставило, части эстонской бригады и 1-й бригады 4-й стрелковой дивизии вели активную оборону, уничтожая живую силу и огневые средства врага.

Однако боевой участок, занимаемый стрелковыми полками Эстонской бригады, был с оперативно-тактической точки зрения невыгодным как для наступления, так и для обороны. При наступлении фронт оказался бы слишком растянутым и не хватило бы сил для развития успеха. В случае вынужденного отступления противник мог опрокинуть части бригады в реку, так как единственной переправой служил Гривский деревянный мост, который части Эстонской бригады в случае прорыва противника должны были сами уничтожить. Других переправ поблизости не было. Таким образом, противник при всех условиях занимал более выгодное положение, и требовались срочные меры для предотвращения возможных серьезных, даже катастрофических последствий, которые были бы неизбежны при вынужденном отступлении полков Эстонской бригады.

Командование 4-й стрелковой дивизии ответило отрицательно на просьбу навести дополнительные переправы через реку, мотивируя отказ отсутствием материалов и ссылкой на утверждение инженера 4-й дивизии, что при таком быстром течении, какое имеет Западная Двина в этом месте, наведение наплавных мостов невозможно. Тогда командование Эстонской бригады решило действовать самостоятельно. Общее руководство сооружением переправы взял на себя решительный в действиях и всегда энергичный комиссар Эстонской бригады А. Рейметс. Нашлись и материалы, и специалисты. Под непосредственным руководством командира отдельной саперной роты бригады О. Пыльда и комиссара роты А. Плукка саперы в течение нескольких дней навели два наплавных моста. Мосты эти вскоре пригодились. Когда началось общее наступление белополяков и Гривский мост был уничтожен, части Эстонской бригады смогли переправиться на правый берег реки только благодаря этим наплавным мостам.

Дальнейшие бои на предмостном участке, носившие преимущественно позиционный характер, ничего не изменили в положении сторон. Участились лишь вылазки противника в направлении Гривского моста, которые предпринимались для прощупывания сил красных войск. Эти вылазки успешно ликвидировались. Хорошо действовали красные эстонские артиллеристы, которые своим метким огнем наносили белополякам большие потери. У артиллерийских командиров укоренилась даже поговорка: «Ребята, выгоните польских панов из деревень в поле, поднимите их гранатами, чтобы побежали, а уж потом шпарьте шрапнелью».

13 сентября 2-й эстонский полк с боем занял деревню Полоцк (3 км южнее Двинска). В тот же день разведка Эстонского отдельного кавалерийского дивизиона переправилась на левый берег Западной Двины и заняла деревню Путаништи, но не смогла ее удержать и вернулась обратно.

16 сентября на участке Эстонской бригады была рассеяна группа противника примерно в 100 человек.

17 сентября противник повел наступление по шоссе Калкуны—Грива, но был отбит.

18 сентября белополяки уже более крупными силами штурмовали позиции 2-го и 3-го эстонских полков, но все их атаки были отражены ружейно-пулеметным огнем, а неприятельская батарея в районе населенного пункта Ласкуты (Лауцеса), поддержавшая наступление, была выведена из строя огнем эстонских артиллеристов. В этом бою противник понес значительные потери, после чего в течение нескольких дней уже не предпринимал наступательных действий.

Потери Эстонской бригады в этих боях были небольшими. Еще до вступления в бои стрелковые полки получили пополнение из русских запасных полков, так как в Эстонском запасном батальоне, который вскоре прекратил свое существование, годных к строевой службе людей уже не осталось. Данные о боевом численном составе Эстонской отдельной бригады (без управления и штабов) на 17 сентября 1919 года приведены в таблице на стр. 235.

Во второй половине сентября в Эстонской отдельной бригаде произошли некоторые изменения. Отдельный кавалерийский дивизион был пополнен маршевым эскадроном из состава 1-го Петроградского конного полка и вновь развернут в полк. 20 сентября приказом по войскам Западного фронта № 329 Эстонская отдельная бригада была переименована в 1-ю отдельную стрелковую бригаду. Но поскольку она по количеству полков и по общей численности была значительно больше, чем предусматривали штаты отдельной стрелковой бригады, то было решено сократить ее численность и переформировать ее в обычную (не отдельную) бригаду. Командование Эстонской бригады не

Наименование частей	Всего людей	Штыков	Сабель	Пулеметов и автоматов	Орудий	Лошадей
1-й эстонский полк	877	500	24	11/5	—	172
2-й эстонский полк	922	584	—	12/3	—	194
3-й эстонский полк	967	560	19	13/2	—	180
5-й эстонский полк	902	544	36	12/3	—	238
Эстонский кавалерийский полк	512	—	187	2/5	1	346
1-я эстонская батарея	198	—	—	1/0	4	69
2-я эстонская батарея	180	—	—	0/1	4	83
3-я эстонская батарея	165	—	—	0/1	3	89
Отдельная рота связи	298	—	—	—	—	38
Отдельная саперная рота . . .	126	—	—	—	—	10
Всего: . . .	5147	2188	266	51/20*	12	1419

согласилось с этим решением, и оно было опротестовано перед Реввоенсоветом Республики.

Тем временем красным эстонским воинам пришлось перенести тяжелое испытание. В период с 19 по 26 сентября на участке Эстонской бригады наступательных операций не было. Происходила лишь ружейно-пулеметная и артиллерийская перестрелка, действовали разведчики. У противника появился бронепоезд, который 23 сентября пытался подойти к станции Калкуны, но был отогнан огнем эстонских артиллеристов. Позиции эстонских полков обстреливались минометами, которых у противника раньше не было. Все эти данные свидетельствовали о намерении белых предпринять общее наступление. Оно началось на рассвете 27 сентября. Атакам противника предшествовал сильный артиллерийский и минометный обстрел не только позиций передовых частей Эстонской бригады, но и Двинска. Один из неприятельских снарядов попал в помещение штаба Эстонской бригады, и несколько штабных работников выбыло из строя. Телефонная связь с частями бригады прекратилась, что грозило оставить полки без оперативного руководства. Вскоре был легко ранен и командир бригады Я. Паль-

* Числителем показано количество пулеметов, знаменателем — автоматов.

[200] ЦГАСА, ф. 200, оп. 4, д. 71, л. 59.

вадре. Временное командование бригадой принял командир 5-го эстонского полка Н. Риухкранд, который вместе с оперативным штабом бригады выехал на позиции, чтобы на месте руководить действиями частей. За артиллерийским и минометным обстрелом, продолжавшимся более часа, последовали яростные атаки больших масс вражеской пехоты при поддержке танков, с которыми бойцы Эстонской бригады встретились впервые. По всему фронту Эстонской бригады и 1-й бригады 4-й стрелковой дивизии завязались ожесточенные бои, переходившие кое-где в рукопашные схватки. Первые сильные атаки неприятель предпринял на участке 30-го полка 4-й дивизии в районе Варшавского железнодорожного моста. Полк не выдержал удара и отошел на правый берег Западной Двины. В 9 часов утра противник крупными силами обрушился на позиции 5-го эстонского полка, но был отбит. Были захвачены даже пленные. Но атаки возобновились, и белые перешли в наступление по всему участку Эстонской бригады. Особенно яростными были атаки на участке 3-го эстонского полка. Кроме танков, туда устремились еще бронемашины, и под столь значительным давлением подразделения 3-го эстонского полка были вынуждены оставить занимаемые ими позиции и перейти на правый берег Западной Двины. Противник продвинулся к Гривскому мосту, готовясь ворваться в город. Тогда на помощь 3-му полку был направлен 1-й батальон 5-го эстонского полка, который уничтожил прорвавшихся к мосту белополяков, а затем эстонские батареи взяли Гривский мост под обстрел и уничтожили его.

В продолжение нескольких часов шел кровопролитный бой. 2-й эстонский полк пытался удержать свои позиции штыковой контратакой, но силы были неравными и полк начал отход к реке. 2-я рота полка была окружена противником и понесла большие потери при выходе из окружения. Потери других эстонских полков в этом бою были также значительными.

Белопольское командование вводило в действие все новые и новые резервы. Они решили исход ожесточенного многочасового сражения в пользу противника. Начался общий отход частей Эстонской бригады, ряды которых сильно поредели. Часть людей удалось переправить по наплавным мостам, другие переправлялись через реку вплавь. Используя всевозможные подручные средства, они брали с собой не только винтовки, но и пулеметы. В этот тяжелый, но вместе с тем героический день красные эстонские воины проявили много отваги и мужества. Белым, несмотря на огромное превосходство в силах, не удалось ворваться в город. Двинск остался в руках Красной Армии.

В политсводке XV армии от 30 сентября 1919 года говорится:

«В боях 27 сентября эстонская бригада, 1-й, 2-й и 3-й эстонские полки понесли громадный урон убитыми, ранеными и попавшими в плен.

Многие красноармейцы и командиры, чтобы не попасть в плен, застрелились. Многие переплыли через реку в обмундировании...» [201]

Только в одном бою 27 сентября, который продолжался считанные часы, части бригады потеряли больше людей, чем в многочисленных боях по освобождению Пскова. Но Двинск, стратегически важный пункт, надо было защищать до последней возможности. В то время Деникин подходил к Орлу, Воронежу и Туле, готовя удар на Москву, Юденич готовил второй поход на Петроград.

В бою под Двинском 27 сентября более всего пострадал 3-й эстонский полк, принявший на себя удар крупных сил врага в направлении Гривского моста. Около 400 человек было потеряно убитыми, ранеными и попавшими в плен. Значительными были потери также в 1-м и 2-м эстонских полках. Меньшие потери понес 5-й эстонский полк. Эстонский кавалерийский полк, который с самого прибытия находился на правом берегу Западной Двины и только изредка участвовал в перестрелках через реку, потерь почти не имел. В полк постепенно возвращались бойцы из госпиталей, и численность его даже увеличилась более чем на 50 человек. В эстонских артиллерийских батареях потери тоже были незначительными.

2 октября в частях был объявлен приказ по Эстонской отдельной бригаде № 51, в котором было сказано:

«Объявляю всем частям бригады за героическую защиту Двинска 27 сентября от лица службы благодарность, отметив при этом особую отвагу 1-го батальона 5-го эстонского полка при защите моста. Слава и вечный покой товарищам, погибшим за рекой у подступов Двинска. Слава героям революции... Смерть врагу, кровь товарищей требует отмщения» [202].

Потери сказались и на численности партийной организации Эстонской бригады. В стрелковых полках количество коммунистов, несмотря на приток новых членов партии и кандидатов, сократилось почти на одну треть. В 1-м эстонском полку после двинских боев из 90 коммунистов осталось 61, а в 3-м эстонском полку, где общие потери были наибольшими, из 130 коммунистов осталось 82 (59 членов партии и 23 кандидата). Во 2-м и 5-м эстонских полках, где также было более 100 коммунистов в каждом, потери среди них были примерно такими же. Это было обусловлено тем, что авангардная роль

---

[201] ЦГАСА, ф. 200, оп. 2, д. 445, л. 120.
[202] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 9, л. 64.

в боях принадлежала коммунистам, они были всегда на самых опасных местах, воодушевляя бойцов личным примером.

Всего в Эстонской бригаде на 2 октября 1919 года было 595 членов партии и 97 кандидатов [203].

Несмотря на потери, значительно расстроившие стрелковые полки, боевой дух бойцов и командиров быстро восстанавливался. К этому были направлены все усилия партийных коллективов, работников политотдела, всех коммунистов частей бригады. После того как части Эстонской бригады были сменены и отведены в резерв Западного фронта в район станций Рушоны—Вышки, в бригаду прибыли представители ЦК Эстонских секций РКП(б), которые выступали в частях с докладами и беседами по всем интересующим бойцов вопросам, рассказывали о положении на других фронтах и пр. Весьма большое положительное влияние на улучшение морального состояния всего личного состава бригады оказала весть о том, что Реввоенсовет Республики принял решение не упразднять Эстонскую отдельную бригаду, а развернуть ее вновь в дивизию и отправить на Южный фронт.

С 1 по 7 октября 1919 года части Эстонской отдельной бригады находились в резерве фронта, они получили пополнение и готовились к переброске на Южный фронт.

4 октября во 2-м эстонском полку состоялось празднование годовщины полка. От ЦК Эстонских секций РКП(б) полку было вручено знамя, командование бригады выдало награды наиболее отличившимся в боях. Было награждено 26 красноармейцев и командиров [204].

В этот период в Эстонской отдельной бригаде произошли следующие изменения. 4 октября Эстонский кавалерийский полк был направлен в распоряжение командующего XV армией для участия в операциях по разгрому гдовской группировки противника. Советское командование намечало использовать конницу для действий в тылу белогвардейских войск Юденича. Полк был передан в непосредственное оперативное подчинение командования 10-й стрелковой дивизии. В этой же дивизии находилась приданная ей еще в Пскове 4-я эстонская артиллерийская батарея. Они оставались на этом участке Западного фронта до полного разгрома второго похода Юденича и даже позднее. Только в феврале — марте 1920 года они были возвращены в Эстонскую дивизию на Юго-Западный фронт.

Прекратил свое существование Эстонский запасный батальон, в котором уже не осталось годных для строевой службы людей. Красноармейцы старших возрастов, которых было около 200 человек, были направлены в разные тыловые части.

[203] ЦГАСА, ф. 200, оп. 2 д. 450, л. 71.
[204] Там же, л. 64.

Произошли перемещения среди командного состава и штабных работников бригады. Начальником штаба Эстонской отдельной бригады был назначен И. Лехт, бывший до этого заместителем начальника штаба. Прежний начальник штаба бригады А. Пыльд был назначен командиром 2-го эстонского полка. Бывший командир 2-го эстонского полка А. Абель был переведен в 3-й эстонский полк на должность помощника командира полка, а помощник командира 3-го эстонского полка К. Ханнус — на ту же должность во 2-й эстонский полк. Командир 5-го эстонского полка Н. Риухкранд, который с 27 сентября по 3 октября замещал раненого командира Эстонской бригады Я. Пальвадре, был оставлен при штабе бригады. После развертывания бригады в дивизию он должен был стать командиром одной из бригад. Должность командира 5-го эстонского полка с 3 октября занял заместитель командира того же полка Я. Грюнер. Начальником Эстонских командных курсов вместо Э. Тейтера был назначен В. Лээген, а Тейтер был переведен в штаб Эстонской бригады на должность старшего помощника начальника штаба по оперативной части [205].

На основании приказа командующего XV армией А. Корка и члена Революционного военного совета армии Тихменева от 6 октября № 737-к командование Эстонской отдельной бригады 7 октября приступило к погрузке частей в эшелоны. Первыми подлежали отправке 2-й и 5-й эстонские полки, которые уже получили пополнение (в них теперь было более чем по 600 штыков). Вместе с этими полками отправлялись также управление бригады и артиллерийский дивизион. Во вторую очередь должны были погрузиться 1-й и 3-й полки, в которых продолжался прием пополнения. После прибытия в новый район сосредоточения (к северу и северо-востоку от станций Ординская и Хотынец по железной дороге Брянск—Орел), командиру Эстонской отдельной бригады было приказано принять в свое подчинение уже ранее направленные в Брянск 86-й стрелковый полк и 1-й полк Всеобуча, выделенные из состава войск Западного фронта. Вместе с частями Эстонской отдельной бригады они должны были составить сводную дивизию с возложением общего руководства на управление и штаб Эстонской бригады как на аппарат будущей Эстонской дивизии [206].

8—10 октября двинулись в путь 2-й и 5-й эстонские полки, артиллерийские батареи и отдельная саперная рота бригады. 11 и 12 октября были отправлены 1-й и 3-й полки, управление артиллерии, штаб бригады, комендантская команда, команда по сбору оружия и отдельная рота связи.

---

[205] ЦГАСА, ф. 200, оп. 2, д. 445, л. 72; ф. 1656, оп. 1, д. 9, лл. 63, 68, 74, 76.

[206] Там же, оп. 4, д. 15, лл. 231—233.

Комплектование частей бригады, подготовка к отправке и сама отправка их на Южный фронт, который к тому времени стал главным фронтом Советской республики, были проведены в максимально короткий срок и весьма организованно. Воины были полны решимости ответить на призыв партии новыми боевыми делами в борьбе против белых полчищ Деникина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЭСТОНСКОЙ ДИВИЗИИ НА ЮЖНОМ И ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТАХ

Осенью 1919 года Советская республика вновь переживала тревожные дни. Красная Армия одержала ряд решающих побед над Колчаком и освободила значительную часть Сибири, но Украина, Северный Кавказ, Донецкий бассейн, Баку и Грозный по-прежнему были оторваны от Советской республики.

Главная опасность угрожала теперь с юга, где генералу Деникину еще летом 1919 года удалось объединить все контрреволюционные силы, создать Кавказскую армию, Донскую армию и Добровольческую армию, которым англо-французские империалисты оказывали всестороннюю помощь вооружением и военными материалами.

9 июля 1919 года В. И. Ленин обратился от имени Центрального Комитета партии ко всем организациям партии с письмом «Все на борьбу с Деникиным!» В обращении сказано: «... Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА МОМЕНТА» [207].

Предпринятое советским командованием в августе наступление на Деникина со стороны Царицына (Волгограда) успеха не имело. Деникин успел сформировать ударную группу и бросить ее на Москву по линии Курск—Орел—Тула, а на Воронеж двинул два конных корпуса. 15 октября 1919 года Политбюро ЦК партии признало Южный фронт главным фронтом Советской республики. Командование войсками Южного фронта было возложено на одного из выдающихся военачальников Красной Армии А. И. Егорова.

К осени 1919 года усложнилось положение и на Петроградском фронте, где империалисты Антанты организовали новое

[207] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 29, стр. 402—403.

наступление генерала Юденича и белоэстонских частей на Петроград. Белым удалось прорвать фронт VII советской армии и к середине октября выйти на ближние подступы к Петрограду.

На Орловско—Брянском направлении, где вскоре пришлось вступить в бой и Эстонской дивизии, части XIII и XIV советских армий, сдерживающие натиск врага, к 10 октября находились на линии городов Новгород-Северский—Севск—Дмитровск—Кромы и несколько южнее Орла, Новосилья и Ельца. Особенно сильный нажим на советские войска противник оказывал на линии Дмитровск—Кромы—Орел, где деникинское командование сосредоточило свои ударные части — дроздовскую, корниловскую и марковскую дивизии 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. За правым флангом кутеповского корпуса в районе Воронежа действовали белогвардейские кавалерийские корпуса Мамонтова и Шкуро.

Предпринятый 8—9 октября частями XIII армии контрудар не дал результатов из-за недостаточности сил, и противник продолжал рваться к Орлу и Брянску, откуда пролегал ближайший путь к Москве.

Советское командование принимало все меры, чтобы отразить врага, приостановить его дальнейшее продвижение. Большую роль в этом сыграла созданная командованием Южного фронта ударная группа войск в составе только что прибывших на Южный фронт Латышской стрелковой дивизии под командованием А. Мартусевича (с середины октября Ф. Калныня), Отдельной стрелковой бригады П. А. Павлова и кавалерийской бригады червонных казаков под командованием В. М. Примакова. В ударную группу Южного фронта должна была войти и Эстонская стрелковая дивизия, но она еще не прибыла из-под Двинска.

К 10 октября ударная группа была сосредоточена на рубеже Турищево—Молодовое (60 км юго-западнее Орла). 11 октября она должна была прорвать фронт противника в районе Кром, расстроить его тыл и энергичным продвижением в направлении городов Фатеж и Малоархангельск перерезать Московско-Курскую железную дорогу. Но эту задачу выполнить не удалось. Внутренние фланги XIII и XIV армий были недостаточно обеспечены, и противник прорвал фронт на стыке этих армий, захватив 9 октября Дмитровск и 10 октября — Кромы. Не смогли противостоять натиску врага и части XIII армии, расположенные южнее Орла. 13 октября белые захватили Орел. Попытки XIII и XIV армий выбить противника из Орла, Кром и Дмитровска оказались безрезультатными, и части Красной Армии отошли несколько севернее и северо-западнее этих городов.

Однако ударная группа фронта, переведенная после паде-

ния Орла в непосредственное подчинение командующего XIV армией И. П. Уборевича, вступив 11 октября в бои, 15 октября заняла Кромы и, продолжая продвижение в направлении станций Еропкино и Куракино, создала серьезную угрозу флангу и тылу корниловской дивизии белых. Успех ударной группы советских войск привел к тому, что деникинское командование прекратило наступление на Тулу. Дальнейшие бои ударной группы XIV армии, которые велись теперь уже в тылу орловской группировки противника, вынудили деникинское командование приостановить дальнейшее наступление севернее и северо-западнее Орла и начать операции главным образом против ударной группы XIV армии. Это значительно облегчило положение остальных частей XIII и XIV армий.

Но инициатива все еще оставалась в руках противника. Его надо было не только остановить, но и разгромить. Для этого необходимо было добиться превосходства в силах. На Южный и Юго-Восточный фронты в спешном порядке стягивались части Красной Армии, снятые с менее опасных участков других фронтов. Сюда же по призыву ЦК партии и В. И. Ленина прибывали тысячи коммунистов и комсомольцев, которые вливались в части Красной Армии, усиливая и укрепляя их состав. Уже к середине октября был достигнут перевес по пехотным частям. Только в кавалерии противник имел еще значительное превосходство. Чтобы лишить Деникина и этого преимущества, советские кавалерийские части были объединены в более крупные соединения и пополнены. Конный корпус С. М. Буденного был усилен конной группой VIII армии и 56-й кавалерийской бригадой, а в конце октября еще 11-й кавалерийской дивизией. Из кавалерийской бригады червонных казаков и других кавалерийских частей была сформирована 8-я кавалерийская дивизия под командованием В. М. Примакова [208].

Достижение превосходства в силах, улучшение снабжения войск, массовый приток коммунистов — рабочих Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Твери и других городов дали возможность создать резкий перелом на фронте, организовать общее наступление Красной Армии на всем обширном протяжении Южного и Юго-Восточного фронтов.

В число войск Южного фронта была включена и Эстонская отдельная стрелковая бригада (вскоре развернутая в дивизию), которая выполнила свою боевую задачу под Двинском и могла теперь участвовать в общей борьбе по разгрому Деникина и освобождению Украины и Донбасса от белогвардейцев.

Начатая 8 октября переброска частей Эстонской бригады

---

[208] История гражданской войны в СССР. 1959, т. IV, стр. 258—259, 262, 264—265, 267, 269.

была закончена 16 октября. Части бригады сосредоточились в районе станций Ординская и Хотынец, северо-западнее города Орла, занятого противником. Штаб бригады расположился в селе Хотынец.

После прибытия в указанный район бригада получила пополнение, главным образом из числа мобилизованных молодых бойцов, уроженцев Владимирской, Нижегородской и некоторых других центральных губерний. Среди пополнения было и некоторое количество добровольцев, в том числе бывших солдат и унтер-офицеров старой армии, имевших боевой опыт. Это позволило укрепить части бригады младшими командирами (командирами отделений), в которых после боев под Псковом и Двинском чувствовался острый недостаток. Прибыло также некоторое количество лиц среднего командного состава.

В связи с предстоявшими ответственными боевыми операциями партийные организации, политработники и все коммунисты вели разъяснительную работу в полках и особенно среди пополнения, включавшего также небольшое количество бывших дезертиров. Всюду отмечался образцовый порядок, части были готовы к бою. Вместе с бригадой прибыли также представители ЦК Эстонских секций РКП(б) Ян Икмельт, И. Мяги и Г. Тейтер, которые вместе с партийными работниками и политработниками бригады проводили в частях партийные собрания и митинги, разъясняли положение на фронтах, задачи партии, задачи коммуниста и каждого бойца. Эта массовая разъяснительная работа дала весьма положительные результаты. В частях не отмечалось ни одного случая дезертирства и других серьезных нарушений воинской дисциплины.

На основании телеграммы Главнокомандующего фронтами от 5 октября 1919 года № 4737-оп Эстонская отдельная стрелковая бригада была развернута в дивизию двухбригадного состава. Начальником Эстонской стрелковой дивизии был назначен бывший командир Эстонской отдельной бригады Я. Пальвадре, начальником штаба дивизии — И. Лехт, старшим помощником начальника штаба — Э. Тейтер. Комиссарами дивизии были утверждены бывшие комиссары Эстонской бригады А. Рейметс и И. Тамм. Должность начальника политотдела Эстонской дивизии занял И. Хансинг. Комиссаром 1-й бригады был А. Йеа, 2-й — И. Махмасталь.

Первой бригадой Эстонской дивизии стал командовать Н. Риухкранд, второй бригадой — А. Пыльд (до 15 сентября был начальником штаба Эстонской отдельной бригады, затем командиром 2-го эстонского полка). Начальником артиллерии дивизии был назначен Х. Тедер, комиссаром артиллерии — К. Таммин. Начальником снабжения дивизии был назначен К. Преттер, начальником связи — В. Нейман.

Управление и штаб Эстонской стрелковой дивизии (1919—1920 гг.). Сидят (слева направо): Р. Изак, Э. Рипс, Э. Тейтер, Я. Пальвадре, А. Реймете, Х. Кульдвере, В. Нейман. Стоят: Мытус, К. Римм, Я. Пыльдема, П. Фрейберг, А. Линтлом, А. Пыльд

В состав Эстонской дивизии вошли следующие части и подразделения:

1-й эстонский стрелковый полк под командованием В. Пусся и комиссара А. Муда.

2-й эстонский стрелковый полк под командованием И. Эверта (бывший помощник командира 5-го эстонского полка) и комиссара Р. Нелло.

3-й эстонский полк под командованием его неизменного командира А. Лиллакаса и комиссара И. Травникова.

5-й эстонский стрелковый полк под командованием Я. Грюнера и комиссара М. Кульбаха.

Эстонский кавалерийский полк (находился пока в распоряжении VII армии на Западном фронте).

1-я, 2-я, 3-я и 4-я эстонские легкие артиллерийские батареи, из которых 4-я батарея до марта 1920 года оставалась в распоряжении командования 10-й стрелковой дивизии на Западном фронте. Эстонскими артиллерийскими батареями командовали П. Левальд, Я. Шульценберг, А. Ломбак.

В оперативное подчинение начальника Эстонской дивизии с 14 октября 1919 года вошли также 1-й стрелковый полк 1-й Петроградской дивизии Всеобуча под командованием Л. Кормана и комиссара полка Архипова и 86-й стрелковый полк из состава 10-й дивизии под командованием В. Федюхина и комиссара М. Шапиро. Эти полки были переброшены на Южный фронт несколькими днями ранее Эстонской бригады. До ноября 1919 года они действовали под своими прежними наименованиями, а затем вошли в состав Эстонской дивизии.

Кроме боевых частей, в составе дивизии были: отдел снабжения, батальон связи, саперный батальон, полевая хлебопекарня, полевое казначейство, полевой контроль, санитарный и ветеринарный отделы, полевой госпиталь, политический отдел, военный трибунал и некоторые другие вспомогательные службы и команды, предусмотренные штатами стрелковой дивизии. Продолжали функционировать также Эстонские командные курсы и школа подготовки младших командиров [209].

По состоянию на 15 октября 1919 года, т. е. накануне Орловской операции, в Эстонской дивизии насчитывалось всего 7181 человек, в том числе штыков в ротах — 3247, в командах — 484; 549 артиллеристов, 114 сабель, 312 лиц командного состава. Самым многочисленным был только что прибывший в дивизию 1-й Петроградский полк, в котором было 1695 человек (1038 штыков в ротах). Дивизия располагала 68 пулеметами «Максим», 12 автоматами и 11 легкими орудиями [210].

Орловско-Кромская операция

Закончив переформирование, Эстонская дивизия перешла в непосредственное распоряжение командующего Южным фронтом. В оперативном приказе командующего № 10913-оп от 15 октября 1919 года сказано: «Состоящей в моем резерве Эстонской дивизии (части Эстбригады, 86 полк и полк Всеобуча) приказываю: 1) К вечеру 15 октября развернуться на фронте Вербник (15 верст юго-западнее станции Хотынец) и Мощеное (10 верст северо-восточнее Хотынца), имея целью в дальнейшем нанесение сосредоточенного удара в направлении на Орел. 2) Начало наступления дивизии с означенного фронта и дальнейшие директивы будут указаны мною дополнительно. 3) Район развертывания дивизии прикрыть охранением разведкой в общем направлении на Орел. 4) Начдиву Эстонской установить прочную связь со мной через Штарм 14. 5) Для

---

[209] ЦГАСА, ф. 200, оп. 4, д. 15, лл. 225, 231—233; ф. 1656, оп. 1, д. 10, лл. 1, 3, 4, 12, д. 9, л. 77; ф. 1010, оп. 1, д. 15, л. 80.

[210] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 55, лл. 8—9.

ориентировки сообщаю: станция Саханская западнее Орла и город Орел заняты противником. Командюж Егоров, член Реввоенсовета Южфронта Серебряков» [211].

К 4 часам 16 октября части Эстонской дивизии развернулись в боевой порядок по фронту: деревни Мощеное—Богородицкое—Вербник, и находились в полной боевой готовности.

Правее Эстонской дивизии занимала фронт Латышская дивизия, левее — 9-я стрелковая дивизия. Латышской дивизии с приданными к ней частями было приказано к вечеру 16 октября выйти на линию железной дороги Орел—Курск в районе станции Еропкино [212]. (Схема № 9.)

17 октября Эстонская дивизия перешла в состав и в непосредственное подчинение XIV армии. Командующий армией И. П. Уборевич сообщил командующему Южным фронтом: «Эстдивизия перешла в мое распоряжение. Приказано сосредоточенными силами Эстонской дивизии нанести решительный удар на Орел и занять таковой. Во исполнение чего начдиву Эстонской приказываю: к вечеру 17 октября сосредоточиться на линии Сергиевское, станция Нарышкино, Богдановка, Ужаренка. 18 октября установить тесную связь с частями ударной группы Латдивизии и правым флангом тринадцатой армии продолжать сосредоточенными силами стремительное наступление с целью занять город Орел не позднее 19 октября. В распоряжение начдива Эстонской придаю двадцать второй автобронеотряд и бронепоезд «Ермак Тимофеевич», каковым прибыть на станцию Нарышкино не позднее 24 часов 17 октября» [213].

Боевые действия Эстонской дивизии под Орлом развертывались следующим образом.

17 октября части дивизии продолжали движение в Орловском направлении. Они шли тремя колоннами. Правая колонна в составе 1-го Петроградского и 86-го стрелкового полков и 3-й эстонской артиллерийской батареи (три орудия) — под общим командованием командира 2-й бригады А. Пыльда; левая колонна в составе 2-го и 5-го эстонских полков и двух артиллерийских батарей (1-й и 2-й) — под общим командованием командира 1-й бригады Н. Риухкранда; колонна резерва состояла из 1-го и 3-го эстонских полков.

18 октября части дивизии заняли исходные рубежи на линии населенных пунктов: постоялый двор Ужаренский (7 км южнее станции Нарышкино) — деревня Богдановка — станция Нарышкино — деревня Солнцево — Сергеевское — Мельники. Была установлена связь с соседними Латышской и 9-й диви-

---

[211] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 6—8.
[212] Там же, лл. 9, 16, 22—24, 47, 49.
[213] Там же, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 27, 31, 42.

зиями. Однако изучение обстановки и мероприятия по окончательной группировке частей на Орловском направлении потребовали больше времени, чем предполагалось. Поэтому высшее командование отсрочило общее наступление на Орел на сутки и назначило его на утро 20 октября.

Некоторые изменения в группировке частей произошли и на участке Эстонской дивизии. Из правой колонны в левую был перемещен 86-й стрелковый полк, а 2-й эстонский полк был передан в состав правой боевой колонны.

Время перехода в общее наступление было назначено на 3 часа утра 20 октября [214].

Все условия для успеха операции были налицо. Политико-моральное состояние бойцов и командиров было отличным. Вооружения хватало, снабжение всеми видами боевого имущества было достаточно полным. Исключение составляло лишь обмундирование, которого не хватало, почти совершенно отсутствовало теплое обмундирование, хотя уже наступили холода. Но несмотря на это, люди рвались в бой.

В 3 часа 20 октября части Эстонской дивизии пошли на сближение с противником. Вскоре поступили донесения и о выступлении соседних 9-й и Латышской дивизий.

В оперативной сводке штаба XIV армии к 10 часам 20 октября сказано: «Эстонская дивизия в 3 часа 20 минут начала наступление за овладение Орлом. По полученным донесениям заняла в центре боевого участка станцию Саханскую... На всем фронте наступления дивизии противник оказывает упорное сопротивление» [215].

В 7 часов 20 минут 5-й эстонский полк занял деревню Чаплыгино, где произошло столкновение с кавалерийской заставой белых, отступившей после короткой перестрелки. К 9 часам 5-й полк прошел деревню Образцово (6 км западнее города Орла) и двинулся дальше, имея связь справа с 1-м Петроградским полком, слева — с 76-м и 77-м полками 9-й стрелковой дивизии. Перестрелку с противником вели также 2-й эстонский и 86-й стрелковый полки первого эшелона дивизии. Наступление ударной группы дивизии поддерживали 22-й автобронеотряд и бронепоезд, приданные дивизии на время Орловской операции. Ожесточенный бой произошел на окраине города. Его вели подразделения 5-го эстонского полка и части 9-й стрелковой дивизии. Во втором эшелоне дивизии двигались 1-й и 3-й эстонские полки, которые не вводились в бой ввиду быстрого отхода противника. К 10 часам утра инициатива полностью перешла в руки советских войск. Противник вынужден был быстро отступать под давлением частей Эстонской,

---

[214] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 12, л. 6, д. 10, лл. 37—39, 46—47.
[215] Там же, д. 30, л. 95.

9-й стрелковой и Латышской дивизий, поддержанных обходным маневром и прорывом частей ударной группы XIV армии в тыл белых.

Утром 20 октября части Красной Армии вошли в город Орел. (Схема № 9.) Первыми в него вступили кавалерийская бригада под командованием Ф. В. Попова, 76-й полк 9-й стрелковой дивизии и 5-й полк Эстонской дивизии [216].

Продолжительное время штаб Эстонской дивизии, остававшийся в селе Хотынец, не получал донесений от наступающих частей. К 15 часам поступило первое короткое донесение от командира 1-й бригады Риухкранда — о вступлении в 10 часов 30 минут в город Орел 5-го эстонского полка. Никакими более подробными данными штаб дивизии не располагал. Только к 18 часам 20 октября штаб дивизии, собрав в частях данные, смог сообщить в штаб XIV армии и соседним дивизиям о некоторых подробностях операции. В этом донесении сказано: «...Ровно в 10 часов 30 минут первым вошел в город Орел 5-й эстонский полк, вслед за ним вошли в город латышские части. Белые в панике отступают ввиду занятия станции Вилетка (Змиевка) в тылу противника... Части дивизии прошли город и заняли пункты согласно приказу № 003. Номер 02392. Наштадив Эст. Лехт, Военком Рейметс» [217].

Части Латышской дивизии вступили в Орел в 11 часов 20 октября [218].

Белые хозяйничали в Орле всего одну неделю. Но и за этот короткий срок они учинили там дикую расправу над советскими активистами и рабочими, над захваченными в плен красноармейцами. Трупы убитых, изуродованные до неузнаваемости, находили везде: на улицах, во дворах домов, в городской тюрьме. Останки жертв белогвардейского террора были похоронены в братской могиле. В траурном эскорте был батальон эстонских стрелков Таллинского полка.

Красная Армия одержала крупную победу над врагом и у Воронежа, где конница Буденного разгромила основные силы белогвардейских конных корпусов Шкуро и Мамонтова и 24 октября освободила Воронеж.

Разгром войск Деникина под Орлом и Воронежом сыграл решающую роль в создании коренного перелома на Южном и Юго-Восточном фронтах в пользу Красной Армии. Он облегчил положение и на других фронтах, в частности под Петроградом, где вновь угрожал Юденич. После этого удара армия Деникина, при помощи которой иностранные империалисты рассчитывали захватить Москву и покончить с Советами, уже

---

[216] История гражданской войны в СССР. 1959, т. IV, стр. 270—271.
[217] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 38, лл. 33, 45—48.
[218] Там же, ф. 1010, оп. 1, д. 6, л. 10.

не была в состоянии предпринимать широкие наступательные операции. Она заняла оборону и начала перегруппировку своих расстроенных частей. Инициатива на всем обширном фронте перешла в руки советских войск. Но деникинское командование все еще не теряло надежды на восстановление своих преимуществ и вновь стало предпринимать попытки захватить Орел, чтобы затем продолжать наступление на Москву.

21 октября полки корниловской дивизии начали наступление у станции Стишь (10 км юго-восточнее Орла), но были встречены контрударами частей 2-й бригады Латышской дивизии и подоспевшими им на помощь частями бригады Павлова и Эстонской дивизии.

Части Эстонской дивизии после освобождения Орла были снова переведены в резерв Южного фронта. На них возлагалась задача нести гарнизонную службу в Орле и обеспечивать южные и юго-восточные подступы к городу. Однако создавшаяся на фронте обстановка диктовала командованию дивизии необходимость перейти от обороны к наступлению. 22 октября об этом было сообщено командующим XIII и XIV армиями и соседним Латышской и 9-й стрелковой дивизиям. В ночь на 23 октября части Эстонской дивизии вступили в бой и вместе с частями Латышской дивизии и бригады Павлова остановили продвижение противника, который намеревался вновь захватить Орел [219].

Наступление частей дивизии приостановилось на линии населенных пунктов Михайловка—станция Стишь—Куликовка. Противник оказывал сильное сопротивление, его бронепоезда и артиллерия часто устраивали перед фронтом частей Эстонской дивизии огневые завесы.

Кровопролитные бои происходили в этот период на линии Кромы—Дмитровск, особенно в районе города Кромы, который несколько раз переходил из рук в руки.

Приказом командующего Южным фронтом от 25 октября 1919 года № 11296-оп на XIII армию, в состав которой с того же числа вошла и Эстонская стрелковая дивизия, возлагалась задача разбить орловскую группировку противника, отбросив ее в юго-восточном направлении. XIV армия должна была разбить кромскую группировку противника и отбросить ее в юго-западном направлении [220].

Несмотря на потерю Орла, группировка белых сохранила свои основные силы как в людях, так и в боевых средствах. Эту группировку, усиленную новыми частями, предстояло теперь разгромить. Командование XIII армии возложило эту

---

[219] История гражданской войны в СССР. 1959, т. IV, стр. 272; ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 59—60, д. 38, л. 41.

[220] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 87, 88.

задачу в основном на Эстонскую дивизию, к которой временно были приданы 2-я бригада 9-й стрелковой дивизии (76-й, 77-й и 78-й полки), 12-й автобронеотряд (вместо 22-го автобронеотряда, переданного после освобождения города Орла в Латышскую дивизию), две артиллерийские батареи и кавалерийский дивизион — все из состава 9-й стрелковой дивизии.

В оперативном приказе командующего XIII армией от 25 октября № 125 сказано:

«...Командюж Эстонскую дивизию подчинил мне и поставил задачу разбить орловскую группу противника, отбросив ее в юго-восточном направлении.. Начдиву Эстонской, в подчинение которого в оперативном отношении передаю вторую бригаду девятой дивизии, сосредоточить большую часть дивизии на своем правом фланге и перейти в решительное наступление на участке река Рыбница—железная дорога включительно, имея целью отбросить живую силу противника в юго-восточном направлении ...»[221]

24—27 октября на участке Эстонской дивизии происходили бои в 10—12 км юго-восточнее Орла, в районе населенных пунктов Михайловки, Старой и Малой Куликовок, Ананьевской, Боткова, Лисняковых и других. Бои эти носили временами упорный характер, но не давали решающего перевеса ни той, ни другой стороне. Например, 24 октября противнику после двух атак и при поддержке бронепоезда удалось несколько потеснить 1-й Петроградский полк, однако уже на следующий день положение было восстановлено. 25 октября после полудня противник предпринял две атаки на участке 5-го эстонского полка, где также имел частичный успех, но уже к 10 часам вечера был вынужден вернуться на исходные позиции. Бои с переменным успехом происходили и на участках других полков Эстонской дивизии. Частям Эстонской дивизии, которые действовали правее и левее железной дороги Орел—Курск, сильно мешали вражеские бронепоезда. Из-за неисправности железнодорожного моста в Орле и повреждений пути южнее Орла советские бронепоезда не могли оказывать поддержку частям дивизии. Только 30 октября в распоряжение начальника артиллерии Эстонской дивизии прибыл бронепоезд «Советская Украина»[222].

После освобождения Орла и первых боев южнее его, в которых части Эстонской дивизии понесли потери, командование дивизии возбудило ходатайство о возвращении в дивизию Эстонского кавалерийского полка и 4-й эстонской артиллерийской батареи. Это ходатайство не было удовлетворено, но командующий XIV армией И. П. Уборевич и член Военного совета армии

---

[221] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 99—100.

[222] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 38, лл. 23, 27, 28, 35, 42, 43; д. 55, л. 115.

Г. К. Орджоникидзе сообщили, что они поставили перед командованием Южного фронта вопрос о направлении в Эстонскую дивизию пополнения — 3-х тысяч бойцов, 40 пулеметов и 500 лошадей. 24—25 октября 1919 года части Эстонской дивизии уже получили около 800 бойцов и 15 пулеметов. По состоянию на 26 октября в Эстонской дивизии было всего 7780 человек (штыков в ротах — 4614). Пополнялись главным образом 1-й и 3-й эстонские полки, численность которых была меньшей и до боев под Орлом. Эти полки были усилены также пулеметами. Теперь в Эстонской дивизии насчитывалось 83 станковых пулемета [223].

Общее наступление Эстонской дивизии для разгрома орловской группировки противника было назначено на утро 28 октября. К этому времени части дивизии были распределены по трем боевым участкам.

Правый боевой участок — 2-й и 3-й эстонские полки и 3-я эстонская артиллерийская батарея (3 орудия) под общим командованием командира 2-й бригады А. Пыльда.

Средний боевой участок — 1-й эстонский полк, 86-й стрелковый полк, 1-я и 2-я эстонские артиллерийские батареи (7 орудий) под общим командованием командира 1-й бригады Н. Риухкранда.

Левый боевой участок — 76-й, 77-й и 78-й полки 9-й стрелковой дивизии, две артиллерийские батареи и один кавалерийский дивизион под общим командованием командира 2-й бригады 9-й дивизии Чаплина.

В резерве дивизии — 1-й Петроградский и 5-й эстонский полки [224].

28 октября части перешли в общее наступление и заняли станции Стишь и Становой Колодезь. Несмотря на упорное сопротивление, противник был в течение 28 октября выбит со всех позиций. К вечеру 28 октября 2-й эстонский полк вышел с боями на линию населенных пунктов Ступино—Молчановка и продолжал наступление на Жидково (8 км южнее станции Стишь), которое занял утром 29 октября, захватив пленных. К 6 часам утра 29 октября части Эстонской дивизии и 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии прошли Хотетово и Богородицкое (20 км юго-восточнее Орла). До 29 октября неприятель оказывал в ряде мест весьма сильное сопротивление, но 29 и 30 октября он отходил уже почти без боя, ограничиваясь лишь обстрелом из орудий бронепоездов. Вот разговор об обстановке на фронте, который произошел утром 29 октября между дежурными штаба XIV армии и Эстонской дивизии:

«У аппарата дежурный штарм 14 Иванов. Не откажите ин-

[223] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 55, лл. 47, 65.
[224] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 12, лл. 3—4.

формировать меня об обстановке на фронте вашей дивизии по данному моменту».

Тейтер: «Правый участок: по последним сведениям, части прошли Оршанец и Жидково, продолжая наступление. На среднем участке передовые части прошли Хотетово. Левый участок: части продолжают наступление из Станового Колодезя и Новодмитриевского по направлению Богородицкое — Хрипино Болото. Противник отступает, не принимая боя, только на правом участке были столкновения, взято около 60 пленных».

Иванов: «Благодарю» [225].

К 15 часам 30 октября части Эстонской дивизии и 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии вышли на линию населенных пунктов Троицкое—Степнушка—Барыкова—Разбегаевка — Гостиное—Глебова и находились на подступах к станции и крупному селу Змиевке. (Схема № 9.) Таким образом, за 3 дня боев противник был отброшен от Орла на 35—40 километров. На этой линии частям Эстонской дивизии было приказано остановиться и привести себя в порядок для дальнейшего наступления [226].

Удачными были действия частей ударной группы XIV армии — Латышской дивизии, бригады Павлова и бригады червонного казачества, которые заняли 26 октября Кромы и разбили кромскую группировку противника. Эти бои явились продолжением и завершением начатой Красной Армией в середине октября Орловско-Кромской операции. Эта весьма важная и ответственная операция вошла в историю, как героический подвиг Красной Армии в один из самых тяжелых периодов гражданской войны, положивший начало разгрому сил контрреволюции на юге. Решающую роль при завершении Орловско-Кромской операции сыграла ударная группа Южного фронта, ядро которой составляла Латышская стрелковая дивизия.

В 8 часов утра 1 ноября части Эстонской дивизии и приданной к ней 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии снова перешли в наступление. После шестидневных боев, в которых противник оказывал сильное сопротивление, эти части ко дню второй годовщины Октябрьской революции вышли на линию город Малоархангельск — станция Глазуновка (50—60 км южнее города Орла и 70—80 км севернее Курска). В полосе железной дороги Орел—Курск значительную поддержку Эстонской дивизии оказывал бронепоезд «Советская Украина», однако 4 ноября он был поврежден неприятельским бронепоездом и отведен в тыл для ремонта.

---

[225] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 38, л. 16.
[226] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 38, лл. 6, 8—15.

Группа ветеранов 1-го Таллинского эстонского коммунистического стрелкового полка (снимок 1961 года). Сидят (слева направо): А. Удрас, А. Николаев (Портной), Э. Бюргемаа, М. Кипасто, А. Плукк, А. Фельдман, И. Крейс. Стоят: К. Талло, Г. Уйбо, Я. Апфельбаум, Л. Калъман, Ю. Пээвер, Х. Лаура, И. Кууси

После боев, которые в ряде мест, особенно в районе станций Змиевка и Поныри, носили весьма ожесточенный характер, упорство противника было сломлено, и он начал в беспорядке отступать. Этому в значительной степени способствовали энергичные действия левофланговых частей XIV армии, в частности Латышской дивизии и 8-й кавалерийской дивизии*, которые прорвали фронт противника в районе станций Поныри и Возы и овладели городом Фатежом. Прорыв фронта противника за правым флангом Эстонской дивизии в значительной мере облегчил дальнейшие действия ее на Курском направлении.

6 ноября 1919 года переданные ранее в распоряжение начальника Эстонской дивизии 1-й Петроградский полк и 86-й стрелковый полк были включены в состав Эстонской дивизии

* 8-я кавалерийская дивизия под командованием В. М. Примакова была сформирована в двадцатых числах октября 1919 г. из 11-й и 14-й кавалерийских бригад и кавалерийской бригады червонного казачества.

и переименованы: 1-й Петроградский полк — в 4-й стрелковый полк, 86-й полк — в 6-й стрелковый полк.

10 ноября части 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии были изъяты из оперативного подчинения начальника Эстонской дивизии и возвращены в свою дивизию. В распоряжении начальника Эстонской дивизии была оставлена только одна тяжелая артиллерийская батарея 9-й дивизии для борьбы с бронепоездами противника [227].

Эстонская дивизия получила задание продолжать уничтожение живой силы противника, использовать переполох в его рядах, развить энергичное наступление в Курском направлении и захватить город Курск [228].

В период с 10 по 12 ноября белые пытались прорвать фронт на участке Латышской дивизии. Белогвардейское командование стремилось хотя бы на время задержать наступление советских войск, чтобы выручить свою разбитую кромскую группу и выиграть время для подтягивания резервов и обороны Курска. Командующий XIII армией приказал Эстонской дивизии оказать содействие левофланговым частям Латышской дивизии. 2-й, 3-й и 4-й эстонские полки немедленно оказали помощь Латышской дивизии, начав 12 ноября энергичное наступление в направлении Ольховатки—Становое—Богоявленское (Большое Анненково). Они ударили в тыл противнику, штурмовавшему левый фланг Латышской дивизии в направлении Глебова—Фатеж. Эстонские полки нанесли серьезный урон 1-му и 2-му корниловским полкам белых. Угроза противника на левом фланге Латышской дивизии была ликвидирована, и к 13 ноября части Эстонской дивизии вышли с боями на линию населенных пунктов Шмарное—Ушаково—Баево—Шеховцево—Посашки—Терепша (последние два пункта в 15 км севернее Курска). С этого рубежа Эстонская дивизия начала операцию по овладению Курском. (Схема № 10.)

К 15 ноября 1919 года части Южного фронта вышли на общую линию: Чернигов—Сосница—Кролевец—Глухов — Фатеж—Щигры—Нижне-Девицк—Бобров—Урюпинск [229].

На пути от Орла до Курска Эстонская дивизия встретилась с серьезными трудностями. Начались сильные снегопады, метели, свирепые морозы, доходившие до 25 и более градусов. Они затрудняли продвижение частей дивизии не меньше, чем сопротивление противника. Железнодорожные пути заносило глубоким снегом, и поэтому доставка для войск продовольствия и боеприпасов и эвакуация раненых были сильно затруднены, а временами прекращались почти полностью. Бронепоезда

[227] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 9, л. 88.
[228] Там же, д. 7, л. 181; д. 9, лл. 86—88.
[229] Там же, д. 9, л. 90; ф. 198. Краткий обзор по XIII армии.

«Мститель Углекоп», «Смерть директории» и «Советская Украина», которые должны были поддерживать наступление на участке Эстонской дивизии вдоль железной дороги Орел—Курск—Белгород, часто не могли передвигаться из-за глубоких заносов и недостатка топлива. Части дивизии не имели зимнего обмундирования, теплого белья. Разведывательные группы нередко сбивались с пути, попадая в глубокие овраги, и люди замерзали там или возвращались с отмороженными конечностями.

«Положение катастрофическое, движение чуть ли не приостановлено, нет топлива, не на чем эвакуировать раненых и подвозить боеприпасы. Паровозы стоят холодные, а с фронта ждут экстренных мер», — доносило командование дивизии в штаб армии в период, когда шли бои между Орлом и Курском.

Но несмотря на тяжелые условия, бойцы дивизии продолжали сражаться, упорно продвигаясь вперед.

К 15 ноября части Эстонской дивизии с боями подошли к Курску. В это время участились случаи перехода белых солдат на сторону советских войск и добровольной сдачи их в плен. На участке Эстонской дивизии за период с 8 по 15 ноября число перебежчиков и пленных неприятельских солдат достигло 200 человек. Кроме того, было захвачено 10 пулеметов, много винтовок и прочего военного имущества [230].

Хотя войска белых и были расстроены, белогвардейское командование принимало меры, чтобы удержать за собой Курск или хотя бы выиграть время для эвакуации города, в котором были сосредоточены значительные запасы вооружения и военных материалов.

Против Эстонской дивизии под Курском 16—17 ноября действовала объединенная группа Курского укрепленного района, составленная из 1-го, 2-го, 3-го и вновь сформированного сводного корниловских полков, поддерживаемая тремя бронепоездами, артиллерией, бронемашинами и четырьмя малыми танками. Эту группировку противника предстояло разбить.

Курская операция

Задание взять Курск было возложено на Эстонскую дивизию. 16 ноября дивизии было приказано распределить свои силы и подготовиться для стремительного броска на Курск, занять город и отбросить противника за его пределы. После занятия города части дивизии должны были выйти на линию населенных пунктов Гуторово—Цветково—Рышково — Лебяжье (6—8 км южнее Курска).

---

[230] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 56, лл. 88, 100.

Части 9-й стрелковой дивизии, действовавшие левее Эстонской дивизии, должны были обойти Курск с востока и перерезать железные дороги Курск—Белгород и Курск—Льгов. Впрочем, дорога Курск—Льгов уже не имела существенного значения, так как еще 15 ноября город Льгов был занят 8-й кавалерийской дивизией, совершившей глубокий рейд в тыл противника.

Латышская дивизия получила приказ обойти Курск с запада и продолжать после занятия города вместе с Эстонской дивизией наступление в Белгородском направлении.

Части Эстонской дивизии, сгруппированные в две боевые колонны, выступили в 8 часов 17 ноября и к 16 часам подошли к Курску. Противник почти не оказывал сопротивления. Но уже на подступах к городу положение изменилось. Белые упорно сопротивлялись, особенно в районе железной дороги, где они оборонялись при поддержке бронепоездов, и в районе шоссе, где их поддерживали бронемашины и танки. Бой продолжался около двух часов. Отлично действовали артиллеристы, в том числе оставленная в распоряжении начальника артиллерии Эстонской дивизии тяжелая батарея 9-й стрелковой дивизии. Благодаря меткому огню артиллеристов бронепоезда противника получили серьезные повреждения и вскоре скрылись в городе. Белогвардейская пехота дрогнула, и в сумерках цепи ее также отошли.

Вследствие недостаточно прочной связи с соседними дивизиями, обстановка на фронте в течение продолжительного времени оставалась неясной для командования и штаба Эстонской дивизии. Наступление приостановилось. Данные разведки и сообщения местных жителей свидетельствовали о панике среди частей противника в Курске. Белые предпринимали меры для эвакуации города. Медлить было нельзя, и командование дивизии приняло решение захватить город ночью. Сообщив об этом решении командующему XIII армией, командование дивизии просило усилить нажим на противника на участках соседних дивизий, чтобы помешать белогвардейскому командованию привести в порядок свои расстроенные части.

В 22 часа 30 минут 17 ноября просьба командования Эстонской дивизии о поддержке со стороны левофланговых частей XIV армии была передана начальником штаба XIII армии в штаб Южного фронта, который принял необходимые меры. Спустя полчаса начальник штаба XIII армии Зайончковский передал следующее указание командующего XIII армией Геккера начальнику 9-й стрелковой дивизии: «... Ввиду получения начальником Эстонской дивизии сведений о панике в Курске, он приказал своей дивизии перейти в энергичное наступление для занятия Курска. Командарм приказал Вам с

полной энергией поддерживать атаку ее с вашего участка на железную дорогу Курск—Белгород, и напоминает о необходимости держать сильный кулак за своим правым флангом на случай оказания помощи Эстдивизии. Присовокупляю, что согласно новой директивы Командюжа после овладения Курском тринадцатой армии надлежит при дальнейшем движении переменить направление круто на юг, а потому Вам надлежит ограничиться занятием и удержанием железнодорожного участка на линии Курск—Белгород и продвигаться к линии Цветково—Рышково во избежание излишнего переливания с частями Эстдивизии...» [231]

В ночь с 17 на 18 ноября 1919 года Эстонская дивизия вместе с некоторыми частями 9-й стрелковой дивизии ворвалась в Курск и приступила к очищению города от белогвардейцев. (Схема № 10.) Выполнение этой задачи было облегчено энергичными действиями частей 9-й и 3-й стрелковых дивизий XIII армии и левофланговых частей XIV армии — Латышской дивизии и 8-й кавалерийской дивизии. 17 ноября части 3-й стрелковой дивизии перерезали железную дорогу Курск—Белгород в районе станции Полевая, взорвали мост через реку Полную, повредили железнодорожные пути и захватили неприятельский бронепоезд, потерпевший крушение на поврежденном участке. В этот же район вышли части 9-й стрелковой дивизии, захватившие эшелон противника — около 300 рядовых с пятью офицерами. Эшелон вез из Харькова пополнение для корниловских частей, находящихся в Курском районе [232].

В Курске белые оставили огромное количество различного боевого имущества. Советскими войсками было захвачено около 800 железнодорожных вагонов и платформ, 30 паровозов, бронепоезд, эшелон с английскими танками, обмундированием и снаряжением, много орудий, пулеметов, боеприпасов. В плен было взято около 2000 человек — главным образом в эшелонах, отрезанных частями Красной Армии.

Курский пролетариат, перенесший большие лишения за два месяца белогвардейского террора, не терял надежды на свое освобождение. Теперь эти надежды осуществились — Курск вновь стал советским. С неописуемой радостью встречали Красную Армию трудящиеся Курска. Московские ворота, через которые еще утром 18 ноября продолжали входить в город красные войска, были украшены кумачовыми флагами и приветственными лозунгами.

В Курске бойцы Эстонской дивизии получили сообщение о

---

[231] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 189, 190, 193.

[232] История гражданской войны в СССР. 1959, том IV, стр. 280; ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 30, лл. 569, 589.

разгроме второго похода Юденича на Петроградском фронте, об освобождении Гатчины, Красного Села, Ямбурга и о бегстве остатков белогвардейской Северо-западной армии. Эта весть была тем более отрадной, что в Петрограде и Ямбурге эстонские рабочие-красногвардейцы нашли радушный приют и встретили братскую заботу после того, как были вынуждены оставить свои родные места в марте 1918 года. В этих же городах было положено начало первым регулярным эстонским частям Красной Армии.

Освободив Курск от белогвардейцев, части Эстонской дивизии, за исключением 5-го эстонского полка, оставленного в городе для временного несения гарнизонной службы, продолжали энергичное преследование противника в 30-километровой полосе западнее и восточнее железной дороги Курск—Белгород. Дивизии было приказано выйти на линию станция Ржава—Чуево (30 км юго-восточнее станции Ржава). 9-я стрелковая дивизия, которая до завершения Курской операции была левым соседом Эстонской дивизии, получила приказ сосредоточиться на линии реки Рать и перейти затем в армейский резерв в районе города Щигры [233].

С этого времени левее Эстонской дивизии стала действовать 3-я стрелковая дивизия. Правым соседом продолжала оставаться Латышская стрелковая дивизия из состава XIV армии.

После завершения Курской операции перед войсками XIII армии была поставлена задача продолжать энергичное наступление и в кратчайший срок овладеть районом города Купянска. Части XIV армии должны были овладеть районом города Харькова. Тогда же конный корпус Буденного был развернут в Первую конную армию, которой был дан приказ решительным наступлением на Купянск содействовать XIII армии в овладении этим районом [234].

Для усиления Эстонской дивизии к ней 19 ноября были приданы 3-й истребительный авиационный отряд и бронепоезд «Мститель Углекоп» [235].

20 ноября части Эстонской дивизии были сосредоточены на линии Цветково—Лебяжье (1-я бригада) — Нижне-Шумяково—Пятницкое (2-я бригада) и приведены в боевую готовность для дальнейшего наступления. Но в этот же день противник перешел в наступление на фронте 3-й стрелковой дивизии и захватил город Тим. В связи с этим Эстонской дивизии было приказано сменить некоторые расстроенные части 3-й стрелковой дивизии и вместе с частями 9-й и 42-й стрелковых дивизий ликвидировать прорыв неприятеля. Задача была быстро

[233] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, л. 198.
[234] Там же, д. 7, лл. 218—219.
[235] Там же, д. 10, л. 232; д. 7, л. 194.

П. Кангро,
боец команды конных разведчиков
2-го Вильяндиского полка

выполнена. Уничтожив противника в районе Тима, части XIII армии продолжали двигаться в Белгородском направлении[236].

21 ноября части 2-й бригады Эстонской дивизии сменили части 9-й стрелковой дивизии и некоторые полки 3-й стрелковой дивизии на линии станция Полевая — деревня Верхне-Гуторово—Лисова—Брынцова, а части 1-й эстонской бригады сменили части 9-й стрелковой дивизии на линии населенных пунктов Андреевка—Колодное и перешли в наступление в Белгородском и Корочанском направлениях. Сопротивление белых было уже слабым. Отдельные незначительные бои произошли в районе станции Солнцево и в некоторых других пунктах, но они лишь свидетельствовали о полной деморализации неприятеля и окончились его поражением. В перехваченном советским командованием приказе группы генерала Третьякова, в состав которой входили три марковских полка и Черноморский конный полк, говорилось о полном разложе-

---

[236] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 203—206; д. 9, л. 94.

нии третьяковской группы и корниловской дивизии. Белогвардейское командование вынуждено было отвести многие свои части в резерв для переформирования, а оставшимся частям ставить только оборонительные цели. Об этой общей деморализации противника свидетельствовали и многочисленные случаи, когда белые солдаты сдавались в плен целыми подразделениями. На участке Эстонской дивизии переходили на сторону красных войск или сдавались в плен мобилизованные Деникиным жители Курской, Орловской и некоторых других губерний. Все эти пленные и перебежчики были с ног до головы одеты в английское обмундирование. Но форму эту носили не англичане, а русские крестьяне, которых либо насильно, либо путем обмана и запугивания заставляли идти против Советской власти.

26 ноября 1919 года на основании приказа командующего Южным фронтом № 1734 от 9 ноября 1919 года в состав Эстонской дивизии была включена Отдельная стрелковая бригада под командованием П. А. Павлова. Бригада эта, действовавшая ранее в составе ударной группы XIV армии и оперативно подчиненная командованию Латышской дивизии, образовала теперь в Эстонской дивизии 3-ю бригаду в составе 7-го (бывшего Сводного), 8-го (бывшего Пластунского) и 9-го (бывшего Киевского) стрелковых полков, одного кавалерийского дивизиона и одного артиллерийского дивизиона легких орудий. В ней были также соответствующие технические и хозяйственные подразделения. Бригада эта состояла главным образом из украинцев. В боях по овладению Кромами и Дмитровском, а также в дальнейших боях на Курском направлении бойцы ее проявили большое мужество и воинскую доблесть. Похвальную оценку заслужила бригада и в дальнейших боях, когда она в составе Эстонской дивизии участвовала в освобождении Украины и Донбасса. Бригада Павлова к моменту включения в состав Эстонской дивизии насчитывала всего 3313 человек (2037 штыков, 90 сабель, 201 лицо командного состава) и была вооружена 34 пулеметами и 6 орудиями[237].

Начальником штаба бригады был Н. Аралов, комиссаром бригады — эстонец Э. Трей. Полками командовали: 7-м — Синицын, 8-м — Цимбалов, 9-м — Лукин. Комиссарами полков соответственно были Гринчук, Станкевич и Семенов. Кавалерийским дивизионом командовал Клюсик.

В период с 24 ноября по 4 декабря 1919 года части Эстонской дивизии, выполняя общую задачу, поставленную перед XIII армией — овладеть районом города Купянска, успешно продвигались вперед. 25 ноября в дивизию вернулся 5-й эстон-

---

[237] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 10, лл. 255, 272; д. 9, л. 104, д. 65, л. 39; ф. 1010, оп. 1, д. 6, л. 7, д. 55, лл. 238, 239.

ский полк, несший до этого гарнизонную службу в Курске. С 28 ноября Эстонская дивизия начала действовать уже в составе трех стрелковых бригад и, кроме бронепоезда «Мститель Углекоп», к ней были теперь приданы еще бронепоезда «Смерть директории» и «Советская Украина». Это было вызвано тем, что на участке Эстонской дивизии вновь появились бронепоезда противника, действия которых на железной дороге Курск—Белгород мешали успешному продвижению в полосе железной дороги.

28 ноября 1-й и 2-й бригадам Эстонской дивизии было приказано с наибольшей энергией продолжать начатое наступление и выйти к 1 декабря на рубеж: Киселево (6 км юго-восточнее станции Гостищево) — Шляхово—Мазикино—Пожарище—Богодухово (все эти пункты расположены на 15—20 км севернее и северо-восточнее Белгорода), чтобы с этого рубежа начать общее наступление на Белгород. 3-я бригада Эстонской дивизии осталась в дивизионном резерве в районе станции Ржава, но к началу Белгородской операции должна была также прибыть на передовую. Приданные дивизии бронепоезда были выдвинуты к передовым частям, чтобы оказать помощь пехоте в борьбе с бронепоездами противника. Штаб Эстонской дивизии перешел из Курска на станцию Солнцево [238].

После разгрома под Курском неприятель занял оборонительную линию перед Белгородом, на которой он отчаянно сопротивлялся, переходя временами в контратаки на левом фланге Латышской дивизии. Против Эстонской дивизии действовали 1-й и 2-й корниловские, 1-й, 2-й и 3-й марковские полки и Черноморский конный полк противника при поддержке бронепоездов и артиллерии.

Операция по овладению Белгородом

Разгром Белгородской группы противника был возложен на Эстонскую и Латышскую дивизии. Занять Белгород должна была Латышская дивизия, но обстоятельства сложились таким образом, что эту задачу выполнили обе дивизии совместно. 3-я стрелковая дивизия, которая действовала левее Эстонской дивизии, получила приказ наступать в юго-западном направлении, выслав вперед особый подрывной отряд для разрушения железной дороги Белгород—Купянск к югу от Белгорода. Прибывшей из резерва армии 9-й стрелковой дивизии было приказано развить энергичное наступление для занятия города Валуйки [239].

[238] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 9, лл. 98, 100, 102, 104.
[239] Там же, лл. 247, 248.

Перед общим наступлением на Белгород силы Эстонской дивизии были распределены по участкам.

Правый боевой участок (под командованием командира 1-й бригады Н. Риухкранда) составляли 2-й и 3-й эстонские полки, 2-я и 3-я эстонские батареи (7 орудий), приданная дивизии 2-я латышская тяжелая (42-линейная) батарея (2 орудия), кавалерийский дивизион 3-й бригады Эстонской дивизии — всего четыре батальона пехоты, 9 орудий и кавалерийский дивизион. К 18 часам 5 декабря бригада заняла в районе станции Беленихино и деревни Щелоково исходные рубежи для наступления в направлении на Оскочное (Шахово) и станцию Болховец (6 км юго-западнее Белгорода), с целью выйти на линию населенных пунктов Бродок—Пуляевка. Кавалерийский дивизион получил задание действовать на правом фланге для перехвата и разрушения железной дороги Белгород—Бахмач.

Средний боевой участок (под командованием командира 2-й бригады А. Пыльда) составляли 4-й и 6-й стрелковые полки, 1-я эстонская батарея (4 орудия) и 42-линейная тяжелая батарея 9-й стрелковой дивизии (4 орудия) — всего пять батальонов пехоты и 8 орудий. Бригаде было приказано перейти в наступление в направлении станции Беломестная и села Маслова Пристань (17 км юго-восточнее Белгорода) и выйти на линию Пуляевка—Маслова Пристань.

Левый боевой участок (под командованием командира 3-й бригады П. Павлова) составляли 7-й, 8-й и 9-й полки и шесть орудий 3-го легкого артиллерийского дивизиона. Бригада должна была после разгрома белгородской группы противника выйти на линию населенных пунктов Маслова Пристань—Устинка и выделить там боевую группу для перехвата железной дороги в районе станции Топлинка, между Белгородом и Волчанском.

Дивизионному резерву под командованием командира 1-го эстонского полка В. Пусся (два батальона того же полка и три батальона 5-го эстонского полка) было приказано сосредоточиться в районе станций Беленихино—Лески—Тетеревино и двигаться за правым флангом дивизии. (Схема № 11.)

Штаб дивизии со станции Солнцево переехал на станцию Ржава [240].

После включения в состав Эстонской дивизии новой бригады общая численность дивизии дошла до 10 500 человек. Увеличилась и ее огневая мощь. Теперь в дивизии было 107 пулеметов и 17 легких орудий. В селе Сергиевском в районе Орла под руководством бывшего командира 3-й эстонской батареи А. Ломбака было начато формирование управления и од-

[240] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 9, лл. 81, 104; д. 7, лл. 247, 248, 254.

ной батареи 2-го легкого артиллерийского дивизиона. Там же еще с конца октября 1919 года формировался эстонский тяжелый артиллерийский дивизион под командованием Р. Сейля. Однако, формирование их затянулось, эти артиллерийские батареи прибыли на Юго-Западный фронт только в конце марта 1920 года и в боях в составе Эстонской дивизии не участвовали.

П. Левальд

Изменения произошли и в руководящем командном составе артиллерии Эстонской дивизии. Бывший командир 1-й батареи Я. Шульценберг был назначен командиром 1-го эстонского легкого артиллерийского дивизиона, а командовать 1-й батареей стал О. Эйндорф. Бывший командир 2-й эстонской батареи П. Левальд был назначен помощником начальника артиллерии Эстонской дивизии, и должность командира 2-й батареи занял А. Пакк. Командиром 3-й эстонской батареи вместо отбывшего А. Ломбака был назначен помощник командира той же батареи Я. Лейзик. 3-м артиллерийским дивизионом, прибывшим вместе с бригадой Павлова, командовал В. Василевский.

Начало общего наступления Эстонской дивизии для разгрома белгородской группировки противника и овладения

Белгородом было назначено на утро 6 декабря. Однако на участке 1-й эстонской бригады (правый боевой участок) активные боевые действия, вызванные попытками противника предпринять при поддержке бронепоезда контратаки в полосе железной дороги Белгород—Курск, начались еще утром 5 декабря. 2-й и 3-й эстонские полки отбили все атаки врага. После упорных боев противник оставил населенные пункты Собынино, Дорогобужно, Собили и Шляхово. С бронепоездами белых успешно вели борьбу артиллеристы 2-й и 3-й эстонских легких батарей и латышской тяжелой батареи. Правее частей 1-й эстонской бригады в первых числах декабря сражались части 3-й бригады Латышской стрелковой дивизии, против которых противник также предпринимал яростные контратаки, особенно в полосе шоссе Белгород—Обоянь.

Рано утром 6 декабря все три бригады Эстонской дивизии перешли в наступление. Бои приняли весьма ожесточенный характер, особенно на участке 3-й бригады, которая впервые сражалась в составе Эстонской дивизии. Части новой бригады проявили в этих боях не только мужество и стойкость, но и отличную организованность. К полудню 6 декабря 7-й полк выбил противника (численностью около 1000 штыков) из деревни Ушаково и заставил его отступить в деревню Шеино. Бой за деревню Шеино длился более шести часов. К 19 часам 7-й полк занял ее после ожесточенной схватки на улицах, разбив и рассеяв 2-й марковский полк белых. 9-й полк, наступавший на деревню Мелихово, захватил пленных и пулеметы. Успешно действовали и части правого боевого участка — 2-й и 3-й эстонские полки, занявшие к 18 часам 6 декабря после ряда упорных боев населенные пункты Гостищево, Вислое, Киселево, Хохлово и захватившие много пленных.

К вечеру 6 декабря сопротивление противника постепенно ослабело, и в течение ночи его действия были парализованы. 7 декабря части Эстонской и Латышской дивизий, окончательно сломив сопротивление противника, вступили в Белгород. (Схема № 11.) Первыми были 7-й латышский полк и части 3-й бригады Эстонской дивизии.

В оперативном приказе XIII армии № 144 от 8 декабря 1919 года говорится: «Частями армии занят Белгород и сломлено трехдневное упорное сопротивление нам неприятельской конницы у Нового Оскола». Этим же приказом перед Эстонской дивизией была поставлена задача возможно скорее овладеть городом Волчанском и железной дорогой Харьков—Купянск на отрезке станция Граково — деревня Мирная Долина. Частям 3-й, 9-й и 42-й стрелковых дивизий было приказано взять города Валуйки и Купянск [241].

[241] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, лл. 269—271; д, 9, л. 129.

В Белгороде советские войска застали страшную картину зверств, совершенных белогвардейскими бандитами. Перед бегством из города они расправились с заключенными в тюрьму рабочими и советскими активистами. Весь овраг за городом был усеян трупами расстрелянных, среди которых были старики и женщины. Так генерал-палач Деникин и его подручные, объявившие себя «спасителями» России, наводили «порядок». Над телами погибших от белогвардейского террора советских людей бойцы Эстонской дивизии дали клятву — беспощадно и как можно скорее покончить с деникинскими ордами.

Потеряв Белгород, важный пункт на подступах к тогдашней столице Украины и крупному железнодорожному узлу Харькову, остатки деникинской армии отступали к югу, к Черному и Азовскому морям.

11 декабря 1919 года части Латышской стрелковой дивизии и 8-й кавалерийской дивизии освободили Харьков.

Борьба за освобождение Донбасса

Выполняя поставленную командованием XIII армии общую задачу, части Эстонской дивизии безостановочно продвигались вперед и уже 8 декабря овладели Волчанском. В этот же день части Первой конной армии Буденного взяли Валуйки.

К концу дня 11 декабря Эстонская дивизия вышла на линию населенных пунктов Писаревка—Покровское (на реке Северный Донец) — Гнилуша—Польная—Ивановка—Аннополь—Владимировка и приблизилась к железной дороге Харьков—Купянск [242].

12 декабря 1919 года командующий Южным фронтом директивой № 188-оп 970 поставил перед XIII армией новые задачи: наступать на Славянск, Юзовку (ныне Донецк) и Ново-Николаевскую. Основная цель состояла в овладении Донецким бассейном. Конная армия Буденного, усиленная 9-й стрелковой дивизией из состава XIII армии, получила задание стремительным броском захватить Купянский железнодорожный узел и расколоть деникинский фронт ударами через Донецкий бассейн на Таганрог [243].

Началась упорная борьба за Донецкий бассейн. В ней приняла активное участие и Эстонская дивизия.

Приказом по войскам XIII армии № 146 от 12 декабря 1919 года перед Эстонской дивизией была поставлена задача в крат-

---

[242] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 7, л. 281; д. 9, л. 129.

[243] ЦГАСА, ф. 198, д. 4—13, л. 108. Приказ по войскам XIII армии № 146 от 12 декабря 1919 года.

чайший срок выйти к реке Северный Донец на участке от станции Ново-Серпухово до устья реки Оскол, форсировать Северный Донец, захватить город Изюм и удерживать этот участок.

42-й стрелковой дивизии, которая с 12 декабря стала левым соседом Эстонской дивизии, было приказано наступать на Купянск, взять город и, продолжая движение на юг, форсировать Северный Донец на участке от устья реки Оскол до устья реки Жеребец.

В этот период на фронте Эстонской дивизии сопротивление противника было слабым, а временами он отходил настолько быстро, что передовые части дивизии теряли с ним соприкосновение. Поэтому движение дивизии было ускорено. Весьма успешно действовала также Первая конная армия, которая совместно с частями 9-й и 42-й стрелковых дивизий очистила от противника Купянский район. Латышская дивизия разгромила группировку белых в районе города Змиева.

К 21 декабря Эстонская дивизия на всем протяжении своего боевого участка подошла к Северному Донцу, обратив в паническое бегство действовавшие против нее остатки трех марковских, 1-го и 2-го алексеевских и двух сводных полков 31-й пехотной дивизии белых.

22 декабря части дивизии заняли город Изюм, форсировали Северный Донец и к 25 декабря вышли на линию населенных пунктов Трушеваха—Великая Камышеваха—Верино Поле—Базылеевка—Долгенькое—Голая Долина. Штаб дивизии разместился в городе Изюме. Расстояние от Белгорода до Изюма — 170 километров — было пройдено дивизией за 14 дней.

В Изюме бойцы и командиры Эстонской дивизии были встречены с большой сердечностью и теплотой. Горожане гостеприимно приглашали красных воинов к себе, делясь с ними всем, что у них осталось после систематических грабежей белогвардейцев.

Несмотря на переутомление людей, вызванное непрерывными боями и безостановочным движением, личный состав дивизии сохранил бодрость и боевое настроение.

В Изюме бойцы дивизии узнали о тяжелом продовольственном положении в Петрограде и приняли решение оказать посильную помощь питерским рабочим, выделив для них хлеб в размере недельного пайка дивизии [244].

После освобождения Изюма правофланговым соседом Эстонской дивизии вместо Латышской дивизии стала 46-я стрелковая дивизия (из состава XIV армии), а слева по-прежнему находилась 42-я стрелковая дивизия. Обе эти дивизии действовали весьма успешно, особенно 42-я дивизия, имевшая в своем распоряжении значительные конные части (13-ю кавалерий-

[244] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 9, лл. 135, 137; д. 7, лл. 400—408.

скую бригаду и кавалерийский полк самой дивизии). Вместе с этими дивизиями Эстонская дивизия, продвигавшаяся вдоль железной дороги Харьков—Мариуполь, участвовала во всех боевых операциях по окончательному разгрому Деникина. В частности, она приняла участие в овладении такими важными городами и узлами железных дорог Донбасса, как Барвенково, Краматорск, Дружковка, Бахмут (Артемовск), Юзовка (Донецк), и успешно продвигалась к Азовскому морю.

В боях по освобождению Донбасса Эстонская дивизия уже не имела больших потерь. Потери были главным образом в Орловской, Курской и Белгородской операциях. 23 декабря в дивизию прибыло еще около 900 человек пополнения из русских запасных частей. После излечения в госпиталях возвращались и бойцы-эстонцы. Однако уже к концу ноября 1919 года, после включения в состав Эстонской дивизии стрелковой бригады Павлова, состоявшей главным образом из украинцев, в личном составе стали преобладать бойцы не эстонской национальности. В середине декабря командование дивизии возбудило ходатайство перед командующими XIII армией о направлении в Эстонскую дивизию хотя бы тех эстонцев, которые находились в соединениях и частях самой XIII армии.

18 декабря от начальника штаба XIII армии был получен телеграфный ответ, в котором говорилось, что перемещение эстонцев из частей армии в Эстонскую дивизию не представляется возможным. Причины не указывались. В этой же телеграмме сообщалось, что командующий армией ходатайствовал перед Полевым штабом Реввоенсовета республики о направлении в Эстонскую дивизию эстонцев с других фронтов. Но прибывали преимущественно только те, кто был на излечении в госпиталях.

К 1 января 1920 года в дивизии было 11 019 человек, в том числе 543 лица командного состава, 7653 штыка (из них 5131 в стрелковых ротах и 2432 в командах), 1101 артиллерист. Вооружение состояло из 17 3-дюймовых орудий, 107 пулеметов, 11 автоматов и 8500 винтовок [245].

В конце декабря и начале января в руководящем составе дивизии произошел ряд изменений. Они были вызваны разными причинами, в том числе уже и отдельными случаями заболевания тифом. Начальником политотдела дивизии стал Р. Изак, работавший после расформирования в 1919 году Эстляндской армии комиссаром оперативного отдела штаба VII армии. Комиссар 3-го эстонского полка И. Травников, исполнявший временно обязанности комиссара 1-й бригады, был переведен на строевую должность. Новым комиссаром полка был назначен Я. Кивикас (бывший председатель партколлектива

[245] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 55, л. 320.

того же полка). Место заболевшего комиссара 2-го эстонского полка Р. Нелло занял А. Васильев. По болезни был освобожден с должности и комиссар 5-го эстонского полка М. Кульбах. Новым комиссаром полка стал Л. Виссак. Начальником штаба 2-й бригады дивизии вместо Г. Кивикинка был назначен возвратившийся с учебы бывший командир 2-го эстонского полка К. Кангер.

3 января 1920 года части Эстонской дивизии вступили в завершающий этап боев перед выходом к Азовскому морю на предусмотренном для дивизии участке между Бердянском (Осипенко) и Кирпичевым. При проведении этой операции части 1-й бригады (правая колонна дивизии) должны были развить стремительное наступление и не позднее 7 января выйти к Азовскому морю в полосе населенных пунктов Урзув—Ялта, лишив противника возможности осуществить эвакуацию из Мариуполя (Жданова) в Крым, а части 3-й бригады (левая колонна) должны были к тому же времени отрезать противнику пути эвакуации из Мариуполя в Таганрог и занять Мариуполь.

Эта задача была выполнена полностью и в срок. 7 января 1920 года части 3-й бригады Эстонской дивизии вступили в Мариуполь. Несколько раньше в Мариуполь вошли кавалерийские части 42-й стрелковой дивизии, не встретившие сопротивления, так как город был уже во власти местных революционных сил.

Выйдя к Азовскому морю, части Эстонской дивизии установили тщательное наблюдение за побережьем моря от укрепления Петровское до хутора Аджолое (1-я бригада) и от Аджолое до Екатеринина Приюта (3-я бригада). Части 2-й бригады находились в дивизионном резерве и сосредоточились в районе станция Николаевская—Старый Крым—Чердакла.

7 января 1920 года командование дивизии послало в Петроград следующую телеграмму: «Петроград, Смольный. Срочно. Вне очереди. Эстонская дивизия на берегу Азовского моря приветствует героический пролетариат Красного Питера, ибо полагает, что защитникам Красного Питера самый дорогой подарок — освобождение пролетариата Украины и Донецкого бассейна. Движемся неудержимо вперед, ибо нет препятствий для вооруженного пролетариата. Мариуполь, 7 января 1920 года».

В Мариуполе дивизии достались значительные трофеи, различное военное имущество, а также большие продовольственные склады. Почти все продовольствие было немедленно погружено в эшелоны и отправлено в Москву и Петроград[246].

8 января 1920 года части Конной армии Буденного после ожесточенного боя ворвались на северную окраину Ростова.

---

[246] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 65, лл. 10, 17, 19, 26, 39.

9 января в городе шли уличные бои, и 10 января Ростов был очищен от белых. Тогда же Красная Армия освободила от деникинцев города Кременчуг, Верхне-Днепровск, Екатеринослав (Днепропетровск) и подошла к Николаеву и Одессе.

Деникинская армия была разгромлена. Войска Южного фронта вышли на берега Азовского моря, освободив, кроме Мариуполя, еще Бердянск и Таганрог [247].

Подводя итоги боев, Реввоенсовет Южного фронта в приказе № 19 от 10 января 1920 года отметил:

«Основные задачи, данные войскам Южного фронта — разгром Добровольческой армии противника, овладение Донецким бассейном и главным очагом южной контрреволюции — Ростовым, — выполнены.

Наступая зимой по глубокому снегу и в непогоду, перенося лишения, доблестные войска фронта в два с половиной месяца прошли с упорными боями от линии Орла до берегов Азовского моря свыше 700 верст.

Добровольческая армия противника, подкрепленная конницей Мамонтова, Шкуро, Улагая, разбита...» [248]

Таким образом, боевые операции, проведенные Красной Армией во второй половине октября 1919 года под Орлом, Кромами и у Воронежа, ознаменовали начало конца предпринятого Деникиным по указке иностранных империалистов «похода на Москву».

Освобождение Украины и Донецкого бассейна было победой огромного значения. Советская страна располагала теперь значительными ресурсами продовольствия и топлива, столь необходимыми для снабжения рабочих, армии, промышленности. Организатором этих побед была большевистская партия, ее ленинский Центральный Комитет. Осуществляя призыв Ленина — «Все на борьбу с Деникиным!», партия большевиков направляла на Южный фронт тысячи коммунистов, которые были примером самоотверженности для бойцов, зажигали их сердца ненавистью к врагу и в ходе жестоких боев выковывали победу.

В этой борьбе за Советскую Украину и Донбасс Эстонская стрелковая дивизия действовала на одном из весьма важных и ответственных направлений.

Наряду с выполнением непосредственных боевых задач по разгрому врага, Эстонская дивизия и ее политработники активно помогали восстанавливать Советскую власть во многих освобожденных от белогвардейцев районах. Обычно политработники дивизии организовывали в освобожденных населенных пунктах собрания сельской бедноты, митинги, помогая трудя-

---

[247] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 64, л. 3.

[248] ЦГАСА, ф. 193. Краткий обзор по XIII армии.

Я. Пальвадре (слева) и Х. Тедер (начальник артиллерии Эстонской дивизии в 1919—1920 гг.)

щимся восстанавливать Советы и устанавливать твердый революционный порядок.

Пребывание Эстонской дивизии в Мариуполе (7—19 января) было использовано для того, чтобы дать частям отдых и привести их в порядок после продолжительных боев и походов. Личному составу было выдано денежное содержание сразу за три месяца, выплата которого задержалась из-за непрерывных боевых действий. Части дивизии, участвовавшие в освобождении Курска, получили также назначенную ранее награду — по месячному окладу всему личному составу. Бойцам были розданы подарки (табак, зажигалки, курительная бумага, теплые перчатки и пр.), присланные тружениками тыла. Это свидетельство тесной связи фронта и тыла, неустанная забота о тех, кто сражается против белых армий, глубоко тронули бойцов.

14 января 1920 года в Мариуполе состоялся парад частей Эстонской дивизии и демонстрация трудящихся города и близлежащих сел. В приказе № 03 от 13 января 1920 года войскам 2-й эстонской бригады и войскам, участвующим в параде, сказано:

«По случаю великих побед, одержанных доблестными войсками Красной Армии над контрреволюционными силами Деникина и прочих вожаков реакции, и выхода Рабоче-Крестьянской Красной Армии на берега Азовского и Черного морей, на 14 января с. г. назначены торжества рабочих и крестьян с участием войсковых частей. В параде участвовать 5, 6, и 8 эстонским полкам, отдельному кавалерийскому дивизиону 3-й бригады, 2-й и 3-й батареям и 2-й отдельной саперной роте. Частям прибыть на Екатерининскую улицу к 10 часам 30 мин. 14-го января со знаменами, а 5-му полку с оркестром музыки. В строю быть всем ротам, пулеметным командам и командам конных разведчиков. Форма одежды караульная, пулеметным командам быть с пулеметами, командному составу при холодном и огнестрельном оружии... Построения и прохождение церемониальным маршем производить согласно новому уставу...» [249]

Парад войск и демонстрация трудящихся прошли с большим подъемом.

Выходом Красной Армии к Азовскому и Черному морям завершился разгром основных сил Добровольческой армии Деникина. Его разбитые войска отступили на Северный Кавказ, в Правобережную Украину и частью в Крым. Таким образом, Южный фронт, выполнивший свою задачу, распался на два направления: юго-восточное и юго-западное. Поэтому Южный фронт со всеми его управлениями был 10 января 1920 года переименован в Юго-Западный фронт, и на него была возложена задача окончательного уничтожения войск Деникина, отступивших к Одессе и в Крым, а также подготовка к отражению возможного нападения белополяков на Украину. В состав Юго-Западного фронта были переданы XII, XIII и XIV армии. Из состава Южного фронта были выделены 8-я армия и Первая конная армия, посланные на Юго-Восточный фронт, который с 16 января 1920 года был переименован в Кавказский фронт.

9 января 1920 года XIII армия получила приказ овладеть подступами к Крымскому полуострову, а затем в кратчайший срок и самим полуостровом. Однако фронт XIII армии был сильно растянут, так как она охраняла участок побережья Черного моря от Днепровского лимана до Очакова, Перекопский район, Сивашский район и участок побережья Азовского моря от озера Молочное до станции Синяковская. Поэтому для выполнения операции по овладению Крымом с 12 января в распоряжение XIII армии перешли направленные из XIV армии в Крым 46-я стрелковая дивизия и 8-я кавалерийская дивизия червонного казачества.

К 23 января 1920 года части XIII армии заняли Перекоп и

[249] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 65, л. 37.

Геническ. Но в Крым ворваться не удалось. Начались упорные бои на Перекопском и Сивашском перешейках, которые не дали положительных результатов. Части XIII армии перешли к активной обороне и приступили к укреплению районов Перекопа и Сиваша, Перекопского перешейка, Армянска, южной окраины Гончарского полуострова, районов Преображенки, Первоконстантиновки, Салькова и Геническа, так как противник пытался высаживать там десанты.

Такой была к концу января 1920 года обстановка на подступах к Крыму, где Эстонской стрелковой дивизии вскоре пришлось выдержать тяжелые бои.

Борьба с бандами Махно

После январских боев на юге наступило непродолжительное затишье. Но неспокойно стало в тылу частей Юго-Западного фронта. На территории Екатеринославской, Полтавской и частично Харьковской губерний против Советской власти начали действовать анархистско-кулацкие банды Махно и его подручных. Махно, сидевший до революции в тюрьме за ограбление казначейства, стал именовать себя «защитником» украинского трудового крестьянства. На самом деле он защищал не трудовое крестьянство, а кулаков и эсеров, собирая всякий сброд, при поддержке которого рассчитывал выдвинуться хотя бы в небольшие деятели «самостийной» Украины. Продолжительное время Махно применял тактику лавирования в зависимости от военной и политической обстановки на Украине. В 1918 году он некоторое время вел партизанскую борьбу против помещиков и немецких оккупантов. В начале 1919 года, когда почти повсеместно на Украине была восстановлена Советская власть, Махно занял позицию, враждебную Советам. Но и в 1919 году он, маскируясь, продолжал вести двойную игру. В период побед Красной Армии он на словах признавал Советскую власть и даже участвовал в отдельных боевых операциях против Деникина. Когда же успех сопутствовал деникинским войскам, Махно и командиры его отрядов под разными предлогами уклонялись от участия в боях, самовольно оставляли доверенные им советским командованием боевые участки и начинали фактически помогать Деникину. Бандитские формирования на Украине, в которые, кроме кулаков, белогвардейцев и разного рода уголовного и деклассированного элемента, было вовлечено и некоторое количество введенных в заблуждение трудовых крестьян, представляли большую опасность.

В начале 1920 года, когда деникинские войска были разбиты и остатки их изгнаны с территории Украины, Махно начал от-

крытую борьбу против Советов и Красной Армии. Особую активность бандиты проявляли на территории Екатеринославской и Полтавской губерний. Уклоняясь от непосредственных столкновений с боевыми частями Красной Армии, они нападали на войсковые склады, обозы, продотряды, а в отдельных случаях даже на железнодорожные составы воинских перевозок. Они грабили население, громили сельские Советы, убивали коммунистов, должностных лиц советских органов. Такое положение было чревато опасностью для всего тыла Юго-Западного фронта, а особенно для войск XIII и XIV армий, расположенных на крымском участке.

В это время на Украине и в ряде других мест широко распространилась эпидемия тифа, которая поразила и части Красной Армии. Это было огромное бедствие, серьезно угрожавшее боеспособности войск. Тиф вырывал из рядов Красной Армии сотни и тысячи бойцов и командиров. Больницы и военные госпитали были переполнены. Медицинские учреждения не справлялись с притоком больных, которых нередко приходилось размещать у местного населения в деревнях, поблизости от сельских больниц. В этих больницах не хватало медицинского персонала, не хватало лекарств, и поэтому многие больные оставались без должного ухода, а иногда вообще без медицинской помощи. Борьба с тифом потребовала от партии и Советского правительства огромных усилий. Эпидемия тифа была локализована лишь к лету 1920 года. Тогда количество заболеваний резко снизилось.

Ликвидацию банд Махно в районе Пологи—Орехово—Гуляй-Поле (один из основных центров сосредоточения его сил) командование Юго-Западного фронта возложило на Эстонскую дивизию, 42-ю стрелковую дивизию и 13-ю кавалерийскую бригаду. В окрестностях Павлограда, Александровска (Запорожье), Кривого Рога и некоторых других городов борьбу с бандитами вели части Латышской дивизии.

С 15 января 1920 года Эстонская дивизия перешла в резерв Юго-Западного фронта, сдала свой участок на побережье Азовского моря 3-й стрелковой дивизии и выступила 19—20 января в поход, чтобы отправиться через станцию Пологи и поселок Орехов (ныне город Орехов) в район Кичкаса, Софиевки и Александровска. Дивизии предстоял 150-километровый поход через районы, в которых действовали бандиты и свирепствовал тиф [250].

В оперативном приказе XIII армии № 014 от 23 января 1920 года сказано:

«... По данным политразведки в селе Гуляй-Поле стоит штаб Махно, располагающий около 1000 штыков при 12 ору-

[250] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 41, лл. 4, 6; д. 39, л. 40; д. 42, лл. 6—8.

диях. Главные силы Махно разошлись по домам... Сам Махно в Гуляй-Поле и по сведениям болен или умер. Среди главарей из штаба Махно полная растерянность. Для ликвидации в кратчайший срок штаба и банд Махно начдивам 42 и Эстонской приказываю самым энергичным образом очистить район Гуляй-Поле, разоружить банды. Всех захваченных махновцев препроводить в гор. Александровск. Приказываю: а) 42-й дивизии охватить район Гуляй-Поля с севера и востока, б) Эстонской дивизии с юга и запада...» [251]

Еще в пути следования части Эстонской дивизии встречались с отдельными группами вооруженных бандитов. 26 января командование Эстонской дивизии сообщило командующим XIII армией и Юго-Западным фронтом: «... По пути наступления и следования Эстонской дивизии ни одного махновского отряда не было оставлено, а были ликвидированы сразу же... 1-я эстбригада до Орехова имеет 150 пленных махновцев, в том числе один командир полка...» [252]

Операцию по разгрому штаба Махно и его вооруженных банд в районе Гуляй-Поля командование Эстонской дивизии, штаб которой расположился в Александровске, возложило на 2-ю и 3-ю бригады дивизии, которые в конце января были сосредоточены южнее и западнее Гуляй-Поля. Однако захватить удалось лишь часть бандитов. Большая часть банды и сам Махно сумели скрыться. Бандиты, располагавшие хорошими лошадьми и поддерживаемые кулаками и зажиточными крестьянами, часто совершали безнаказанные набеги и нападения то в одном, то в другом месте. Они имели также значительное вооружение, в том числе пулеметные тачанки. Защита кулаков давала им возможность скрываться в селах под видом местных крестьян. Поэтому борьба с бандами требовала большой организованности, продуманности, а главное — хорошо налаженной разведки. После бегства Махно из Гуляй-Поля бандитизм охватил еще более широкую территорию. Изменив тактику, банды начали действовать множеством мелких групп.

В связи с этим Эстонская дивизия в первых числах февраля по приказу штаба Юго-Западного фронта была сосредоточена в районе Орехова, Пологов и Гуляй-Поля с задачей окончательно очистить этот район от банд.

1-я бригада в составе 1-го и 3-го эстонских полков действовала в районе Жеребца, Ново-Павловки, Белицкого, Орехова. 2-й эстонский полк был еще раньше направлен в Александровск для несения гарнизонной службы.

2-я бригада в составе 5-го и 6-го полков находилась в районе Пологов, Токмачки, Гайчура, Нововасильевки, станций Царе-

---

[251] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 64, л. 25.
[252] Там же, д. 65, л. 67.

константиновки и Кирилловки. 4-й стрелковый полк был направлен на станцию Синельниково для охраны отдела снабжения и складов Эстонской дивизии и для борьбы с бандами в окрестностях Синельникова.

К. Тикк,
командир батальона 1-го Таллинского полка в 1919—1920 гг.

3-й бригаде было приказано продолжать операции в районе Гуляй-Поля и в полосе населенных пунктов Новогригорьевки, Веселого, Семеновки, Блюменталя и Вальдорфа. Бригада должна была также выделить особые группы, чтобы держать под наблюдением район сел Михайловки, Большого Токмака и города Мелитополя [253].

Ведя многочисленные операции против банд, части Эстонской дивизии восстановили революционный порядок в Гуляй-Поле и во многих других местах.

К этому времени относится возвращение в дивизию Эстонского кавалерийского полка, который остался в октябре 1919 года на Западном фронте в распоряжении командующего XV

[253] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 66, лл. 9, 10, 13, 17; д. 63, лл. 2, 4.

армией. В октябре—ноябре 1919 года полк действовал на Гдовском направлении.

Когда началось общее наступление советских войск на Юденича, Эстонский кавалерийский полк и другие кавалерийские части XV армии совершили из района станций Новоселье и Владимирский лагерь (севернее Пскова) бросок в глубокий тыл противника, привели там в расстройство его резервы, частично разгромили их и заняли город Гдов. Были захвачены большие трофеи, в том числе несколько орудий. Этой смелой операцией красные конники в значительной мере облегчили действия частей XV армии с фронта по окончательному разгрому лужской группировки войск Северо-западной армии Юденича.

Входя в состав XV армии, Эстонский кавалерийский полк получил значительное пополнение. Когда полк прибыл на Южный фронт, в нем было 688 человек (но только 240 лошадей). Он состоял из четырех строевых эскадронов, запасного эскадрона, пулеметной команды, команды связи, саперной команды и команды по сбору оружия. Командовал полком попрежнему А. Сорксепп. Однако из прежних командиров эскадронов и начальников команд уцелели лишь немногие. В числе их были Я. Леммик, А. Каазик, О. Варес, А. Ланге, Н. Оникс, Х. Пихлак (председатель партколлектива полка). О судьбе остальных сведений не сохранилось. Комиссаром полка был П. Петерсон, бывший заведующий политотделом Эстонской дивизии.

Эстонский кавалерийский полк прибыл на Южный фронт в конце декабря 1919 года, но оставался в течение продолжительного времени в резерве XIII армии в Белгороде. Там же был 1 января 1920 года издан приказ с объявлением благодарности полку за бои по освобождению Гдова. В приказе было сказано: «Объявляю всем товарищам красноармейцам и командному составу глубокую благодарность за последние бои под Гдовом, где полк оказался на высоте своего призвания, разбивая при каждой встрече белогвардейские банды, забирая их в плен, и на плечах противника дошел до самой границы. Советское правительство не забудет своих верных защитников...» [254]

После прибытия на Юго-Западный фронт Эстонский кавалерийский полк был использован в борьбе с бандитами и для охраны штаба XIII армии, в распоряжении которого он и оставался.

До 15 февраля 1920 года борьбу с бандами Махно вели все три бригады Эстонской дивизии.

---

[254] ПА ЦК КПЭ, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 612, лл. 1—5, 11, 14, 17, 21.

Бои на подступах к Крыму. Юшуньская операция

Тем временем остатки бежавших в Крым деникинских войск успели оправиться от ударов Красной Армии и организоваться. В конце марта 1920 года на кораблях Антанты в Крым были переброшены также белогвардейские части, уцелевшие от разгрома на Северном Кавказе. В апреле, когда сошедшего со сцены Деникина сменил другой ставленник иностранных империалистов — генерал Врангель, белогвардейские силы в Крыму составляли около 40 тысяч человек.

Военные приготовления большого масштаба вела и панская Польша.

Во второй половине февраля штаб XIII армии получил сведения о том, что белогвардейское командование стягивает на Крымский перешеек значительные силы для перехода в наступление на Армянский Базар (Армянск) и Перекоп, которые были заняты Красной Армией еще в январе при разгроме Деникина.

С целью помешать противнику укрепиться на Крымском перешейке (в междуозерном пространстве от Сиваша до Каркинитского залива) и на Чонгарском полуострове, командование XIII армии решило предпринять в этом районе наступательную операцию для разгрома противника и ворваться в Крым.

Проведение операции возлагалось на Эстонскую, 46-ю стрелковую и 8-ю кавалерийскую дивизии, причем части Эстонской дивизии и кавалерийской дивизии было намечено использовать на главном направлении удара — через междуозерный район Крымского перешейка на Юшунь (Ишунь) и далее в глубь Крымского полуострова. Две бригады 46-й стрелковой дивизии (третья бригада — 138-я — была передана в распоряжение начальника Эстонской дивизии) и 13-я кавалерийская бригада должны были прорваться в Крым через Чонгарский полуостров.

Из состава Эстонской дивизии для участия в операции были выделены только две бригады — 1-я и 3-я, которым было приказано в срочном порядке следовать в район Чаплинки, Новоалександровки, Каланчака.

2-я бригада Эстонской дивизии в составе 5-го и 6-го полков и переданного в ее оперативное подчинение 19-го полка 3-й стрелковой дивизии осталась в резерве командующего XIII армией и сосредоточилась в районе Орехов — станция Гайчур—Гуляй-Поле. Она имела задачу окончательно ликвидировать махновские банды в тылу армии. В распоряжении командарма остался также Эстонский кавалерийский полк, который продолжал нести охрану штаба армии в Александровске. 4-й

стрелковый полк 2-й бригады Эстонской дивизии был перемещен из района станции Синельниково в город Мелитополь и поступил в распоряжение Реввоенсовета Юго-Западного фронта [255].

26 февраля начальник штаба XIII армии в телеграмме, адресованной начальникам Эстонской и 46-й стрелковых дивизий, сообщил, что наступательная операция на Перекопском перешейке и на Чонгарском полуострове намечена на первые числа марта. Для проведения этой операции командующий XIII армией приказал сосредоточить 1-ю и 3-ю бригады Эстонской дивизии и 138-ю бригаду 46-й дивизии в районе Перекопа и объединить их под командованием начальника Эстонской дивизии. В распоряжение начальника Эстонской дивизии были переданы также два дивизиона тяжелой артиллерии из состава Латышской и 3-й стрелковой дивизий.

К 28 февраля 1920 года начальник Эстонской дивизии сосредоточил все перечисленные войска в районе Новоалександровки, Чаплинки, Первоконстантиновки. (Схема № 12.) Командование дивизии приступило к ознакомлению с обстановкой на Перекопском участке и начало составлять план действий для прорыва укрепленных позиций противника в междуозерном районе Перекопского перешейка южнее Армянска. 136-я и 137-я бригады 46-й стрелковой дивизии и 13-я кавалерийская бригада были сосредоточены для подготовки наступления на Крым в районе предмостных укреплений Чонгарского полуострова и подчинены начальнику 46-й стрелковой дивизии.

Штаб Эстонской дивизии перешел из Аскании-Нова в Чаплинку. Штаб 46-й стрелковой дивизии расположился в селе Новоалексеевке.

1 марта в распоряжение начальника Эстонской дивизии был передан еще сводный кавалерийский полк 46-й стрелковой дивизии. В ночь на 3 марта Эстонская дивизия сменила части 8-й кавалерийской дивизии червонного казачества и заняла ее боевой участок в междуозерном районе Крымского перешейка. 8-я кавалерийская дивизия перешла в резерв командующего XIII армией. Она должна была преследовать противника и уничтожить его кавалерийские части после того, как части Эстонской дивизии и приданной ей 138-й бригады 46-й дивизии прорвут укрепленные позиции противника в междуозерном пространстве южнее Армянска [256].

К этому времени в частях Эстонской дивизии вследствие тифа выбыла из строя почти половина личного состава, в том числе и большое количество командиров. Например, если в 1-й эстонской бригаде в январе 1920 года (после выхода к Азов-

[255] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 66, л. 18, д. 64, л. 37.
[256] Там же, д. 64, лл. 50, 51.

скому морю) насчитывалось 2676 человек (1323 штыка в ротах), то накануне Юшуньской операции, на 5 марта 1920 года, в бригаде осталось всего 1489 человек (в ротах — только 344 штыка). Малочисленными были также 3-я бригада и полки 138-й бригады 46-й дивизии (412-й, 413-й и 414-й полки). Накануне Юшуньской операции в них было всего 1859 человек (644 штыка в ротах) [257].

Чтобы увеличить количество штыков в стрелковых ротах, все боеспособные красноармейцы из хозяйственных и других команд как в бригадах Эстонской дивизии, так и в 138-й бригаде были направлены на передовые позиции.

Перед наступлением произошли изменения и в руководящем командном составе дивизии. 18 февраля из дивизии по болезни выбыл начальник дивизии Я. Пальвадре и его заменил Ю. Саблин, который, однако, тоже вскоре заболел. Командование дивизией было временно возложено на командира 3-й бригады Эстонской дивизии П. Павлова. По болезни выбыл из строя также командир 1-й бригады Н. Риухкранд. На его место 4 марта был назначен Я. Кисель (командовавший до этого 136-й бригадой 46-й дивизии), но он действовал неумело, и в ходе наступательных операций его пришлось отстранить от командования. В 1-й бригаде отсутствовал и начальник штаба. В других частях дивизии и в штабах положение было не лучше.

Сменив полки 8-й кавалерийской дивизии, части Эстонской дивизии расположились на исходных рубежах.

Правый боевой участок — от восточного побережья Перекопского залива до хутора Булгаков — заняли 412-й, 413-й и 414-й стрелковые полки 138-й бригады 46-й дивизии, 3-й артиллерийский дивизион Эстонской дивизии и одна конная батарея. Всего под общим командованием командира 138-й бригады Германовича в составе войск участка насчитывалось 1320 штыков, 320 сабель, 65 пулеметов, 13 орудий.

Левый боевой участок — от хутора Булгаков до западного берега Сиваша — заняли 1-й, 2-й, 3-й и 8-й полки и артиллерийские батареи Эстонской дивизии. В них было 1106 штыков, 13 орудий, 44 пулемета. Участком командовал Я. Кисель.

В ближайшем тылу этой группировки располагались артиллерийские батареи тяжелых орудий Латышской и 3-й стрелковой дивизий.

В резерве в Перекопе были оставлены четыре батальона 7-го и 9-го полков Эстонской дивизии — всего 635 штыков, 80 сабель, 14 пулеметов, 18 автоматов. Дивизионным резервом, части которого в первый же день общего наступления были

---

[257] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 55, л. 320, д. 73, лл. 233, 236, 252.

введены в бой, командовал командир 3-й бригады Эстонской дивизии Цимбалов.

Полевой штаб Эстонской дивизии разместился в Армянске и приступил к разработке более детального плана операции.

В первых числах марта в распоряжение начальника Эстонской дивизии был передан еще 13-й авиационный отряд под командованием Казанского. Он должен был в начале общего наступления группировки Эстонской дивизии произвести налет на расположение войск противника в районе Юшуня и высоты 10,8, обстрелять их из пулеметов и сбросить бомбы.

По данным разведки противник сосредоточил на Крымском перешейке следующие силы:

1) в районе Карт-Казак — озеро Красное: Таганрогский, Драгунский, Феодосийский и Донской казачьи полки с артиллерией (750 штыков, 410 сабель, 38 пулеметов, 6 трехдюймовых орудий);

2) в районе высоты 10,8: Виленский и Брестский полки (750 штыков, 35 сабель, 14 пулеметов, 4 трехдюймовых орудия);

3) в районе Сивашского моря: Литовский полк (250 штыков, 13 пулеметов, 4 трехдюймовых орудия);

4) в резерве Юшуньского района: Симферопольский, Таврический полки, сводный полк и казачий конный полк (750 штыков, 600 сабель, 30 пулеметов, 4 трехдюймовых и 4 шестидюймовых орудия) [258].

Из этих данных следовало, что противник имеет превосходство только в кавалерии, но уступает в артиллерии. Однако, как выяснилось уже в ходе боев, противник располагал значительно большими силами, чем те, которыми располагала группировка войск Эстонской дивизии.

Приказом командующего XIII армией № 035 от 6 марта общее наступление Эстонской дивизии и приданной ей 138-й бригады 46-й стрелковой дивизии было назначено на 3 часа утра 8 марта. Перед частями дивизии была поставлена задача к вечеру 9-го марта выйти на линию: Атай—Карт-Казак—Керсит—Орманаджи—Дюрмень—Чирик—Кипчик, а 10 марта продолжить наступление в направлении на Симферополь. 138-я бригада 46-й дивизии должна была после достижения Юшуньского района продолжать наступление на станцию Джанкой — в тыл Чонгарской группировки противника. Командование XIII армии рассчитывало, что 138-я бригада соединится со своей (46-й) дивизией, остальные две бригады которой должны были наступать на Джанкой с Чонгарского полуострова. Начальнику 46-й дивизии было приказано с рассветом 8 марта начать демонстративную артиллерийскую подготовку и продвинуть при первой же возможности через Чонгарский мост

[258] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 66, л. 21.

бронепоезд на поддержку наступающим частям Эстонской дивизии и 138-й бригады, а после занятия станции Джанкой отправить два бронепоезда в направлении на Симферополь и два бронепоезда в Керчь [259].

А. Йеа

Во время подготовки этой операции во всех частях проводились партийные собрания, мобилизующие коммунистов на успешное выполнение поставленных перед дивизией ответственных боевых задач. Большую разъяснительную работу среди беспартийных красноармейцев провели комиссары и политработники. В ней участвовали также все коммунисты. Комиссары частей А. Тийсман (2-й эстонский полк), Асонов (1-й эстонский полк), Игнатьев (3-й эстонский полк), Ермалович (7-й стрелковый полк), Гринчук (8-й стрелковый полк), А. Йеа (комиссар 1-й эстонской бригады), Г. Моосберг, Ф. Кресман, И. Изам (эстонские артиллерийские батареи) и другие постоянно находились на передовой линии. Бойцы были полны решимости покончить с врагом. Высокий боевой дух бойцов и командиров,

[259] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 64, лл. 50, 58; д. 66, лл. 19, 20.

их отвага и мужество в полной мере проявились в последующих боях. В первый же день наступления части Эстонской дивизии и 138-й бригады 46-й дивизии, прорвав укрепленные позиции противника, продвинулись вперед намного дальше, чем предусматривал оперативный приказ по армии.

Но командование XIII армии, как вскоре выяснилось, задумало эту серьезную операцию, не располагая достаточными силами для ее успешного проведения, не имея должных сведений о силах и возможностях противника, и допустило с самого начала операции крупные оперативно-тактические промахи.

Ровно в 3 часа 8 марта 1920 года части Эстонской дивизии и приданные ей полки 138-й бригады 46-й стрелковой дивизии перешли в энергичное наступление, прорвали укрепленные позиции противника в междуозерном районе и уже в полдень 8 марта овладели укрепленным районом Юшунь. (Схема № 12.) В оперативной сводке штаба XIII армии сообщалось: «8 марта 1920 года в районе большака Перекоп—Симферополь Эстонская дивизия и 138 бригада рядом упорных боев, продолжая теснить противника, заняли укрепленный район Юшунь... Противник отходит в южном направлении. Первая эстонская бригада рядом упорных атак выбила противника с высоты 75 и, продолжая дальнейшее энергичное наступление вдоль большака, заняла хутор Карпова Балка, что около 18 верст юго-восточнее Перекопа. Дальнейшее наступление бригады в южном направлении продолжается. 3-м эстонским полком при занятии Молоканы взяты автоматы и пленные...» [260]

С занятием Юшуньского укрепленного района инициатива перешла в руки советских войск. Но они понесли большие потери в тяжелых наступательных боях по преодолению сильно укрепленных позиций противника. Особенно сильно пострадала 138-я бригада, на плечи которой при занятии Юшуня легла главная тяжесть. Значительные потери были и в обеих бригадах Эстонской дивизии. Для развития успеха требовалась срочная присылка свежих сил, особенно кавалерии, которая смогла бы преследовать сбитого с позиций противника. Еще накануне операций, 7 марта, командование Эстонской дивизии просило командующего XIII армией передать в оперативное подчинение Эстонской дивизии хотя бы часть конницы 8-й кавалерийской дивизии, чтобы иметь превосходство в кавалерии к моменту прорыва укрепленных позиций противника. О срочной присылке кавалерии начальник Эстонской дивизии настойчиво просил и во время операции 8 марта. Командир 138-й бригады Германович после занятия частями бригады Юшуня донес, что без кавалерии он не может продол-

[260] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 64, л. 61; д. 76, л. 508; д. 74, л. 565.

жать наступление ввиду весьма больших потерь в людях. Но командование XIII армией недостаточно оперативно реагировало на эти настойчивые и совершенно обоснованные просьбы. В 10 —12 часов 8 марта, когда 138-я бригада заняла Юшунь, а бригады Эстонской дивизии — ряд других укрепленных позиций противника, 8-я кавалерийская дивизия находилась еще в армейском резерве и была далеко от места боев. Только в 16 часов 8 марта она была официально передана в распоряжение командования Эстонской дивизии. Пока происходила перегруппировка и кавалерия подтягивалась к месту боя, неприятель, оправившись от полученных ударов, успел подвести из Джанкоя к Юшуньским позициям значительные резервы. Оказалось, что белогвардейское командование имело в ближнем резерве еще одну кавалерийскую и одну пехотную дивизии, сведения о существовании которых были получены только во время боев 8 марта от пленных и перебежчиков.

Момент паники в рядах противника был упущен, и в районе Юшуня начались упорные бои. Однако инициатива все еще была в руках советских войск. Казалось, что противнику не избежать окончательного разгрома. Если бы 8-я кавалерийская дивизия к моменту овладения Юшуньским укрепленным районом находилась на месте, части противника на этом направлении были бы разгромлены и этим был бы облегчен прорыв частей 46-й стрелковой дивизии в Крым через Чонгарский полуостров. Крым был бы освобожден от белых, так как в то время их было там не более 6000 человек. Но это оказалось невозможным из-за недостатка сил. Кроме того, командованием 8-й кавалерийской дивизии и, в частности, командиром 1-й бригады этой дивизии был допущен ряд промахов. Вместо того, чтобы ввести в бой всю 1-ю бригаду целиком, обрушиться на фланг противника и проникнуть ему в тыл, он вводил бригаду в бой сотнями, вследствие чего противник смог сохранить превосходство в коннице и нанести бригаде большие потери. Серьезную ошибку допустил командир 1-й бригады Эстонской дивизии Кисель, который действовал крайне медленно, несмотря на то, что приказ по дивизии требовал энергичного наступления, и дал противнику возможность привести свои части в порядок. Кисель был отстранен от должности, и бригада под командованием Э. Тейтера начала решительные действия. Но было уже поздно, инициатива начала переходить в руки противника. Отрицательно сказались на ходе операции 8 марта и ненормальности в командовании Эстонской дивизией. Начальник дивизии Саблин был уже болен тифом и фактически не мог сам командовать. Однако он передал командование дивизией своему заместителю Павлову только в 17 часов 8 марта. Только тогда Павлов получил право непосредственного обращения в армию. Все это, а также некоторые другие обстоятельства при-

вели к осложнению положения в Юшуньском районе. Артиллерии у Эстонской дивизии было больше, чем у противника, но это преимущество сводилось почти на нет невозможностью найти устойчивые артиллерийские позиции, особенно для тяжелых орудий, в низкой, полуболотистой местности. Приданные дивизии тяжелые орудия после занятия Юшуня полностью бездействовали.

К 20 часам 8 марта части 1-й и 3-й бригад Эстонской дивизии (3-я эстонская бригада была введена из резерва в бой сразу же после прорыва укрепленных позиций противника днем 8 марта) и 138-й бригады 46-й дивизии находились примерно в 3 километрах южнее Юшуня. Многократные атаки противника были отбиты, и части дивизии сохранили за собой район южнее Юшуня, по обе стороны шоссе Юшунь—Джанкой.

На Чонгарском полуострове части 46-й стрелковой дивизии подошли к Чонгарскому железнодорожному мосту, но мост был взорван белыми и вследствие сильного артиллерийского огня противника части дивизии вынуждены были отойти несколько севернее моста. Таким образом, намеченный командованием XIII армии план выхода частей 46-й дивизии в район станции Джанкой и отправки бронепоездов на Симферополь и Керчь, выполнить не удалось. Силы советских войск и там оказались недостаточными [261].

В течение 9 марта на всем участке фронта Эстонской дивизии и приданных ей частей происходили ожесточенные бои. Неоднократные атаки белых в районе разъезда Адамань, озер Соленое и Красное были мужественно отбиты частями 1-й и 3-й бригад Эстонской дивизии. Еще более напряженное положение создалось на участке 138-й бригады 46-й дивизии, где неприятель сосредоточил, кроме пехоты, еще значительные кавалерийские части (около 6—8 эскадронов) [262].

Несмотря на тяжелую обстановку, командование Эстонской дивизии приняло решение вновь перейти в общее наступление, разбить противника южнее Юшуня и продолжать выполнение ранее полученной задачи — наступать на Симферополь и Джанкой. При этом начальнику 8-й кавалерийской дивизии (временно ею командовал начальник штаба Туровский) было приказано одной бригадой поддержать наступление частей 138-й бригады, а остальными двумя кавалерийскими бригадами разбить конные части противника южнее Юшуня, энергично их преследовать и ворваться в Симферополь. Начальнику 46-й стрелковой дивизии командующий XIII армией вновь дал приказ занять Чонгарскую и Сивашскую переправы и наступать на Джанкой [263].

---

[261] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 74, лл. 565, 579, 596—598.
[262] Там же, д. 74, л. 585.
[263] Там же, д. 66, лл. 25, 26; д. 64, лл. 64—65.

Утром 10 марта части левого боевого участка — 1-й, 2-й, 3-й и 8-й полки Эстонской дивизии под общим командованием командира 1-й бригады Э. Тейтера — с боями начали выходить из междуозерного пространства, но вскоре продвижение бригады вследствие сильного огня и контратак противника приостановилось. 1-й эстонский полк, наступавший утром 10 марта из разъезда Адамань в южном направлении и занявший к полудню хутор Караоба, отошел под сильным давлением противника на 4 километра севернее этого хутора. 3-й и 8-й полки, начавшие утром 10 марта наступление из района Колодезей в направлении на Мурзу (Кояш), были также вследствие сильного флангового огня артиллерии противника вынуждены отойти на прежние позиции.

Части правого боевого участка — 138-я бригада 46-й дивизии и 7-й полк Эстонской дивизии под общим командованием командира 138-й бригады Германовича — получили задание разбить группировку противника южнее Юшуня. Они были встречены сильным артиллерийским и пулеметным огнем. Против них выступила также неприятельская кавалерия. Поэтому части правого боевого участка отошли в район западной окраины озера Красное (3 км севернее Юшуня).

Чтобы восстановить положение и вытеснить группы противника из междуозерного района, начальнику 8-й кавалерийской дивизии было приказано немедленным ударом в тыл белых оказать содействие дальнейшему продвижению частей 1-й эстонской бригады, в частности 1-го эстонского полка. Начальник дивизии вторично получил указание подтянуть полки к месту боя, что дало бы возможность получить перевес над конницей противника. Однако действия советской конницы продолжали оставаться малоэффективными.

В районе Чонгарского полуострова части 46-й дивизии также не добились успеха. 10 марта они вновь сделали попытку ворваться в Крым, но вынуждены были отойти на прежние позиции из-за сильного артиллерийского огня белых в районе Чонгарской переправы.

Неудача, постигшая 46-ю стрелковую дивизию на Чонгарском полуострове, и тактические ошибки и промахи, допущенные отдельными командирами на перекопском участке фронта, привели к тому, что инициатива к полудню 10 марта стала переходить в руки противника. Белые вводили в бой все новые резервы. Командование XIII советской армии не располагало ближними резервами. Свежих сил не прибывало, а действовавшие на фронте части после трехдневных непрерывных и весьма ожесточенных боев понесли огромные потери и начали вследствие этого терять боеспособность.

В течение 11 марта на линии Карт-Казак—озеро Красное—озеро Круглое—разъезд Адамань—Колодези происходили еще

довольно упорные бои, но под сильным давлением противника к середине дня 11 марта части Эстонской дивизии, 8-й кавалерийской дивизии и 138-й бригады 46-й дивизии начали постепенный отход. К вечеру 11 марта 1-я бригада Эстонской дивизии находилась на линии Сиваш—Караджанай—дорога Филатов—Перекоп; 3-я бригада — на дороге Перекоп—хутор Филатовка—Армянск; 138-я бригада — на линии Армянск—Перекопский залив. Отход пехотных частей прикрывали части 8-й кавалерийской дивизии, которые вели бои с наступавшей конницей противника [264].

11 марта командующий XIII армией приказал начальнику Эстонской дивизии принять все меры к ликвидации контрнаступления противника и закрепиться на позициях у Армянска, а начальнику 46-й стрелковой дивизии — перейти к обороне Сивашской и Чонгарской переправ и организовать наблюдение за побережьем Азовского моря от Геническа до Степановки [265].

Бои по прорыву обороны противника в междуозерном районе и по овладению сильно укрепленными Юшуньскими позициями можно без преувеличения назвать героическими. В этих боях красные воины проявили беспримерное мужество и отвагу. Хотя кавалерия была введена в бой слишком поздно и использовалась тактически неумело, но тем не менее части 8-й кавалерийской дивизии также дрались самоотверженно. Наибо́льшую выдержку проявили полки 3-й кавалерийской бригады на последнем этапе боев в районе Юшуня и в междуозерном пространстве, когда ослабленная в боях пехота уже не могла противостоять натиску противника. Здесь бойцы-кавалеристы стойко отражали яростные атаки врага, прикрывая отход пехотных частей и артиллерии на новые позиции.

Как было установлено, противник 10 марта ввел в бой против правофланговых частей советской группировки (3-я бригада Эстонской дивизии и 138-я бригада 46-й дивизии) силы общей численностью в 1200 человек (800 штыков и 400 сабель при 15 орудиях). Такой же ударный кулак противник сосредоточил против 1-й бригады Эстонской дивизии на левом фланге. Численность советских частей к тому времени сильно сократилась. В двух бригадах Эстонской дивизии на утро 11 марта осталось только около 400 штыков. Большие потери были и в частях 138-й бригады. По донесению начальника 8-й кавалерийской дивизии 1-я бригада этой дивизии к тому времени потеряла выбывшими из строя около трети людей и 60 процентов конского состава. Особенно сильно пострадал 1-й кавалерийский

---

[264] ЦГАСА, 1656, оп. 1, д. 66, лл. 26—28; д. 74, лл. 295, 598, 611.
[265] Там же, ф. 198, д. 4—158. Краткий обзор по XIII армии.

полк, который атаковал во фланг конницу противника и попал в болото, под пулеметный огонь [266].

Основной причиной неудачи, постигшей части Красной Армии в Крымской операции в марте 1920 года, было то, что командование и штаб XIII армии не имели точных сведений о силах противника и недооценили эти силы после получения сведений в ходе боев. Для прорыва укрепленных позиций противника были использованы явно недостаточные силы. В этой серьезной и исключительно важной по своему значению операции в качестве ударной группы действовала только Эстонская дивизия в составе двух бригад и одной приданной ей бригады, причем все они были крайне малочисленными. По этой же причине потерпела поражение и 46-я стрелковая дивизия, состоявшая из двух стрелковых и одной кавалерийской бригад.

Прорыв Юшуньских укрепленных позиций противника исчерпал силы Эстонской дивизии и 138-й бригады 46-й стрелковой дивизии. Для развития успеха требовались подкрепления, но их не было, командование XIII армии не располагало ближними резервами. 8-я кавалерийская дивизия червонного казачества была введена в бой слишком поздно, противник успел опомниться от полученного 8 марта удара и подтянуть значительные резервы на Перекопский перешеек.

Реввоенсовет республики дважды — в январе и во второй раз в феврале 1920 года — допустил ошибку, предприняв попытку занять Крым незначительными силами. Это привело к большим потерям.

12—14 марта в северной части Перекопского перешейка части Эстонской дивизии, 138-й бригады 46-й стрелковой дивизии и 8-й кавалерийской дивизии продолжали отходить с боями. Противник, имея большой перевес в силах, занял Перекоп, Армянск и наступал в северном направлении. 14 марта его продвижение было приостановлено энергичными действиями 8-й кавалерийской дивизии, которая нанесла удар по войскам белых в районе Преображенки и тем самым значительно улучшила позиции пехотных частей, объединенных пока еще под командованием начальника Эстонской дивизии.

Части Эстонской дивизии заняли оборонительные рубежи на ближних подступах к Перекопскому перешейку, выполняя общую задачу, возложенную на XIII армию — не давать противнику возможности пробиться через перешеек. Левее Эстонской дивизии, на линии населенных пунктов Первоконстантиновка—Новониколаевка—Строгановка, находились части 8-й кавалерийской дивизии, а еще левее, в районе села Громовка, была сосредоточена 13-я кавалерийская бригада, которая должна была отразить возможные попытки противника выйти

[266] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 72, лл. 56—58, 64—67.

из Крыма через Сиваш. Части 46-й стрелковой дивизии в районе Чонгарского полуострова также перешли к обороне [267].

Все данные свидетельствовали о том, что противник вновь готовит активные наступательные действия. 17—18 марта белые высадили на полуострове Хорлы десант — 300 человек с пулеметами. На уничтожение этого десанта были срочно направлены 9-й стрелковый полк Эстонской дивизии и сводный кавалерийский полк 46-й стрелковой дивизии, которые 19 марта ликвидировали десант и освободили порт Хорлы [268].

Только теперь, убедившись в большом превосходстве сил противника и в том, что он намерен перейти в общее наступление, командующий XIII армией Паука принял решение подтянуть ближе свои резервы. 16 марта 2-я бригада Эстонской дивизии в составе 4-го, 5-го и 6-го полков, вызванная из района Орехов—Пологи—Гуляй-Поле, прибыла в район села Михайловки (40 км севернее Мелитополя). 19 марта бригада и приданный ей 19-й полк 3-й стрелковой дивизии получили приказ сосредоточиться к 25 марта в районе села Рождественское (20 км севернее станции Сальково).

Эстонская бригада и части 46-й стрелковой дивизии должны были закрыть противнику выход с Чонгарского полуострова. К Перекопу для нового наступления на Крым подтягивались Латышская дивизия, 3-я стрелковая дивизия и 124-я стрелковая бригада с приданным ей кавалерийским полком 42-й стрелковой дивизии [269].

Но было уже поздно. К этому времени обстановка на крымском участке фронта сложилась не в пользу Красной Армии. Ее части, особенно две бригады Эстонской дивизии, 138-я бригада 46-й дивизии и 8-я кавалерийская дивизия, понесли огромные потери, которые все возрастали по мере наступления крупных сил противника.

В период с 14 по 25 марта части Эстонской дивизии (исключая 2-ю бригаду) занимали оборону. Одновременно им приходилось вести борьбу с бандитами в своем тылу. В более глубоком тылу дивизии борьбу с бандитизмом возглавлял начальник тыла дивизии, в распоряжение которого был передан кавалерийский дивизион 3-й эстонской бригады. В обязанности начальника тыла дивизии входило также поддержание тесной связи с местными органами Советской власти, ведение планомерной политической работы среди местного населения, восстановление разрушенной бандитами телефонной связи и т. п. [270]

Утром 25 марта, когда свежие силы из армейского резерва

---

[267] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 64, лл. 66—69, д. 66, лл. 30—33.
[268] Там же, д. 66, л. 33; д. 74, лл. 697, 748.
[269] Там же, д. 64, лл. 76—77; д. 74, л. 666.
[270] Там же, д. 66, л. 34.

еще не прибыли, большие колонны кавалерии и пехоты противника начали наступление из Перекопа на Преображенку, Фейн, Спендиаровку и Первоконстантиновку. На подступах к Спендиаровке части 1-й бригады Эстонской дивизии отразили две массированные кавалерийские атаки противника, но при третьей атаке вынуждены были отступить. Главный удар противник направил на стык 1-й и 3-й бригад Эстонской дивизии, пытаясь обойти фланг 1-й бригады. Произошел ожесточенный бой. Весь командный состав и комиссары полков находились в цепи, воодушевляя бойцов личным примером. Однако перевес противника был настолько велик и натиск так стремителен, что части Эстонской дивизии начали с боем отходить, отбиваясь от неприятельской конницы ружейным огнем. На южных подступах к селу Чаплинка противнику удалось окружить части 1-й эстонской бригады на совершенно открытой и голой местности. Несмотря на героическое сопротивление всего личного состава бригады, одолеть врага не удалось. Такое же тяжелое положение сложилось на участках 3-й эстонской бригады и 138-й бригады 46-й дивизии. В этих неравных боях части Эстонской дивизии и 138-я бригада понесли огромные потери, особенно 1-й и 3-й полки 1-й эстонской бригады, 7-й и 8-й полки 3-й эстонской бригады и 412-й полк 138-й бригады 46-й дивизии.

В связи с тяжелыми потерями остатки 1-й и 3-й бригад Эстонской дивизии были временно подчинены командиру 1-й бригады Н. Риухкранду, который вновь вступил в командование бригадой 14 марта после выздоровления. Они должны были прикрыть направление Чаплинка—Аскания-Нова. Однако вследствие того, что эти полки уже не представляли собой боеспособных единиц, они сдали свой боевой участок 8-й кавалерийской дивизии и были в конце марта переданы в ее оперативное подчинение. Начальнику 8-й кавалерийской дивизии были временно подчинены и остатки 138-й бригады 46-й стрелковой дивизии.

Боеспособность сохранили лишь полки 8-й кавалерийской дивизии, которые в последних числах марта очистили от противника Чаплинку, Первоконстантиновку, Спендиаровку и некоторые другие населенные пункты, вынудив противника отступить за Перекопский вал. Но занять Перекоп не удалось. На этой линии севернее и северо-западнее Перекопа и стабилизовался перекопский участок фронта до первых чисел июня 1920 года [271].

Возраставшую угрозу, исходящую из Крыма, отчетливо видел В. И. Ленин. 15 марта 1920 года Ленин потребовал от Реввоенсовета республики не допускать сосредоточения белой ар-

[271] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 74, лл. 814, 849.

мии в Крыму. Ленин писал: «... Нужно постановление РВС: обратить сугубое внимание на явно *допущенную* ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)...» [272]

В середине апреля 1920 года командование XIII армии вновь предприняло попытку овладеть Перекопом. В качестве ударной группы на этот раз были использованы части Латышской стрелковой дивизии. Но и в этой операции сказались недостаток сил и неумелое использование их командованием XIII армии. Части 8-й кавалерийской и 3-й стрелковой дивизии, которые должны были поддержать Латышскую стрелковую дивизию, были введены в бой слишком поздно. Поэтому операция не удалась и части понесли большие потери [273].

Расформирование Эстонской дивизии. Боевые действия эстонских воинов в составе других частей Красной Армии

В конце марта 1920 года было получено распоряжение о расформировании Эстонской стрелковой дивизии и слиянии ее с 46-й стрелковой дивизией. Приказ по войскам Юго-Западного фронта № 378 от 20 марта 1920 года предусматривал, кроме того, выделение управления одной бригады и управлений двух стрелковых полков с соответствующим обслуживающим составом, имуществом и лошадьми для передачи в Украинскую советскую трудовую армию.

В эту армию были переданы управление 1-й бригады и 1-й и 3-й эстонские полки. Но поскольку эти полки были малочисленными, в них вошла еще половина личного состава 2-го эстонского полка, а оставшаяся половина была передана в 138-ю бригаду 46-й стрелковой дивизии.

2-я эстонская бригада (4-й, 5-й и 6-й полки) была полностью передана в состав 136-й бригады 46-й стрелковой дивизии, главным образом в 406-й и 408-й полки. Как известно, части 2-й бригады Эстонской дивизии в мартовских боях не участвовали, поэтому численность их оставалась значительной. Уцелевшие остатки 3-й бригады Эстонской дивизии были также переданы в 46-ю дивизию и частично в 3-ю стрелковую дивизию. За исключением 2-го и 5-го полков, в частях Эстонской дивизии, слитых с 46-й стрелковой дивизией, эстонцев не было.

Приказом по войскам XIII армии № 049-оп от 26 марта 1920 года на перекопском участке фронта была создана объединенная артиллерийская группа, в которую вошла и артиллерия бывшей Эстонской дивизии, в том числе прибывшая в

[272] В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). Воениздат, 1957, стр. 228.

[273] Т. Драудин. Боевой путь Латышской стрелковой дивизии. Изд-во Академии наук Латвийской ССР. 1960, стр. 116—119.

А. Ломбак

конце марта 1920 года из XV армии 4-я эстонская батарея. Группа эта была подчинена непосредственно начальнику 8-й кавалерийской дивизии червонного казачества. Объединенной артиллерийской группой командовал Шепелев, помощником его был назначен бывший начальник артиллерии Эстонской дивизии Х. Тедер, а бывшими эстонскими артиллерийскими дивизионами командовали П. Левальд, А. Ломбак и Р. Сейль. Несколько позднее эстонские артиллерийские части вошли в состав 46-й стрелковой дивизии.

Личный состав Эстонского кавалерийского полка был передан в кавалерийские части Юго-Западного фронта.

Руководящий командный состав Эстонской дивизии перешел соответственно распределению ее частей в 46-ю стрелковую дивизию, в Украинскую советскую трудовую армию и частично в распоряжение штабов XIII армии и Юго-Западного фронта [274].

Ликвидационные комиссии Эстонской дивизии и бригад закончили свою работу к 20 апреля 1920 года. Состав ликвида-

[274] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 64, лл. 82—83; д. 66, л. 35; ф. 1657, оп. 5, д. 1, лл. 2, 5, 9, 10, 23.

ционных комиссий 1-й бригады и ее полков был также передан в состав Украинской трудовой армии.

Эстонская стрелковая дивизия как национальное соединение Красной Армии прекратила свое существование. Однако боевые дела красных эстонских воинов на этом не закончились. В составе других частей Красной Армии, а также трудовой армии они так же беззаветно, как и раньше, продолжали служить революции.

Сообщение о расформировании Эстонской дивизии было неожиданным для ее личного состава, в том числе и для командования. О причинах расформирования командование дивизии в известность поставлено не было. Командование XIII армии либо само еще не знало действительных причин расформирования, либо считало нецелесообразным говорить о них. На телеграфный запрос командования дивизии от Реввоенсовета республики последовал телеграфный ответ, объяснявший причину расформирования Эстонской дивизии и некоторых других дивизий экономическим состоянием Советской республики и необходимостью использования личного состава некоторых частей армии на хозяйственных работах в тылу.

Лишь несколько позднее стало известно, что расформирование Эстонской дивизии как национального соединения Красной Армии было вызвано мирным договором, заключенным 2 февраля 1920 года между Эстонией и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой.

В связи с расформированием Эстонской дивизии состоявшаяся в апреле 1920 года в Петрограде партийная конференция Эстонских секций РКП(б) приняла решение начать работу по взятию на учет всех эстонских воинов, как тех, кто находился на фронте, так и тех, кто был на излечении в госпиталях. Такой учет давал возможность наиболее правильно и целесообразно использовать оставшихся людей, направлять их в организованном порядке в воинские части на фронт, в трудовую армию, а также в военные школы, на курсы подготовки партийных работников, хозяйственных кадров и т. д. [275]

46-я стрелковая дивизия, с которой были слиты части Эстонской дивизии, была сформирована в июне 1919 года в составе XII армии Западного фронта, в августе 1919 года вошла в состав XIV армии Южного фронта, а в январе 1920 года была передана в состав XIII армии Юго-Западного фронта. На Южном и Юго-Западном фронтах 46-я стрелковая дивизия участвовала в овладении районом Лозовая—Чаплино и городами Ногайском, Бердянском (г. Осипенко), Мелитополем, действуя в непосредственном соседстве с Эстонской дивизией. Одна из бригад этой дивизии (138-я), как уже говорилось, в марте 1920 года

[275] ПА ЦК КПЭ, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 611, л. 1.

поддерживала операции Эстонской дивизии по овладению Юшуньскими позициями.

Командиром 46-й дивизии был Ю. Саблин (с 20 февраля до 8 марта 1920 года командовал Эстонской дивизией), а комиссаром — Л. З. Мехлис [276].

В первой половине апреля 1920 года части XIII армии, в том числе и 46-я дивизия, под давлением превосходящих сил противника вынуждены были оставить Чонгарский полуостров. Они закрепились несколько севернее, на Сивашских позициях. К этому времени относится и включение в состав 46-й стрелковой дивизии частей бывшей Эстонской дивизии, которым также был отведен боевой участок на этих позициях.

Документальные данные о боевых действиях частей, в которые вошли эстонцы после расформирования Эстонской дивизии, ограничены. Необходимо заметить, что во всех этих частях эстонцев было незначительное количество. Исключение составлял лишь 408-й полк 46-й дивизии, в котором на первых порах после слияния преобладали эстонцы из состава бывшего 5-го эстонского полка. В этот полк направлялись также те эстонцы, которые возвращались на фронт из госпиталей после выздоровления. Командиром 408-го полка был назначен К. Кангер, бывший до этого с февраля 1920 года начальником штаба 2-й бригады Эстонской дивизии. Он командовал полком до середины июля 1920 года, а затем был переведен на должность командира 74-го полка 9-й стрелковой дивизии. Командиром 408-го полка был назначен помощник командира полка Ф. Тедер.

В апреле и первой половине мая в районе Чонгарского полуострова, где занимал позиции 408-й полк и другие части 136-й бригады 46-й стрелковой дивизии, преобладало затишье. Происходила лишь ружейно-пулеметная и артиллерийская перестрелка. Во второй половине мая, когда противник восстановил взорванный им же в марте Чонгарский железнодорожный мост и получил возможность ввести в действие свои бронепоезда, начались более активные боевые действия. 23 мая противник сделал первую попытку прорвать фронт советских войск, но был отбит. 24 мая белые стали еще более настойчивыми. В течение целого дня по всему участку фронта происходила сильная артиллерийская перестрелка. Но попытки пехоты противника перейти в наступление были отражены. Утром 25 мая крупные силы пехоты белых при поддержке трех бронепоездов и большого количества артиллерии перешли в общее наступление. С бронепоездами неприятеля вступили в борьбу два советских блиндированных поезда, но орудия их стояли открытыми на платформах, и поэтому они не

[276] ЦГАСА, ф. 1657, оп. 5, д. 1, л. 9.

смогли подойти на боевую дистанцию к вражеским бронепоездам. Один из советских блиндированных поездов был поврежден крупным снарядом неприятеля и отведен в тыл. Части 1-й (136-й) бригады, в том числе и 408-й полк, находились под непрерывным сильным обстрелом бронепоездов и артиллерии противника и были вынуждены начать отход на новые позиции. Отход оказался трудным, так как открытая местность в этом районе (степь) засыпалась шрапнелью и простреливалась пулеметами противника. В этом бою 408-й полк и другие части бригады понесли потери.

После отступления 408-й полк занял позиции на линии сел Новодмитриевка и Новомихайловка, где находился до июньского общего наступления Врангеля. Этот период (около двух недель) на фронте частей 46-й стрелковой дивизии вновь протекал спокойно. Только в районе Мелитополя и Геническа пришлось отражать попытки противника высадить десант с Азовского моря. Участились также полеты разведывательных самолетов противника. По данным разведки врангелевское командование вело подготовку к общему наступлению для выхода из Крыма. К наступлению готовились и советские войска. Общее наступление на крымском участке было намечено на первые числа июня. Однако в связи с осложнением положения на польском участке Юго-Западного фронта, оно было отложено до разгрома белополяков. Для поддержки советских войск, сражающихся против белополяков, из состава XIII армии была выделена 8-я кавалерийская дивизия. После этого в распоряжении командования XIII армии на крымском участке фронта оставались 46-я, 52-я и Латышская дивизии, из которых 46-я дивизия находилась на Чонгарском, а 52-я и Латышская дивизии — на Перекопском направлении. Дивизии эти понесли значительные потери в мартовских и апрельских боях и были малочисленными. Против этих трех ослабленных дивизий противник, подготавливающий выход из Крыма, сосредоточил все свои основные силы.

6 июня 1920 года, за два дня до начала общего наступления Красной Армии против белополяков, Врангель также начал общее наступление. На участке 46-й стрелковой дивизии белые высадили крупные десанты, оттеснили части 46-й советской дивизии и 10 июня захватили Мелитополь. На перекопском участке им удалось оттеснить части Латышской и 52-й стрелковых дивизий, которые отходили к Днепру. Несмотря на отчаянное сопротивление частей XIII армии, наступление противника приостановить не удалось, для этого не хватало сил. Противник же располагал крупными силами, он имел огромный перевес, особенно в технических средствах и в кавалерии. С боями отходил и 408-й полк, которому неприятельская конница неоднократно угрожала окружением. Связь с соседними

частями нарушалась или отсутствовала вовсе. В середине июня на помощь частям 46-й дивизии прибыла 2-я кавалерийская дивизия, которая совершила рейд в тыл противника в районе Новомихайловки и разгромила там штаб и некоторые части Чеченской кавалерийской дивизии белых. Этот энергичный и смелый рейд красной конницы нанес врагу чувствительный урон. В плен был захвачен командир Чеченской дивизии генерал Ревишин. Однако на левом фланге 46-й дивизии белые продолжали продвигаться вперед, постоянно угрожая охватом с фланга. Продолжавший отход 408-й полк был вторично обойден противником, но и на этот раз его выручили кавалеристы, которые разбили и эту группу противника. Вместе с красными конниками дрался и 408-й полк.

Через несколько дней, в последних числах июня, 408-й полк вышел на левый берег реки Днепра. Затем он был направлен в район Орехова для переформирования. Ряды полка к этому времени сильно поредели, старых кадровых бойцов-эстонцев осталось в нем совсем мало. Было принято новое пополнение — преимущественно молодежь, еще не участвовавшая в боях. В пополнении было также некоторое количество людей, ранее служивших в деникинской армии. Это сказалось на боевых качествах полка. Первое столкновение с врагом под Большим Токмаком окончилось поражением. Появились танки противника, которые вызвали замешательство, и полк отступил. Получив снова пополнение, 408-й полк действовал в дальнейшем в районе города Орехова.

Особенно ожесточенные бои части 46-й стрелковой дивизии, в том числе и 408-й полк, вели в районе Орехова и Гуляй-Поля в конце июля 1920 года, когда на дивизию обрушилась конница противника. 408-й полк вновь понес тогда большие потери, особенно его первый батальон, который был почти полностью уничтожен кавалерией и танками противника. В одном из этих неравных боев смертью храбрых погибли командир полка Ф. Тедер и командир 1-го батальона А. Луйк.

В августе и сентябре 1920 года войска XIII армии, получив дополнительные подкрепления, вели наступление на Александровском (Запорожском) и Ореховском направлениях и нанесли войскам Врангеля несколько поражений. На Ореховском направлении действовала 46-я стрелковая дивизия, которая с боями вновь вышла в район Большого Токмака. Это наступление частей XIII армии привело к закреплению частей Красной Армии на левом берегу реки Днепра, у Каховки. Возник знаменитый Каховский плацдарм, нависший угрозой над тылом врангелевской армии. Осенью 1920 года этот плацдарм сыграл огромную роль в окончательном разгроме Врангеля.

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) вынесло решение о выделении из состава Юго-Западного фронта войск для обра-

Группа бойцов 2-го червонного казачьего полка. Под номерами 2, 3 и 4 — бывшие бойцы 3-го Тартуского полка Данилов, Бурдин и А. Прессман

зования нового, самостоятельного фронта с целью ликвидации армии Врангеля в Крыму. По приказу Реввоенсовета Республики от 21 сентября 1920 года был создан новый Южный фронт и сформировано его управление. В состав Южного фронта вошли VI и XIII армии, 2-я Конная армия, а позднее (22—23 октября 1920 г.) 1-я Конная армия и вновь сформированная IV армия. В IV армию в ноябре 1920 года была влита и XIII армия. Новым Южным фронтом стал руководить один из выдающихся полководцев Красной Армии М. В. Фрунзе.

В сентябре и в начале октября 1920 года Врангель добился некоторых успехов. Он занял Гуляй-Поле, Верхне-Токмакский и Бердянский районы, угрожал Донбассу. Ему удалось форсировать Днепр у города Александровска (Запорожье) и овладеть на правом берегу Днепра районом, ограниченным излучиной реки и линией Никополь—Токмаковка—Кичкас. Но эти успехи Врангеля были последними.

С 13 по 17 октября 1920 года части VI армии (бывшая правобережная группа XIII армии) и 2-я Конная армия, в оперативном подчинении которой действовала и 46-я стрелковая дивизия, полностью ликвидировали группировку врангелевских войск на правом берегу Днепра, форсировали реку и приступили к разгрому основных сил Врангеля. К тому времени на Южный фронт с польского участка фронта прибыла и 1-я Конная армия, сыгравшая большую роль в разгроме врангелевцев на подступах к Крыму, а затем и в самом Крыму.

28 октября 1920 года армии Южного фронта перешли в общее наступление и после пятидневных ожесточенных боев разгромили врангелевскую армию на материке. Остатки ее, как и деникинцы ранее, надеялись найти спасение в Крыму. Но на этот раз их ожидал полный разгром.

К 7 ноября 1920 года войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе закончили перегруппировку для решительного штурма Перекопских и Чонгарских укреплений противника и последующего освобождения Крыма. В направлении Перекопского перешейка, на котором противник имел сильнейшие фортификационные сооружения, были сосредоточены глубоко эшелонированные части VI армии под командованием А. Корка: 15-я, 51-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии, 153-я стрелковая бригада, 7-я и 16-я кавалерийские дивизии. Эта группировка была усилена артиллерией некоторых дивизий IV и XIII армий, в том числе несколькими эстонскими батареями из состава 46-й стрелковой дивизии.

Сильные укрепления были у врангелевцев также на Чонгарском полуострове и на Арбатской стрелке, вдоль восточного берега которой действовала врангелевская Азовская флотилия. Против группировки Врангеля на Чонгарском полуострове должны были действовать части IV и XIII армий (эти армии в то время находились в стадии слияния) — 9-я, 23-я, 30-я, 42-я и 46-я стрелковые дивизии и некоторые кавалерийские части. В числе частей 46-й дивизии был 408-й полк и некоторые другие полки, в которых сражались бойцы бывшей Эстонской дивизии.

Перекопско-Чонгарская операция началась на Перекопском направлении в ночь с 7 на 8 ноября, когда ударная группа VI армии в составе 15-й и 52-й стрелковых дивизий, 153-й стрелковой бригады и отдельной кавалерийской бригады 51-й стрел-

ковой дивизии в исключительно тяжелых условиях преодолела Сивашский пролив и с боями закрепилась на Литовском полуострове, создав перекопской группе противника угрозу с тыла. По этому же пути 8 ноября прошла на Литовский полуостров 7-я кавалерийская дивизия.

Непосредственный штурм Перекопских укреплений с фронта начала 8 ноября 51-я стрелковая дивизия, которая после четырех лобовых атак, вызвавших большие потери, в ночь на 9 ноября овладела Турецким валом, за которым было сосредоточено огромное количество орудий и пулеметов. 11 ноября части Красной Армии овладели последними укреплениями белых на этом участке фронта — Юшуньскими (Ишуньскими) позициями, которые уже однажды были взяты частями Эстонской дивизии и 138-й бригады 46-й дивизии — в марте 1920 года.

На Чонгарском направлении части Красной Армии начали наступление 10 ноября. В ударной группе шла 30-я стрелковая дивизия, за нею 9-я, 23-я и 46-я дивизии. Прорвав Чонгарские позиции белых, части IV и XIII армий к утру 12 ноября закончили переправу через Сиваш, заняли станцию Таганаш, затем узел железных дорог Джанкой и успешно продолжали наступление в глубь полуострова.

Значительную помощь Красной Армии в Крыму оказывали советские партизаны, которые спускались с гор и отбивали у врангелевцев орудия и обозы с военными материалами.

С 12 по 15 ноября 1920 года войска Южного фронта освободили от белогвардейцев города Симферополь, Севастополь, Феодосию, а 16 ноября Керчь. С Врангелем было покончено. Только небольшой части его армии удалось бежать на кораблях в Турцию.

408-й стрелковый полк и некоторые другие части 46-й дивизии, в которых еще было небольшое количество бойцов и командиров бывшей Эстонской дивизии, закончили свой славный боевой путь в гражданской войне в ноябре 1920 года участием в освобождении Крыма.

Что касается частей 1-й бригады бывшей Эстонской дивизии, то в период с мая по ноябрь 1920 года они в составе Украинской трудовой армии принимали участие в реквизиции хлеба у кулаков, а также вели борьбу с бандитами в районе Богодухова, Ромадана, Миргорода, Полтавы и некоторых других городов Украины.

В этот период в полку, в котором находились бойцы 1-го Таллинского эстонского полка, произошло трагическое событие. В районе Константиновграда (65 км юго-восточнее Полтавы), где полк вел операции против банд Заболотного, Левченко и других белобандитских вожаков, тыловые подразделения полка — музыкантская команда, обоз и команда выздоравливаю-

щих — были окружены и захвачены белобандитами. Большинство этих почти безоружных людей было зверски зарублено бандитами у деревни Верхняя Ланная. Погибло 99 человек.

Памятник павшим бойцам 1-го Таллинского полка в Красограде

Останки их были похоронены с воинскими почестями в братской могиле в городе Константиновграде (ныне Красноград). Память их увековечена обелиском.

Полки Украинской трудовой армии, в том числе и те полки, в которых были эстонцы из частей 1-й эстонской бригады, тоже принимали участие в боях против врангелевцев, а также петлюровцев. 1-й эстонский полк, вошедший в состав 7-го полка Украинской трудовой армии, которым командовал

В. Пуссь, во время наступления на Врангеля принимал участие в боях по освобождению района Херсона и занял населенные пункты Голая Пристань, Олешки и некоторые другие, а затем прикрывал фланг наступавшей группировки Красной Армии на побережье Черного моря южнее Херсона. В конце 1920 года полк вошел в состав 15-й стрелковой дивизии.

Бывший 3-й эстонский полк, который в апреле 1920 года в качестве 8-го полка вошел в состав Украинской трудовой армии, до марта 1921 года вел борьбу с бандитами в тех же районах, что и 7-й (бывший 1-й эстонский) полк, а 16 марта 1921 года был переименован в 5-й отдельный рабочий батальон. Летом 1921 года все эстонцы были из него демобилизованы. 8-м полком Украинской трудовой армии, а затем 5-м отдельным рабочим батальоном все время командовал бывший командир 3-го эстонского полка А. Лиллакас.

Личный состав 2-го эстонского полка в апреле 1920 года был передан частью в 138-ю бригаду 46-й стрелковой дивизии, частью в 6-й полк Украинской трудовой армии. Он, как и 7-й и 8-й полки трудовой армии, вел операции против бандитов в южной части Украины и закончил свое существование летом 1921 года.

Бывшие эстонские артиллерийские части и Эстонский кавалерийский полк закончили свой боевой путь в составе 46-й стрелковой дивизии, 8-й кавалерийской дивизии и 1-го Киевского конного корпуса червонного казачества.

*

В самоотверженной борьбе эстонского пролетариата за победу Октябрьской революции и в последующих боевых делах красных эстонских воинов в годы гражданской войны и иностранной интервенции активное участие принимали и многие дочери эстонского трудового народа.

Уже с первой эстонской частью — Эстонским отдельным коммунистическим батальоном — в июне 1918 года на Восточный фронт уехала и группа эстонских женщин: Эльза Бюргемаа, Марие Керсман, Сальме Кригульсон, Розалие Алье, сестры Марие и Лизетте Нейфельдт, Вера Кальпус, Эрна Пиллет-Пай и некоторые другие. Они выполняли обязанности медицинских сестер, санитаров, телефонистов, а Вера Кальпус неоднократно ходила в разведку в составе команды конных разведчиков.

Наибольшее количество женщин было во 2-м Вильяндиском эстонском полку. Ко времени начала боевых действий под Нарвой там насчитывалось более 60 женщин, в том числе и те, кто прибыл в ноябре 1918 года из 1-го эстонского полка с Восточного фронта (женщины, прибывшие с Восточного

В. Кальпус (в центре)

фронта, были отправлены в Петроград до прибытия 1-го эстонского полка на Нарвский участок фронта). Многие из них участвовали в освобождении Нарвы 28 ноября 1918 года и в последующих боях по освобождению Эстонии. В этих боях смертью храбрых погибли Марие Керсман (под Нарвой 28 ноября 1918 г.), Марта Альт (на псковском участке фронта в начале 1919 г.) и Амалие Кристальсон.

Женщины были и в других эстонских полках. В основном они исполняли обязанности младшего медицинского персонала, выносили раненых с поля боя, работали в полковых пунктах по оказанию первой помощи и в дивизионном военно-полевом госпитале.

Много самоотверженности проявили сестры и санитары Анна Авальд (Уйбо), Анна Луми, Александра Пуру, Луизе Марк, Эмилие Тедеров, Альма Прессь, Алиде Юриссон, Анна Розенталь, Юлия Рааль, Альма Кинк, Алине Раудкелл и многие другие. С большой энергией, не жалея сил, работала медсестра 3-го Тартуского полка Ида Кипасто (Гольдберг). Благодаря ее внимательному уходу за ранеными удалось спасти жизнь многих бойцов и командиров.

Женщины были также работниками связи, пищеблоков, политических и культурно-просветительных учреждений дивизии и полков. Все они достойно выполняли свой патриотический долг и внесли немалую лепту в боевой успех красных эстонских частей.

*

Рабочие организации освобожденных от белогвардейцев городов, а также партийные и советские организации неоднократно отмечали боевые заслуги эстонских полков, сражавшихся на фронтах гражданской войны.

За бои на Восточном фронте в 1918 году 1-му Таллинскому полку было вручено Красное знамя Уральского комитета партии. Ему были вручены также Красные знамена ЦК эстонских секций РКП (б) и районного Совета 1-го городского района Петрограда.

2-й Вильяндиский полк получил знамена от Совета Эстляндской Трудовой Коммуны за освобождение Нарвы 28 ноября 1918 года, от псковских рабочих за освобождение Пскова в августе 1919 года и от ЦК эстонских секций РКП(б).

3-му Тартускому полку были вручены два Красных знамени — от рабочих Путиловского завода за бои против интервентов на Северном фронте в 1918 году и от псковских рабочих за освобождение Пскова от белогвардейцев в августе 1919 года.

5-й Эстонский полк был также удостоен Красного знамени за освобождение Пскова.

*

Среди полководцев и политических работников, выдвинувшихся в годы гражданской войны, были и представители эстонских трудящихся. Многие из них активно участвовали в организации первых частей Красной Армии и Военно-Морского Флота, а затем занимали видные посты в советских вооруженных силах.

Одним из наиболее выдающихся организаторов и военачальников Красной Армии был Аугуст Корк. На Западном фронте в дни боев по разгрому Юденича, белоэстонцев и белополяков А. Корк занимал последовательно должности консультанта Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны, начальника штаба Эстляндской армии, помощника командующего VII армией и командующего XV армией. Славную страницу в боевую историю Красной Армии вписала VI армия Южного фронта, которая в октябре—ноябре 1920 года под командованием А. Корка разбила основные силы Врангеля в Северной Таврии, в ожесточенных боях прорвала Перекопские укрепления противника и первой ворвалась в Крым. После окончания гражданской войны А. Корк был командующим вой-

сками Харьковского военного округа, заместителем командующего войсками Красной Армии в Украине и Крыму, командующим войсками Туркестанского фронта, занимал пост командующего войсками Белорусского, Ленинградского и Московского военных округов, был начальником Военной Академии им. М. В. Фрунзе. Всю свою жизнь А. Корк посвятил организации и укреплению вооруженных сил Советского государства.

Ответственные посты занимал Александр Кукк, который был в 1919 году начальником оперативного отдела и помощником начальника штаба Эстляндской армии, а затем командующим XVI армией.

К славной плеяде полководцев и героев гражданской войны принадлежит сын эстонского трудового народа Иоханнес (Иван) Раудметс. Еще в конце 1918 года, командуя Нарвским коммунистическим батальоном, а затем группой войск Вельско-Шенкурского направления и бригадой 18-й стрелковой дивизии VI армии Северного фронта, И. Раудметс в боях с англо-французскими интервентами проявил много мужества, самоотверженности и героизма. За эти бои он был награжден орденом Красного Знамени. В 1919—1920 гг. Раудметс в качестве командира бригады 52-й стрелковой дивизии, а затем начальника этой дивизии руководил многочисленными боевыми операциями по разгрому белополяков и Врангеля. В конце октября 1920 года И. Раудметс был назначен начальником 15-й стрелковой дивизии, которая в составе других частей ударной группы VI армии Южного фронта сыграла решающую роль в разгроме Врангеля в Перекопском и Юшуньском районах и в освобождении Крыма. За смелые и энергичные действия И. Раудметс был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Одним из организаторов первых частей Красной Армии был Роман Сокк, сын безземельного батрака. Командуя в 1918—1920 годах полком и впоследствии бригадой 27-й Омской стрелковой дивизии на Восточном фронте, а затем 237-м Минским полком на Западном фронте, он снискал себе славу талантливого, смелого и решительного командира. На Восточном фронте части его бригады, в которой было немало питерских рабочих, разгромили колчаковцев под городами Бирском, Омском и Новониколаевском, а на Западном фронте били белополяков у местечка Свислочь на берегах Западного Буга и под Волковыском. В марте 1921 года части 27-й Омской дивизии, одной из бригад которой командовал Р. Сокк, участвовали в ликвидации контрреволюционного мятежа в Кронштадте. За славные боевые дела, отвагу, и мужество Р. Сокк был награжден тремя орденами Красного Знамени.

Видными организаторами и политическими работниками вооруженных сил Советского государства в годы гражданской войны были также эстонцы Иван Лудри, ставший позднее за-

местителем командующего Военно-морскими силами республики; Карл Круштейн, занимавший посты комиссара отряда моряков Балтийского флота, комиссара Петроградского воен-

Р. Сокк

ного порта и комиссара Главного гидрографического управления Балтийского флота; Сергей Сакс, командовавший Астраханско-Каспийской флотилией, Даниель Блау, генерал-майор, занимавший крупные посты в советских вооруженных силах, и многие другие. В трудные дни гражданской войны и позднее они многое сделали для достижения окончательной победы над врагом и укрепления первой в мире страны Советов.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Борясь за установление Советской власти и защищая затем ее победу, эстонские коммунисты создали свою вооруженную силу — Красную гвардию. Они превратили Эстонию в надежный форпост революционного Петрограда. Эстонский пролетариат и его Красная гвардия оказали значительное содействие победе пролетарской революции в Петрограде, не пропустив к столице контрреволюционные войска Корнилова и Краснова.

Великая Октябрьская Социалистическая революция победила и в Эстонии. На территории Эстонии была установлена Советская власть. Но затем германским войскам при поддержке националистической буржуазии удалось оккупировать Советскую Эстонию.

Это не означало, однако, прекращения борьбы эстонского рабочего класса и беднейшего крестьянства. Сразу же после этого поражения лучшие сыны эстонских трудящихся, возглавляемые коммунистами, вновь и с еще большей энергией и решимостью вступили в общую борьбу против внешних и внутренних врагов революции. Отступив на территорию Советской России, они уже в марте 1918 года создали первые эстонские регулярные части Красной Армии для борьбы против многочисленных врагов молодой Советской республики.

Бои на Восточном и Северном фронтах против белогвардейцев, мятежных чехословаков и англо-французских интервентов показали высокие боевые качества эстонских красных воинов. Ряды их быстро росли. В феврале—марте 1919 года эстонские части были объединены в дивизию, которая до сентября 1919 года вела многочисленные непрерывные бои за освобождение своей родины — Эстонии. В этих боях красные эстонские воины вновь проявили мужество и воинскую доблесть. Боевой дух эстонских частей, их морально-политическое единство и сплоченность вокруг коммунистической партии не были сломлены, несмотря на ряд тяжелых испытаний и неудач. Потерпели крах также попытки буржуазии и ее агентов уничтожить красную Эстонскую дивизию изнутри, путем предатель-

ства. Все испытания и трудности лишь закалили бойцов и командиров, еще теснее сплотили их ряды. Лучшим доказательством этому послужили блестяще проведенные боевые операции по разгрому белогвардейцев под Псковом и при защите Двинска. Преданность коммунистов и всех эстонских воинов делу революции подтвердила и состоявшаяся в июне 1919 года 2-я армейская партконференция коммунистов Эстонской дивизии.

Прекрасные страницы вписала Эстонская дивизия в боевую историю гражданской войны и на Южном и Юго-Западном фронтах. Она участвовала в освобождении от белогвардейцев Орла, Курска, Белгорода, Волчанска, Изюма, в операциях по разгрому белых в Донецком бассейне. В этих боях красные эстонские воины сражались самоотверженно, проявляя героизм и высокое сознание революционного долга. Действуя на одном из важнейших направлений Южного фронта, Эстонская дивизия с честью выполнила свою боевую задачу.

В марте 1920 года Эстонская дивизия первой прорвала сильно укрепленные позиции противника на Перекопском перешейке и ворвалась в Крым. Только недостаточность сил и допущенные тактические ошибки помешали тогда окончательному разгрому противника и освобождению Крыма.

Представители Эстонской дивизии принимали активное участие в создании органов Советской власти в освобожденных от белогвардейцев районах, восстанавливали в этих районах революционный порядок.

К числу боевых заслуг Эстонской дивизии относится и очищение тыла частей Юго-Западного фронта от банд Махно и других белогвардейских и контрреволюционных групп. Это несомненно облегчило боевые действия сражавшихся на передовой линии частей Красной Армии на крымском участке Юго-Западного фронта. В этом важном деле участвовали также бойцы и командиры тех эстонских частей, которые в 1920—1921 гг. находились в рядах Украинской трудовой армии.

Боями по разгрому Врангеля и Деникина завершился славный боевой путь красной Эстонской дивизии, начавшийся на Урале и суровом Севере и закончившийся на берегу Азовского и Черного морей.

В этой борьбе неизбежны были большие жертвы. Но они не были напрасными. Молодая Советская республика одержала победу над своими многочисленными врагами.

Беззаветная борьба тысяч лучших сынов эстонского народа плечом к плечу с великим русским народом и другими народами России в гражданской войне 1918—1920 гг. явилась прекрасным примером дружбы народов, которая родилась в огне революции и продолжала укрепляться в последующие годы.

Семь лет войны — империалистической и гражданской —

принесли Советской России такое хозяйственное разорение, какого не испытала ни одна из воевавших стран. Промышленность была разрушена, сельское хозяйство пришло в упадок и переживало тяжелый кризис, транспорт был расстроен. Убытки от разрушения промышленных предприятий и потери народного хозяйства исчислялись десятками миллиардов рублей. В стране не хватало хлеба, жиров, топлива, обуви, одежды и других предметов первой необходимости. Это были величайшие трудности. Но советский народ, Коммунистическая партия во главе с Лениным смело начали решительную борьбу с разрухой, год за годом восстанавливая хозяйство и ведя страну по пути строительства социализма.

От этой великой борьбы не остались в стороне и находившиеся в Советской стране эстонцы, в том числе и бывшие красные эстонские воины. Многие из них, избрав военное поприще, стали командирами, политработниками. Многие поступали на промышленные предприятия, в сельское хозяйство, на транспорт. Везде, где бы они ни были, бывшие эстонские воины трудились так же самоотверженно, как они раньше сражались на фронте, создавая вместе со всеми трудящимися новые материальные ценности, укрепляя экономическую мощь и обороноспособность Советского государства.

Победа Советской власти над силами империалистических интервентов и внутренней контрреволюции, образование Союза Советских Социалистических Республик и его огромные успехи в социалистическом строительстве вдохновляли и эстонские пролетарские массы в их борьбе против буржуазно-фашистского режима, за восстановление Советской власти в Эстонии. В 1940 году эстонские трудящиеся под руководством Коммунистической партии свергли фашистскую диктатуру буржуазии и вновь создали Эстонскую Советскую Республику, которая вошла в общую семью других советских республик и при их братской помощи уже через год достигла заметных успехов в развитии социалистического народного хозяйства и культуры. Но мирный труд был прерван войной. В Эстонии более трех лет свирепствовал фашистский террор. Погибли десятки тысяч людей.

Во второй половине 1944 года территория Эстонской ССР была мощными ударами Советской Армии очищена от фашистских оккупантов и их пособников. В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками участвовал и Эстонский гвардейский стрелковый корпус. Советской Армии, в рядах которого также отважно и мужественно, как и в 1918—1920 годах, сражались многие эстонцы — ветераны гражданской войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава первая

Развитие революции в Эстонии. Октябрьская победа. Эстонская Красная гвардия и начало организации эстонских частей Красной Армии 7

Февральская революция в Эстонии 14
Создание первых эстонских отрядов Красной гвардии 25
Подготовка к социалистической революции в Эстонии 29
Победа Октябрьской революции в Эстонии 34
Массовая организация Красной гвардии 39
Борьба с реакцией в Эстонии в послеоктябрьский период . . . 44
Начало создания первых эстонских подразделений Красной Армии 49
Германская оккупация. Борьба с оккупантами 58
Бои с немецкими оккупантами в северной Эстонии и под Нарвой 68

Глава вторая

Организация регулярных эстонских частей Красной Армии. Боевые действия на Восточном и Северном фронтах. Борьба за восстановление Советской власти в Эстонии 75

Формирование Тартуского и Нарвского эстонских полков и Эстонского отдельного батальона 76
На Восточном фронте 83
Формирование 1-го Таллинского (Ревельского) эстонского полка и первых эстонских артиллерийских подразделений 91
Боевые действия Тартуского эстонского полка и батальона Нарвского эстонского полка на Северном фронте 98
Формирование 2-го Вильяндиского (Феллинского) эстонского полка 104
Борьба за освобождение Эстонии от немецких оккупантов и белогвардейцев 106
Освобождение Нарвы. Образование Эстляндской Трудовой Коммуны 115
Боевые действия в Эстонии в декабре 1918 и январе 1919 года 126

Глава третья

Дальнейший рост эстонских частей Красной Армии. Образование Эстонской стрелковой дивизии и Эстляндской армии. Их боевые действия на Западном фронте 161

Бои на Печорском и Выруском направлениях в феврале—марте 1919 года 175
Восстание трудящихся на островах Сааремаа и Муху 184
Операции Красной Армии в южной Эстонии в апреле—мае 1919 года 188
Измена на псковском участке фронта. Падение Пскова 200
Реорганизация войск Западного фронта 206
2-я партконференция Эстонской дивизии 209
Боевые операции в июне—июле 1919 года на Псковском направлении 213
Разгром белогвардейцев и освобождение Пскова 221
На защиту Двинска 229

Глава четвертая

Боевые действия Эстонской дивизии на Южном и Юго-Западном фронтах 241

Орловско-Кромская операция 246
Курская операция 256
Операция по овладению Белгородом 262
Борьба за освобождение Донбасса 266
Борьба с бандами Махно 273
Бои на подступах к Крыму. Юшуньская операция 278
Расформирование Эстонской дивизии. Боевые действия эстонских воинов в составе других частей Красной Армии 291
Краткие выводы 306

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
121	В примечании	Москва, 1930	Москва, 1934
130	Подпись к фотографии	Кийль, Т. Тамм	Кийль, (фамилия неизвестна), Т. Тамм
222	18 сверху	1-ой дивизии	11-ой дивизии

СХЕМА № 1

Освобождение Нарвы 28–29.XI 1918

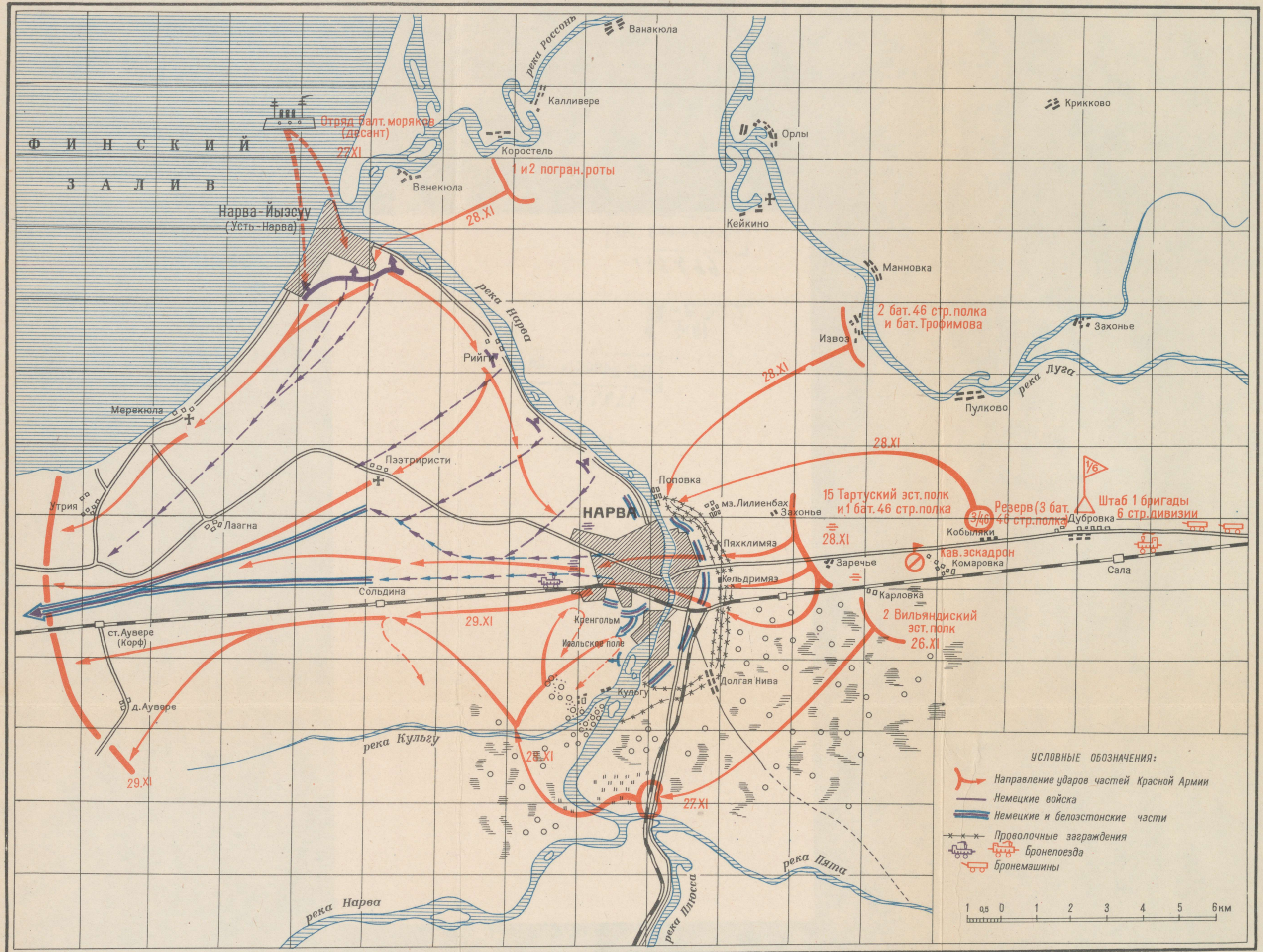


СХЕМА №2

Операция Красной Армии
по освобождению Эстонии
в ноябре 1918 – январе 1919 г.

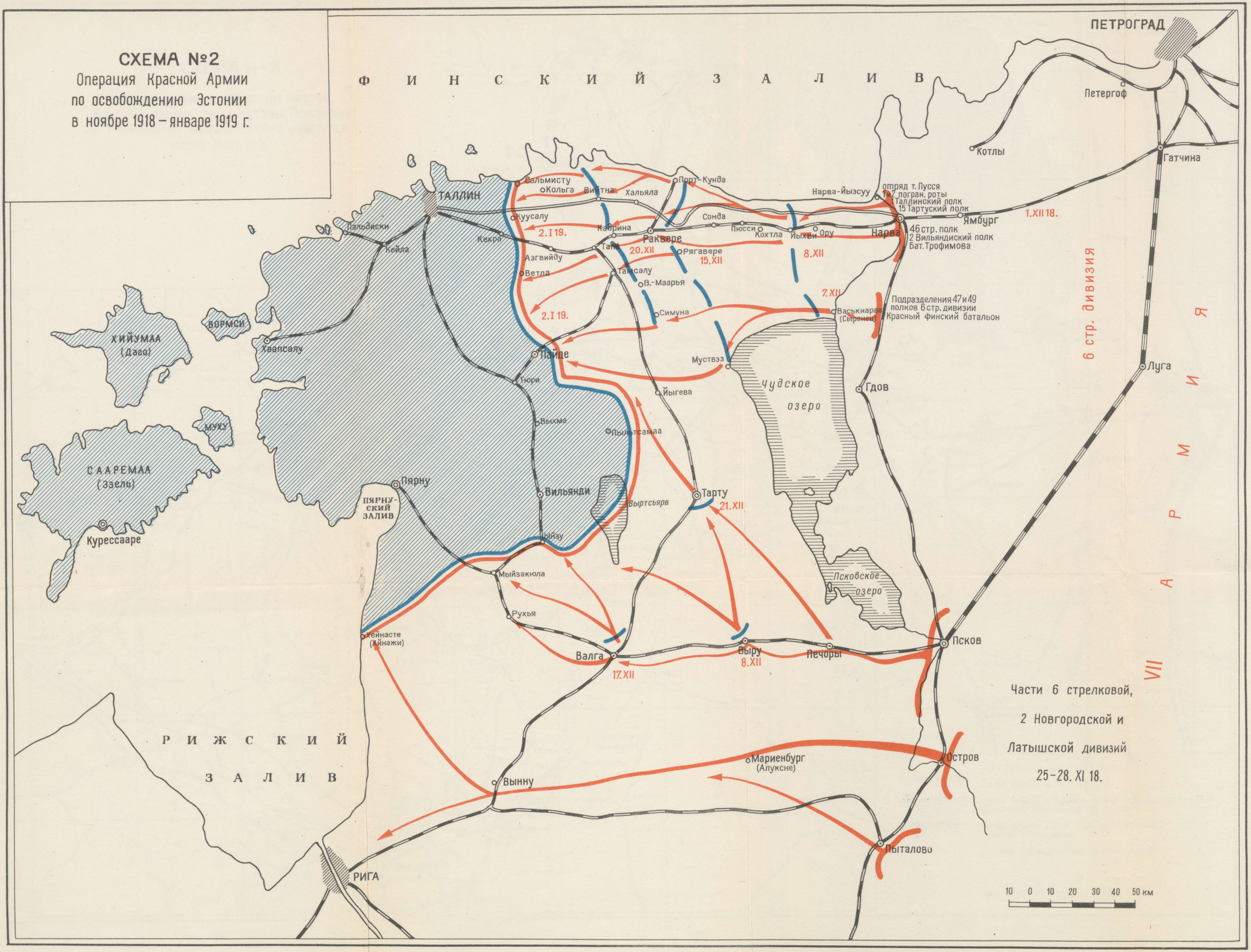


СХЕМА № 3

Наступательные операции частей Красной Армии на Выруском, Печорском и Ряпинаском направлениях в феврале и марте 1919 года.

ПСКОВСКОЕ ОЗЕРО

ВЫРУ

ПЕЧОРЫ

ИЗБОРСК

ПСКОВ

МАРИЕНБУРГ (Алуксне)

Мариенбургская группа частей Латышской дивизии

Псковская группа частей 16 и 15 Латышских стрелковых дивизий

Лат. армия

29.III

28.III

24.III

23.III

14.III

1.IV

31.III

5 эст. полк с 7.II 19.

5 эст. полк 21.–28.II 19.

1 эст. полк

2 эст. полк

3 эст. полк

5 стр. полк

9 Новгородский полк

1 Псковский полк

Некоторые части 3 эст. полка

85 и 86 стр. полки

Эст. кав. полк

163 и 165 стр. полки

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Линия фронта на 24.II 1919 г.

Линия фронта: а) в районе Ряпина – Вериора – Орава к 28.III б) в районе Вастселийна – 15-23.III 1919 г.

Линия фронта к 23.III 1919 г. (за исключением района Вастселийна)

Русские белогвардейцы (Северный корпус)

5 0 5 10 км

СХЕМА №4

Второе общее наступление частей Красной Армии во второй половине апреля 1919 года на Выруском и Печорском направлениях. Прорыв противника под Мынисте и Выру 22–26. апреля и частичный отход частей Красной Армии из районов Выру и Рыуге.

ПСКОВСКОЕ ОЗЕРО

ВЫРУ

ПЕЧОРЫ

ИЗБОРСК

ПСКОВ

МАРИЕНБУРГ (Алуксне)

Каукси
Ряпина
Выыпсу
Какква
Вярска
Трески
Лээви
Орава
Ласва
Вана-Вяймела
Линнамяэ
Вабина
Антсла
Курenурме
Сымерпалу
оз. Вагула
Вагула
Хузари
Лепасааре
Пиуза
Обинитса
Серга
Вастселийна
Мээкси
Воронкина
Пресси
Тыльва
Витка
Маури
Тика
Пынни
Мязи
Тийлика
Железова
Русский Бор
Веселкина
Богомолова
Козина
Зайкова
Михалкина
Паниковичи
Потапова
Дубровка
Линнасте
Заболда
Моложва
Зимний Борок
Литовичи
Каменка
Б.Толбица
Ершово
Жидилов Бор
Муровицы
Иваново Болото
Видовичи
Корлы
Горушки
Лесгис
Б.Пуравица
Тупы
Моглино
Изборск
Вашина Гора
Митковицы
Порканова
Труба
Залесье
Унковица
Аристова
Рачева
Сенно
Мижуги
Выдра
Ерусалимка
Шахницы
Бобякова
Яванова
Дулова
Бор Белкова
Черская
Палкино
Бабина
Дурнова
Кыргесилла
Юшкова
Качанова
Карлова
Аполихина
Мильдина
Кивиору
Сохина
Лаура
Миссо
Кауби
Оттенкюль
Прекшен
Волкова
Кыргессааре
Оппекалн
Скултаны
Ветсалтсен
Мурати
Рогози
Вилла
Хаанья
Рыуге
Сяннa
Тсоору
Кыргепалу
Вана-Рооза
Варстu
Метстага
Ванамыйза
Мынисте
Краби
Тундо
Вастсе-Рооза
Вана-Нурси
Вастсе-Нурси
Вана-Казаритса
река Мустыйги
на Валга
на Гдов
Мариенбургское озеро
Кольберг
Бормани
Карва
Хаанья
Оттенкюль
оз. Хино
оз. Велье

25.IV
23.IV
22.IV
24.IV
14-19.IV
25-27.IV
18.IV
14.IV

91 полк
2 батальона 5 эст. полка 24-26.IV
2 бат. 5 эст. полка 24-25.IV
6 и 13 лат. полки
93 полк
3 заград. отряд 11 стр. дивизии
3 эст. кав. полк с 22.IV
92 полк в резерве до 18.IV
5 стр. полк
6 эст. полк с 25.IV
3 эст. полк 25.IV
2 эст. полк
1 эст. полк
165 стр. полк
3 стр. полк
86 и 87 полки (с 20.IV)
1 бат. 5 эст. полка (20-21.IV)
1 стр. полк
7 стр. полк
1 бат. 5 эст. полка (до 20.IV)
83 полк
49 полк
5 эст. полк
48 полк

11 стр. дивизия
Мариенбургская группа
Эстляндская
10 и эстонской дивизии
Армии

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Линия фронта к 17.IV 1919 г. (после отхода частей Красной Армии в конце марта)

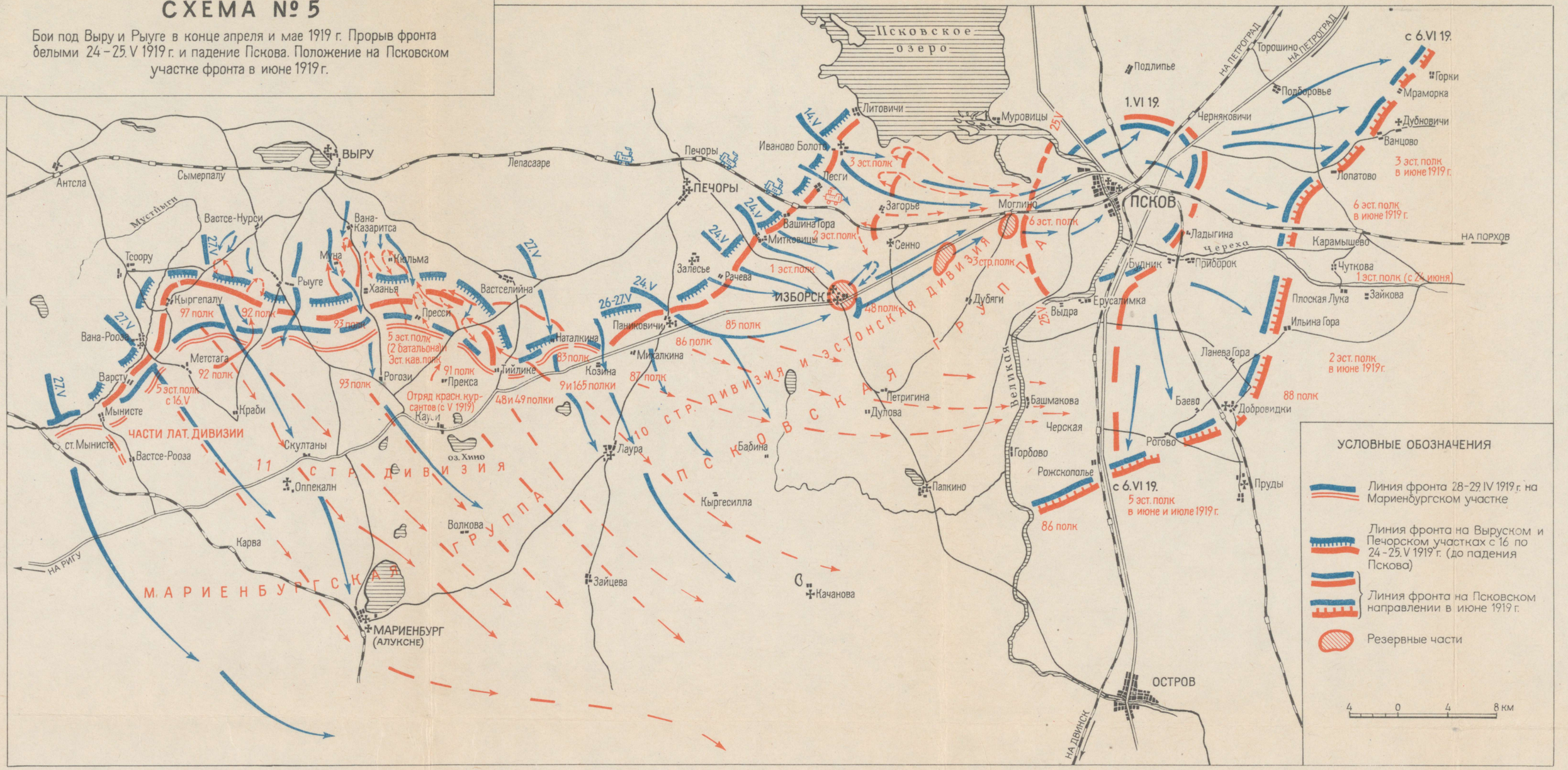
Положение войск Мариенбургской группы к 24.IV и в районе Вашина-Гора – Митковицы к 28.IV 1919 г.

Положение войск Мариенбургской группы к 28.IV 1919 г. (после отхода из района Выру)

5 0 5 10 км

СХЕМА № 5

Бои под Выру и Рыуге в конце апреля и мае 1919 г. Прорыв фронта белыми 24–25.V 1919 г. и падение Пскова. Положение на Псковском участке фронта в июне 1919 г.



ПСКОВСКОЕ ОЗЕРО

на Гдов

18.VII 19.

на Петроград

на Петроград

8.VII 19.

с 31.VII по 16.VIII 19.

Боровичи

Торошино

Подборье

Мраморка

Горки

Заборрье

Дубровно

Ямкино

Литовичи

Иваново Болото

Больш. Болото

Дубновичи

Больш. Загорье

Ванцова

Заклинье

Никандрова пустынь

31.VII

31.VII

река Шелонь

ЧАСТИ 2 БЕЛОЭСТОНСКОЙ ДИВИЗИИ

Поделипье

Зряковская Гора

Петрушина

ЧАСТИ 10 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Языкова

ПСКОВ

ст. Изборск

Моглино

Кебь

Карамышево

ПОРХОВ

Сенно

Кутузово

Буданик

Приборок

река Череха

река Великая

Чуткова

Подсевы

Лунево

Сосонье

Шарабино

ИЗБОРСК

Огурцово

Плоская Лука

Зайкова

Турково

Выдра

Ильина Гора

Веретени

ЧАСТИ 2 БЕЛОЭСТОНСКОЙ ДИВИЗИИ

Ланева Гора

Больш. Ражнева

Пячихина

Какорина

Русски

Славковичи

ЧАСТИ 10 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Васильево

Башмакова

Орехова Гора

Черская

Добровидки

ЧАСТИ ЭСТОНСКОЙ БРИГАДЫ

N1, 2, 3, 6 СТР. ПОЛКИ И КАВ. ПОЛК.

Подклинье

Плока

Мигунова

Шмойлово

Горбово

Лютые Болота

Швакинбахова

Зайцева

3 эст. полк (с 13.VII)

Ромоняты

Пруды

Палкино

27.VII

5 эст. полк

Пановка

18.VII

Климова

ЭСТОНСКАЯ БРИГАДА

Троицкая

Рожаны

Горяина

Грибули

Гусакова

26-28.VII

Нов. Никольское

Коромыслово

Крутикова

Подмошье

ЧАСТИ 11 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

18.VII

ОСТРОВ

СХЕМА № 6.

Наступление частей Красной Армии на Псков 8-18. VII 1919 г.

Условные обозначения:

- Части Красной Армии
- Белоэстонские части
- Части русских белогвардейцев

5 0 5 10 км

ПСКОВСКОЕ ОЗЕРО

Каменка
Жидилов Бор
Марково
Дубки
ст. Торошино
Боровичи
Дубровно
Замосточье
Ямкино
Горки
Мраморка
Горки
Подборовье
Абижа
ст. Чернякович
Голубова
Литовичи
Иваново Болота
Видовичи
Печки
Дубновичи
Замежничье
Щучья Гора
Дуброво
Заклинье
Ванцова
Б. Загорье
Заходы
Никандрова пустынь
Река Шелонь
Пески
Поблипье
Шабаново
ПСКОВ
Кресты
Кебь
Зенково
Железно
Хилово
ПОРХОВ
Луки
ст. Изборск
Панева
ст. Моглино
Выставка
Карамышево
Подсевы
Луньево
Сосонье
Станки
Алабашево
Мижуги
Б. Лопатино
Бубник
Прибарок
Барабаш
Огурцово
река Череха
Изборск
Козина
Дубяги
Река Великая
Выдра
Ильина Гора
Скриково
Зуево
Шахницы
Олисово
Волкова
Шкбары
Ражнева
Пячихина
Волчьи Ямы
Славковичи
оз. Велье
Дулова
Щепец
Яванова
Кокуево
Ланева Гора
Глазкова
Ладыгино
Бор Белкова
Кувакина
Петрисина
Тараканова
Русски
Трошева
Овечкина
Олухово
Мячково
Себеж
Ладыгино
Шевельево
Палена
Морозы
Микино
Саево
Рогово
Добровидки
Подклинье
Плюсса
Мигунова
Андроново
ст. Черская
Ромоняты
Швабинбахова
Пруды
Лютые Болота
Палкино
Ласковицы
Дуловка
Гусакова
Вощихино
Кр. Гора
Голщиха
Климова
Горохово
оз. Уситовское
Симоняты
Рожаны
Горяйино
Троицкая
Ново-Никольское
Грибули
Бородино
Дубровка
Гусакова
Луги
Коромыслово
Самухино
Крутикова
Пообережье
Трубичино
Остреково
Сосницы
Медниково
ОСТРОВ

29.VIII
25.VIII
24.VIII
16.VIII
21.VIII
17.VIII
20.VIII
20.VIII
29.VIII
24.VIII
16.VIII
27.VIII
16.VIII

1 эст. полк
5 эст. полк
2 эст. полк
3 эст. полк

11 СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ
СВОДНАЯ БРИГАДА
ОТДЕЛЬНАЯ ЭСТОНСКАЯ БРИГАДА
10 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
ЧАСТИ

СХЕМА № 7

Наступление частей XV армии 16–26.VIII 1919 г. и освобождение Пскова

Условные обозначения:

- Части Красной Армии
- Белоэстонские части
- Русские белогвардейцы (Сев.-Зап. армия)
- Линия фронта к 16, 25 и 29 августа 1919 г.
- Разграничительная линия

5 0 5 10 км

СХЕМА № 8

Отдельная эстонская бригада на защите Двинска 2–28. IX 1919 года

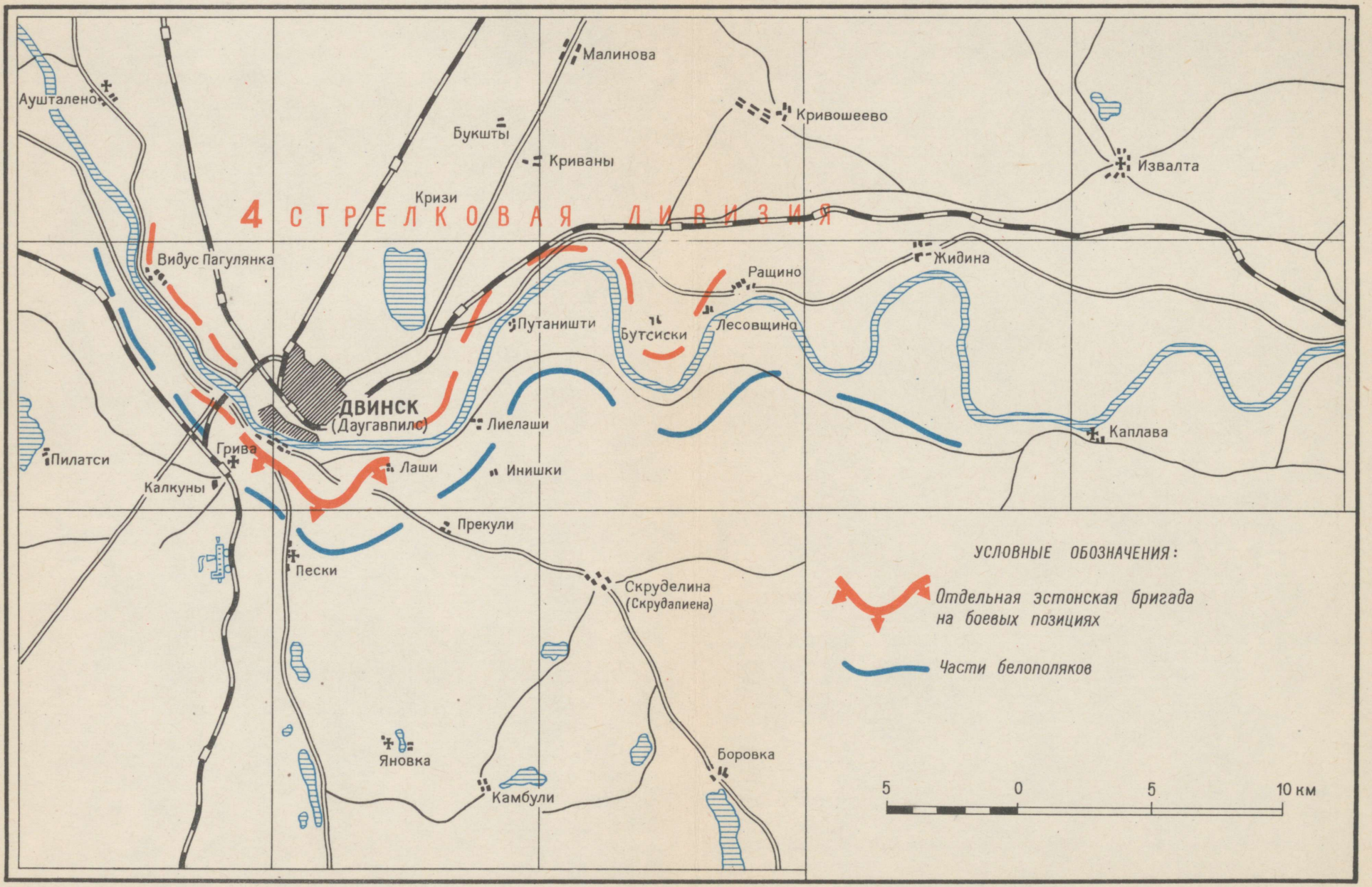


СХЕМА № 9

Первые бои Эстонской дивизии на Южном фронте. Освобождение Орла и продолжение наступления в Курском направлении 20.X – 7.XI 1919 г.

Болхов
Тельчье
Река Зуша
НА ТУЛУ
9 ДИВИЗИЯ
Знаменское
3 ДИВИЗИЯ
Мценск
Река Зуша
Думчино
Ока
ШТАБ эст. дивизии
Мощеное
Юрьево
Хотынец
Эст. дивизия 15.–17.X
Богородицкое
Вербник
Река Орлик
Орлица
Шахово
Солнцево
Дмитровка
Волобоево
Оптуха
Река Неручь
ОРЕЛ
к 15.X
Новосиль
К. 20.X
Нарышкино
Образцово
Моховое
Цон
Богдановка
Ужаренка
Саханская
Домнино
Б. Куликовка
Золотарево
Залегощь
Молодовое
ст. Стишь
Телегино
Верховье
НА ЛИВНЫ
Рыбница
Жидково
Становой Колодезь
Ока
Сосково
Хотетово
Богородицкое
Еропкино
Крамы
Шумаково
Разбегаевка
Змиевка
30.X
Гуторово
Покровское
Богородицкое
Куракино
Дмитровск
к 15.X
Глазуновка
Панская Слобода
7.XI
Тросна
Малоархангельск
Очки
Поныри
НА КУРСК
Колпны

УДАРНАЯ ГРУППА XIV АРМИИ (ПАТ. ДИВИЗИЯ, БРИГАДА ПАВЛОВА, КАВ. БРИГАДА ПРИМАКОВА)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

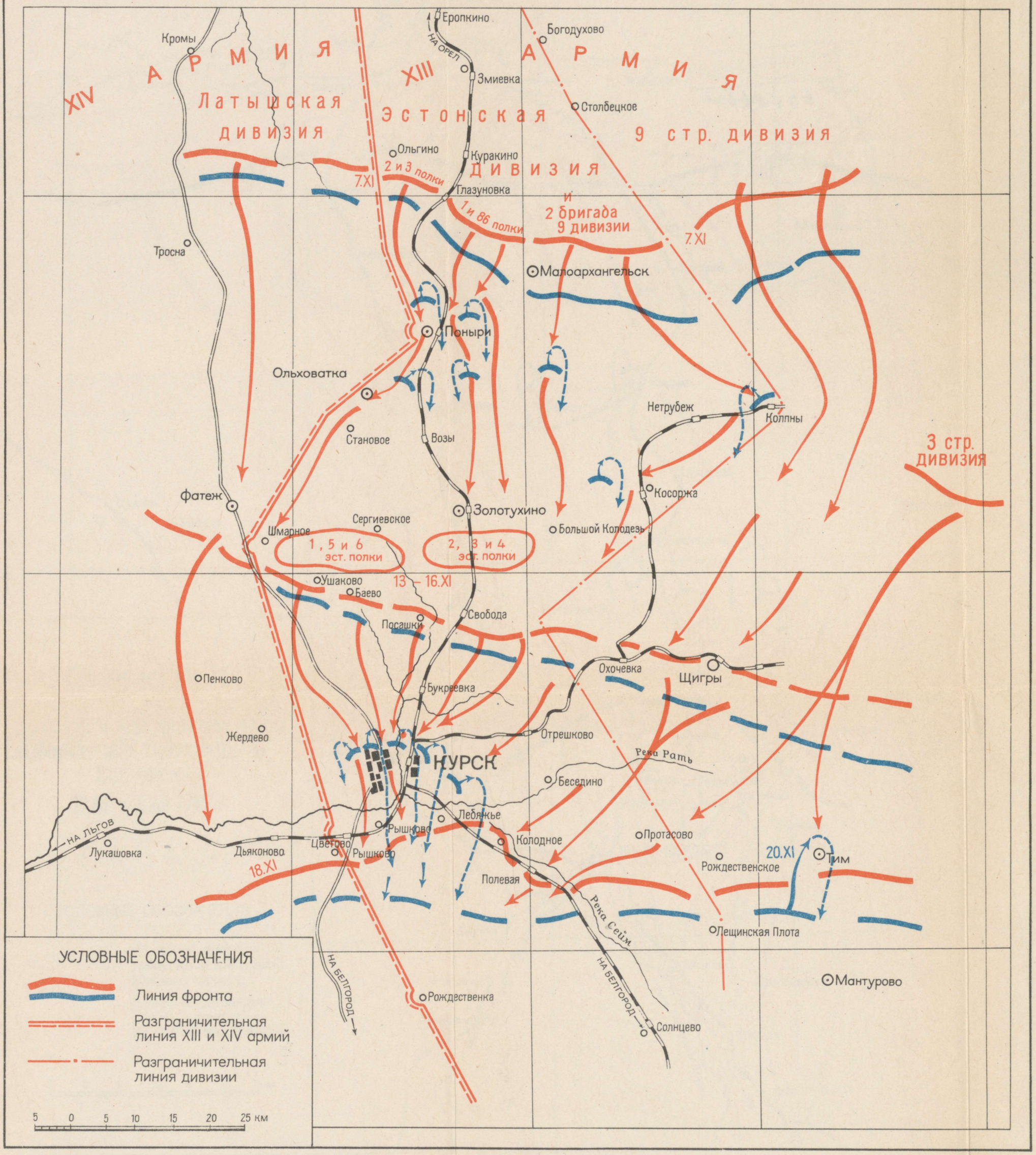
Линия фронта 15. X 1919 г.

Разграничительная линия Эстонской дивизии

5 0 5 10 15 20 км

СХЕМА № 10

Операция Красной Армии по освобождению от белых Курска



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Линия фронта
- Разграничительная линия XIII и XIV армий
- Разграничительная линия дивизии

5 0 5 10 15 20 25 км

Схема №11

Бои Эстонской дивизии по освобождению Белгорода и Волчанска
21.XI – 8.XII 1919 г.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Разграничительная линия XIV и XIII армий Южного фронта

Разграничительная линия Эстонской и 3й стрелковой дивизий

5 0 5 10 15 20 25 км

XIV АРМИЯ

XIII АРМИЯ

Латышская дивизия

Эстонская дивизия

3 стр. дивизия

1 бригада

2 бригада

3 бригада

21.XI

5.XII

7.XII

8.XII

КУРСК

БЕЛГОРОД

Волчанск

Река Сейм

Река Рать

Река Корень

Река Северный Донец

НА ЛЬГОВ

Лукашовка

Дьяконово

Цветово

Рышково

Лебяжье

Колодное

Протасово

ст. Полевая

Рождественское

Тим

Лещинская Плота

Мантурово

Солнцево

Рождественка

Медвенка

Обоянь

Троицкое

Ржава

Ельниково

Чуево

Скородное

Прохоровка

Суджа

Белое

Ивня

Беленихино

Шахово

Щелоково

Сажное

Гостищево

Сафоновка

Короча

Герцовка

Собынино

Киселево

Шляхово

Мазикино

Хохлово

Мелихово

Шеино

Беломестное

Томаровка

Ушаково

Болховец

Долбино

Толоконное

Наумовка

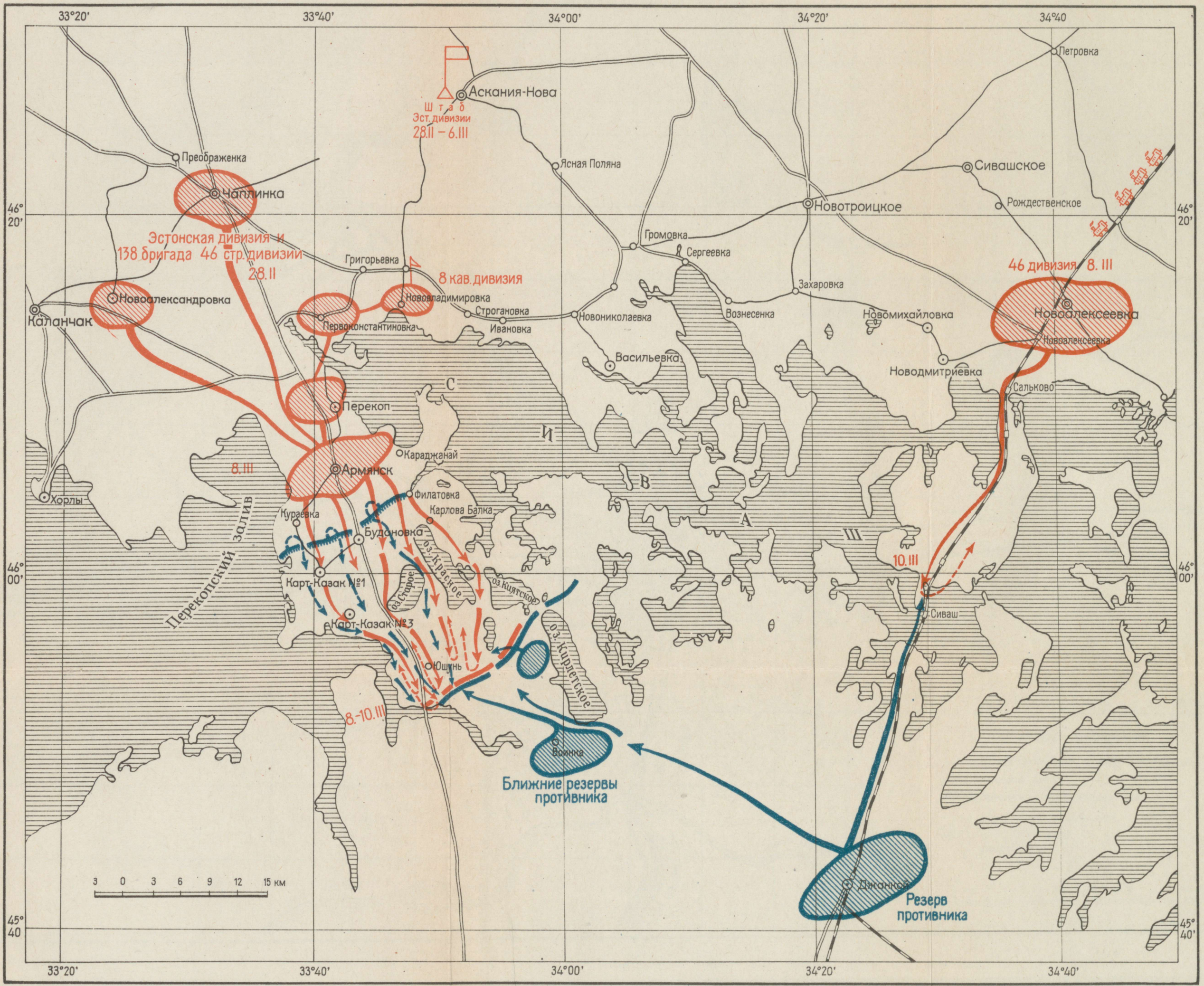
Топлинка

Шебекино

Нежеголь

СХЕМА № 12

Прорыв Эстонской дивизии, 138 бригады 46 стрелковой дивизии и 8 кавалерийской дивизии в Крым (Юшуньская операция) 8 –11. марта 1920 года.



TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00549202 2